

VICTOR SARIANIDI

**NECROPOLIS OF GONUR
AND
IRANIAN PAGANISM**

Moscow 2001

ВИКТОР САРИАНИДИ

**НЕКРОПОЛЬ ГОНУРА
И
ИРАНСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО**

Москва 2001

УДК 902
ББК 53.4
Сар20

Перевод на английский язык *Инны Сарияниди*
English translation by *Inna Sarianidi*

Виктор Сарияниди

Сар20 Некрополь Гонура и иранское язычество (на русском и английском языках). — М.: "Мир-медиа" World media, 2001. — 246 с.

Фотографии: *Patric Chapuis, Александр Джус, Виктор Сарияниди*
ISBN 5-89930-065-5

Открытие раннее совершенно неизвестного древневосточного царства Маргуш в одной из величайших пустынь мира — в Кара Кумах (современный Туркменистан) — до сих пор не до конца осознанный феномен. Великолепие дворцов и храмов, высочайшее ремесло и изобразительное искусство, включающее глиптику и сфрагистику, камнерезное и костерезное дело, художественную бронзу и ювелирные изделия, мелкую пластику и мозаичное искусство уже были охарактеризованы и проанализированы в печати (В. Сарияниди: «Маргиана и Протозорастризм» Афины, 1998 и «Мифы древней Бактрии и Маргианы на печатях и амулетах» Москва, 1998).

Можно считать доказанным, что царство Маргуш было основано индоиранскими племенами, религией которых являлось то самое «иранское язычество», в среде которого родилась первая мировая религия — зороастризм. Почти 200 лет многие специалисты мира безуспешно искали родину зороастризма во многих районах Передней Азии. Но она оказалась в сердце Центральной Азии, вероятнее всего — в Бактрии и Маргиане.

Дополнительные доказательства тому дали широкомасштабные раскопки последних лет городского некрополя Гонур (одного из крупнейших в системе всей Передней Азии конца III — II тыс. до н.э.), площадь которого составляла около 10 гектар и где уже сейчас раскопано более 2500 древних могил. Результатам этих открытий и посвящена настоящая книга. Погребальные приношения и личные украшения похороненных здесь людей поражают своим великолепием. Художественная бронза и торевтика, керамическое, камнерезное и костерезное дело и тончайшая мозаика, ювелирное искусство, глиптика и сфрагистика — все указывает на то, что изобразительное искусство страны Маргуш практически ни в чем не уступало древнему искусству передовых центров тогдашнего мира. Древневосточное царство Маргуш не только представляло собой пятый центр мировой цивилизации, своего рода «Маленькую Месопотамию», но его существование в определенной степени свидетельствует в пользу того, что центр культурной жизни во II тыс. до н.э. частично перемещается из Месопотамии в Центральную Азию.

The phenomenon of excavated and previously totally unknown Margush kingdom of the Ancient East, found in one of the greatest deserts of the world — in the Kara-Kum (contemporary Turkmenistan), has been not fully understood so far. Luxury of its palaces and temples, highest level of development of handicrafts and arts — the latter includes glyptics and sphragistics, stone-cuttings and bone-carvings, artistic bronze and jewelry, pieces of small plastic arts, mosaics — have been already described and analyzed in published works of V. Sarianidi: «Margiana and Proto-Zoroastrianism», The Athens, 1998; «Mify drevney Baktrii i Margiany na pechatyakh i amuletakh» (Myths of Ancient Bactria and Margiana, Depicted on Seals and Amulets), Moscow, 1998.

One can consider it has been proved by now that the Margush kingdom was founded by Indo-Iranian tribes whose religion was «Iranian paganism». The latter gave birth to the first world religion — Zoroastrianism. For nearly 200 years many specialists in the world were searching for Zoroastrianism's motherland in many areas of Near Asia but with no success. And this birthplace happened to be located at the heart of Central Asia, most probably — in Bactria and Margiana.

Additional proofs for this conclusion were provided by large scale excavations of the latest years at the urban necropolis Gonur — one of the largest in the Near Asia at the end of the III and at the II millennia B.C. Area of Gonur is some 10 hectares, and more than 2500 ancient burials have been already excavated there. The present book is devoted to results of these findings. Funeral gifts and personal decorations of the buried strike with their magnificence. Artistic bronze and toreutics, production of ceramics, stone-cuttings and bone-carvings, fine mosaics, jewelry, glyptics and sphragistics — all these achievements show that the fine arts of the Margush country were actually not inferior to ancient arts of the advanced centers of the world in those times. Margush kingdom of the Ancient East was not only the fifth center of the world civilization, i.e. a kind of «Little Mesopotamia». But its existence to some extent suggests that the center of the cultural developments was partially moving from Mesopotamia to Central Asia at the II millennium B.C.

УДК 902
ББК 53.4

ISBN 5-89930-065-5

^a **Sarianidi V.I., 2001, Сарияниди В.И., 2001**
Издательство "Мир-медиа" World media

"Моим стихам, как драгоценным винам
настанет свой черед ..."

М. Цветаева

"My verses, like old vines,
will come to their turn sometimes ..."

M. Tsvetaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	10-11
ГЛАВА 1. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ	12-36
ГЛАВА 2. ЗАХОРОНЕНИЕ ЛОШАДИ	37-43
ГЛАВА 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРИНОШЕНИЯ	44-74
ГЛАВА 4. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ	75-86
ГЛАВА 5. НЕКРОПОЛЬ ГОНУРА и ИРАНСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО	87-96
ЭПИЛОГ	97
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Основные характеристики непогребенных погребений (<i>un situ</i>) некрополя Гонур	98-104
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур	105-132
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Савинецкий А.Б. Определения костей животных из некрополя Гонур	133
ИЛЛЮСТРАЦИИ	134-162
БИБЛИОГРАФИЯ	242-244

CONTENTS

BACKGROUND	163-164
CHAPTER 1. FUNERAL MONUMENTS	165-167
CHAPTER 2. THE BURIAL OF A HORSE	178-183
CHAPTER 3. FUNERAL GIFTS AND PERSONAL DECORATIONS	184-201
CHAPTER 4. FUNERAL RITUALS	202-209
CHAPTER 5. GONUR NECROPOLIS AND IRANIAN PAGANISM	210-217
EPILOGUE	218
APPENDIX 1. Main characteristics of <i>in situ</i> burials at the Gonur necropolis	98-104
APPENDIX 2. Babakov O., Rykushina G.V., Dubova N.A., Vassiliev S.V., Pestryakov A.P., Khodjaiyov T.K. Human skeletal remains from the necropolis of Gonur-Depe	219-240
APPENDIX 3. Savinetsky A.B. Identification of animal bones from the Gonur necropolis	241
BIBLIOGRAPHY	242-244

ACKNOWLEDGMENTS

This book, as well as the archaeological excavations that form its basis, became a reality thanks to financial help, given to the author by the Greek people.

At first, in 1995-1999 the archaeological studies were done with the financial assistance from the Greek Ministry of Culture. Later, starting in the year 2000 and up till now, these works have been going on because of the initiative of the Yanina University, and first of all thanks to energy and academic enthusiasm of Professor Dimitry Glaros.

This invaluable help has been continued by the Greek Pontic societies of the Athens (with F. Stoltidis). In the latest years the «Argonauts of Commotini» society, on the initiative of Christos Galanidis and Pavlos Psomiadis, provided great sponsorship to the author too.

As a result of all these subsidies, it became possible to find out previously totally unknown Antique East kingdom of Margush in contemporary Turkmenistan, i.e. in ancient Margiana that was believed to be visited by Alexander the Great in the Antiquity. During many years of excavations it has been proved that in this presently lifeless Kara-Kum desert highly developed civilization had once flourished, and that this civilization was hardly inferior to advanced centers of the Antique East at the III — II millennia B.C. It was a «Little Mesopotamia», and its excavations reveal more and more new mysteries of the ancient history of this place and of the history of Humankind.

If there were no financial assistance from Greece, the world would remain for a long time ignorant about how marvelous were the palaces and temples, erected by ancient architects, how artistic were the works of local stone-cutters, bone-carvers and jewelers, and how artistic were the bronze artifacts, founded by ancient masters in their workshops.

How it happened that the «Little Mesopotamia», fifth center of the human civilization and supposed birthplace of the first world religion — Zoroastrianism, has been hidden here, in the now lifeless desert among high moving sand dunes? Many of the findings have been done during excavations at the Gonur necropolis, totally financed by Greece and its people.

The author expresses his sincere gratitude to the persons, mentioned above, and to many other unknown, but generous and unselfish «knights of science», without whom the findings could not be possible.

I would be unjust if I were not voicing cordial thanks to my old friends Ann and Ron Garners from California who unselfishly took up the difficult work of editing the English version of this book.

Moscow — Athens, June 25, 2001.
Victor Sarianidi.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга, как и археологические раскопки на основании которых она написана, полностью обязана финансовой помощи, оказанной автору греческим народом.

Сначала, в 1995—1999 г.г. археологические работы проводились при финансовой помощи Министерства Культуры Греции, а затем начиная с 2000 г. и по настоящее время они осуществляются по инициативе руководства Университета в Янине и в первую очередь благодаря энергии и научному энтузиазму проф. Димитрия Глароса.

Эту неоценимую помощь продолжили греческие понтийские общества г. Афин (Ф.Столтидис), а в самые последние годы общество «Аргонавты Коммотини», которое по инициативе Христоса Галанидиса и Павлоса Псомиадиса, оказали большую спонсорскую поддержку автору.

В результате всех этих субсидий удалось открыть в современном Туркменистане, в древней Маргиане (которую, как считается в античную пору посетил Александр Великий) раннее совершенно неизвестное древневосточное царство — страну Маргуш. За время многолетних раскопок удалось установить, что здесь в ныне безжизненной пустыне Кара Кумы процветала высокоразвитая цивилизация, мало в чем уступавшая передовым центрам древневосточного мира в III-II тысячелетии до н.э. Это была «Маленькая Месопотамия», раскопки которой открывают все новые тайны ее древней истории и вместе с этим истории человечества.

Если бы не указанная финансовая помощь Греции, мир еще бы не скоро узнал какие великолепные дворцы и храмы возводили древние архитекторы Маргианы, какие высокохудожественные изделия выходили из рук местных мастеров-камнерезов, костерезов и ювелиров, какую художественную бронзу отливали в своих мастерских древние торевты.

Как оказалось, здесь, в ныне мертвой пустыне, за высокими сыпучими песчаными барханами скрывалась неизвестная миру «Маленькая Месопотамия», пятый центр мировой цивилизации, предполагаемая родина первой мировой религии — зороастризма. Многие из этих открытий были сделаны при раскопках некрополя Гонура, полностью осуществленные благодаря финансовой помощи Греции и ее народа.

Всем вышеупомянутым лицам и многим другим безвестным, но щедрым и бескорыстным рыцарям науки, без которых не были бы сделаны эти открытия, автор приносит искренние благодарности.

Я был бы несправедлив, если бы не выразил свою горячую благодарность моим многолетним друзьям Анн и Рон Гарнер из Калифорнии, взявших на себя бескорыстный и вместе с тем тяжкий труд по редактированию английской версии этой книги.

Москва—Афины, 25 июня 2001 г.
Виктор Сарияниди

ПРОЛОГ

Туркменистан представляет собой северо-восточный форпост древнеземледельческой культуры, где уже в VI тыс. до н.э. местные охотники и собиратели переходят к оседлому образу жизни. На протяжении последующих тысячелетий местные южно-туркменистанские племена, надежно скрытые от остального переднеазиатского мира за скальным щитом высоких гор Копет Дага, развивали свою во многом оригинальную и самобытную культуру, вступая лишь в кратковременные и эпизодические контакты с древнеземледельческими племенами соседнего Ирана. Временами имели место и переселения племен. Предгорья южного Туркменистана, щедро орошаемые водами рек и речушек, стекающих с Копет Дага, издревле привлекали сюда жителей, которые приходили из разных краев и, в первую очередь, из соседнего Ирана. Но контакты племен, которые иногда могли переходить в племенную инвазию, были сравнительно мирными и в целом не носили характера военных действий.

Иная ситуация наблюдается в последних веках III тыс. до н.э. Русские и американские специалисты единодушны в том, что в результате усиления солнечной активности на Ближнем Востоке наступает ксеротермический период, который распространяется на всей территории от Греции до долины Инда (Клименко, Прусаков, 1999. С. 5-18), что в частности послужило, например, причиной гибели Древнего Царства Египта (Bell, 1971, 1975). Наряду с этим, отдельные районы Ближнего Востока (от Анатолии до Иранского плато) эта жесточайшая засуха не затронула. Недостаток воды вынуждает некоторые племена из засушливых районов сниматься с родных мест и отправляться на поиски новых, пригодных для ведения оседлоземледельческого хозяйства мест. Это было длительное многократное расселение племен, когда народы, по удачному выражению И. Дьяконова, медленно «растекаясь», двигались в поисках новой родины. Одни уходили раньше, другие — позже, но всех их, имеющих разные культурные традиции, объединяло одно: принадлежность к общей для них индоевропейской языковой семье, восточную часть которой составляли индоиранцы или иначе арийцы.

Поскольку Малая Азия, Сиро-Палестина и Месопотамия к этому времени были уже давно и плотно заселены древними земледельцами, свободным оставались территории на востоке вплоть до Центральной Азии. В настоящее время есть все основания считать, что примерно из района современного Курдистана и соседних с ним других исторических областей невольные эмигранты двинулись в общем восточном направлении двумя главными маршрутами.

Первый маршрут проходил через приурмийский район северного Ирана вплоть до иранского Хорасана, доказательством чего служат культурные останки верхних слоев таких памятников как Тюренг Тепе и, в особенности, Тепе Гиссар, где материалы Гиссар III резко отличны от нижележащих наслоений Гиссар II-I. Отсюда, из юго-восточного угла Каспия, пришлые племена расселяются в восточном Иране от Гиссара через Шахдад до Тепе Яхья.

Другая часть этих же мигрантов, перевалив через горные проходы Копет Дага, вступает в Южный Туркменистан, смешивается с местными жителями и особенно плотно заселяет бассейн древней дельты реки Мургаб (Маргуш ахеменидских надписей), которая в конце III тыс. до н.э. представляла собой оптимальные условия для занятия земледелием (Sarianidi, 1998). В Южном Туркменистане к тем же археологическим слоям, получившим названием БМАК, следует отнести верхние слои Алтын депе и Намазга Депе (Вышка), а так же Улуг Депе и южный холм Анау. Материал этого горизонта отличен от местного, предшествующего, но зато близок, если не идентичен БМАК.

Еще одна часть родственных племен, но по-видимому несколько позднее, двигалась с той же далекой западной территории далее на восток пока не достигла плодородной Бактрийской равнины, орошаемой водами полноводной реки Балх-Аб. Как в бассейне дельты Мургаба, так и в речной долине Балх-Аба до прихода этих племен оседлоземледельческой жизни не было. Поэтому пришельцы обрели здесь подлинный эдем, настоящий рай для древних земледельцев. Пришлые с запада племена сначала колонизовали южную Бактрию на территории восточного Афганистана, а затем и северную, ныне частично находящуюся в южном Узбекистане и представленную памятниками эпохи бронзы типа Сапалли и Джаркутан, и частично в южном Таджикистане. Ниже будет показано, что дальнейшее продвижение (около середины II тыс. до н.э.) этих же племен на восток документируется

могильниками Свата (северный Пакистан), находящими преимущественные аналогии с Бактрией и Маргианой. Близкое сходство (переходящее в идентичность) культур этих двух исторических областей дало основание к выделению Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса (БМАК).

Второй путь из предполагаемого центра шел вдоль загросских гор на юг до Элама, где пришельцы, задержавшись на некоторое время и восприняв многие черты местной культуры, двинулись затем вдоль Персидского залива и Арабского моря вплоть до Белуджистана. Свидетельством этого, помимо таких памятников как Мехи, Кулли и Мергар, является «кветтский клад», а теперь и результаты раскопок К. Ламберг-Карловским памятника Тор Гхундай, материалы которого находят большее сходство с БМАК (Личное письмо К. Ламберг-Карловского от 23 января 2001 г.).

О масштабах этого перемещения племен можно судить по тому, что памятники БМАК протянулись почти на тысячу километров от южной оконечности Каспийского моря (Гиссар) в одном направлении — вплоть до северного побережья Арабского моря (Яхья) — и еще на такое же расстояние в другом — до Белуджистана (т.е. практически уже на Индийский субконтинент), что дает все основания говорить о подлинно «великом переселении народов».

Уже первые археологические работы сначала в Бактрии (Сарианиди, 1978), а затем в Маргиане (Sarianidi, 1998) со всей убедительностью показали, что памятники БМАК являют нам культуру одного из передовых центров тогдашнего мира и сходную, в первую очередь, с культурой соседнего Ирана. Так, материальная и духовная культура БМАК полностью входит в орбиту культуры Элама (и по-видимому соседнего Луристана), которая в свою очередь обнаруживает вполне ощутимые связи с аккадским и постаккадским периодом Месопотамии. Не исключено, что именно после упадка Аккадского царства, которое совпадает по времени с появлением в Центральной Азии пришлых племен, на последней территории и складывается Бактрийско-Маргианский Археологический Комплекс, т.е. БМАК. Вместе с тем, нет никаких оснований считать, что Элам и соседние области и были тем отправным пунктом, откуда начинается это движение. Монументальные сооружения храмового типа (Тоголок-1, 21, теменос Гонура в Маргиане и Дашлы-3 и Сапалли в Бактрии) точно так же как и светские (дворец северного Гонура) указывают на продолжение традиций монументального зодчества северной Месопотамии, Греции и восточного Средиземноморья, что имеет принципиально важное значение для поисков прародины пришлых племен.

Точно так же практически все находки, сделанные в ходе раскопок в Бактрии и Маргиане, указывают на преимущественные аналогии с предметами из этих же районов, что позволяет счесть северную Месопотамию и окружающие ее исторические области прародиной БМАК. Хотя прародина этих племен пока еще с точностью не установлена, предполагаемая инвазия представляет собой непреложный факт.

Более сложен вопрос об этнической принадлежности мигрантов. Есть все основания предполагать, что племена БМАК представляют собой носителей того самого «иранского язычества», которое вот уже почти 200 лет безуспешно ищут специалисты разных дисциплин во многих районах Евразии. Гипотеза эта была выдвинута ранее (Sarianidi, 1998), но теперь она получила дополнительные доказательства на материалах некрополя Гонура.

Глава 1

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ ГОНУРА

1.1. Погребальные обряды южного Туркменистана в IV–III тыс. до н.э.

Прежде чем обратиться к непосредственной теме, следует дать краткий обзор погребальных обрядов Туркменистана с момента появления здесь оседлоземледельческой жизни. Несмотря на бесспорные успехи в области изучения древнейшей истории этой страны, до сих пор нет ни одного специального исследования погребальных обрядов и пока наиболее полной сводкой публикаций по теме является работа В. Алекшина (Алекшин, 1986).

Первые и самые древние захоронения оседлых земледельцев Туркменистана относятся к неолитической, джейтунской культуре (VI–V тыс. до н.э.) и представлены всего несколькими погребениями. Начиная с этого времени, и вплоть до эпохи средней бронзы жившие здесь племена хоронили своих умерших в пределах родных поселков на заброшенных участках. Встречающиеся в литературе сведения о захоронениях под полами жилых помещений не находят своего подтверждения. Раскопки захоронений показывают, что все умершие хоронились в скорченной позе, на боку, преимущественно с северной ориентировкой и весьма ограниченным набором погребальных приношений (несколько сосудов) и личных украшений (единичные бусинки). Всего в нескольких случаях была отмечена подсыпка охрой.

Для следующей, энеолитической, эпохи, охватывающей все IV тыс. до н.э. (по археологической номенклатуре периоды Намазга I–III), большая часть сведений о погребальных обрядах происходит с двух древнеземледельческих памятников. Для современного центрального Туркменистана это поселение Кара Депе у Артыка, а для восточной части страны — поселение Геоксюр. В самые последние годы были

выявлены и раскопаны погребения этого времени на крайнем юго-западе Туркменистана.

Покойники на Кара Депе погребены в простых могильных ямах, изредка перекрытых сверху кирпичами, в скорченной позе с преимущественно южной ориентировкой. Погребальные приношения включают расписные керамические (много реже каменные) сосуды и личные украшения (бусы, булавки и т.д.). В одном детском захоронении была встречена золотая бусинка, едва ли не самая древняя в Центральной Азии. В позднем энеолите в Кара Депе отмечены единичные прямоугольные, выстроенные из кирпича гробницы, предназначенные для коллективных захоронений, возможно отражая точно такие же традиции погребальных обрядов, характерных для населения восточного Туркменистана (Геоксюр).

На восточных поселениях геоксюрской группы памятников, на протяжении почти всего энеолитического периода умершие хоронились в простых ямах, в скорченном положении в сопровождении керамических (много реже каменных) сосудов, личных украшений, включающих каменные бусы и различные туалетные принадлежности, в том числе медные зеркала (Ялангач Депе).

На позднем этапе энеолитической эпохи вместе с приходом новых племен из юго-западного Ирана (полихромная керамика геоксюрского типа) получают распространения новые погребальные сооружения — «толосы» — круглые гробницы с ложно сводчатыми перекрытиями, выстроенные из кирпича. Они, подобно гробницам Кара Депе, предназначались для коллективных захоронений с последовательным обрядом погребения. Наряду с этим, продолжают бытовать захоронения в простых могильных ямах, традиции чего восходят к неолитической, джейтунской культуре. В этих погребениях покойники хоронились в скорченной позе, без устойчивой ориентации. Погребальные приношения включают

в основном великолепные расписные сосуды, а также каменные изделия (в том числе сосуды), различные меднобронзовые украшения и косметические изделия.

На крайнем юго-западе Туркменистана находится недавно открытая также энеолитическая археологическая культура (условно выделенная как ЮЗТ-VII), обнаруживающая наиболее тесные связи как с Туркменистаном (Хлопин, 1997), так и, в особенности, с северо-восточным Ираном, откуда она, возможно, и ведет свое происхождение.

Уже с самого раннего периода (начала IV тыс. до н.э.) умерших здесь хоронили в коллективных погребальных склепах округлой формы с боковым входом, который затем закладывался камнями. Все покойники (независимо от пола и возраста) лежат на правом боку, в скорченной позе лицом к входу.

В позднем энеолите умерших продолжали хоронить в скорченной позе, лицом или, напротив, спиной к входу в полуподземных склепах с боковым входом, устроенным в специально вырытой яме. На протяжении всего энеолита прослеживается последовательный обряд захоронений.

В последующую эпоху бронзы (культура Сумбар или ЮЗТ-I) умерших хоронили в катакомбах в скорченном положении, на боку, ориентация неустойчивая (Хлопин, 1983). Все погребения имеют индивидуальные захоронения, коллективные погребения пока не отмечены.

Для следующей эпохи — ранней и средней бронзы южного Туркменистана (период Намазга III—IV) на протяжении почти всего III тыс. до н.э. наши основные сведения о древних погребальных обрядах происходят из восточного Туркменистана, где продолжают захоронения как в простых могильных ямах, так и в кирпичных коллективных гробницах с последовательным обрядом захоронения (Хапуз Депе, Улуг Депе, Алтын Депе). Решительное большинство покойников лежат в скорченной позе, головой ориентированы преимущественно на север в окружении погребальной керамики и личных украшений.

На протяжении VI-III тыс. до н.э., т.е. в течение почти трех тысяч лет, древнее население Туркменистана хоронило своих умерших в ямных могилах, в скорченной позе, в целом без устойчивой ориентации в сопровождении керамики, меднокаменных украшений и косметических принадлежностей.

В конце IV тыс. до н.э. вместе с появлением в восточном Туркменистане древних племен с полихромной керамикой т.н. «геоксюрского типа» распространяются новые, ранее неизвестные

здесь погребальные обряды, когда покойников хоронят в коллективных, кирпичных гробницах.

Совершенно иная ситуация наблюдается в последних веках III тыс. до н.э., когда на большей части Туркменистана (от могильника Тахта-Базара до могильника Янги Кала) появляется большое число новых пришлых племен. Хотя и не очень четкие, но следы их появления отмечаются на таких памятниках как верхние слои южного холма Анау, Улуг Депе, Намазга Депе, Алтын Депе и, в особенности, на полностью относящемся к этому периоду — Теккем Депе. Пришлые племена принесли с собой и новые погребальные обряды и традиции, свидетельства чего имеются почти на всех упомянутых памятниках. Характерным признаком новых погребальных обрядов является устройство некрополей рядом, но вне пределов поселений. Описанию такого, наиболее показательного и полно изученного памятника — некрополя Гонура — и посвящена эта работа.

1.2. Проблемы хронологии

Одним из самых характерных некрополей и вместе с тем наиболее полно изученным является некрополь Гонура представляющий собой грунтовый могильник, расположенный в 200 м. к западу от столичного города Гонур. На современной поверхности до начала раскопок некрополь никак выражен не был, и место его нахождения представляло собой обычный ровный такыр без каких-либо надмогильных сооружений. Перемежающиеся слои песка очень рыхлой консистенции и глины составляли материк, в котором были вырыты могилы, что обусловило плохую сохранность многих из них, стенки которых обрушились еще в древности. В 1992 г. через территорию некрополя была проложена трасса водоканала, в результате чего были выявлена и частично разрушена часть могил некрополя. Поскольку в то время основные работы Маргианской Археологической Экспедиции были сосредоточены на раскопках дворца северного Гонура (Сарианиди, в печати), исследование некрополя было поручено итальянской части МАЭ (Научно-Исследовательский Институт Лигабуэ, Венеция), которую представляли археологи С. Сальватори и D. Usai, а также Г. Росси-Осмида. Результаты этих работ нашли свое отражение в ряде статей (Salvatori, 1993, 1994, 1995). Здесь же отметим, что в реставрационно — консервационных работах погребальных приношений неоценимую помощь экспедиции оказал реставратор Г. Росси-Осмида.

В 1996 г. к этим работам подключилась Маргианская Археологическая Экспедиция при активном участии туркменистанских археологов Б.Удеумуратова и Э.Атаевой, а также антрополога О.Бабакова. В 2000 г. в работах экспедиции приняли участия антропологи Н.Дубова, С.Васильев и Т.Ходжайов.

Прежде чем обратиться к результатам раскопок некрополя Гонура, следует остановиться на проблеме хронологии. Уже при обосновании выделения БМАК, автором данной работы было предложено относить время появления первых поселенцев в древней дельте Мургаба к самому началу II тыс. до н.э. В противоположность этому, многие исследователи, в первую очередь представители западноевропейской науки, склонны были относить это событие к середине III тыс. до н.э. (П.Амье и др.) С накоплением все нового материала и, особенно, в связи с раскопками некрополя Гонура, авторы пересмотрели свои представления о хронологических рамках существования БМАК. Сейчас практически все исследователи пришли к единодушному мнению, что колонизация Бактрии и Маргианы относится к последним векам III тыс. до н.э. Доказательством этому служит и серия радиоуглеродных дат (Гиберт, 1994. р. 170–180).

Датирование по C^{14} было проведено, благодаря любезности и спонсорской помощи как американских (К.Ламберг-Карловский, Пибоди Музей, США), так и в особенности итальянских (в первую очередь Д.Лигабуэ — президента Научно-Исследовательского Института Лигабуэ), а также финских коллег А.Парполы и Х.Юнгера (Сарианиди, 1994. С.11). В настоящее время зафиксированные тогда даты могут быть дополнены абсолютными датировками образцов, происходящих из раскопок могил некрополя Гонура, полученными, благодаря любезному содействию Дж.Лигабуэ в Исследовательской Археологической Лаборатории Оксфордского Университета.

1.3. Общая характеристика некрополя

Некрополь Гонура занимает площадь около 10 гектар и является одним из самых крупных могильников III–II тыс. до н.э. в Центральной Азии (Рис.1). Судя по частоте расположения могил, в некрополе было погребено свыше 2500 умерших. Могилы располагаются не равномерно, а своеобразными группами, отделенными друг от друга небольшими пустыми участками, не образующими какую-либо определенную систему (Табл.11, № 1, 2). В двух случаях на таких, не занятых

могилами участках, было встречено два небольших, особой конструкции очага, разделенных внутри невысокой стеночкой на две камеры расположенные рядом, по горизонтали. Стенки и пол меньшей из камер сильно обожжены, представляя собой топку, в то время как большая, несущая слабые следы огня, который заходил сюда из топки, — «духовку». Нет сомнений, что низкая перегородка между камерами была сделана для того, чтобы в первой огонь из топки мог касаться пищи (предположительно жертвенного мяса), находившейся в «духовке», что в полной мере согласуется с древнеиранскими обрядами жертвоприношений. Думается, что устройство таких, хотя и небрежно вылепленных, но, тем не менее, специальной конструкции очагов было напрямую связано с поминальными жертвоприношениями в память умерших.

Об этом же говорят и т.н. «поминальные лунки», зафиксированные на древней дневной поверхности наверху некоторых, преимущественно шахтных могил. В массе своей поминальные лунки группируются на окраине некрополя и представляют собой небольшие ямки (диаметром 30–50 см, глубиной не свыше 25 см). Все они, как правило, обожжены изнутри (так, что не только дно, но и стенки имеют красный цвет), причем на полу всегда имеется слой золы. Ни в одном случае ни одна такая «поминальная лунка» не содержала никаких костей или погребальных приношений, так что «поминальное» назначение их представляется наиболее вероятным.

Большинство захороненных на некрополе — взрослые (от юношеского до старческих возрастов). Детские погребения практически отсутствуют. Новорожденные и дети раннего возраста, скорее всего, хоронились в особом месте, как это было установлено для более позднего, чем некрополь, могильника, устроенного на руинах дворца северного Гонура. Единичные детские захоронения отмечены либо в парных, либо в ямных погребениях.

Характерной чертой некрополя Гонура является поливариантность погребальных обрядов, что в первую очередь выражается в существовании разных типов погребальных сооружений.

Преимущественное трупоположение умерших — на правом боку, что хорошо видно из табл. I. Из общего количества потревоженных грабителями могил лишь в 70 (что составляет 4,3% от их общего числа) покойники были погребены на левом боку, причем их ориентация практически полностью соответствует захороненным на правом боку (табл. II), совершенно отсутствуют костяки, ориентированные на В-СВ, что типично для гонурского некрополя.

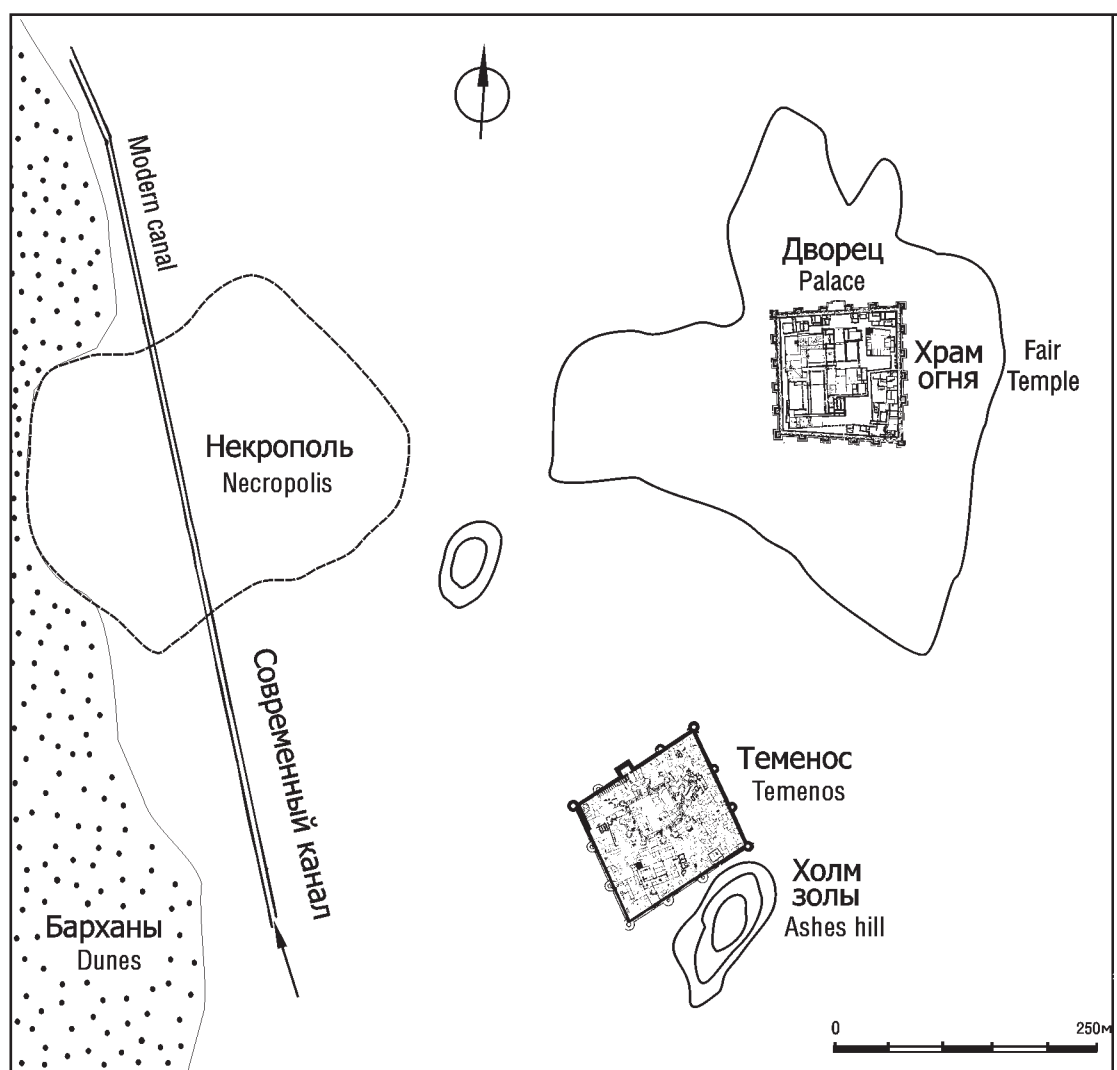

Рис. 1. Гонур Деде. Схема расположения памятников. Gonur Depe. Situation plan.

Таблица I

Труположения покойников некрополя Гонура

На правом боку	79,0%
На левом боку	11,0%
На спине	8,5%
На животе	1,5%

Таблица II

Ориентации покойников лежащих на левом боку

Ориентация головы	Число погребений	%
СЗ С	25	36
С СВ	15	22
СЗ З	12	17
ЮЗ З	6	9
Ю ЮЗ	5	7
Ю ЮВ	4	6
ЮВ В	2	3

Вместе с тем, скелеты, лежащие на левом боку, почти в 20% случаев встречаются в парных

и групповых захоронениях. Никакой связи между конструкцией могил и положением костяка на левом боку не прослеживается: такое положение встречается как в ямных, шахтных могилах, так и в цистах с камерами-склепами. Полностью отсутствуют костяки, ориентированные на В-СВ, что в целом типично и для покойников лежащих на правом боку.

1.4. Погребальные сооружения некрополя Гонура

В настоящее время в некрополе вскрыто 2323 могилы (без учета могил, вскрытых в начале раскопок некрополя Гонур итальянскими археологами), которые подразделяются на несколько основных типов (табл. III).

Таблица III

Встречаемость разных типов могил на некрополе Гонура

Шахтные (подбойные)	75,0%
Ямные простые	14,2%

Ямные обоженные	5,8%
Цисты	2,5%
Камерные гробницы	2,5%

При всем разнообразии типов могильных сооружений, захоронения имели и общие черты. После того, как могила была полностью вырыта и готова для захоронения, в подбой помещался покойник. Судя по находкам меднобронзовых булавок (предназначенных, наиболее вероятно, для закалывания одежд), покойника, по-видимому, хоронили в одеждах, как правило (за единичными исключениями), — в скорченном положении, на боку, с согнутыми ногами и сложенными перед грудью руками («в позе спящего»). В единичных случаях погребенные лежат на спине и очень редко — предположительно на животе (табл. I). Попытки объяснить «нетрадиционные» позы захоронения половозрастными причинами не дали положительных результатов.

Независимо от пола и возраста почти все покойники лежат спиной ко входу (в подбой или в камеру), а учитывая преимущественно северную ориентацию умерших (свыше 80%, табл. IV), практически все они лежат на правом боку.

Таблица IV

Ориентация захороненных		
Север–Северо	Запад	70,4%
Северо–Запад	Запад	9,47%
Север–Северо	Восток	13,73%
Северо–Восток	Восток	0,19%
Восток–Юго	Восток	0,38%
Юго–Восток	Юг	1,93%
Юг–Юго	Запад	1,00%
Юго–Запад	Запад	2,90%

Хотя результаты антропологического изучения костных материалов приведены в конце книги (Прилож. 2.), отметим, что средняя продолжительность жизни взрослого населения, захороненного на некрополе составила 36,6 лет, у мужчин — 35,7 лет, у женщин — 37,1 лет; а максимальная продолжительность жизни у обеих полов достигала 70 лет.

Подавляющее большинство захоронений — одиночные (табл. V). Среди парных — большинство составляют захоронения женщин и детей. Все парные и тройные захоронения встречены только в ямных могилах.

Таблица V

Типы захоронений

Одиночные	91,0%
Парные	4,0%
Тройные	1,0%
Кенотафы	3,4%
Фракционные	0,5%

Свыше 80% могил некрополя были ограблены еще в древности вскоре после погребения умерших, т.к. грабители хорошо знали расположение погребальных приношений. Кроме того, на юго-восточной окраине некрополя часть разграбленных могил времени Намазга V оказалась перекрытой возникшим на этом месте кварталом гончаров времени Намазга VI, что впервые было установлено С. Сальватори (Salvatori, 1995) и подтверждено последующими раскопками.

ШАХТНЫЕ МОГИЛЫ

Наиболее распространенный тип погребальных сооружений, составляющий свыше 75% от всех раскопанных (Табл. 11, № 3, 4, 5). Шахтные (или иначе подбойные) могилы представляют собой вертикально вырытые прямоугольные или овальные в плане колодцы. Глубина их колеблется от одного до двух метров (в единичных случаях полметра и даже менее). В подавляющем большинстве случаев внизу такой вертикальной шахты, в ее западной части устроен боковой, овальной формы подбой, пол которого находится либо на одном уровне с дном шахты, либо на 15–25 см ниже, и тогда образуется своеобразный «уступ». Как правило шахта всегда имеет значительно большую ширину, чем подбой, что является характерным признаком ранних шахтных могил (Табл. 11, № 5). В более поздних (Джаркутан, могильники Бишкентской культуры и др.) шахты, наоборот, по ширине всегда меньше, чем подбой.

Решительное большинство погребальных приношений располагалось около головы, после чего вход в подбой наглухо закладывался кирпичами. Чаще всего такие закладки состояли из одного (редко двух) рядов кирпичей, поставленных на торец. В единичных случаях делались более сложные закладки: либо в виде кирпичной «коробки», либо кирпичного полусвода. Эти закладки плотно примыкали к стенке могилы, полностью закрывая собой вход в подбой (Рис. 2.). В редких случаях на дно шахты ставились один — два керамических сосуда, а в шахты могил особо выдающихся лиц (как например, жреца, погр. 1500) — каменные «миниатюрные колонки», «гири», «посохи» и др. предметы (Рис. 3.).

После завершения всех погребальных риту-

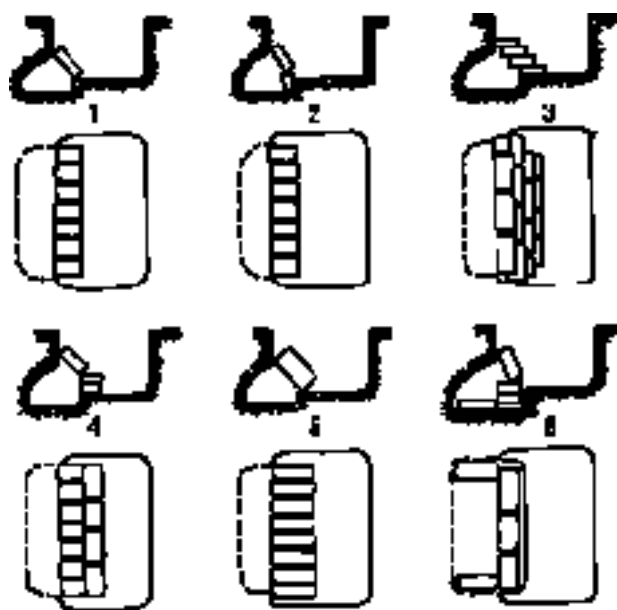

Рис. 2. Типы шахтных могил. Types of shaft graves.

алов шахта засыпалась землей (вероятнее всего, полученной в результате рытья могилы) так, что наверху должен был образовываться земляной холмик из насыпной земли, отмечающий место новой могилы. Дополнительным доказательством этому может служить следующий факт: несмотря на то, что могилы в некрополе часто расположены чрезвычайно близко друг к другу, они практически не нарушают одна другую (исключая т.н. обожженные могилы).

В большинстве могил к моменту проведения раскопок кости скелетов находились не в анатомическом порядке, а были разбросаны как в самом подбое, так отчасти и в грабительских лазах, вплоть до древней дневной поверхности. Вместе с тем, имеются шахтные могилы, где анатомический порядок костей скелета практически не нарушен, а потревоженными оказались лишь черепа и отчасти кости грудной клетки, где располагалась основная часть погребальных приношений. Эти и другие наблюдения дают основания предполагать, что в зависимости от степени разложения трупов, грабители либо просто обирали их, не нарушая скелетов, либо, напротив, «разбирали» сильно разложившиеся к тому времени скелеты, нередко выбрасывая кости в грабительские лазы и даже наверх, на древнюю дневную поверхность.

Примерно 10% шахтных могил практически не сохранили скелетов и даже отдельных костей от них. В таких могилах было зафиксировано так называемое «костяное крошево», т.е. смесь единичных мелких косточек — фаланг пальцев, отдельных позвонков, зубов с мелкими костяными отщепами и «костяной пылью». Скорее всего, скелеты

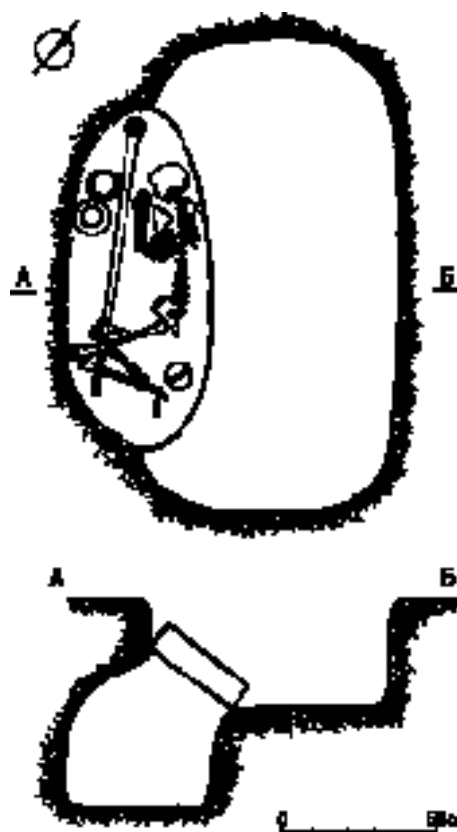

Рис. 3. Погребение 1500 с «посохом», «миниатюрной колонкой» и свинцовым кругом.
Burial 1500 with «scepter», «miniature column» and lead «ring».

из таких могил (после их полного разложения) изымались со своих мест и вместе с погребальными приношениями переносились в другие могилы, о чем более подробно будет сказано ниже.

Погребальные приношения и личные украшения в шахтных могилах, исключая керамические сосуды (которые в массе своей ничем не отличаются от обычной бытовой утвари), достаточно четко подразделяются на «мужские» и «женские» наборы, которые подробно будут описаны ниже.

Шахтные могилы точно того же типа, что и в Маргиане были широко распространены в Бактрии, что вполне объяснимо, учитывая общность происхождения населения. Документальным доказательством тому для северной Бактрии служат могильники типа Сапалли и Джаркутан (Аскаров, Ширинов, 1993). В южной Бактрии — на территории Афганистана — научные раскопки грунтовых могильников, стоящих рядом с поселениями, практически не производились. Поэтому все наши сведения ограничиваются раскопками ямных могил, осуществленных в руинах самих заброшенных к тому времени поселений, таких как Дашлы-1 и Дашлы-3 (Сарианиди, 1977). Наряду с этим, известны грунтовые могильники, расположенные рядом с поселениями, к которым они относятся, состоящие из

шахтных могил (Сарианиди, 1976. с. 51-54, рис. 30-31). В тех случаях, когда это можно было определить, могилы сохранили кирпичные закладки входов в подбои, в которых практически все скелеты лежат на правом боку с преимущественно северной ориентацией. Как видно, погребальные обряды Бактрии и Маргианы практически идентичны между собой, лишней раз подтверждая общность происхождения населения.

В соседнем восточном Иране шахтные могилы с точностью не зафиксированы, однако есть косвенные основания предполагать их существование в районе Кермана, в могильнике Шахдад. Хотя в процессе естественной дефляции многие могилы здесь оказались практически развееванными и находились почти на современной дневной поверхности (лучше сохранившиеся располагаются на глубине всего до 0,5 м.), некоторые из могил сохранили кирпичные закладки, близко напоминающие закладки подбоев шахтных могил Маргианы (Nakemi, 1997, fig. 48. p. 213, 215). Если к этому добавить близкое сходство, а в ряде случаев идентичность погребальных приношений, то близость погребальных сооружений Шахдада и Гонура приобретает веские доказательства.

Далее в западном от Ирана направлении шахтные могилы пока не обнаружены, зато они были популярны у населения, жившего по среднему течению Евфрата, где определяются как элитарные, распространившиеся здесь в результате аккадской коммерческой деятельности (Carter, Parker, 1994. p. 113). Вместе с тем, высказано предположение, что они могут иметь и местное северосирийское происхождение, восходя к шахтным могилам упрощенного типа, наподобие описанных в Селенкайя (Carter, Parker, 1994, p. 114).

Самые древние из известных шахтных могил, нередко с 3-4 подбоями катакомбами известны в Палестине, начиная с рубежа IV-III тыс. до н.э. (если не ранее). Затем такого типа захоронения фиксируются на обширной территории всего Ближнего Востока. Наряду с индивидуальными, здесь практиковались и фамильные коллективные захоронения, предполагающие подзахоронения (Ben-Tor, 1992. p. 139.), которые до определенной степени напоминают погребальные обряды некрополя Гонура.

Хотя шахтные могилы достаточно широко распространены по всей Евразии и отражают вполне естественное стремление человека по возможности максимально оградить своих родичей от их осквернения, есть веские основания считать, что шахтные могилы некрополя Гонура имеют общее западное происхождение, и восхо-

дят, в конечном счете, к погребальным сооружениям шахтного типа, ранее широко распространенных в Сиро-Палестинском и отчасти в Анатолийском регионах.

ЯМНЫЕ МОГИЛЫ

Эти типы могильных ям (Табл. 11, №6) составляют около 20% от всех раскопанных в некрополе Гонура. Они представляют собой обычные подпрямоугольной или округлой формы ямы площадью от 0,30 до 1,20 м² и глубиной от 30 до 120 см, вырытые в материковом грунте, (грунтовые могильные ямы). Судя по всему, ямные могилы грунтового типа принадлежали наиболее бедным слоям древнего населения Маргианы. Хотя покойники в них захоронены традиционно в скорченном положении, ориентация погребенных неустойчива. Только в таких ямных могилах встречены парные и несколько тройных захоронений, в которых кости скелета, правда, сохраняют правильное анатомическое расположение.

Нередко ямные могилы располагаются на «неудобных» участках некрополя, где материк представляет собой сплошной песчаный, очень рыхлый слой. Поэтому почти все могилы в этом месте осыпались и полностью разрушились уже вскоре после захоронения в них покойников. Часть могил к моменту раскопок располагалась практически на современной дневной поверхности, под дерновым слоем. Глубина ямных могил обычно составляет от 10 до 30 см и лишь в единичных случаях достигает величин около одного метра. Показателен и общий бедный набор погребальных приношений в этих могилах, состоящий (в лучшем случае) только лишь из нескольких керамических сосудов и практически полностью исключающий предметы туалета и украшения. Только в ямных погребениях встречаются безинвентарные захоронения, которые составляют 20% от их общего числа, поэтому нельзя исключить, что в дальнейшем в системе всего некрополя Гонура удастся выделить специальные «могилы бедняков».

Лишь в одном ямном погребении было встречено 7 сосудов, бронзовое зеркало, косметическая палочка и печать (погр. 333) а в другом — миниатюрная модель серебряного сосуда, серьга, булавка, зеркало, керамический сосуд и бузина (погр. 601). Следует отметить к тому же, что большинство обнаруженных предметов представляет собой больше личные украшения, чем погребальные приношения.

ОБОЖЕННЫЕ ЯМНЫЕ МОГИЛЫ

Среди общего количества раскопанных обоженных могил 135 (5,8% от общего числа вскры-

тых могил некрополя и 29% от общего количества грунтовых могильных ям) составляют округлые или подпрямоугольные, со сплошь прокаленными до красна стенами и черными полами т.н. обожженные могилы. Глубина их варьирует от 35 до 120 см (много реже). Большая часть таких обожженных могил пустые, без остеологического материала, в других обнаружены лишь разрозненные кости человеческих скелетов и меньше всего погребений с целыми костяками (табл. VI).

Таблица VI

Распределение обожженных могил по обнаруженным останкам

Без антропологического материала	102	75%
С разрозненными костями	18	14%
С целыми костяками	15	11%
Всего	135	100%

Как следует из таблицы VI, примерно 25% обожженных ям или их четверть содержат костные остатки, причем либо фрагменты скелетов, либо скелеты с различными патологическими отклонениями, либо скелеты, находящиеся в «нетрадиционной позе», причины чего будут рассмотрены ниже.

В тех случаях, когда это можно было проследить, чернообоженные полы таких могил резко контрастируют с краснообоженными стенками и, как правило, засыпаны сверху слоем песка толщиной до 20–25 см. Еще выше до самой дневной поверхности идет засыпка от разрушившихся стен, включающая краснообоженные кусочки от обвалившихся стенок. Иначе говоря, создается впечатление, что обожженные могильные ямы изготавливались заранее и после обжига изнутри дно их присыпалось слоем песка (во избежание возможного осквернения). Пустая могила, видимо, была перекрыта сверху легким перекрытием. Косвенным доказательством этому служит тот документально установленный факт, что хотя и не многие, но встречены краснообоженные ямы, частично нарушенные другими погребениями, что практически неизвестно для обычных захоронений, которые, скорее всего, отмечались на дневной поверхности намогильными холмиками.

В момент захоронения покойников «консервационный» слой песка убирался и в яму опускался покойник. Доказательством этого служит тот факт, что кости (когда они имеются) всегда без исключения покоятся непосредственно на чернообоженном полу, а не на слое насыпного песка.

В двух таких, лучше сохранившихся обожженных могилах, содержавших костяки, удалось проследить частично сохранившиеся «арочные перекрытия», также краснообоженные изнутри, что однако требует дальнейшей конкретизации и наблюдений на новом фактическом материале.

Наряду с этим, известны краснообоженные ямы, в стенке которых был устроен подбой, содержавший еще одно захоронение (например, погр. 1858 со скелетом мальчика).

На северной окраине некрополя была обнаружена расширяющаяся книзу яма около двух метров глубины, заполненная чистым пеплом без каких либо других включений, который близко напоминает по консистенции и цвету золу на полах обожженных могил. Высказано вполне обоснованное мнение, что в яму ссыпали золу, образовавшуюся в процессе обжигания таких могил и «поминальных ямок».

Более сложен вопрос: кому же принадлежали обожженные ямные захоронения? Костные останки из обожженных могил заслуживают особого интереса. По определению палеозоологов, в тех случаях, когда это можно было определить эти костные останки принадлежали как человеку, так и животным (в одно случае предположительно ягненку, во всех других — собакам). По единодушному определению антропологов в значительной части таких обожженных могил (не менее чем в пяти) оказались захороненными индивидуумы с разными видами физических недостатков и, в том числе, два карлика, о чем более подробно сказано в Прилож. 2.

В первую очередь следует упомянуть скелет взрослого человека, но с сильно укороченными и искривленными костями конечностей (карлик) (Табл. 11, №7). В другой обожженной могиле так же был обнаружен карлик, лежавший в подбое в обычной скорченной позе на правом боку. В третьей обожженной могиле внизу, сбоку было сделано небольшое углубление наподобие подбоя, в котором в обычной скорченной позе, на правом боку захоронен ребенок, череп которого практически не сохранился. Рядом с ним находилось несколько фрагментов от сосуда и бронзовая булавка-заколка. На дне этой могилы, на слое золы находились разрозненные кости собаки.

Также в обожженной могиле (погр. 1413) располагался мужской скелет возраста 25 лет, находившийся в момент расчистки в необычном положении: спиной он был как бы прислонен к стенке могилы, причем верхняя часть его корпуса (грудная клетка) была развернута и находилась под углом к поясничному отделу позвоночника

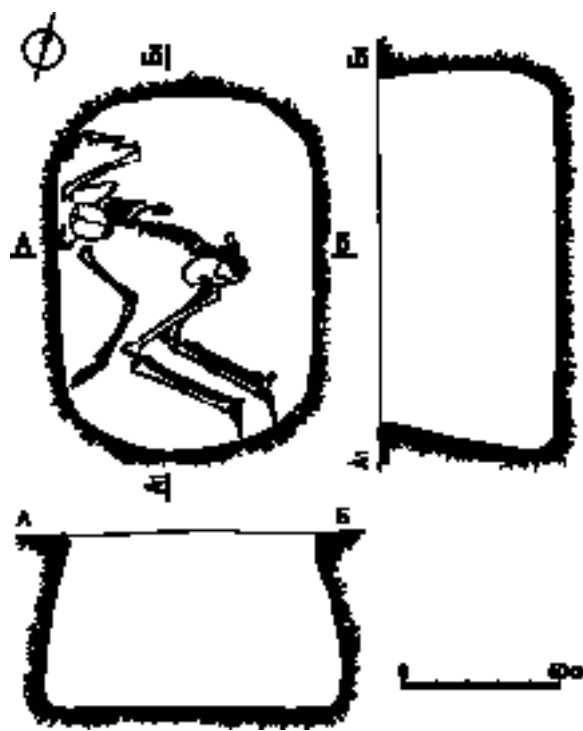

Рис. 4. Обожженная ямная могила 1413.
Burned pit grave 1413.

и тазу (Табл.1, №3). Руки также находились в неестественном положении: левая была откинута в сторону в слегка согнутом состоянии, а правая как бы упиралась в стенку могилы. Череп находился под углом к нижней челюсти, которая примыкала к стенке могилы. По мнению антропологов из Института этнологии и антропологии РАН такая необычная поза, возможно, связана с тем, что тело умершего человека было обнаружено не сразу после смерти, и оно уже успело в сильной степени закорчиться, что не позволило придать ему обычную скорченную позу (Рис. 4).

С другой стороны, не исключено, что могила оказалась меньших размеров, чем сам покойник, что и заставило «затискивать» тело в нее, поместив не на полу могилы, а как бы по диагонали, прислонив к стене могилы. Возможно, на это же намекает сломанная локтевая кость правого предплечья (лучевая кость целая). Если бы перелом произошел незадолго до смерти индивида, положение костей, в том числе и обломков сломанной кости, значительно больше отличалось бы от анатомического.

В погр. 2171 скелет находился также в «нестандартной» позе: он был прислонен к стене с широко расставленными согнутыми в коленях ногами и разведенными руками, кисти которых лежали на тазовых костях.

В погр. 370 общей площадью не более 0,5 м² был буквально втиснут человек очень маленького роста. Он находился также на спине на спе-

циальной зольной прослойке также с расставленными в стороны и согнутыми ногами. Череп человека характеризуется необычно узкими орбитами, что говорит о том, что при жизни он имел узкоглазое до уродливости лицо. В этой обожженной яме позже был сделан подбой.

Еще в одном погребении на дне в «шахте» находились лишь разрозненные кости взрослого индивида, а в подбое — полный скелет ребенка возраста около 2 лет. Ребенок был инвалидом: в результате патологически сильного разрастания мозжечка он страдал батрокефалией, имел специфически измененную затылочную часть мозгового отдела черепа и был умственно отсталым (Табл. 1, № 1; 11, № 8). Данная патология — врожденная, продолжительность жизни батрокефалов очень незначительная, все они умирают в раннем детском возрасте.

Примерно в трети всех обожженных могил были встречены лишь единичные фрагменты керамики, которые, вряд ли, можно отнести к погребальным приношениям. Лишь в двух могилах были обнаружены 2-3 целых, но очень невзрачных сосуда. Таким образом, есть все основания считать, что решительное большинство таких могил являются безинвентарными, что явно не случайно и резко выделяет их среди всех остальных погребений некрополя Гонура (табл. VII).

Тот факт, что почти половина всех обнаруженных обожженных ямных могил группируется на окраине некрополя и включает захоронения людей, которые при жизни отличались явно выраженными физическими недостатками (карлики, батрокефал, безрукие и др), дает право предполагать преднамеренное погребение их отдельно ото всех остальных покойников. Не исключено, что среди погребенных в такого типа могилах могли оказаться и умершие, со скрытыми физическими недостатками, страдавшие при жизни не столь ярко выраженными внешними дефектами (например, психически больные, бездетные или рожавшие мертвых детей женщины и т.д.). Думается, что все такие люди еще при жизни считались «нечистыми» и именно поэтому могли хорониться на окраине городского кладбища в предварительно обожженных изнутри, «очищенных» могилах — во избежание осквернения стихии земли трупной скверной. Возможность такой интерпретации подобных обожженных могил получило свою поддержку и со стороны антропологов.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в единичных обожженных могилах были встречены кости собак, покоившиеся на специальной зольной подсыпке. В погр. 1939 целый скелет собаки лежал на зольной посыпке (Табл. 1, № 4;

Таблица VII

Характеристика погребений в обожженных ямах

№ п/п	№ погр.	Описание костных останков	Площадь (м ²)	Глубина от дневной поверх. (см)	Пол и возраст	Погребальный инвентарь	Следы прокалывания дна могильной ямы
1	189	Фрагменты черепа и нижняя челюсть человека	0,48	93	?	Фрагменты 4-х керамических сосудов	
2	250	4 фрагмента зубов человека	0,63	42	?	Нет	
3	258	Скелет ягненка (?) на левом боку, головой на ССВ	0,48	36		Фрагменты 1-го керамического сосуда	
4	275	Два мелких фрагмента костей человека	0,51	45		Фрагменты 2-х керамических сосудов	
5	370	Скелет человека в скорченной нестандартной позе на спине, головой на ВВЮ	0,42	28	М., 35 40 лет	Фрагмент 1-го керамического сосуда	
6	376	Крошево из костей человека	0,45	23	?	Нет	
7	447	Скелет человека в скорченной позе на правом боку, головой на ССЗ	0,64	40	Р., 10 12 лет	2 керамических сосуда у затылка захороненного	
8	471	Разрозненные кости скелета человека	0,39	40	Взрослый	Нет	
9	767	Скелет человека в скорченной позе на правом боку, головой на В	0,30	23	Р., 5 6 лет	Нет	
10	861	Три мелких фрагмента костей скелета человека	0,61	50	Взрослый	Фрагменты 3-х керамических сосудов	
11	901	Один зуб человека	0,30	45	Р., 7 8 лет	Нет	+
12	905	Разрозненные фрагменты костей скелета человека	0,37	46	Ж., 20 25 лет	Фрагменты 1-го керамического сосуда	
13	907	Скелет человека в скорченной позе на левом боку, головой на ВВЮ. Кости верхних конечностей отсутствуют	0,91	38	Ж., 15 16 лет	Нет	
14	913	Несколько фрагментов костей скелета человека на полу	0,45	70	Взрослый	Фрагмент 1-го керамического сосуда	+
15	1017	Череп и длинные кости нижних конечностей человека (анатомический порядок нарушен)	0,52	70	Ж., 30 35 лет	Фрагмент каменного изделия (лощило)	+
16	1075	Два черепа человека	0,28	57	Ж., 25 30 лет; Ж., 30 35 лет	Фрагменты 1-го керамического сосуда	
17	1141	Скелет карлика в скорченной позе на правом боку, головой на ЗЗС	0,48	34	М., 30 35 лет	Нет	—
18	1172	Отдельные кости скелета собаки и человека	0,97	120	Р., 8 9 лет	Фрагмент 1-го керамического сосуда и бронзовая заколка у изголовья	
19	1176	Один зуб человека	0,37	65	?	Фрагменты 3-х керамических сосудов	
20	1192	Череп и разрозненные кости скелета человека	0,44	65	Взрослый	Нет	
21	1413	Скелет человека в нестандартной позе	1,01	60	М., 20 25 лет	Фрагменты 3-х керамических сосудов	

Рис. 5. Захоронение собаки. Обоженная яма Погр. 1939.
Grave of the dog. Burned pit grave 1939.

10, № 8), что, учитывая важную роль этого животного у древних иранцев, явно не случайно (Рис. 5).

Ямные могилы как погребальные сооружения настолько просты по своему устройству и настолько широко распространены по всему древнему миру, что нет необходимости искать истоки их происхождения.

В целом же, принимая во внимание простейшее устройство погребальных сооружений (яма) и чрезвычайно ограниченный набор погребальных приношений и личных украшений, думается, что похороненные в них люди при жизни составляли преимущественно беднейшую часть местного маргианского общества.

ЦИСТЫ

В противоположность шахтным и ямным могилам цисты представляют собой кирпичные погребальные сооружения, составляющие около 2,5% от всех вскрытых захоронений некрополя Гонура. Решительное большинство их наземные, прямоугольной формы со сводчатыми перекрытиями. Сами своды представляют собой два наклонно поставленных навстречу друг к другу кирпича 44(42)·24(22)·12(10) см, между которыми располагается горизонтальный «замковый» кирпич (Рис. 6).

Как правило, цисты не имеют входов и рассчитаны были на одноразовое (а не многократное, последовательное) захоронение покойника. Лишь в одной цисте (погр. 485) встречено было парное захоронение мужчины 35-40 лет и ребенка.

Все покойники (как мужчины, так и женщины) помещались в цисту в обычной скорченной позе, землей не засыпались, а находился в пустоте. Возможно не случайно, решительное большинство цист располагается в юго-восточной ча-

сти некрополя, до определенной степени напоминая аналогичную ситуацию, отмеченную для могильника Тоголок-24, где цисты составляют достаточно компактно расположенную группу (Sarianidi, 1998. Fig.31).

Хотя практически все цисты оказались ограбленными, в одной из них, избежавшей этой участи (погр. 560), сохранились богатые погребальные приношения, среди которых выделялись личные украшения, включающие, в частности, золотые изделия. Есть все основания считать, что погребенные в цистах покойники при жизни занимали достаточно высокое положение в местном обществе, хотя, возможно, и не такое как аристократы, погребенные в камерных гробницах, о чем подробнее будет сказано ниже.

Самые ранние цисты, относящиеся к III тыс. до н.э., построенные из каменных плит и рассчитанные на одного умершего (включая и детей), зафиксированы в памятниках, расположенных по среднему течению Евфрата (Тилмен, Кархемиш, Барсип, Лидар), и в целом совпадают с зоной распространения как шахтных могил, так и, по-видимому, камерных гробниц. Отсюда эти типы погребальных сооружений могли вместе с миграцией племен, использовавших этот обряд захоронения, распространиться далеко в общем восточном направлении вплоть до Центральной Азии и, в частности до Маргианы.

КАМЕРНЫЕ ГРОБНИЦЫ

Если шахтные и, особенно, ямные захоронения достаточно широко были распространены на большей части Передней Азии, то камерные гробницы представляют собой уникальные, погребальные сооружения столь четко выраженные в системе всего Ближнего Востока пока только в некрополе Гонура. Выделяются несколько вариантов таких погребальных сооружений, главным и отличительным признаком которых являются проходы, с бесспорностью указывающие на последовательный обряд захоронений.

Камерные гробницы (подобно цистам) составляют около 2,5% от общего количества раскопанных могил и представляют собой прямоугольные полуподземные сооружения площадью в среднем 5-5,5 м², выкопанные в грунте и обложенные изнутри сырцовыми кирпичами размером 42(45)·20(24)·10(12) см или просто обмазанными толстым слоем глины. Наряду с однокамерными гробницами (Рис. 7; Табл. 13, №1-4), хотя и в меньшем количестве, известны более сложные двухкамерные, в которых камеры соединены между собой общим проходом (Рис. 8; Табл. 12, №1).

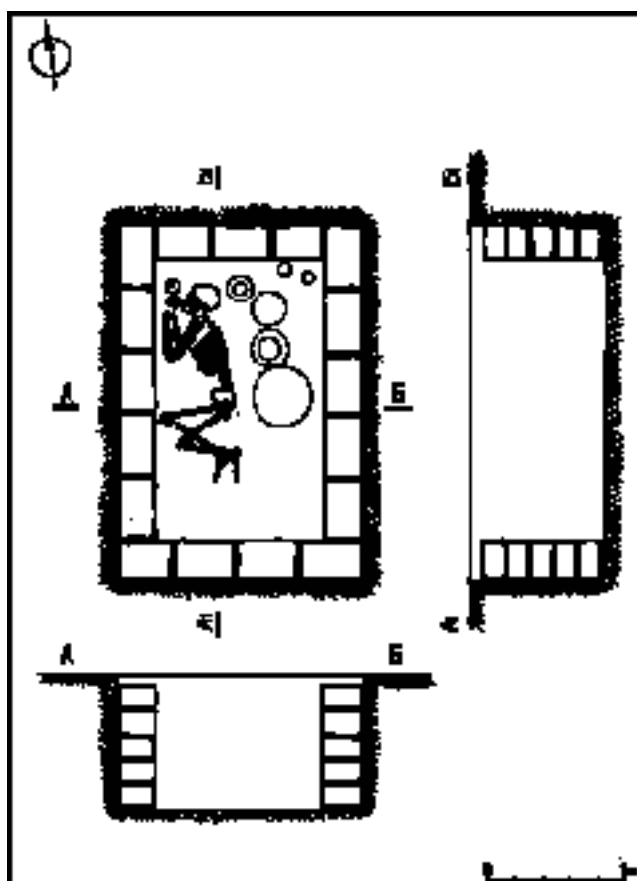

Рис. 6а Некрополь Гонура. Циста (погр. 228).
Cist (grave 228).

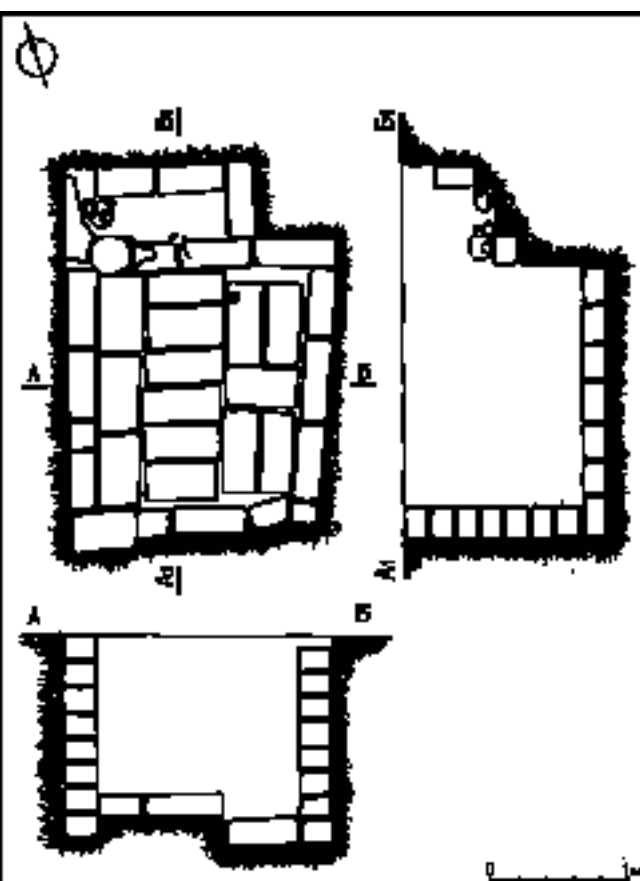

Рис. 6б Некроп. Гонура (погр. 1320). Циста с «посуд-
ным шкавчиком». Cist with the «cupboard».

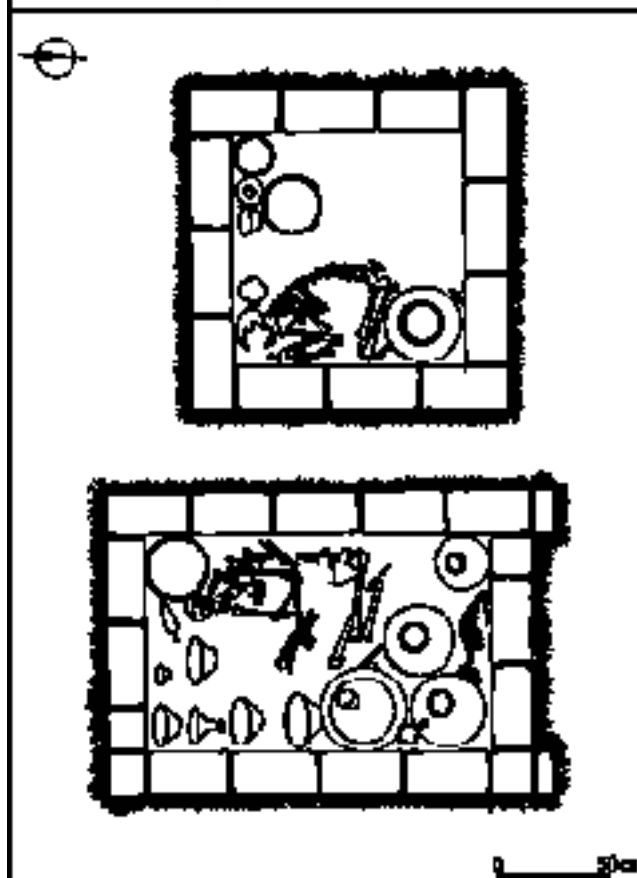

Рис. 6в Дворец север. Гонура. Циста (погр. 147, 269).
Palace of North Gonur. Cist (graves 147, 269).

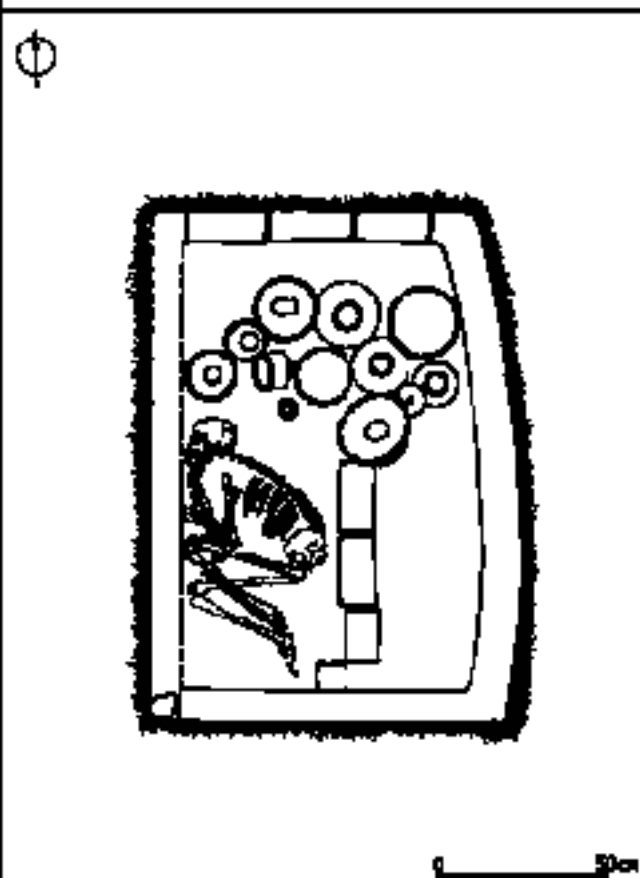

Рис. 6г Дворец север. Гонура. Циста (погр. 85).
Palace of North Gonur. Cist (grave 85).

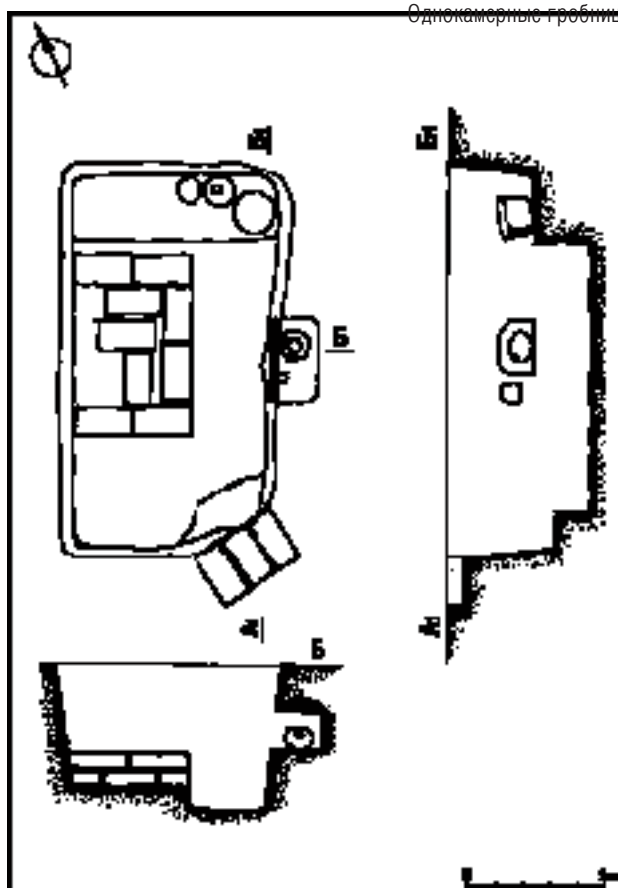

Рис. 7а Погр. 1090. Со «столом» на полу и кирпичной закладкой входа. Grave 1090.

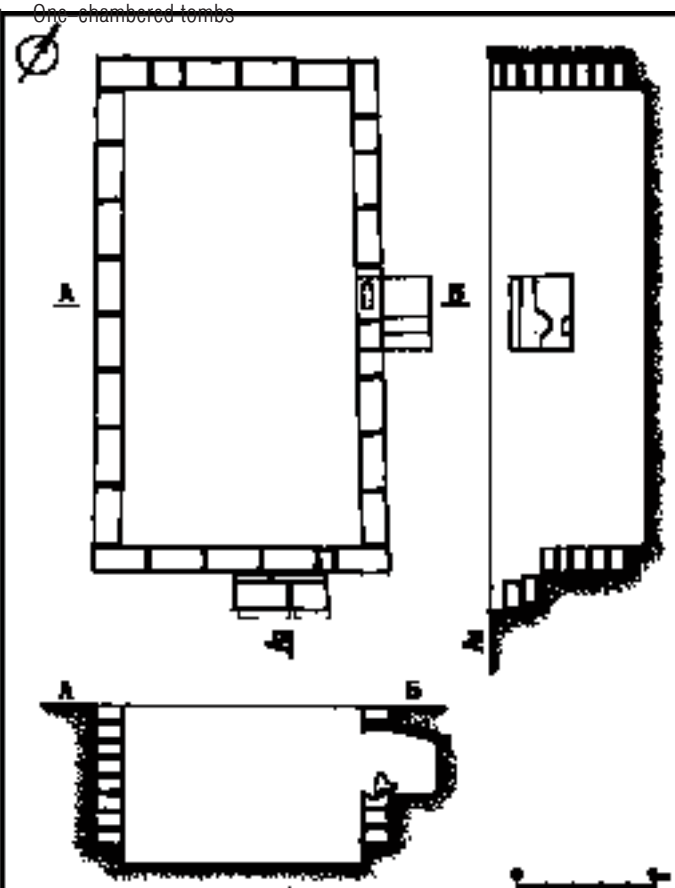

Рис. 7б Погр. 270. С проходом, заложным кирпичами. Grave 270. With the brick partition of the pass.

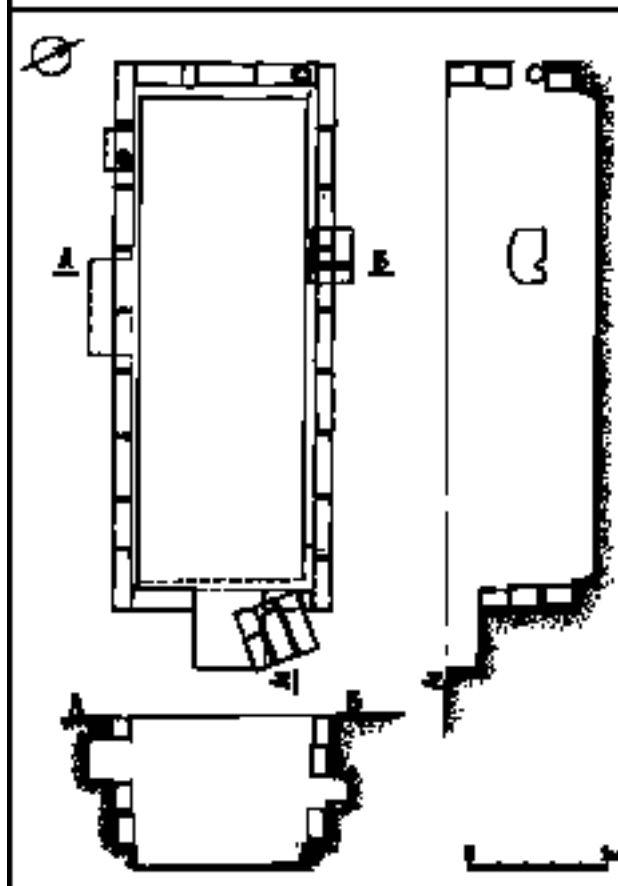

Рис. 7в Погр. 575. С проходом, залож. кирпичами. Grave 575. With the brick partition of the pass.

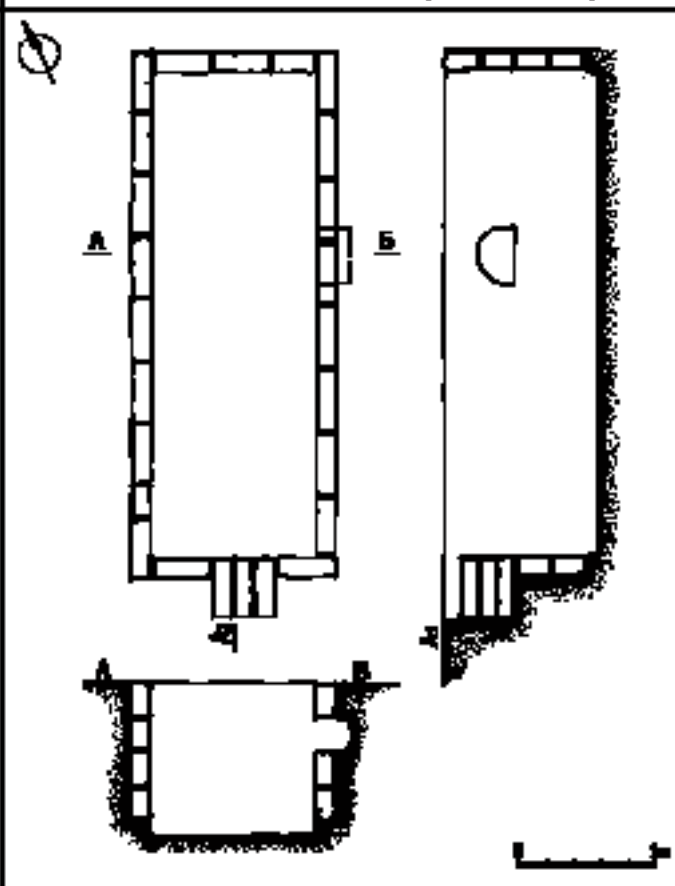

Рис. 7г Погр. 350. С проходом, заложным кирпичами. Grave 350. With the brick partition of the pass.

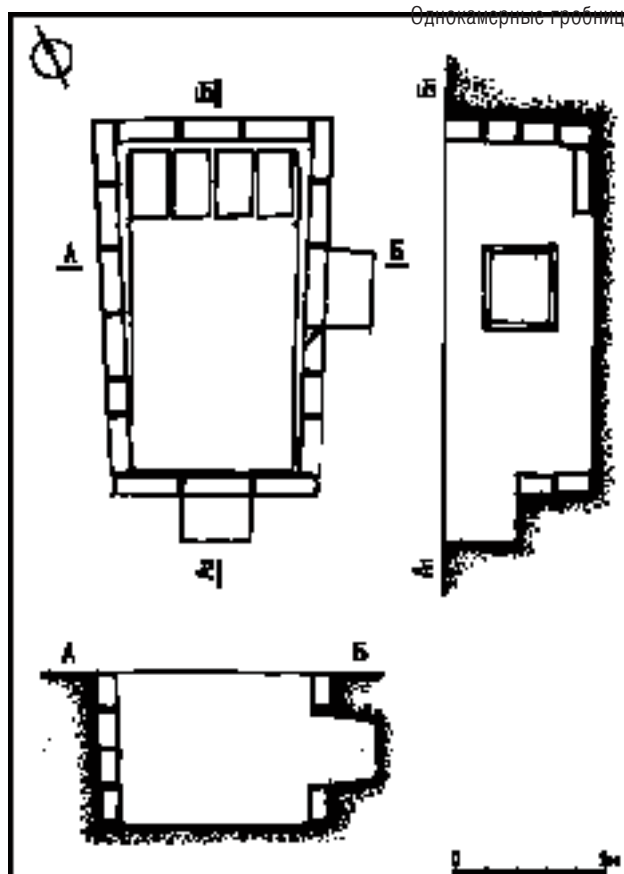
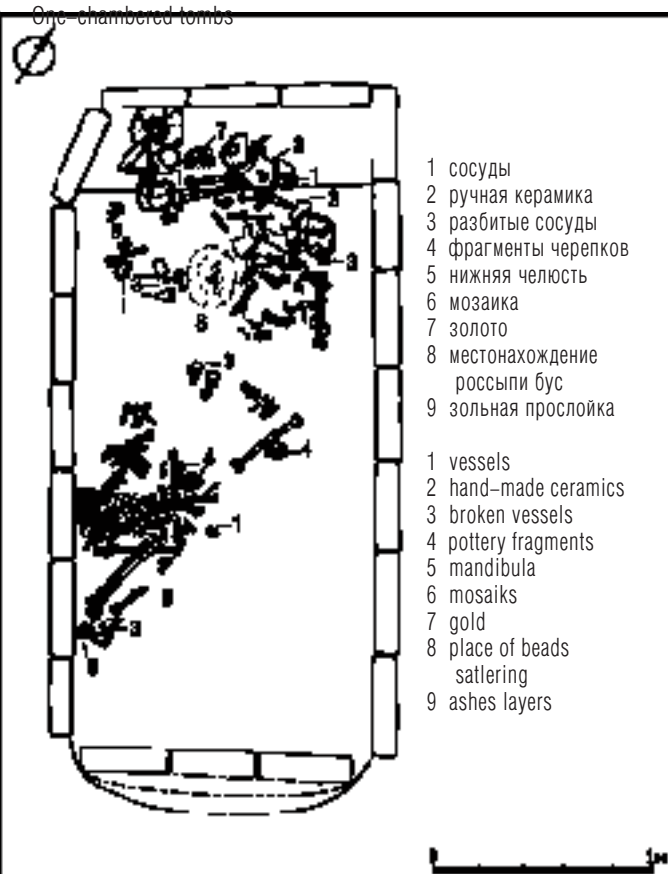

Рис. 7д Погр. 262. С кирпичами на полу.
Grave 262. With the bricks on the floor.

- 1 сосуды
- 2 ручная керамика
- 3 разбитые сосуды
- 4 фрагменты черепков
- 5 нижняя челюсть
- 6 мозаика
- 7 золото
- 8 местонахождение
россыпи бус
- 9 зольная прослойка

- 1 vessels
- 2 hand-made ceramics
- 3 broken vessels
- 4 pottery fragments
- 5 mandibula
- 6 mosaiks
- 7 gold
- 8 place of beads
satlering
- 9 ashes layers

Рис. 7е Погр. 194 (неразграбленное).
Grave 194 (not plundered).

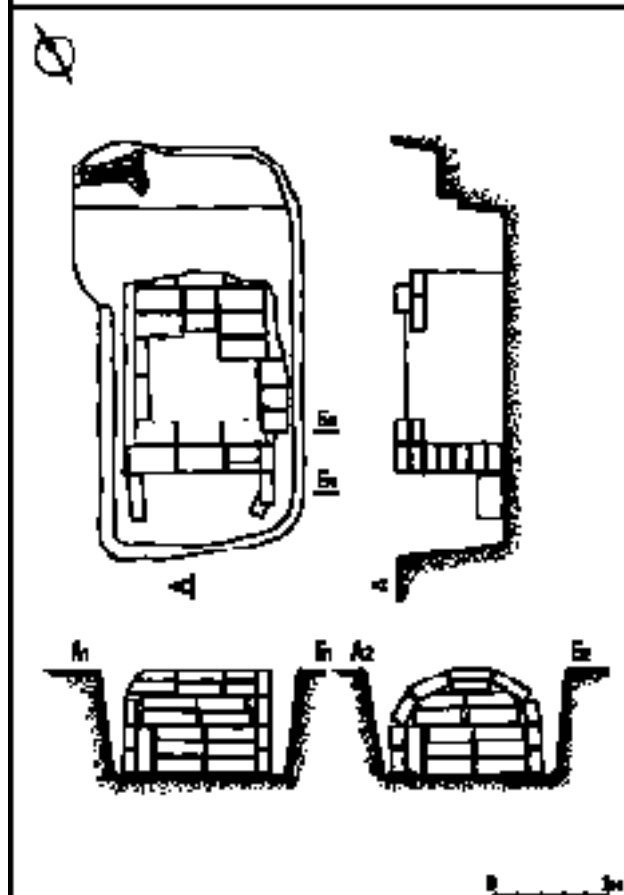

Рис. 7ж Погр. 1337.
Grave 1337.

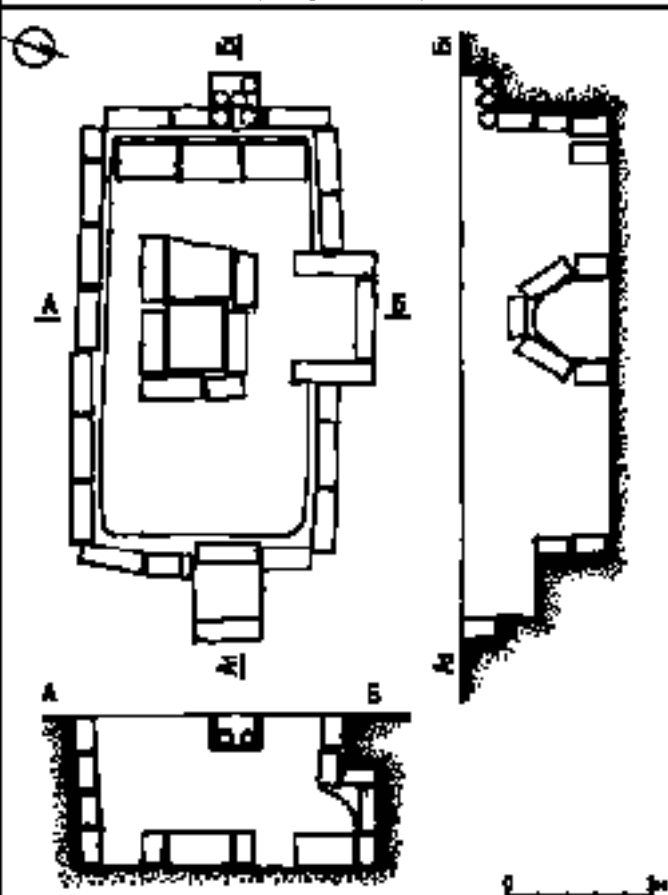

Рис. 7з Погр. 256.
Grave 256.

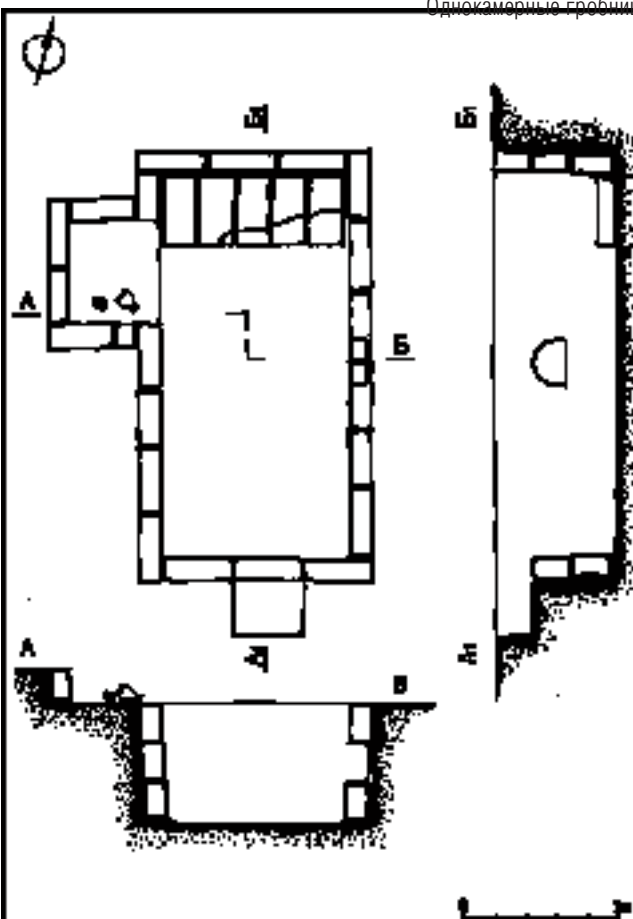

Рис. 7и Погр. 550. Grave 550.

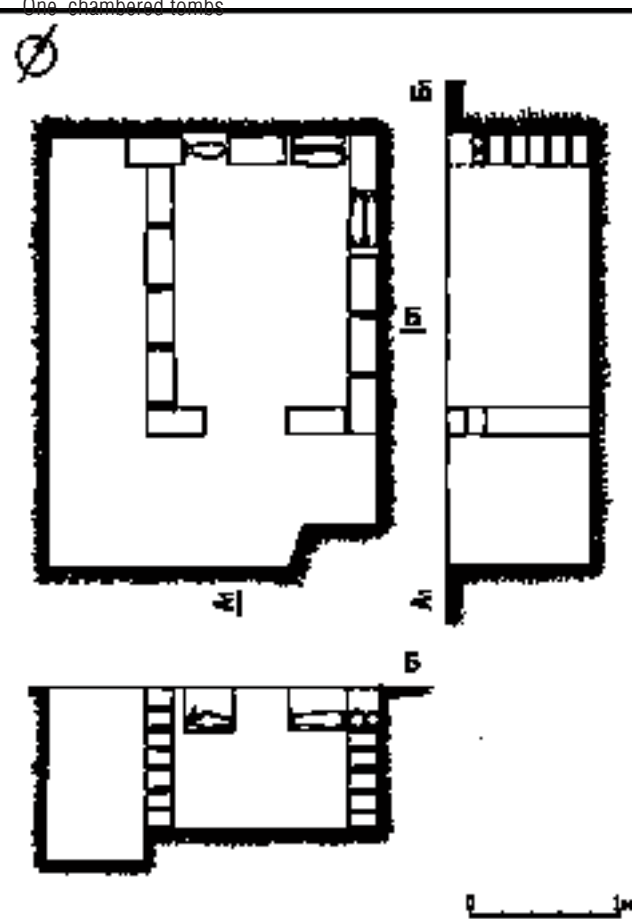

Рис. 7к Погр. 2240. Grave 2240.

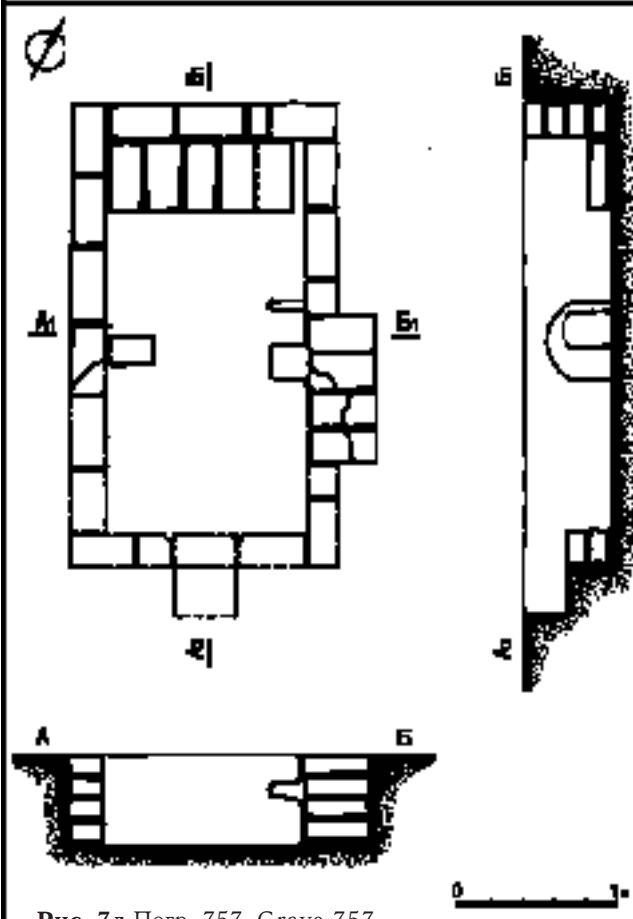

Рис. 7л Погр. 757. Grave 757.

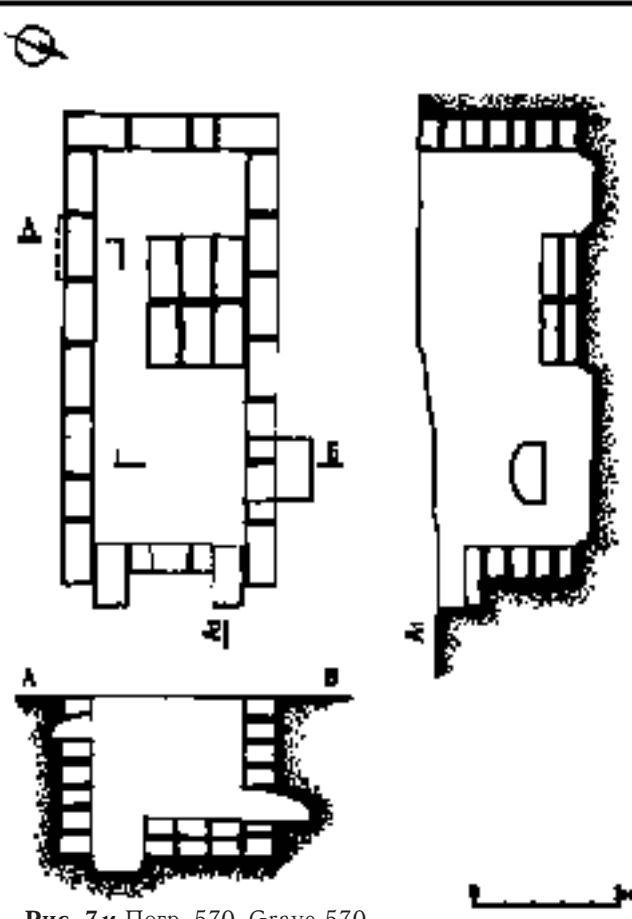

Рис. 7м Погр. 570. Grave 570.

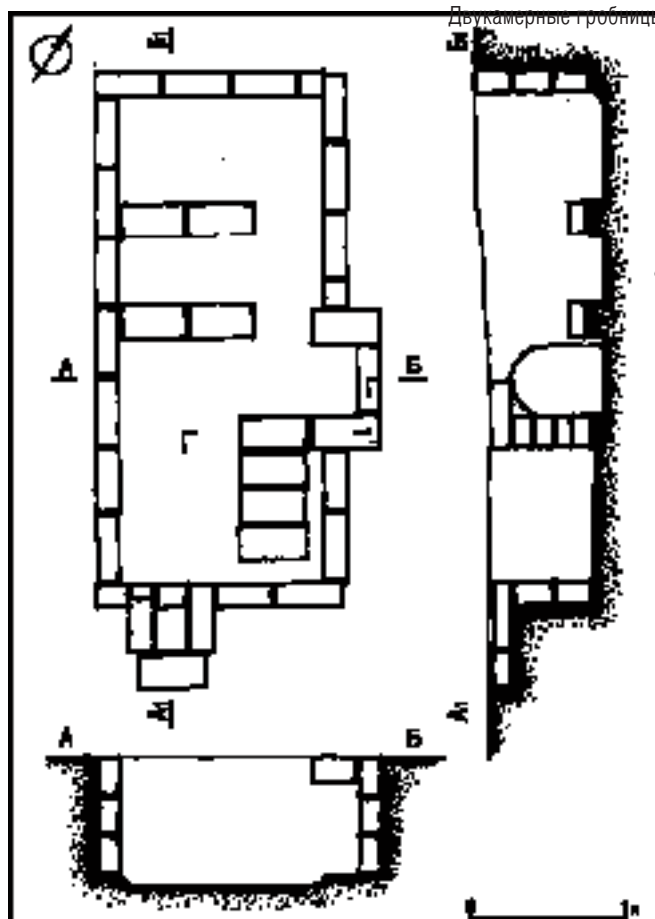

Рис. 8а Порп. 585. Grave 585.

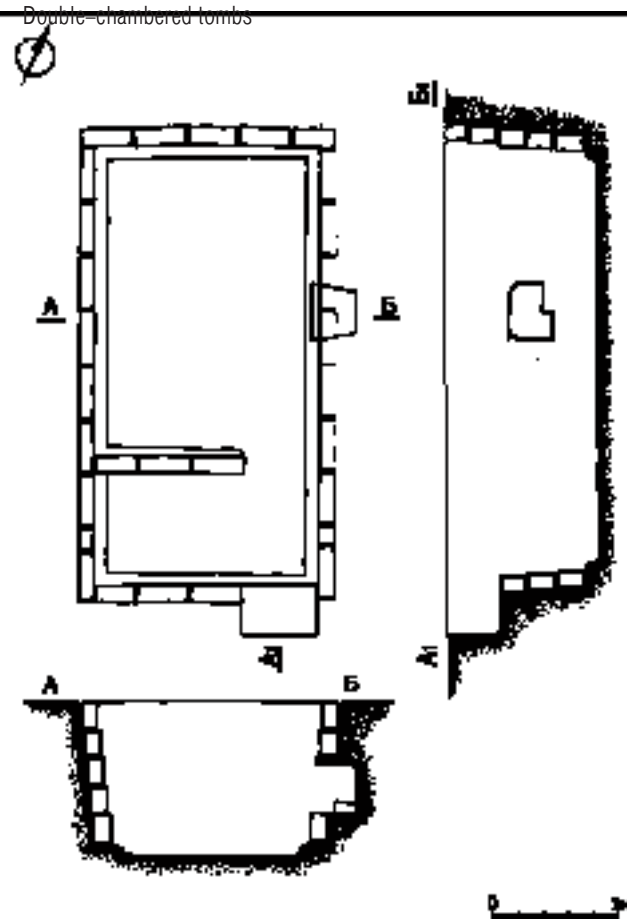

Рис. 8б Порп. 555. Grave 555.

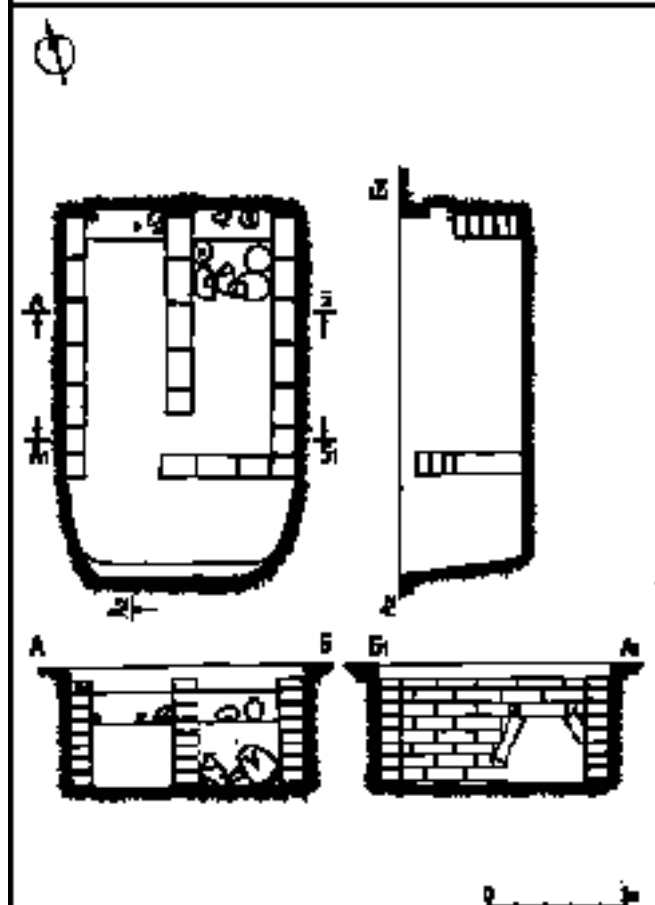

Рис. 8в Порп. 1750. Grave 1750.

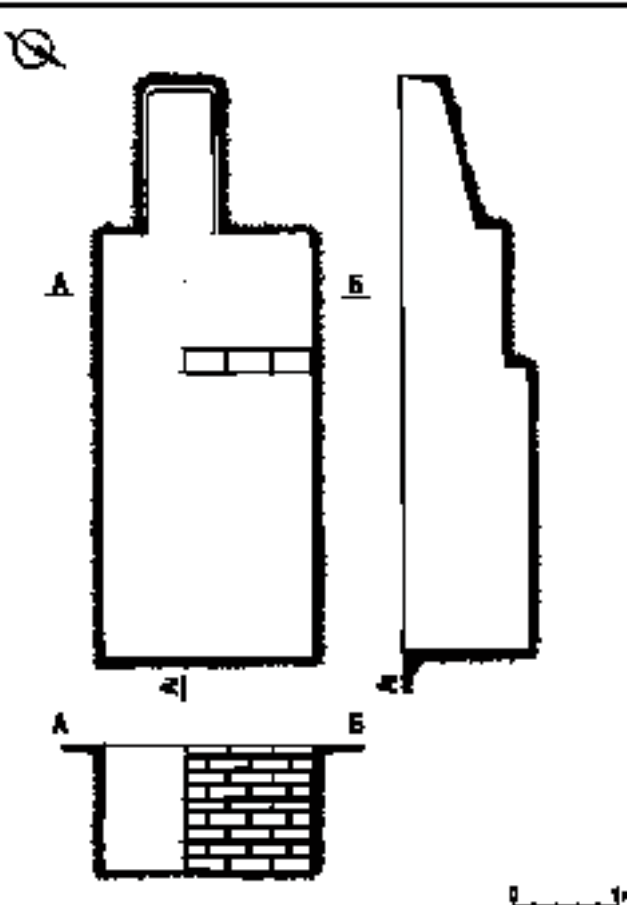
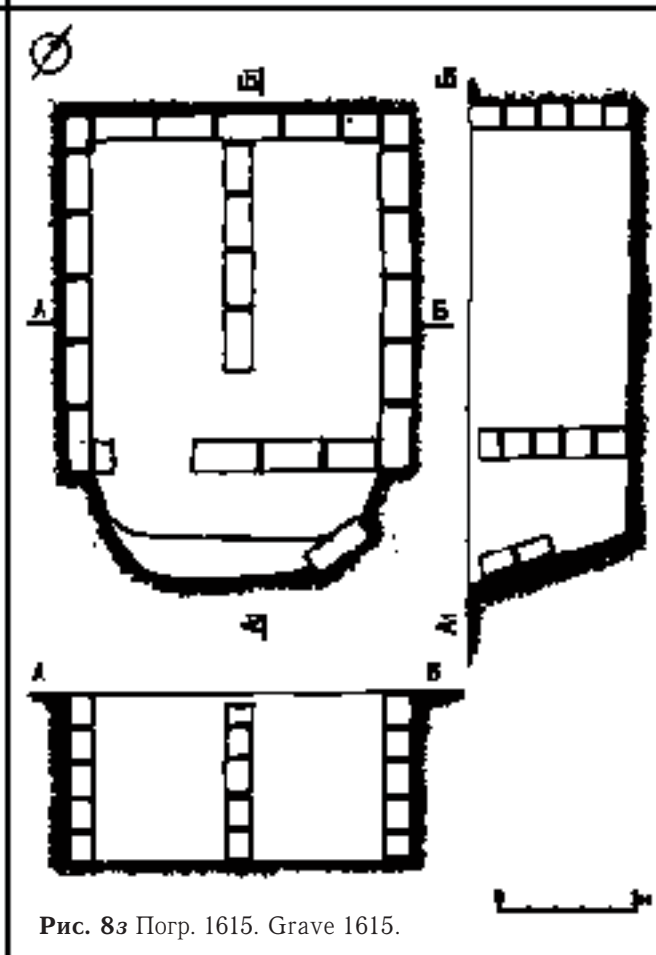
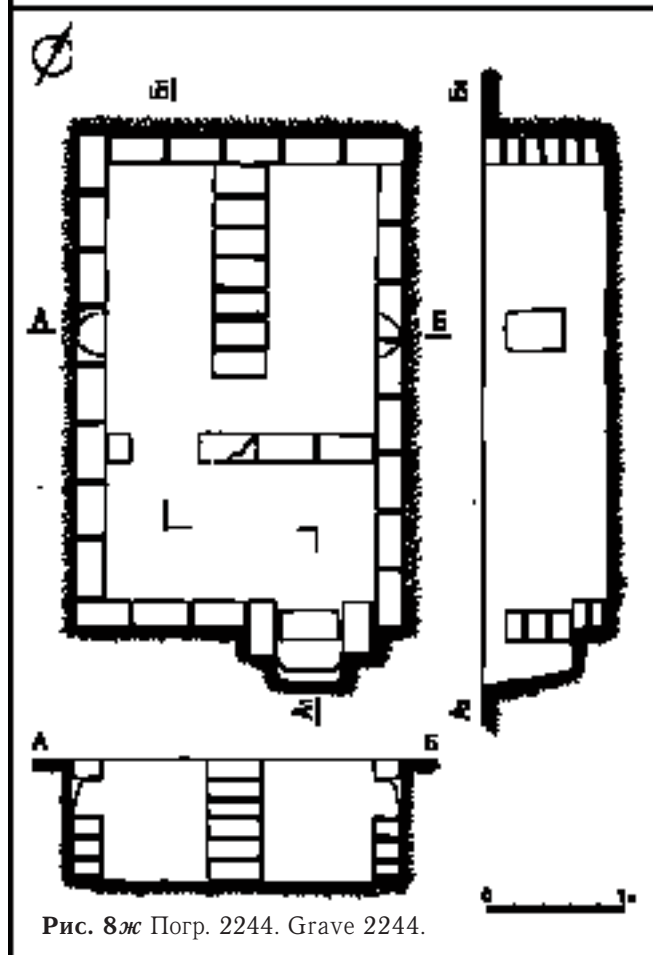
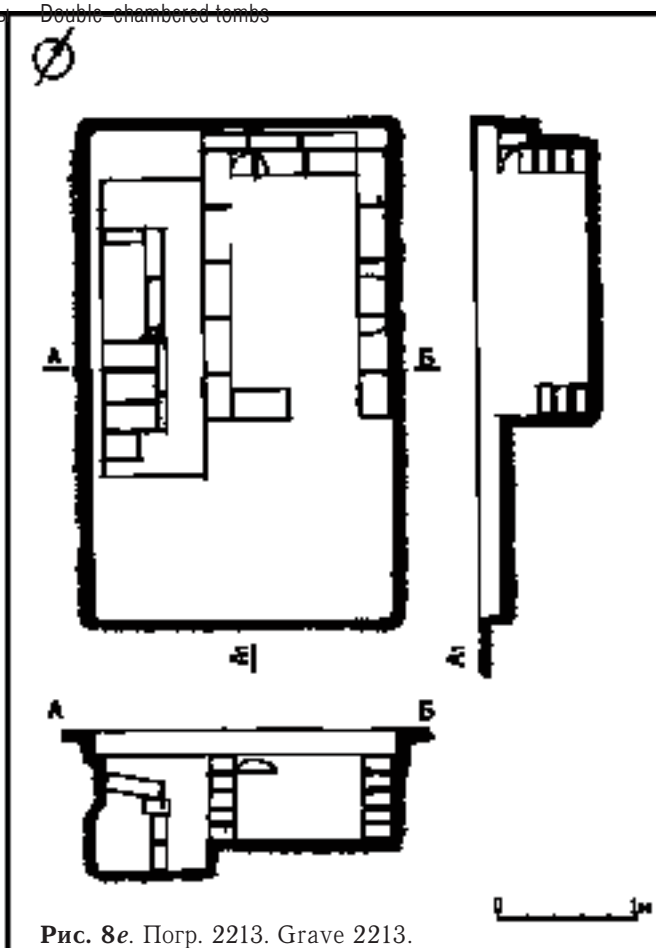
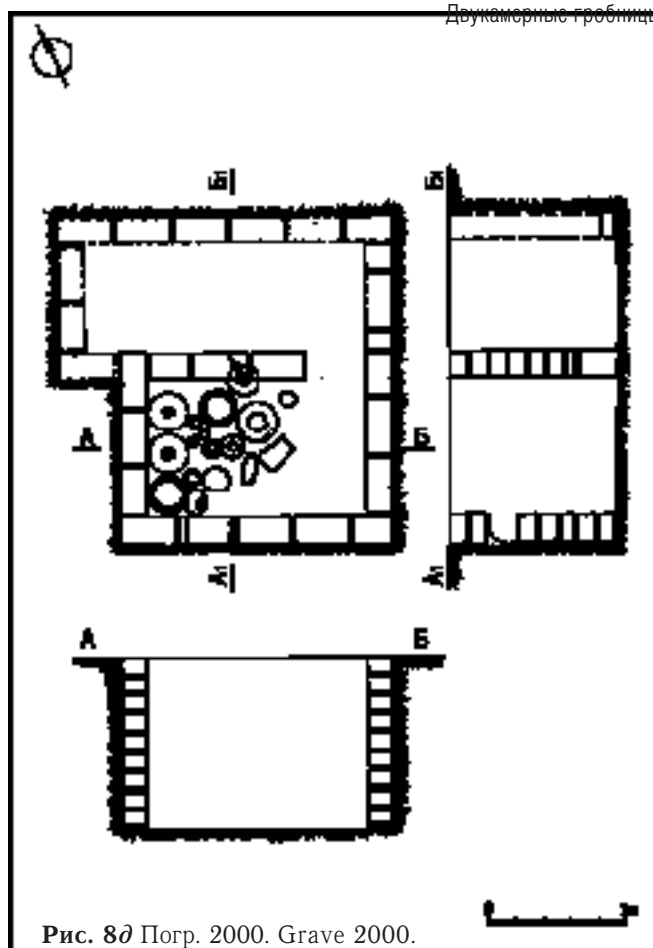

Рис. 8г Порп. 1999. Grave 1999.

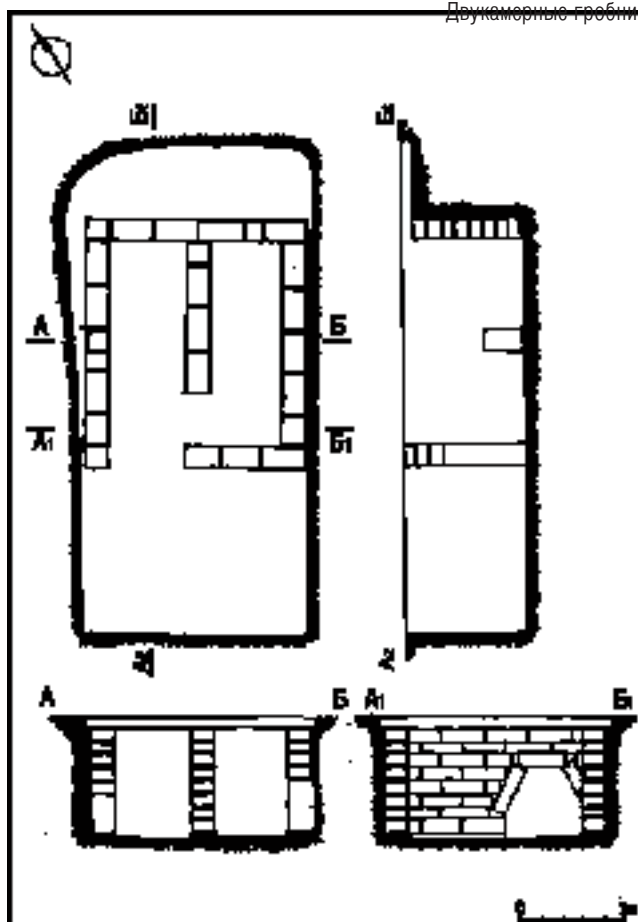

Рис. 8и Порп. 1745. Grave 1745.

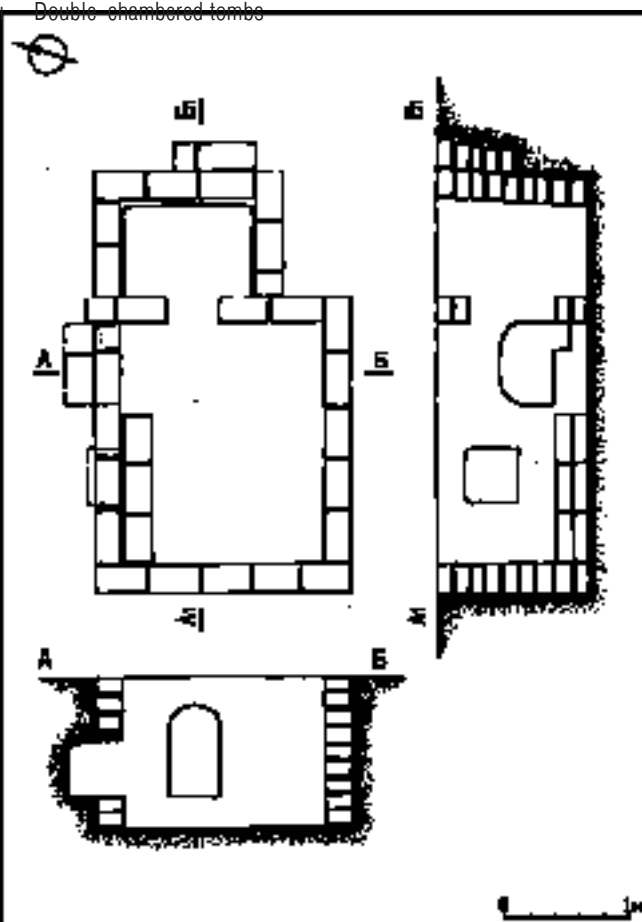

Рис. 8к Порп. 1300. Grave 1300.

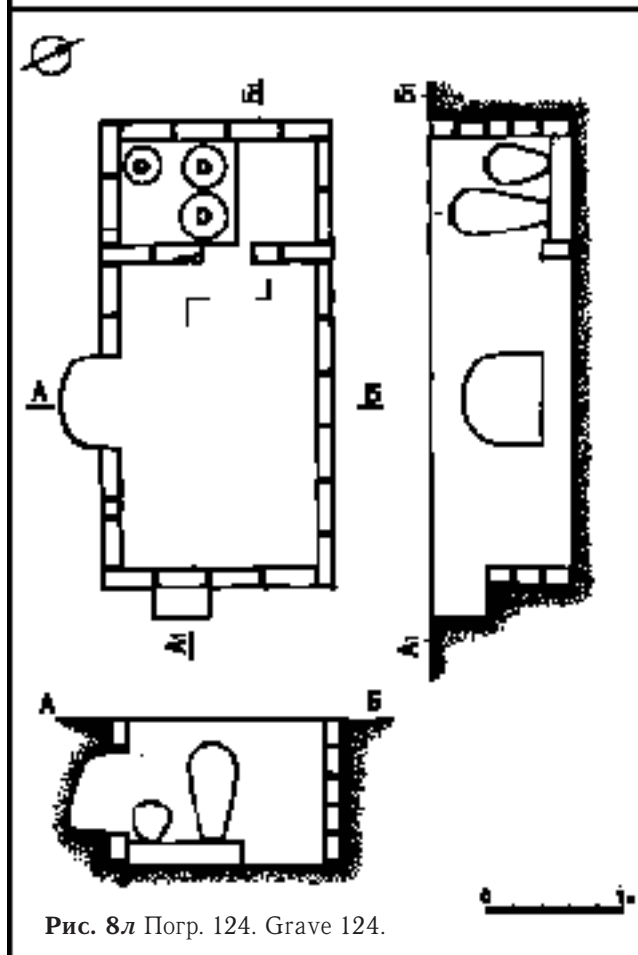

Рис. 8л Порп. 124. Grave 124.

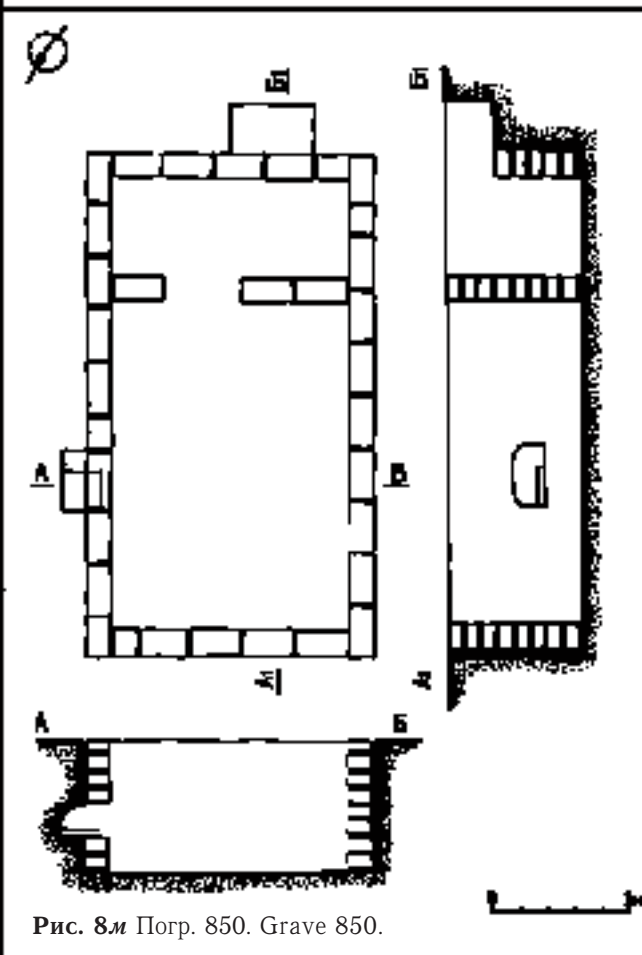

Рис. 8м Порп. 850. Grave 850.

Двухкамерные гробницы представлены двумя вариантами, когда камеры расположены по одной длинной оси, и наоборот — по одной короткой. Судя по некоторым косвенным данным, второй вариант гробниц является наиболее ранним. Его конструкция продиктована необходимостью устройства арочного свода, опиравшегося на смежную стенку между камерами. Проведенный на месте раскопок эксперимент устройства арочного свода, опиравшегося на смежную между камерами стенку, полностью подтвердил такое конструктивное решение перекрытия этого варианта камер (Рис. 9).

Главный проход всегда располагается с южной стороны в короткой торцевой стене и всегда (когда это можно было установить) заложен кирпичами «всухую» без глиняной обмазки (Табл. 12, №3), что позволяло по мере необходимости проникать внутрь гробницы. В свою очередь обе камеры имели между собой общий проход, что давало возможность попадать в дальнюю от входа камеру. Таким образом, есть все данные считать, что гробницы служили для коллективных погребений с последовательным обрядом захоронений.

Котлованы практически всех таких гробниц специально вырывались больших размеров, чем сами находившиеся внутри них кирпичные сооружения. Таким образом, перед главным входом образовывалось углубление — яма (иногда со ступеньками), куда спускались родственники с телом покойника, которое затем через главный вход вносили в камеру и помещали вместе с его погребальными приношениями, по-видимому, в первую от входа камеру, в то время как во вторую сдвигали кости предшествовавшего умершего.

Такого типа гробницы располагаются только в северо-западной — как считается наиболее ранней части некрополя. Гробницы второго варианта — преимущественно в юго-восточной более поздней части. Видимо, к этому времени местные строители уже научились возводить арочные перекрытия большого пролета и у них отпала необходимость возведения промежуточной стенки, что и позволило перейти к возведению гробниц, в которых камеры располагаются по длинной оси.

Все без исключения камерные гробницы в середине одной из торцевых стенок, обычно с южной стороны, имеют проходы (со средними размерами 55–60 см и сохранившейся глубиной 45–50 см), которые в тех случаях, когда это можно было установить, имеют ступеньки, ведущие вниз, внутрь камеры. Как правило, все они к моменту раскопок (если камеры только не были разрушены грабительскими лазами) были акку-

ратно заложены кирпичами, но всегда «всухую» — без глиняного раствора, — что при необходимости позволяло быстро и легко разбирать их, давая возможность проникать внутрь камерных гробниц.

Примерно у 25% гробниц напротив входа, у противоположной торцевой стены имеется кирпичная выстилка в один ряд кирпича, изображающая лежанку или постель (Рис. 7 д). В других случаях (18%) в центре гробницы (или у одной из длинных, боковых стенок) на полу сделана еще одна прямоугольная кирпичная выстилка, изображающая своего рода стол.

Не во всех, но в большинстве гробниц устроены кирпичные, пристенные каминные с арочными перекрытиями, которые прямо копируют обычные бытовые каминные с дымоходами. Наряду с ними, делались и более простые каминные — в виде полусводчатой, пристенной ниши, расположенной у самого пола одной из длинных стен. Иногда вместо кирпичных каминов в стене у пола сделана ниша с полуциркульным входом, имитируя подлинный камин.

Лучше сохранившиеся гробницы имеют в верхней части стен глубокие стенные ниши — иногда подлинные «посудные шкафы», заставленные к моменту раскопок целыми стопками вставленных друг в друга сосудов.

Во всех без исключения камерных гробницах по середине одной из длинных стен, чаще всего в восточной стене (но независимо от общей ориентации гробницы всегда с правой стороны от входа) устроена небольшая, но достаточно глубокая ниша, разделенная изнутри невысокой перегородкой на две неравные части. Меньшая (своего рода «топка») за малым исключением всегда имеет внутри следы огня, которые частично прослеживаются в смежной, большей камере. В редких случаях вместо перегородки сделан ступенчатый уступ, также придающий всей конструкции общую двухкамерную конфигурацию. Но и в этом случае следы влияния огня (когда они есть) всегда имеются в маленькой камере («топка») частично заходя в большую («духовка»). Важно указать, что за редким исключением все они в той или иной степени несут следы воздействия слабого огня, хотя тонкий слой золы отмечен лишь в некоторых из них. Наряду с такими, некоторые из камер совсем не имеют следов огня, в других же «топки» обожжены до красна, но следов от золы нет. В целом, такие двухкамерные очаги представляют собой миниатюрные модели культовых двухкамерных очагов, встреченных в храмах и святилищах Гонупа (Sarianidi, 1998. Fig. 63, 38), где они слу-

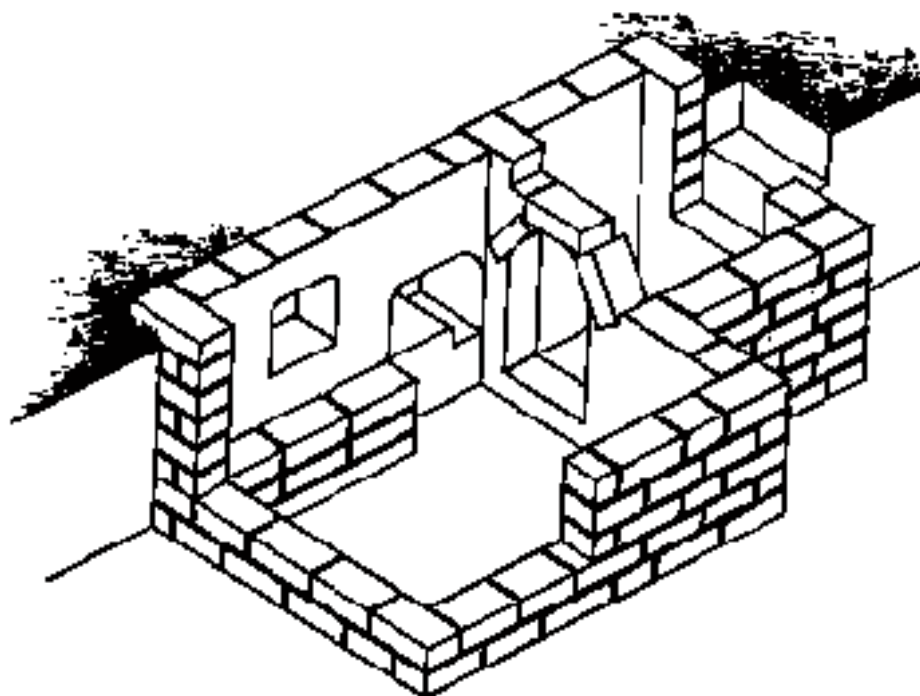
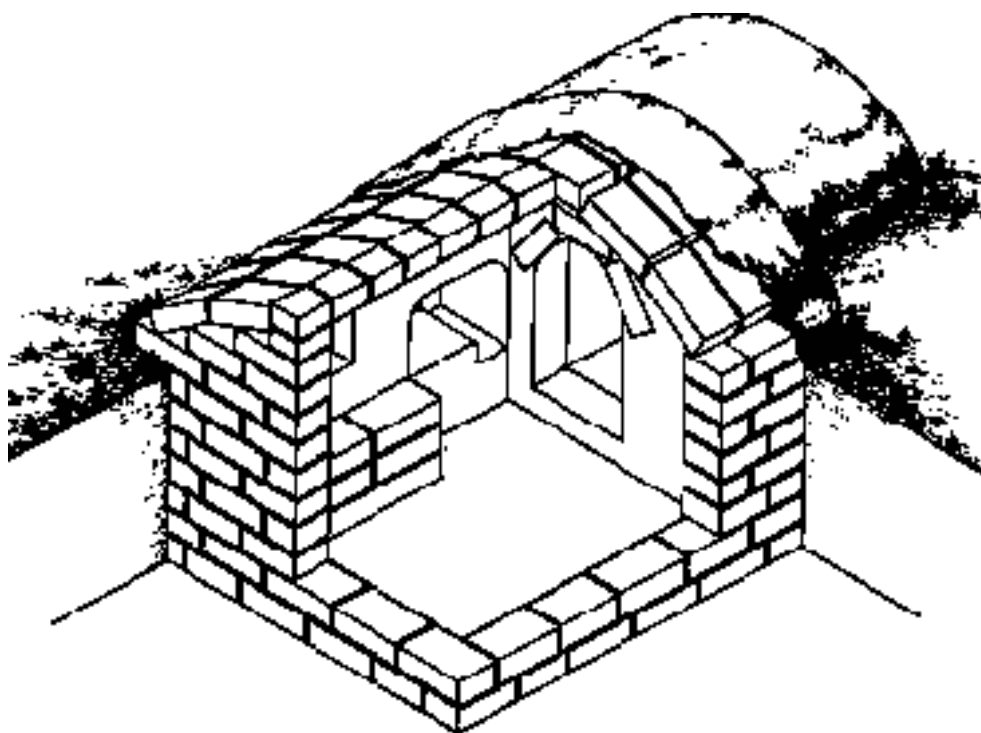

Рис. 9. Реконструкция двукамерной гробницы. Погр. 1300. Архитектор А.Оразов.
 Double-chambered tomb (reconstruction). Grave 1300. The architect A. Orasov.

жили для приготовления жертвенной пищи, главным и неперенным условием чего являлось устройство такой двухчастной конструкции очага, при которой пламя непременно должно было из топки заходить в соседнюю камеру и касаться приготовляемой жертвенной пищи. В камерных гробницах такие модели двукамерных очагов служили для имитации заупокойных ритуалов, главное место в которых занимал обряд жертвоприношения. Дополнительным доказательством вышесказанного является обнаружение не миниатюрной модели, а подлинного очага такого типа, встреченного в камерной гробнице (погр. 1300. Табл. 12, №2. Рис. 9), где можно было не символически, а в реальности готовить жертвенную пищу. Не исключено, что такие модели двухкамерных очагов, в которых в момент раскопок стояло по одному целому сосуду, также служили и для культовых возлияний, связанных с погребальными обрядами.

Хотя ни в одной из камерных гробниц не уцелели перекрытия, наилучшим образом сохранившиеся гробницы имеют высоту до 1,5 м, что дает основания предполагать их общую высоту от пола до потолка около двух метров. Некоторые косвенные данные и, в первую очередь, ступени входов, начинающиеся на современной дневной поверхности, позволяют говорить, что камерные гробницы представляли собой полуподземные погребальные сооружения, которые примерно на треть своей высоты выступали над древней дневной поверхностью и имели полусводчатые перекрытия.

Принципиальное отличие камерных гробниц от цист заключается в том, что цисты служили для одноразовых погребений умерших, в то время как в камерных гробницах совершался последовательный обряд захоронений. При таком способе погребения кирпичный заклад входа камеры разбирался, и через него внутрь заносился вновь умерший. Для помещения его в центре камеры, предшествующий костяк, лежавший до этого в центре, вместе с принадлежавшими ему погребальными приношениями и личными украшениями отодвигался к противоположной от входа стенке гробницы.

В двукамерных гробницах первая от входа и (за редким исключением) меньшая по размерам камера служила для помещения в ней вновь умершего, в то время как останки предшествующего погребенного сдвигались во вторую камеру.

Почти все камерные гробницы, были ограблены еще в древности, причем в ряде случаев неоднократно, о чем ясно свидетельствуют 2-3 сохранившихся грабительских лаза. Но даже то, что осталось незамеченным грабителями (обрывки зо-

лотой фольги, серебряные сосуды, высокохудожественные изделия престижного назначения, предметы туалета из слоновой кости и многое другое), не оставляют никаких сомнений в том, что все камерные гробницы принадлежали маргианской аристократии, занимавшей верхние ступени в древней социальной иерархии.

Хотя набор погребальных приношений в таких гробницах почти ничем не отличается от такового в шахтных могилах и особенно цист, частота встречаемости ценных предметов была намного выше в гробницах, чем в обычных могилах. Так, серебряные изделия в гробницах встречены в 30%, печати — в 25%, а золотые (в основном обрывки золотой фольги) — в 33% случаев, что вместе с туалетными изделиями из слоновой кости с бесспорностью указывают на то, что гробницы являлись усыпальницами местной маргианской элиты. Если учесть, что приведенные статистические данные касаются разграбленных (в ряде случаев неоднократно) могил, то станет очевидным правомерность не только удвоить, но и утроить эти цифры, которые будут свидетельствовать о богатстве и роскоши захороненных в них людей. Судя по обнаружению в них как старческих, так и детских захоронений, это были семейные гробницы, куда по мере необходимости захоранивались члены конкретных семей или кланов, занимавших исключительно высокое положение в местном обществе.

О характере захоронений в камерных гробницах лучше всего можно судить по одному не разграбленному склепу (погр. №194. Рис. 7 е.), где у стены напротив входа располагались сдвинутые со своего первоначального места и поэтому перемешанные кости скелетов двух женщин и одного ребенка вместе с их погребальными приношениями и личными украшениями. У входа, на специальной зольной подсыпке располагается последний по времени усопший в скорченной позе. Кости его скелета находились в правильном анатомическом порядке, кроме черепа, который был обнаружен под правой рукой.

Показательно, что все остальные разграбленные гробницы не сохранили к моменту раскопок полных скелетов, а лишь костяное крошево на полу и единичные разрозненные, преимущественно мелкие кости. Можно было бы допустить, что такая ситуация связана с процессом разграбления гробницы, когда кости скелетов могли быть выброшены наверх, на древнюю дневную поверхность. Однако гробница (погр. 555. Рис. 8 б.), относящаяся к типу двухкамерных, в первой от входа камере сохранила лишь разрозненные остатки мелких костей, в то время как

во второй — не разграбленные погребальные приношения и в том числе медно-бронзовое тонко орнаментированное навершие жезла или скипетра, миниатюрные серебряные сосудики и другие изделия элитарного характера. Данный документально подтвержденный археологический факт заставляет говорить о том, что если бы костяное крошево и мелкие, единичные кости являлись следствием деятельности грабителей, то последние не оставили бы на месте погребальные приношения, а взяли бы их с собой. Раз этого не произошло, можно предположить, что костные останки были специально изъяты со своего места с целью их последующего перезахоронения. Археологическим доказательством этому может служить также то, что практически во всех камерных гробницах (как правило, вырытых в рыхлом, песчаном грунте) пол находится на глубине 20–25 см ниже основания кирпичных стен, что могло получиться в результате тщательной и многоразовой его очистки веником с целью полного изъятия костей разложившегося к тому времени тела. Хорошим подтверждением этому может служить все та же гробница 555, где пол меньшей камеры, на котором были обнаружены остатки костяного крошева, несколько позвонков и зубы, находился ниже основания стен всей остальной гробницы.

В начале работ на некрополе Гонура итальянские археологи обнаружили, видимо, также камерную гробницу (размером 340·160 см), от которой сохранились лишь две кирпичные стенки (Salvatori, 1994).

Камерные гробницы представляют собой модели домов и относятся к могилам типа Нурогаетум, которые были распространены только у индо-европейских, в том числе и у индо-иранских племен.

Подобные захоронения в Центральной Азии, относящиеся к эпохе бронзы, пока не известны, так что некрополь Гонура демонстрирует первый (но конечно не последний) пример существования подобных погребальных сооружений на этой территории в конце III тыс. до н.э.

В некоторой степени похожие гробницы были открыты в самое последнее время в бассейне Евфрата. Помещения прямоугольной формы средних размеров (5·3 м) со ступенчатыми входами, нишами, лежанками, «окнами», «подушками» создают впечатление не просто комнат, а спален (Халава, Лидар, Гедики, Хадиди). Такие гробницы представляли собой коллективные, фамильные склепы с последовательным обрядом захоронений и принадлежали местной элите. Особенно показательны гробницы из Барсип, отно-

сящиеся к 2600–2000 гг. до н.э. и принадлежавшие, как считается, также местной правящей элите. Высказано предположение, что камерные гробницы типа Нурогаетум отражают не только коммерческую, но и культурную экспансию времени раннего династического III — аккадского периода, но не исключается и их местное, северо-сирийское происхождение (Carter, Parker, 1994. p. 113–115).

Еще более впечатляющие параллели обнаруживает могильник Талл Туттул в Сирии, относящийся к 2600–2100 до н.э., где, судя по всему, имелись как шахтные могилы, так и гробницы типа Нурогаетум (Strommenger, Kohlmeyer, 1998, p. 51). Подобно маргианским гробницам, эти погребения представляют собой модели домов и, хотя все они также оказались ограбленными в древности, встреченные остатки фурнитуры и убранства комнат не оставляют сомнений в их принадлежности к гробницам типа Нурогаетум. Можно считать, что подобные гробницы имеют здесь вековые традиции. Доказательством этого могут служить гробницы урартского времени типа Алтын с разнообразной мебелью и даже тронами (Ozguch, 1969. p. 114, fig. 4). Не исключено, что они в конечном счете восходят к погребальным традициям таких некрополей как Туттул и Барсип, богатые погребальные приношения которых (золото, серебро, слоновая кость) указывают на их принадлежность к местной элите. В этой же связи важно вспомнить скальные гробницы урартского времени, состоящие из нескольких прямоугольных камер со стенными нишами и соединенные между собой общим входом. Внутри камер находились остатки деревянной мебели (столы, кушетки, троны, стулья и пр.). Налицо — продолжение местных анатолийско-сирийских традиций. Особенно показательны в этих гробницах троны, украшенные типично урартской резьбой, и саркофаги, что не оставляет сомнений в их принадлежности к правящему слою общества (Ozguch, 1969, p. 66–70). Гробницы близкого типа известны в Микенах и на Кипре. Все вышесказанное позволяет очертить вполне определенный ареал их возможного общего происхождения, восходящего по крайней мере к середине III тыс. до н.э., если не ранее. На Кипре (Китион) описаны двухкамерные гробницы с общим проходом между ними Karageorghis, 1976. Fig. 20).

Учитывая хронологический приоритет северомесопотамских гробниц перед маргианскими (которые, к тому же, в Центральной Азии в более ранний период времени известны не были), есть все основания видеть в них типы погребальных сооружений, которые пришли с далекого

запада племени принесли вместе с собой на новую родину в конце III тыс. до н.э.

Приведенные западные параллели камерным гробницам некрополя Гонура в настоящее время выглядят несколько изолированно, т.к. такого типа погребения пока не известны на промежуточной территории Ирана, но есть веские основания считать, что будущие археологические открытия заполнят и эту лакуну наших знаний, как это было много раз в подобных случаях.

КЕНОТАФЫ

Среди вскрытых могил некрополя Гонура кенотафы составляют 6,5%, из которых 26,7% в момент раскопок были непотревоженными (Рис. 10). Под термином «кенотаф» следует понимать могилы, в которых полностью отсутствуют кости человеческих скелетов. Примерно 85% среди них составляют шахтные и лишь 15% — ямные могилы, причем ориентация могильных ям традиционная для некрополя Гонура: северо-запад-север (63%), запад-северо-запад (18%) и север-северо-восток (18,5%). Точно также традиционно расположение погребального инвентаря преимущественно «у изголовья» и помещение в могилы жертвенной пищи (ребра барана).

Погребальный инвентарь распределяется следующим образом: керамические сосуды (от 2 до 9) в 100% случаев, каменные бусы (1-2 бусинки) в 41% случаев, кусочки каолина (от 1-3) в 15%, медно-бронзовые зеркала, кремневые наконечники стрел, закладки — булавки и каменные т.н. миниатюрные колонки — в 11% случаев, золотые бусинки, бронзовые и фаянсовые печати, косметические флаконы, свинцовые «кольца» и ножи — в 7,5% случаев.

Осталось отметить, что входы в подбои шахтных кенотафов (подобно обычным) были наглухо заложены кирпичной закладкой. Судя по набору погребальных приношений, кенотафы принадлежали как мужчинам, так и женщинам («женский набор»), а миниатюрные колонки указывают на принадлежность некоторых кенотафов к представителям культовых профессий.

ЧАСТИЧНЫЕ (ФРАКЦИОННЫЕ) ЗАХОРОНЕНИЯ

Частичные (или иначе — фракционные) захоронения зафиксированы в некрополе Гонура в единичных случаях. Обычно это небольшие ямки, куда аккуратно сложены кости от скелета всегда с черепом, положенным сверху других костей (Табл. 13, № 6).

Наличие таких захоронений свидетельствует о практике предварительного выставления трупа на специальное место и очищении его от

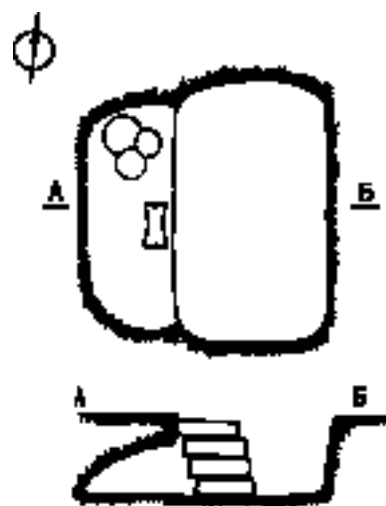

Рис. 10а Кенотаф. Шахтная могила 2228.
Cenotaph. Shaft grave 2228.

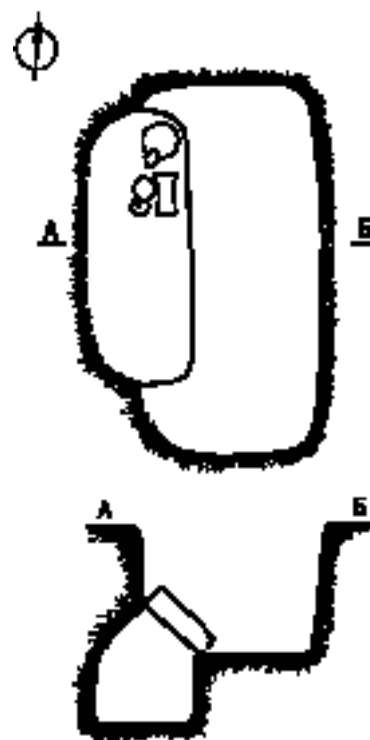

Рис. 10б Кенотаф. Шахтная могила 1230.
Cenotaph. Shaft grave 1230.

мягких тканей. Менее вероятно «вываривание» скелета, хотя можно допустить и такой способ. Вместе с тем, тот факт, что в некрополе Гонура встречено всего 2-3 таких захоронения, в косвенной форме указывает, что этот погребальный обряд не был широко распространен у местных племен.

Подобного типа, но также единичные захоронения отмечены были ранее в руинах храма Тоголок-1, где в могиле было обнаружено лишь «костяное крошево» вместе с несколькими

ми фалангами пальцев от рук и ног (определение Г. Лебединской и Т. Балугоевой), причем находка вместе с ними лазуритового амулета, как будто, исключает предположение об ограблении могилы.

Точно также в руинах алтарной площадки храма Тоголок-21 под обломками крупного пифоса были обнаружены аккуратно сложенные вместе кости с черепом наверху (Сарианиди, 1990. с. 128), а также на северном Гонуре (Сарианиди, 1990. с. 156, № 2).

Подобные погребальные обряды пока более нигде с точностью не засвидетельствованы, если не считать районы Белуджистана, где фракционные захоронения были встречены А. Стейном (Stein, 1931. р. 77-78; 1937. р. 120).

* * *

Заканчивая описание могильных сооружений некрополя Гонура, следует отметить, что свыше 200 погребений второй половины II тыс. до н.э. были впущены в руины дворца северного Гонура. Среди них свыше 80% составляют детские (грудные младенцы и ранний детский возраст) захоронения. Остальные представляют собой обычные скорченные погребения в простых ямных могилах с преимущественно северной ориентацией всех погребенных. Вместе с тем, на руинах бывшего дворца, превращенного к тому времени в могильник, были встречены также три прямоугольные кирпичные цисты, ничем не отличающиеся от цист некрополя Гонура. Подобно им и эти принадлежали правящей элите маргианского общества, свидетельством чего является находка в одной из цист бронзового втока (Sarianidi, 1998. Fig. 24, N. 3).

По-видимому, у маргианских племен действительно существовал обычай хоронить младенцев и детей в определенном месте, причем наряду с простыми могильными ямами часто практиковались захоронения детей в крупных сосудах. Лишним доказательством тому является некрополь Гонура, с его единичными детскими погребениями. Взрослые умершие в могилах на территории дворца (в противоположность некрополю Гонуру) засыпаны землей. Такой обряд захоронения практиковался и в более раннее время у племен южного Туркменистана. Поэтому нельзя исключать, что эти захоронения действительно принадлежали выходцам из подгорной полосы Копет-Дага. Весьма показательно, что в противоположность некрополю Гонура, в этом могильнике ни в одном случае не были выявлены следы ограбления, что скорее всего указывает на его более позднее по сравнению с некрополем

время существования.

Краткий обзор погребальных сооружений некрополя Гонура следует заключить первым общим выводом о том, что, с точки зрения археологии, все описанные типы погребения подчинены одной генеральной идее — не дать возможности разлагающемуся телу прийти в прямое соприкосновение с «чистой» стихией — землей. В шахтных могилах, камерных гробницах, цистах, и, предположительно, в обоженных ямных могилах все умершие лежат в пустоте, не засыпанные землей. Исключение составляют лишь частичные или фракционные захоронения, но в этом случае в землю помещались «чистые», т.е. предварительно очищенные от плоти, кости скелетов. Это стремление, до минимума свести контакты между умершими и землей, столь очевидное для периода иранского язычества (как это можно заключить по материалам некрополя Гонура), возможно не случайно находит свое продолжение в зороастрийских погребальных обрядах.

1.5. Социальный строй населения древней страны Маргуш

Второй, принципиально важный вывод, касается возможности говорить о наличии не менее трех социальных групп внутри маргианского общества, основанием чего является фиксация разных типов погребальных сооружений в сочетании с разными погребальными приношениями. По конструкции погребальных сооружений выделяются три главных типа могил: 1) камерные гробницы вместе с цистами (5%); 2) шахтные могилы (75%) и 3) ямные захоронения (20%) (табл. III).

Трем типам погребальных сооружений четко соответствуют три категории погребальных приношений и личных украшений. Так, самые богатые погребальные приношения, включающие, как правило, предметы роскоши из золота, серебра и слоновой кости, а также изделия престижного назначения (навершие жезлов или скипетров, печати и др.), встречены в камерных гробницах и цистах, не оставляя сомнений в том, что владельцы их при жизни составляли элитарную часть маргианского общества.

Хотя в шахтных могилах изредка встречаются ювелирные украшения в виде золотых и серебряных серег и колечек, в целом их погребальные приношения бесспорно уступают вышеупомянутым из гробниц и цист. В сущности, в шахтных могилах встречаются почти все те же предметы, но частота встречаемости их далеко уступает погребальным приношениям, найденным

в гробницах и цистах (табл. VIII). Более того, можно предполагать, что и назначение некоторых видов однотипных изделий было различным. В качестве примера можно привести печати, которые встречены как в тех, так и в других могилах, но смысловое назначение их в камерах и шахтных могилах различалось. Так, печати из гробниц — преимущественно серебряные, а все изображения на них, как это будет показано ниже, подчинены идее власти (крылатая богиня на пантере), силы и мощи (сокол, когтящий двух змей). Иначе говоря, печати в этом случае символизируют собой силу и власть маргианской аристократии.

Таблица VII

Частоты встречаемости разных типов погребальных приношений (в усл. ед.)

	Ямные	Шахтные	Камерные гробницы
Изделия из золота	1	20	100
Печати	1	2	5
Керамические сосуды	1	1,2	3

В то же время, печати из шахтных могил — преимущественно медно-бронзовые, а изображения на них в основном скорее магического характера (различные геометрические узоры, фитоморфные и зооморфные сюжеты), чем личной собственности или символы власти.

Точно так же, навершия жезлов встречены были в обоих типах могил. Но в гробницах они —

преимущественно медно-бронзовые и выполнены с большим художественным вкусом (погр. 555), в то время как в шахтных могилах решительное большинство их — каменные, с простой гладкой поверхностью. Думается, есть веские основания считать, что умершие, захороненные в шахтных могилах, при жизни представляли собой средний класс маргианского общества, вполне зажиточного и процветающего, но явно уступающего по своей социальной значимости и имущественному положению маргианской аристократии.

Пока не доказано, но в высшей степени вероятно, что в маргианском обществе уже произошло разделение светской и религиозной власти, что выражалось в том, что жрецы, при всей их значимости, все же уступали местной аристократии по влиянию и богатству, почему и хоронили умерших жрецов не в гробницах или цистах, а в простых шахтных могилах. В их погребальные приношения не включались как предметы роскоши, так и ювелирные изделия, там присутствовали лишь символы их культово-религиозной значимости.

Наконец, в самых простых по устройству — ямных могилах — захоронены люди с минимальными погребальными приношениями (в виде нескольких керамических сосудов), что не оставляет сомнений в принадлежности их к третьему и самому бедному слою маргианского общества.

Как видим, каждой из трех погребальных

Глава 2

ЗАХОРОНЕНИЕ ЛОШАДИ

конструкций соответствует определенный по «богатству» набор погребальных приношений, и это при том, что практически все камерные гробницы к моменту раскопок оказались разграбленными и дают лишь приблизительное представление об их былой пышности.

Итак, древнее общество Маргианы состояло из трех основных социальных слоев: богатых, которые хоронили своих умерших в цистах и камерных гробницах (5%), среднего класса (75%) и бедняков (20%). Показательно, что в категорию богатых попадают не только взрослые мужчины и женщины, но и дети, указывая на то, что это социальное деление носило наследственный «семейный» характер, не завися от пола и возраста. Сама техника устройства погребальных сооружений также свидетельствует о больших различиях, обусловленных социальной и имущественной дифференциации. Так, устройство камерных гробниц и цист требовало много больших материальных затрат и усилий, в то время как для устройства шахтных могил, а особенно ямных могил, они были несоизмеримо меньшими. Естественно предполагать, что внутри каждого из выделенных «классов» имела и более дробная, внутренняя градация, которая пока может быть прослежена в самом общем виде.

2.1. Лошадь и индоарии

Погребения лошади имеют принципиально важное значение для решения индоиранской проблемы и требует своего особого рассмотрения. Захоронение лошади было встречено на южной окраине некрополя Гонура. Оно располагалось на глубине 65 см под современным дерновым слоем в окружении обычных человеческих могил. Лошадь (возраста до одного года), возможно не случайно, была погребена в полном согласии с мест-

ными погребальными обрядами: на правом боку, в направлении севера, сохраняя анатомически правильное расположение костей скелета, но без головы (Табл. 12, №7). Последнее обстоятельство может указывать на особый культовый характер погребения, т.к. аналогичная ситуация была отмечена в так называемом «захоронении агнца», раскопанном на северном Гонуре (Sarianidi, 1998. р. 33-47), где погребенный ягненок также сохранил правильное анатомическое положение костей, но был без головы. Еще одно захоронение ягненка и также без головы было обнаружено при раскопках теменоса Гонура, где оно было совершено уже после того, как этот памятник был заброшен.

В этой связи необходимо отметить ритуал *asvamedha* — «...возможно наиболее эффектный в древних индийских церемониях» (Mallory, 1991. р. 135), финальная часть которого заканчивается убийством жертвенного животного и расчленением его на три части, которые посвящались соответственно трем разным богам (Mallory, 1991. р. 137). Глухим отголоском этого обряда, дожившего до поздней античности, может быть обряд захоронения головы лошади или помещения ее на дневной поверхности, над могилой знатных кочевников, как это практиковалось, например, у сармат.

По данным палеозоологов, наличие останков молодых особей указывает на то, что животных содержали «при доме» в первый год их жизни, что начисто исключает возможные сомнения относительно того, что в некрополе Гонура была погребена именно одомашненная лошадь. Кроме того, следует специально отметить, что американский палеозоолог Р. Медоу, находясь в Маргиане, среди костных остатков теменоса Гонура обнаружил кости «одной незрелой особи осла (*Equus asinus*)» (Медоу, 1994. с. 90, сн. 2), относящейся ко времени не ранее середины II тыс. до н.э.

Не исключено, что общий индоевропейский обряд расчленения лошади на три части, в Маргиане демонстрируется его индоиранским вариантом, когда у жертвы (ягненок, жеребенок) отрезалась только голова, которая посвящалась Богу.

Как бы то ни было, обнаруженное на некрополе Гонура захоронение молодой лошади — первое бесспорное свидетельство знакомства древних земледельцев Центральной Азии с этим животным (по крайней мере на рубеже III-II тыс. до н.э.) не выглядит чем-то исключительным и особенным. Свыше четверти века назад захоронения двух лошадей были открыты в могильнике Калетай в Свате (Северный Пакистан), где скелеты животных, подобно гонурскому жеребенку, располагались среди обычных захоронений людей (Antonini, Stacul, 1972. p. 228, 291). Если до самого последнего времени захоронение лошадей в Свате выглядело чем-то необычным, то теперь, вместе с аналогичным погребением на некрополе Гонура, они приобретают принципиально важное значение в увязке со все еще нерешенной и чрезвычайно важной индоиранской проблемой. Вопрос о появлении лошади на индийском субконтиненте тесно связан и с индоарийской проблемой, чем и объясняется тот исключительный интерес, который проявляют к нему специалисты.

Существует огромная литература по этой проблеме, которая посвящена тому, чтобы выявить ареал, где ранее всего появились домашняя лошадь и колесницы, а следовательно могли развиться и навыки верховой езды. Это предполагает военное всадничество и наличие боевых колесниц, на которых, как считают многие авторы, индоарии ворвались на индийский субконтинент, с чем и был связан конец хараппской цивилизации. Считается также, что древнейшие колесницы с парой лошадей и костяные уздечки фиксируются в могилах на территории Волго-Донья, Урала и западного Казахстана едва ли не в IV тыс. до н.э., т.е. в энеолите, и уж совершенно определенно в III тыс. до н.э.

Основные доказательства этого усматриваются в наличии костяных изделий, определяемых как псалии, и в присутствии костей домашней лошади, найденных в Деревке. Эта гипотеза столь раннего одомашнивания лошади широко распространилась как в русской, так и особенно в западноевропейской научной литературе. Однако теперь установлено, что жеребец из Деревки датируется не энеолитическим, а много более поздним «скифским» временем, о чем имеется откровенное признание в публикации одного из главных адептов этой теории (Кузьмина, 2000. с. 4).

Как бы то ни было, до сих пор остается на-

иболее распространенной теория, что именно в этом обширном регионе (Волго-Донье, Урал и западный Казахстан) находилась прародина индоариев, откуда они, как считается, верхом и на боевых колесницах начали свое движение, достигнув в конечном счете долины Инда (Kuzmina, 1999). Уже многие годы идут ожесточенные споры и дискуссии о том, где и когда была одомашнена лошадь, т.к. считается, что самые древние традиции коневодства предполагают наиболее раннее появление верховой лошади и колесниц, что в таком случае могло произойти только в среде индоариев. Однако, думается, что принадлежность к этой общности зависит не столько от степени длительности знакомства с коневодством, сколько от конкретной исторической ситуации, сложившейся в начале II тыс. до н.э. на подступах к индийскому субконтиненту, иначе говоря в Центральной Азии, откуда только и могли индоарии проникнуть в долину Инда.

Хотя в Ригведе действительно говорится о всадниках и колесницах, сторонники андроновской скотоводческой принадлежности индоариев несколько преувеличивают подлинную роль лошади в предполагаемой инвазии. Так, согласно К. Ренфрю, ведические гимны более говорят о колесницах с лошадьми, чем о всадниках-кавалеристах, что не одно и то же. Мировая история этого времени не знает примеров, когда бы завоеватели были бы исключительно колесничими и всадниками, т.к. «всадник в составе кавалерии — феномен более поздний и впервые засвидетельствован в Египте и на Ближнем Востоке после битвы при Кадеше» (Ренфрю, 1998. с. 120).

Еще меньше (в сущности их вообще нет) археологических доказательств пребывания скотоводческих андроновских племен в долине Инда, но зато имеются прямые фактические данные о проникновении сюда племен БМАК. Откровенное признание этого факта имеется теперь у Д. Маллори, который исходя из отсутствия следов андроновской культуры на индийском субконтиненте, выдвинул в высшей мере остроумную теорию, которая, однако, не находит своего подтверждения на чисто археологическом материале. Правда следует отметить, что в последнее время этот автор пересмотрел свою старую точку зрения, допуская, что индоиариями могли быть и племена БМАК, о чем подробнее будет сказано ниже.

Здесь следует в который раз (Sarianidi, 1998) специально остановиться на одном, но чрезвычайно важном заблуждении, которое тиражируется во многих работах. Утверждается, что в Маргиане и Бактрии имеется большое число по-

селений со степной кочевнической керамикой, которая от полтавкинской культуры на Волге распространяется так далеко на юг, как Маргиана и Бактрия (Parpola, 1998. p. 123), что абсолютно не отвечает реалиям археологической действительности. Особенно популярна эта гипотеза среди западных исследователей, но инспирирована она была русскими авторами, сторонниками степной, андроновской принадлежности индоариев. В Маргиане имеются единичные поселения степных, андроновских племен и даже встречены отдельные черепки этой керамики на нескольких оседлоземледельческих памятниках. Но все эти факты не выходят за рамки обычных контактов населения земледельческих оазисов и прилегающих степных районов. Можно было бы не останавливаться на этом казусе, если бы многие авторы и в том числе лингвисты не стали использовать его в качестве чуть ли не главного аргумента в своих теориях, согласно которым Маргиана, якобы, являлась промежуточным районом, через который степные племена индоариев двигались на своем пути в Индию.

С точки зрения археологии, свидетельства движения племен индоариев имеются лишь для БМАК, причем, если раньше они ограничивались лишь косвенными данными поздней Хараппы, Джукара и Чанху-Даро, то теперь такие материалы обнаружались на севере Пакистана в Свате. На этом фоне все новых доказательств проникновения племен БМАК в долину Инда странным выглядит утверждение, отвергающее это положение. Высказано и сформулировано мнение, что «новые данные противоречат традиционному взгляду, что поздний горизонт Хараппы-Джукар обнаруживает параллели с БМАК, и, напротив выдвигается теория, согласно которой народ, живший в долине Инда, вступает в прямые контакты с полукочевыми племенами, которые были связаны с ремесленными традициями различного происхождения и которые действовали и передвигались между Средней Азией и Индийской равниной, Иранским плато, Сузианой и Месопотамией в течении III династии Ура и периода Исин-Ларсы» (Jarridge, Quivron, 1999). К сожалению, авторы не указывают, что за археологическую культуру они подразумевают «под полукочевым» народом, блуждавшим от Месопотамии до Индии и Центральной Азии, как, впрочем, и о конкретном характере таких «контактов».

Лошадь упоминается в ранневедической литературе, поэтому считается, что она была домашним животным арийцев, а появление лошади в индо-пакистанском регионе тесно увязы-

вается с приходом сюда индоариев (Stacul, 1987. p. 123). В Свате IV имеется изображение лошади на посуде (Stacul, 1987. Fig. 46, h), а в Ригведе говорится о жертвоприношении лошади и даже сохранился обряд захоронения лошади (Елизаренкова, 1972. с. 204-205).

Пока, вплоть до II тыс. до н.э., на индийском субконтиненте нет свидетельств знакомства местного населения с лошастью. Первым таким бесспорным доказательством могут считаться культурные фигурки из Пирака (Jarrige, Santoni, Enault, 1979. p. 174-177, fig. 92). Считается, что кто бы ни были индоарии, они пришли в долину Инда в середине II тыс. до н.э. как всадники и колесничие. Именно поэтому, в связи с арийской проблемой специалисты проявляют такой огромный интерес к появлению лошади на индийском субконтиненте.

В этом плане погребение лошади в некрополе Гонура приобретает принципиально важное значение, т.к. знакомство маргушцев с этим животным задолго до контактов с населением долины Инда делает их реальными кандидатами (наряду с другими данными) на роль тех самых индоариев, которых вот уже почти двести лет безуспешно ищут специалисты разных дисциплин на огромной территории Евразии.

Захоронения лошадей в Свате отражают почитание ее местным населением. Поэтому они сразу были определены, как ритуальные (Antonini, 1973. p. 241), что в одинаковой степени приложимо и к погребению лошади в некрополе Гонура. Захоронения двух лошадей в Свате долгое время выглядели изолированно как «...не имеющие истоков в культурах ни Индии, ни юга Средней Азии и Ирана, но хорошо известные в евразийских степях с эпохи энеолита» (Кузьмина, 1994. с. 170). Это мнение, однако приходится пересматривать в свете захоронения жеребенка в некрополе Гонура.

2.2. Прародина индоариев в свете новейших материалов

Решительное большинство современных исследователей придерживаются этой старой теории, что индоариями были кочевые племена андроновского типа, которые из бескрайних степных просторов Центральной Азии верхом на лошадях и боевых колесницах в середине II тыс. до н.э. хлынули в долину Инда и положили конец хараппской цивилизации. До открытия БМАК эта гипотеза считалась не только наиболее вероятной, но и едва ли не единственной. Практически все авторы, работающие над этой проблемой, отмеча-

ют близкие параллели между могильниками Свата и преимущественно скотоводческим населением Бишкентской культуры южного Таджикистана (в первую очередь — Тулхарский могильник).

Однако уже Б.Литвинский показал, что могильники Бишкенткой культуры принадлежат оседлоземледельческим племенам типа БМАК, которые в поисках новых земель расселялись из своей метрополии в степные просторы южного Таджикистана, где они вступали в контакты и смешивались со скотоводческими, андроновскими племенами. Со своей стороны отметим, что близкая картина отмечается и в северном Пакистане, где могильники Свата принадлежат, скорее всего, тем же племенам БМАК, но расселявшимся не в северном, а восточном направлении. Достигнув плодородных речных долин Свата, они оседают здесь и, по вполне справедливому мнению Дж.Туччи, постепенно смешиваются с аборигенами (Тусси, 1977. р. 35). Иначе говоря, и бишкентская культура и культура Свата представляют собой своего рода диаспору БМАК, но распространившуюся в двух разных направлениях. Хотя и высказана теория, что в Свате представлены не мирные земледельцы, а завоеватели-скотоводы, силой завладевшие этой территорией (Stacul, 1970. р. 99-100), однако, с нашей точки зрения, безусловно более права К.Фритч, доказавшая на прямых археологических фактах вполне мирный процесс смешения местных и пришлых племен (Fritch, 1977. р. 63). Такое предположение находит подтверждение и со стороны антропологов, указывающих на преимущественное сходство физических особенностей древнего населения страны Маргуш с таковыми жителей северной Бактрии (Сапалли, Джаркутан) и погребениями в могильниках Свата.

После открытия БМАК параллели Свата с этим обширным регионом становятся наиболее показательными и предпочтительными по сравнению с могильниками Бишкентской культуры. Так, в обоих этих регионах существовала поливариантность погребальных обрядов, когда наряду с ингумацией, практиковался последовательный обряд захоронений, засвидетельствованный наличием временных могил, а также фракционных погребений.

В сущности, все основные типы булавок Свата (Stacul, 1987. Fig. 24) (а еще шире — характерные для всего ареала распространения БМАК), точно также как имеющиеся в Свате т.н. косметические палочки (Stacul, 1987. Fig. 42), а также мелкие костяные, каменные и фаянсовые изделия (Stacul, 1987. Fig. 43, c,f,h) обнаружены теперь в некрополе Гонура.

В еще большей степени показательны параллели между этими памятниками по погребальным приношениям и личным украшениям. Уже С.Антонины отметила, что самыми популярными и вместе с тем в высшей степени характерными для Свата являются булавки с навершием в виде диска с шариком под ним. Они полностью отсутствуют в Тулхарском могильнике (Antonini, 1973. р. 242), но зато серебряная копия такой булавки теперь встречена в могиле некрополя Гонура (Sarianidi, 1998. Fig. 25, N. 8). Кроме того, в Свате встречены булавки, украшенные колечками (Antonini, Stacul, 1972. Fig. 24, c), близко напоминающие такую же из Маргианы (Sarianidi, 1998. Fig. 34, N. 1), а вместе они восходят к аналогичным, северо-месопотамским (Mallowan, 1937. Pl. XVI).

Среди мелкой терракотовой пластики Свата выделяются головки терракотовых статуэток с расширяющимися вверх «коронами» (Antonini,

Рис. 11 Сравнительная таблица: Сват и Маргиана.
Comparative table: Swat and Margiana.

Stacul, 1972. Pl. XLVIII, XLIX), близко напоминающая своим обликом точно такие же статуэтки из Туркменистана (Sarianidi, 1998. Fig. 16, N. 2), но с одним важным отличием. Терракотовые статуэтки из Маргианы и Свата объединяет в один иконографический тип их общая поза стоя, в отличие от южнотуркменистанских, всегда изображаемых сидя, что объясняется, скорее всего, их разным использованием при культовых обрядах.

Из Гонура происходит женская статуэтка необычного типа — с чашевидным углублением на голове (Sarianidi, 1998. Fig. 11. N.1), которая прямо напоминает аналогичную трактовку голов женских фигурок из могил Свата (Antonini, Stacul, 1972. Pl. XLVII, L). Костяной, явно церемониальный, топор из Гонура, по мнению Г. Стакул, похож на такой же из Лоебнор 3 (Stacul, 1987. Fig. 40, e). Хотя в отличие от Гонура, в Свате была распространена преимущественно черно и сероошечная керамика, но в обоих регионах бытовали сосуды на ножках, точно также, как и другие, хотя и менее похожие керамические формы, находящие свои преимущественные параллели в посуде БМАК (Рис. 11)

Наконец, оттиски тростникового плетения на донцах маргианских ваз находят прямые соответствия в долине Инда и в Свате (Stacul, 1987. Pl. XVII), к чему следует добавить рисунки пипала (этого типичного растения индийского субконтинента) на ряде маргианских изделий.

Все это не исключает вполне очевидного сходства керамики Свата с керамикой «могильника Н» в Хараппе.

Весьма показательна металлическая «двузубая вилка» из Свата (Antonini, Stacul, 1972. Pl. LVI, d), совершенно аналогичная такой же из Гиссара III (Schmidt, 1937. Pl. IV) и Яз депе в Маргиане.

Эти и некоторые другие параллели со всей очевидностью указывают, что могильники Свата оставлены племенами, расселившимися из ареала распространения БМАК, к чему независимым путем пришел и основной исследователь Свата Г. Стакул, который заключает, что «происхождение культуры Свата периода IV (1700–1400 гг. до н.э.) более связано с прямым приходом сюда племен из Афганистана (БМАК — В.С.), чем косвенным — через Вахшскую или Бишкентскую культуры» (Личное письмо Г. Стакул от 17.XII.1999 г.). В последнее время к этому же склоняется и один из крупнейших специалистов по индоевропеистике Д. Маллори, который прямо отмечает, что могильники Мергар VIII и Сибри в Белуджистане с погребальными прино-

шениями, типичными для БМАК, могут рассматриваться как вероятные кандидаты на роль индоариев (EIEC. p. 311).

2.3. Древние земледельцы БМАК и лошадь

Но вернемся к захоронению лошади в некрополе Гонура. Уже давно были известны свидетельства знакомства древнеземледельческих племен Центральной Азии с лошастью, которые прочно вошли в научный оборот, но до сих пор не получили должной оценки.

В той же Маргиане, на поселениях Келлели и Таип-I в слоях, датируемых началом II тыс. до н.э. (т.е. задолго до появления здесь андроновцев), были встречены кости домашней лошади. На основании этих и других данных палеозоолог Н. Ермолова приходит к однозначному выводу: «... Появление лошади в Средней Азии следует связать с периодом развитой бронзы» (Ермолова, 1986. с. 116, 117, рис. 3). Для эпохи поздней бронзы кости домашней лошади бесспорно известны в Теккем Депе (Ермолова, 1986. с. 117).

Изображения лошади имеются и в соседнем иранском Хорасане. В первую очередь это касается известной цилиндрической печати из Тепе Гиссар III с изображением одноосной колесницы, запряженной лошастью (Schmidt, 1937. Fig. 118), которая, как теперь совершенно очевидно, относится к слоям БМАК. Не менее показательна и великолепная терракотовая головка лошади с аккуратно подстриженной гривой, обнаруженная в верхних кроющих слоях поселения Алтын Депе, также относящихся к БМАК (Сарианиди, 1973). Терракотовые модели одноосных колесниц и статуэтки лошадей были обнаружены свыше пятидесяти лет назад в выбросах земли при рытье современных могил на поселении Намазга Депе и на поверхности этого памятника. Теперь известны изображения лошади на печатях и амулетах Бактрии (Sarianidi, 1998a. N. 1440–1442, 1444–1446), а также бронзовые навершия «посохов» или скипетров, отлитые в виде головы лошади с тщательно заплетенной гривой (Сарианиди, 1982. Рис. 2, №3). Наконец теперь и в некрополе найдено навершие скипетра с изображением лошади. Эти факты позволяют прийти к однозначному заключению о знакомстве древнеземледельческого населения БМАК с домашней лошастью, по крайней мере, уже на рубеже III–II тыс. до н.э.

Другое дело, что в это время лошадь была еще больше экзотическим животным, использовавшимся преимущественно при официальных и парадных

выездах аристократии БМАК. Лишь много позднее это животное стало впрягаться в колесницу и тем более использоваться в древнем хозяйстве как тягловое и пахотное животное.

Новым и бесспорным доказательством знакомства племен БМАК с лошастью служит полуразрушенное погребение Зардча-Халифа в Южном Узбекистане, погребальные приношения которого включают булавку с навершием в виде лошади, удила и костяные псалии вместе с керамикой и другими погребальными приношениями, типичными для БМАК. Последнее обстоятельство дало основание высказать вполне обоснованное мнение о возможном включении долины Зеравшана в зону расселения БМАК (Бобомуллов, 1999. с. 312-313). В самом деле, весь без исключения погребальный набор Зардча-Халифа типичен для БМАК, включая булавку с навершием в виде лошади и, вполне вероятно, псалии. Теперь, в свете открытия могилы жеребенка в Маргиане, совсем не обязательно связывать изображение лошади на булавке со степными культурами андроновского круга, определяемыми «...как отражение первой волны миграции индоиранцев на юг». Представляется методически некорректным вырывать из контекста погребальных приношений 1-2 предмета (булавка, псалии) и противопоставлять их основному погребальному инвентарю и, в том числе, погребальному обряду типичному для БМАК. Думается, что погребение Зардча-Халифа представляет собой, как это уже заметил С.Бобомуллов, типичное для БМАК захоронение, свидетельствуя о расселении этих племен в середине II тыс. до н.э. вплоть до долины Заравшана в поисках новых, пригодных для земледелия мест. Все это не только не исключает, а предполагает контакты со степными племенами, как это документально установлено в зоне обитания племен БМАК.

Захоронение лошади в некрополе Гонура не оставляет никаких сомнений в том, что население БМАК познакомилось с этим животным еще на своей переднеазиатской прародине, а затем принесло его вместе с собой в Центральную Азию в последних веках III тыс. до н.э. Дополнительным доказательством существования коневодства здесь в это время является находка навершия скипетра с изображением лошади в погр. 2380 некрополя Гонура. Очевидно, что в свете вышеприведенных фактических данных должна быть пересмотрена старая гипотеза, что индоариями были исключительно андроновские племена. Следует добавить, что последняя гипотеза была поставлена под сомнение уже пер-

выми исследователями могильников Свата и в первую очередь С.Антонини, вполне справедливо отметившей, что предполагаемые связи между могильниками Тулхар и Сват не находят своего подтверждения ни в керамике ни, особенно, в металлических изделиях (Antonini, 1972. p. 241).

По заключению С.Антонини материалы Свата находят много более убедительные параллели в древнеземледельческих культурах южного Туркменистана (Улуг Депе), Узбекистана (Сапалли) и особенно южной Бактрии (Дашлы). В своих доказательствах она отмечает, что первые попытки проведения подобного рода сопоставлений были сделаны еще раньше (Sarianidi, 1971; Сарияниди, 1972. с. 16-22). Поэтому приводимые параллели материалов из Свата с бактрийскими и маргианскими и в целом с культурой БМАК не являются чем-то новым, а лишь дополняют конкретными данными гипотезу, высказанную почти тридцать лет назад (С.Антонини и В.Сарияниди). Иначе говоря, уже свыше четверти века назад два автора, независимым путем сформулировали одинаковую гипотезу о наиболее вероятной связи могильников Свата не со степными андроновскими, а с древнеземледельческими племенами типа БМАК. Но если раньше это была лишь гипотеза, то теперь в свете новейших материалов, в том числе и с некрополя Гонура, она становится новой теорией, предполагающей не просто сходство культур населения, оставившего эти могильники, а их генетическое родство.

Все исследователи единодушны в том, что долина Свата «...самый лучший кандидат для проникновения индоариев в долину Инда» (Mallogu, 1991. p. 47). Вместе с тем, Д. Маллори вполне справедливо отметил, что «Мы никогда не должны забывать, что серая посуда может только намечать траекторию движения, но не ассоциироваться с иранским этносом» (Mallory, 1991. p. 47). Теперь, в свете вышеприведенных материалов, происходящих из Маргианы и, особенно, из некрополя Гонура имеется уже целый комплекс сходных признаков (керамика, статуэтки, металлические изделия, «временные могилы», культовое захоронение лошади), не оставляющий сомнения в их взаимной, генетической связи. Очевидно, что старая теория о связях населения, оставившего могильник Сват, с южно-таджикистанскими группами (и в первую очередь — с населением, представленным в Тулхаре), должна быть пересмотрена, а учитывая хронологический приоритет БМАК сравнительно с могильниками периода Сват IV есть все основания видеть в последних племена, попавшие сю-

да в результате миграции племен БМАК в общем восточном направлении. На новом месте эти племена постепенно смешались с местным населением, отражением чего и является культура Свата IV.

Следует добавить, что по свидетельству А. Парпола, район Свата совпадает с областью распространения дардских языков, единственных, где сохранились четкие диалектические формы Ригведы, что представляет собой «...раннюю ведийскую культуру» (Парпола, 1994. с. 58). К сказанному следует добавить мнение о Свате Д. Маллори, который прямо заключает: «Наконец, этот район лучше всех совпадает с географией, описанной в гимнах Ригведы» (Mallogy, 1989. p. 47).

Если сопоставить эти лингвистические данные с вышеприведенными археологическими о прямой генетической связи БМАК с могильниками Свата, то станет очевидным, что наиболее реальными кандидатами на роль индоариев и являются земледельческо-скотоводческие племена Центральной Азии. Вместе с тем, нельзя забывать и южный путь возможного расселения индоиранцев, которые через юго-западный Иран и Белуджистан предположительно проникают на индийский субконтинент (Кулли-Мехи), причем свидетельства такого рода увеличиваются с каждым новым полевым сезоном археологических исследований.

Естественно думать, что конкретная история появления индоариев на индийском субконтиненте не была так прямолинейна и проста. Так, по заключению антрополога Б. Хампхилла (Университет г. Нейшвилл, США), на памятниках хараппской цивилизации «нет свидетельств широкого замещения местного населения в результате миграции» (Kenoyer, 1998. p. 61). Во время полевых исследований в Маргиане в устных беседах он неоднократно отмечал отличие захороненных в Гонуре и в Хараппе по краниологическим данным. Вместе с тем по единодушному мнению русских антропологов чере-

па из некрополя Гонура, если и находят сходство, то с населением севера Индийского субконтинента, по антропологическому типу несущего черты южных европеоидов с выраженной примесью веддоидов, о чем подробнее сказано в Прилож. 2.

Как видно, в настоящее время мы стоим лишь на пороге решения этой важной проблемы, конкретизация которой потребует дальнейших исследований многих поколений ученых разных специальностей и в первую очередь антропологов.

Со своей стороны отметим лишь, что по данным лингвистов (Дьяконов, 1986. с. 86) в IV–III тыс. до н.э. племена родственные по языку эламита и дравидам, были распространены «по крайней мере в южном Иране». С этим нельзя не сопоставить данные антропологов (Т. Трофимова, В. Гинзбург) об экваториальной примеси на краниологических материалах Туркменистана IV тыс. до н.э. Кроме того, в середине IV тыс. до н.э. в Восточном Туркменистане распространяются т.н. геоксюрские племена, происхождение которых связывается с Фарсом (Тали Бакун) и, отчасти, — с соседним Эламом. Явно не случайно, это сходство проявляется не только в расписной керамике, но прослеживается в распространении нового типа статуэток и, что особенно важно, новых погребальных сооружений (толосов). Все эти факты с бесспорностью свидетельствуют о широком племенном расселении южно-иранских племен на территорию Восточного Туркменистана (Сарианиди, 1965), вплоть до долины Зеравшана (Саразм).

Не доказано, но вполне вероятно, что пришлое в Туркменистан население говорило на языке, близком протоэламскому, косвенным свидетельством чему служит т.н. протоэламская экспансия на восток, документируемая находками письменных табличек в Шахри Сохте, Шахдаде и, особенно, в Тепе Яхья, т.е. вплоть до Белуджистана.

С другой стороны, есть веские основания

Глава 3

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРИНОШЕНИЯ И ЛИЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ

предполагать взаимные связи, временами переходившие в межплеменные передвижения между Центральной Азией и Индийским субконтинентом. Доказательством тому служат распространение белуджистанской керамики и браслетов из морских раковин в долине Зеравшана (Саразм), свидетельствуя о появлении здесь каких-то северо-белуджистанских племен.

О сложности миграционных процессов можно судить по распространению т.н. «керамики цветного стиля» и женских терракотовых статуэток «геоксюрского стиля» в долине Гумла, в Белуджистане), что по вполне справедливому мнению ряда археологов (Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973) указывает на влияние, идущее в обратную сторону из восточного Туркменистана вплоть до Белуджистана.

Показательно, что эти двусторонние связи выходят далеко за рамки обычных обменных, торговых и культурных контактов, а перерастают вплоть до прямого племенного расселения (Массон, 1989. с. 186).

Даже этот, чрезвычайно сжатый, обзор племенных взаимоотношений индо-иранского и центральноазиатского регионов дают право предполагать, что южные области древнего Туркменистана, подобно соседнему Ирану, входили в зону распространения эламо-дравидийских языков.

3.1. Общая характеристика. «Женский» и «мужской» наборы

В археологической литературе широко распростран термин «погребальный инвентарь», который не делает различия между личными украшениями и погребальными приношениями. В самом деле, разделить их между собой можно очень условно, например тогда, когда к личным украшениям относятся серьги, кольца, браслеты,

бусы, диадемы, головные и одежные заколки или булавки, косметические принадлежности (флаконы, косметические палочки, т.н. лопаточки) и другие менее существенные изделия. К погребальным приношениям со всей определенностью можно относить керамические, каменные и металлические сосуды, престижные изделия (т.н. миниатюрные колонки, «посохи», «гири», каменные диски, церемониальные топоры, каменные и металлические навершия скипетров). В единичных случаях имеются профессиональные приношения, как, например, инструменты мастера-каменщика (погр. 1200). С учетом этих обстоятельств обратимся к обзору разнообразных артефактов, встреченных в могилах некрополя Гонура.

Как уже отмечалось, свыше 80% могил некрополя Гонура оказались разграбленными еще в древности, что бесспорно ограничивает наши общие представления о былых погребальных приношениях. Тем не менее, даже на этом ограниченном материале удалось выявить некоторые закономерности, имеющие принципиальное значение для реконструкции общественного строя древней страны Маргуш.

Статистические подсчеты показывают, что 29%, т.е. треть находок из неразграбленных могил встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Это — керамические и бронзовые сосуды, бусы из камня, фаянса и металла, пряслица и «косметические палочки», костяные заколки, зеркала, косметические «лопаточки» и косметические флаконы. Однако при этом, их количество в женских могилах в два-три (а в некоторых случаях — в десятки) раз выше, чем в мужских. Иначе говоря, женские захоронения намного «богаче» мужских, так что имеется возможность в предварительном порядке выделить «женский» и «мужской» погребальные наборы.

«Женский набор» значительно шире и разнообразнее мужского и включает в себя 18 на-

именований предметов, составляющих 44% от всего обнаруженного набора. Он включает модели серебряных сосудиков, золотые и серебряные бусы, косметические палочки и флаконы, зеркала, «лопаточки» бронзовые и фаянсовые печати, серьги и браслеты, раковины или бусы из них, нашивные пуговицы, заколки (в том числе костяные) и диадемы, золотые бляшки. Керамических сосудов в женских погребениях вдвое больше, чем в мужских. В целом же, женский погребальный набор можно отличить преимущественно по ювелирным и косметическим изделиям.

«Мужской набор» включает в себя 11 наименований предметов, составляющих 27% от всех учтенных изделий и состоит из сосудов, бронзовых церемониальных топоров, (один костяной) сигнальных труб, каменных посохов, бронзовых наверший от жезлов, «миниатюрных колонок», свинцовых колец, металлических ножей и кинжалов, кремневых наконечников стрел. Как видно, в основном это массивные предметы, отражающие силу и власть мужского населения древней страны Маргуш. В высшей степени показательно, что практически все престижные, социально значимые символы власти находятся в мужских, а не женских погребениях, указывая на их бесспорно много более высокое общественное положение и ведущую роль в социальной жизни древней страны Маргуш.

Возможно не случайно, что аналогичная картина наблюдается и в северной Бактрии (Сапалли, Джаркутан), где женские погребальные приношения «богаче» мужских (Алексин, 1986. С. 28). После этих предварительных замечаний обратимся к конкретному археологическому материалу из некрополя Гонура.

3.2. Погребальная керамика

Керамические сосуды составляют наиболее массовый тип погребальных приношений некрополя Гонура. Однако прежде чем перейти к ее исследованию, следует отметить, что часто дно погребальной посуды несет следы стертости, что указывает на ее употребление в каждодневном быту до того, как она была поставлена в могилы. В ряде случаев в могилах имеются явно бракованные, сильно пережженные (иногда потрескавшиеся) сосуды, указывая на некоторое пренебрежение в выполнении древними маргушцами погребальных обрядов.

Вся керамика из могил была исследована Б.Удеумуратовым, который пришел к следующим предварительным выводам, взятым из его научного отчета о археологических работах за

1998-2000 гг. (Табл.14, 15, 16,17).

«При изучении погребальной керамики учитывались, главным образом, следующие показатели: форма сосуда, его морфология, фактурные (цвет черепка, состав глины) и технологические признаки. На этом основании всю посуду гонурского некрополя можно разделить по семи основным признакам.

Группа 1 – посуда с красным, розовым или коричневым в изломе и светлым снаружи черепком.

Группа 2 – посуда так называемого «намазинского» типа со светло-зеленоватым черепком.

Группа 3 – посуда, имеющая на изломе и снаружи красный, розоватый или коричневый по цвету черепок.

Группа 4 – кухонные сосуды, изготовленные из глины, содержащей большую примесь кварца, дресвы, песка или шамота.

Группа 5 – серая или черно-глиняная посуда.

Группа 6 – керамика с красной облицовкой красноангобированная).

Группа 7 – бракованная при обжиге керамика.

Во избежании терминологической путаницы к этим семи группам прилагается Рис. 12а, основных керамических форм, так что форма сосуда с его морфологическими признаками является определяющей.

В статистическую обработку были включены 1820 целых или археологических целых сосудов, происходящие из раскопок некрополя за 1999-2000 гг. Основная масса погребальной керамики представлена посудой, изготовленной на гончарном круге (98,3%). Лепная посуда составляет лишь 1,7%, и включает как кухонную, так и столовую посуду.

Как гончарная, так и лепная керамика изготовлена из высококачественной глины хорошей отмучки. Распределение фактурных групп керамики выглядит следующим образом: Группа 1 — 85%, Группа 2 — 3,3%, Группа 3 — 7,8%, Группа 4 — 0,4%, Группа 5 — 2,4%, Группа 6 — 0,7% и Группа 7 — 0,4%. Как видно из приведенных данных, доминирующей является светло-фонная керамика и в значительно меньшей степени — краснофонная. Отмечается также почти шестикратное превосходство серой и черной посуды над кухонной, что практически не характерно для раскопанных памятников южного Туркменистана эпохи бронзы.

Орнаментированная керамика составляет менее 1% (20 ед.) от общей массы, причем 14 из них составляют сосуды (только высокие кубки) с примитивной росписью в виде редких горизон-

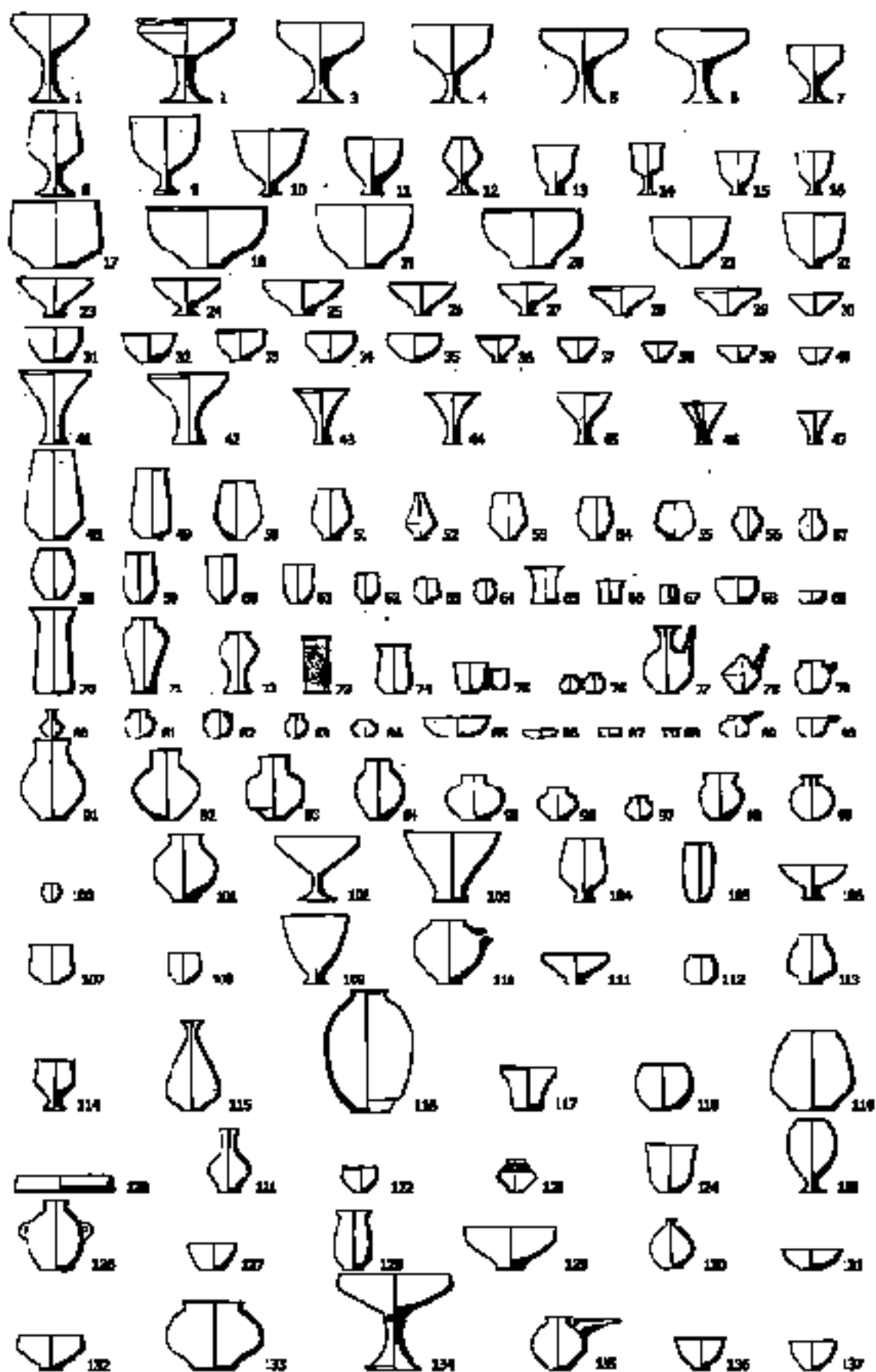

Рис. 12 Основные типы керамики
Main types of ceramics

тальных и вертикальных полос нанесенных красной краской по светлому фону. Возможно не случайно, 95% таких расписных кубков были встречены только в камерных гробницах и кенотафах, что может указывать на ее преимущественно культовое назначение при погребальных церемониях. Другим видом орнамента является гравировка -нацарапанные на стенках до обжига изображения дерева и различных знаков-символов.

Формы сосудов некрополя Гонура насчитывают около 150 типов, но частота встречаемости их крайне неравномерна. Так, редко встречаемые формы (от 1 до 3 единиц) составляют 36,3% от всей учтенной посуды и представлены 48 типами (формы №1, 7, 12, 22, 27, 32, 35, 36, 39, 40, 67, 73, 74, 82, 86, 88, 99, 100, 104, 109, 111, 115, 116, 120, 122, 126-132, 135-140).

Редко встречаемые формы (72 типа), представленные 4-28 единицами, составляют 54,5%. Наконец, наиболее часто встречаемые формы составляют 12 типов (№28, 29, 49, 50, 51, 53, 54, 59, 70, 92, 96, 97). В их числе следует отметить конические чаши, банки, цилиндрические сосуды с отогнутым наружу венчиком и горшки. Как показывают статистические данные, именно эти формы и составляют наиболее распространенную часть погребальных приношений некрополя Гонура.

Керамический комплекс некрополя Гонура хорошо синхронизируется с материалами не только южного Туркменистана (Алтын Депе, Намазга Депе), но и Бактрии (Сапалли, Джаркутан, Дашлы), Белуджистана (Мергар VIII) и восточного Ирана (Гиссар III, Шахдад, Сохри-Сохте IV).

Гонурский керамический комплекс может быть подразделен на две группы, которые с одной стороны обнаруживают значительное количество соответствий между собой, а с другой — отличаются рядом признаков. Их хронология легко устанавливается по радиокарбонным датам близких комплексов Центральной Азии (Аскаров, 1977; Дайсон, Ховард, 1983; Жарриж, 1982; Agraval, 1971; Salvatori, 1985; 1994).

Первая и наиболее ранняя группа соответствует концу III — первой трети II тыс. до н.э. Она характеризуется наличием вазообразных сосудов с едва заметным изломом венчика (формы 43, 44, 47), горшков с расширяющимся туловом и узкой горловиной (формы 71, 72), бокалов на приземистом поддоне (форма 112), а также специфичных горшков алтыновского типа (форма 124), цилиндрических сосудов с отверстиями (форма 73) и цилиндрических же, слегка сужающихся кверху, с отогнутым наружу

венчиком сосудов (форма 70). Возможно не случайно, только с этими формами были встречены антропоморфные статуэтки.

Вторая группа, которую можно датировать второй четвертью II тыс. до н.э., соответствует материалам переходного этапа от развитой к поздней бронзе или комплексам типа Намазга V и VI. Наиболее характерными сосудами являются вазы на ножке с загнутым внутрь венчиком (формы 66-104), бокалы различных конфигураций (формы 8-11, 14), полусферические миски с рифлением на дне резервуара (форма 85), крупные чаши типа тагоры (формы 105, 120), крупные, иногда расписанные 2-3 красными горизонтальными полосами горшки (форма 136) и конические чаши с загнутым внутрь венчиком (формы 114, 135). Кроме того, только в этой группе встречаются сосуды с характерной красной об-

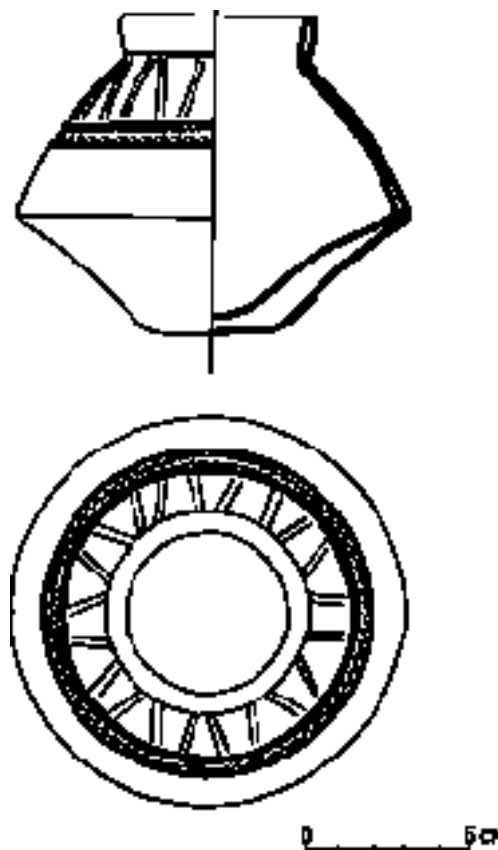

Рис. 13 Сероглиняный сосуд
Vessel of gray clay

лицовкой.

В тоже время, в керамическом комплексе некрополя Гонура не заметно материалов типа позднего Намазга VI. Точно также ни в одной могиле не была встречена керамика степного круга или вазы и бокалы на балясовидной ножке, столь характерные для поздних комплексов посуды северной Бактрии.

К сожалению, в настоящее время нет возмож-

ности дать более детальное хронологическое деление, однако можно уверенно говорить, что оба выделенных керамических комплекса тяготеют к керамике БМАК.

К этой общей характеристике погребальной керамики некрополя Гонура следует добавить индивидуальные формы, часть которых указывает на более отдаленные параллели (Табл. 2, №1-7).

Так, имеется фрагмент чаши, происходящий из разрушенной трассой канала могилы, с типичным расписным орнаментом времени позднего Намазга IV (Sarianidi, 1998. Fig. 11, N. 6). Из другого, разрушенного трассой канала погребения происходит средних размеров сосуд с четырьмя сливами, в виде рогатых голов быков (Sarianidi, 1998. Fig. 10, N. 7).

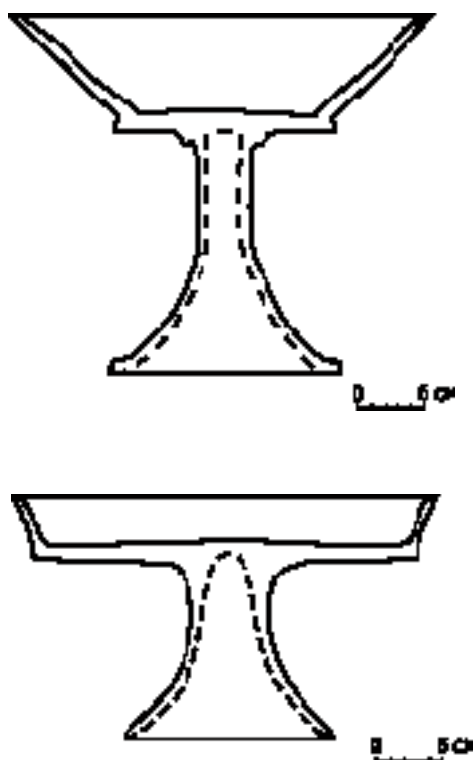

Рис. 14 Вазы
Vases

В погребении 717 встречен был целый сероглиняный сосуд с нацарапанным орнаментом времени Намазга VI или Гиссар III (Табл. 16, №4; Рис.13). Столь же необычен сероглиняный лощеный сосуд (Табл. 18, №6) не с плоским, а напротив, округлым дном, встреченный вместе со скелетом, череп которого по определению антропологов несет экваториальные черты (Приложение. III). Точно также имеются сероглиняные графины, сосуды с длинным носиком (Табл. 18, №9) и в виде антропоморфной фигуры прямо повторяющие керамику иранского Хорасана (Гиссар-Тюренг Тепе-Шах-Тепе). Сероглиняная

керамика немногочисленна и скорее всего представляет иммитацию хорасанской, хотя отдельные образцы (сосуд с длинным носиком) скорее всего представляют импорт из северо-восточного Ирана.

Среди погребальной керамики встречены и сосуды, отражающие влияние керамического искусства хараппской цивилизации, промежуточное место между которыми занимает керамический комплекс Свата и Шортугая. Это — две вазы на высокой ножке, которые в целом повторяют популярные в Маргиане керамические формы, но отличаются не мягкими, а напротив резко очерченным профилем и сильно расширенным раструбом полый ножки (Рис. 14а). Один из них сохранил на дне скобчатые вдавления, характерные для посуды Свата. Оба сосуда покрыты снаружи ярко красной красочной облицовкой (Рис. 14б). Также о связях с долиной Инда указывают цилиндрические сосуды с широким отверстием на дне и серией сквозных, маленьких дырочек на корпусе (Табл. 18, №7). Все эти признаки являются наиболее характерными для керамики хараппской цивилизации.

В еще большей степени выделяются четыре сосуда явно местного изготовления (два кубка и один кувшин) с фигурными венчиками в виде полуovalов. Наряду с этим, встречено два бокала на ножке, имеющие по венчику четыре «оттянутых» наружу «уголка» (Табл. 2, №4), что близко напоминает аналогичные, но с ручками, из Анатолии как, например, в Канише (T.&N. Ozguch, 1953. Pl. XXI, XXXI), Алишаре где они «достаточно часты в могилах» (Schmidt, 1932. P.III, Pl. XI), а также Инандик Тепе (Ozguch, 1988, Fig. 31) и многих других памятников бронзового века Малой Азии и Сирии.

Сосуд в виде полого круга с выделенным горлом (нижняя часть которого не сохранилась) встречен в некрополе Гонура в единственном экземпляре и больше пока не только в Маргиане, но и во всей Центральной Азии для этого времени не известен (Табл. 18, №8). Близкие по типу сосуды, но с ручкой, встречаются в той же Анатолии, начиная с Трои II (2500-2000 до н.э.). Особенно популярными они становятся, начиная с раннехеттского царства (Bittel et al, 1984. Abb. 14; Blegen et al, 1963. Fig. 406). Исключительный интерес представляет один такой сосуд из Сирии, относящийся к периоду 3500-3300 до н.э., который по справедливому мнению Е. Стромменгер уникален и использовался для возлияний во время религиозных церемоний. На это (помимо его необычной формы) указывает и место обнаружения его — в религиозном и одновремен-

Рис. 15 Орнаментированный сосуд
Vessel with ornament

но административном центре. И хотя маргианский образец представляет упрощенный вариант сирийского, показательно, что оба они имеют тщательно залощенную поверхность (Strommenger, 1985. P. 114, Fig. 33). Возможно не случайно, такие круглые сосуды, но с горлом не наверху сосуда, а сбоку, известны были в Египте и Кикладах

Особняком стоит цилиндрический сосуд с двумя парами выступающих шипов у дна и с изображением нацарапанного дерева, по обе стороны от которого стоит пара налпных козлов (Рис. 15).

3.3. Антропоморфная пластика

Терракотовые статуэтки

В нескольких погребениях встречены плоские женские терракотовые фигурки (в единичных могилах — по две статуэтки, как например в погр. 359), изображающие богинь местного пантеона. Статуэтки отмечены двух типов: в виде стоящей женской фигуры с налпными глазами ромбической формы, прорезные щелки которых нередко закрашены черным цветом, и головой, увенчанной расширяющейся вверх короной, нередко украшенной косыми нацарапанными полосками с парой сквозных отверстий в углах. Одна такая корона (погр. 806) сохранила два медных колечка (Табл. 3, № 7), вставленных в эти отверстия, что до определенной степени напоминает аналогичную традицию украшения каменных статуэток Гиссар III (Schmidt, 1937, Fig. 114), и в особенности терракотовых фигурок Сирии и

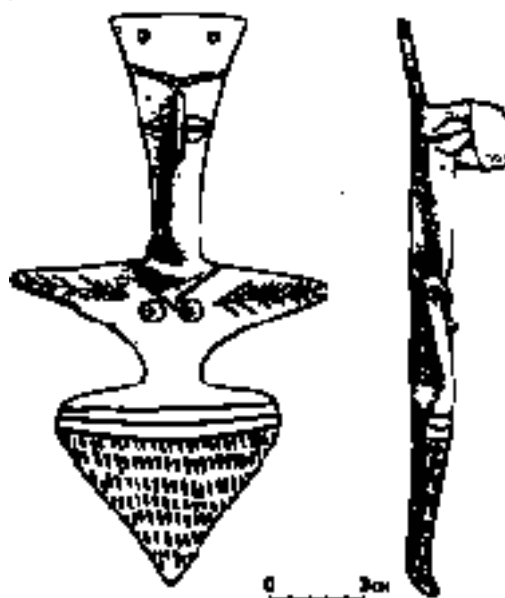
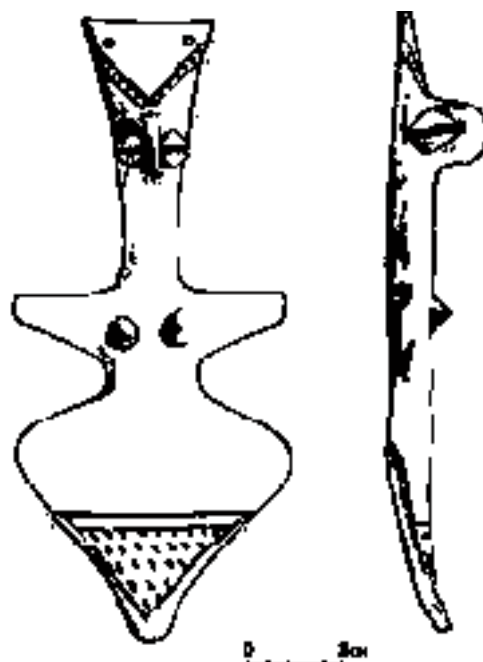

Рис. 16 Женские терракотовые статуэтки
Female statuettes of terracotta

Палестины. Руки всегда расставлены в стороны, причем в ряде случаев плечи украшены нацарапанными знаками, возможно передающими персонафикацию конкретного божества, как, например, «Богиня растительности», «Богиня воды» и т.д. Ноги на статуэтках не обозначены совсем, внизу живота нацарапан большой треугольник, часто заполненный мелкими косыми насечками. Бюст передан небольшими конической формы налпами (Табл. 3, № 7; рис. 18).

Второй тип статуэток представлен более схе-

матичными фигурками без признаков пола в виде плоского треугольника без рук и без «корон» (хотя на затылке фигурки часто имеется одно отверстие), иногда с изображением на шее нацарапанного ожерелья и тех же знаков-символов на плечах (Табл. 3, № 8, 9).

Все такие фигурки, вне всякого сомнения, происходят от южнотуркменистанских эпохи средней бронзы (период Намазга V) с одним, но существенным отличием: все они вылеплены в стоящей позе, в то время как южнотуркменистанские всегда изображались в сидящей. Это различие имеет существенное значение т.к. разная поза женских богинь может указывать на их разное назначение. Сидящие богини южного Туркменистана, скорее всего, помещались в специальные ниши в домах (что и определяло их позу), в то время как более поздние, стоящие, по-видимому, преимущественно предназначались для помещения их в могилы.

Составные статуэтки

Уже около четверти века назад на антикварном рынке Кабула (а позднее на рынках Европы и Америки) появились так называемые составные (или иначе — композитные) статуэтки, происходящие из разграбленных могил Бактрии. *По всей видимости, терракотовые статуэтки вышеописанного южнотуркменистанского типа, найденные в могилах, заменяли именно такие каменные составные статуэтки).*

Одна глиняная фигурка, копирующая каменные составные статуэтки, была найдена в цисте некрополя Гонура вместе с богатыми золотыми украшениями (погр. 560) и представляла собой сидящую (без признаков пола), по-видимому, женщину со сложенными на груди руками и вытянутыми вперед ногами (Табл. 3, №1). Лицо — с большим клювовидным носом, с миндалевидными глазами, подчеркнутыми сверху изогнутыми бровями и с шапочкой окрашенной черной краской. Маленькие, тонко моделированные наклепные уши дополняют общий женский образ, свидетельствуя о высоком профессионализме мастера-изготовителя. На торсе фигурки черной краской изображено сильно декольтированное платье с глубоким вырезом спереди, переходящим на спину.

Вторая глиняная статуэтка (Табл. 17 №10) обнаружена в захоронении юноши 13-15 лет в пифосе, но не в некрополе, а на руинах дворца северного Гонура, вместе с золотыми бусинками и ожерельем из полудрагоценных камней. Это — сидящая фигурка с огромными глазами и выделенными зрачками, с подчеркнутыми

Рис. 17а Составные статуэтки. Гипсовая отливка
Composed statuette. Gypsum cast

сверху полукруглыми бровями, большим носом и тонкими губами. Голову ее венчает круглая шапочка, окрашенная черной краской. Руки статуэтки сложены на груди, ноги скрыты под длинным и пышным платьем в виде сильно декольтированного балахона, окрашенного также в черный цвет, оставляющего открытыми плечи и шею.

Обе эти скульптурные фигурки, скорее всего, подражали каменным составным статуэткам и заменяли их в качестве погребальных приношений, что вполне объяснимо для страны, бедной камнем.

Каменные стеатитовые торсы, украшенные резными «язычками», мраморные руки и мраморные же головки от подлинных составных статуэток были ранее встречены при раскопках дворца и теменоса Гонура, которые впервые с документальной точностью подтвердили их подлинную принадлежность к эпохе бронзы.

Рис. 17б Стеатитовая статуэтка
Steatite statuette. Grave 1799

Наконец, составная статуэтка, выточенная из черного стеатита в типично шумерийском одеянии «каунакес», украшенным нацарапанными «язычками» и точно соответствующая типичным бактрийским композитным статуэткам, была найдена в одной разграбленной камерной гробнице (Табл. 3, №6; Табл. 19, №11).

В другой могиле впервые была обнаружена гипсовая отливка составной статуэтки (Табл. 3, №4), хотя и без головы, но с мраморными руками, сложенными на коленях (Рис. 17а).

Пышное одеяние ее в виде «каунакес», подобно другим статуэткам, было украшено нарезными «язычками» (Табл. 19, №10). *Хотя обе они не сохранили голов, углубления с остатками красного клеящего вещества на торсе не оставляют сомнений, что в них крепились мраморные головки, наподобие одной такой, встреченной при раскопках теменоса. Доказательством тому служит полностью сохранившаяся композитная статуэтка (Табл. 3, №5), располагавшаяся у изголовья женского погребения из могилы 1799 (Рис. 19.б).*

Двухсоставной торс ее выточен из черного стеатита и передает пышное одеяние типа шумерийского «каунакес», украшенное нацарапанными «язычками». Отдельно изготовленные из белого мрамора голова и руки и представленные к телу дополняют общий образ статуэтки, точно копирующей известные бактрийские, но происходящие из грабительских раскопок.

Первые такие композитные статуэтки из разграбленных могил Бактрии, сразу же после их появления на антикварных рынках Европы и Америки, вызвали большой интерес среди специалистов. Как теперь очевидно, каменные составные статуэтки, хотя и редко, но были помещаемы в древние могилы не только Бактрии, но и Маргианы, а возможно и еще шире — во всей зоне распространения БМАК, вплоть до Белуджистана, как это можно судить по «кветтскому кладу» (Jarrige, Hasan, 1989).

Несмотря на то, что сведения о композитных статуэтках появились достаточно давно, среди исследователей до сих пор нет однозначного мнения не только о том, кого они изображают, но даже о том какой — мужской или женский — образ они передают. Было выдвинуто предположение, что статуэтки могли изображать самих покойников (что представляется маловероятным) или божеств местного пантеона и даже, возможно, являлись статуарными изображениями богини плодородия, наподобие шумерийской Инанны или семитской Иштарь (Carter, 1997. P. 326).

Одна такая статуэтка, попавшая в Музей Метрополитен (Нью-Йорк), сохранила красноватые пятна на спине, которые по данным лабораторных исследований являются красящим пигментом, и в таком случае, возможно, происходят от ткани, в которую она была завернута. Здесь же отметим, что красная краска на некоторых изделиях из «могилы камнереза» (погр. 1200) Гонура, скорее всего является остатками клеящего вещества.

В настоящее время опубликована исчерпывающая сводка всех известных композитных статуэток Ближнего Востока (Winkelman, 1999), не оставляющая сомнений в западном, по отношению к Маргиане, происхождении таких статуэток. И, хотя точное происхождение их неизвестно, аккадско-эламские корни их представляются наиболее вероятными. Думается, что обычай помещать композитные статуэтки в могилы был присущ пришлым с запада племенам, которые и на новом месте продолжали сохранять свои собственные погребальные традиции. Однако в Маргиане и отчасти в Бактрии, где в естественном виде камень отсутствует, каменные составные статуэтки постепенно замещаются глиняными (и даже гипсовыми отливками), а затем и терракотовыми, южнотуркменистанскими.

Независимо от их подлинного назначения необходимо отметить, что решительное большинство статуэток передает один общий антропологический облик людей с длинными выступающими вперед, слегка изогнутыми носами, маленькими пухлыми губами, миндалевидными глазами и тонким овалом лица.

3.4. Зооморфные статуэтки

Зооморфные изображения представлены единичными терракотовыми или глиняными фигурками животных, вылепленными весьма грубо и обобщенно. Выделяются скульптурки горбатых быков и, предположительно, козлов -баранов. Налепная терракотовая фигурка лягушки, и некоторых животных, встреченные в старых выбросах могил, бесспорно относятся к несохранившимся культовым сосудам, столь широко представленным при раскопках храмов Маргианы типа Тоголок-1 и 21 (Sarianidi, 1998. Fig. 10, N 1-3)

3.5. Металлические изделия

Хотя в могилах некрополя Гонура было встречено сравнительно большое количество металлических изделий, ни одно из них не было изучено в лаборатории. Поэтому все найденные пред-

меты условно обозначены как медно-бронзовые. Вместе с тем, встречены свинцовые, золотые и серебряные изделия, но ни одного железного.

Предшествующими работами было установлено, что в противоположность Бактрии, где были известны оловянистые и свинцовистые бронзы, в Маргиане были более распространены мышьяковистые (Авилова, Терехова, 1989. С. 290–296), которые сходны с медно-мышьяковистыми сплавами иранского плато (Яхья IVA, Хинеман, Шахдад)

Маргиана как равнина, расположенная в бассейне долинной реки Мургаб, лишена естественных залежей металла, что казалось бы предопределяет бедность находок металлических изделий. В то же время установлено, что Анатолия и иранское плато маркируют два центра в системе всего Ближнего Востока, где появляются наиболее ранние металлические изделия, что в свою очередь подразумевает богатейшие естественные запасы. Кроме того, в Бадахшане отмечается совместное присутствие свинца и золота — этих, едва ли не самых редких, видов цветных металлов. Высказывается даже мнение, что Афганистан, возможно, являлся главным источником металла для Месопотамии, Ирана и Индии уже с древнейших времен. *Думается ирано-афганский металлургический центр и являлся той рудной базой, на которой основывалось древнее металлургическое производство столь широко представленное в находках некрополя Гонура.*

Прежде чем обратиться к самим медно-бронзовым изделиям необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Часть изделий, встреченных в могилах некрополя Гонура, как, например, кинжалы, ножи, наконечники копий, булавки и некоторые другие предметы, повидимому, была умышленно согнута, скорее всего, в магических целях, что уже давно было отмечено для других древних культур.

Решительное большинство серебряных предметов изготовлены из низкопробного серебра так, что в момент находки все они были покрыты зеленой патиной, характерной для медно-бронзовых изделий.

Наряду с этим, встречены медно-бронзовые печати, косметические флаконы, булавки, которые оказались покрытыми серебряной пленкой и выглядели как бы «посеребрёнными», что предполагает владение маргушцами весьма сложной особой техникой изготовления. Уже было установлено, что в Передней Азии были знакомы с особой техникой (ликвацией), которая ускоряла процесс диффузии и выталкивания мышьяка в

наружную часть отливки, что приводило к образованию на ее поверхности мышьяковистой оболочки, создающей впечатление подлинно серебряного изделия (Рындина, Коньков, 1982.

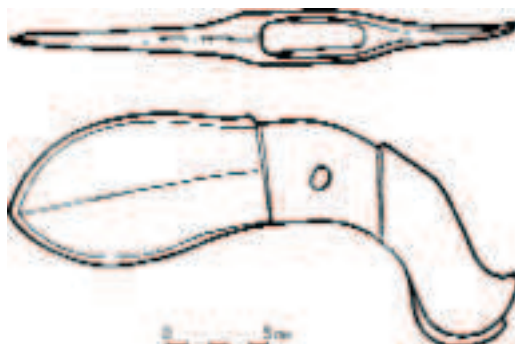

Рис. 18 Медно-бронзовый церемониальный топор
Copper-bronze ceremonial axe (burial 517)

С. 30). Считается, что такая специфическая и сложная технология изготовления ювелирных изделий имеет критоминойское происхождение, и была известна еще только в Анатолии. Теперь эта технология отмечена и в Маригане, куда она могла быть привнесена пришедшими новыми племенами.

После этих предварительных замечаний перейдем к конкретному рассмотрению разных видов металлических изделий.

Церемониальные топоры

Очень редкий тип изделий (длина 7–15 см), характерной особенностью которых являются *преднамеренно затупленное лезвие и обух, отлитый в виде «петушиного хвоста»* (Табл. 4, № 5–9). В настоящее время такие топоры встречены лишь в *нескольких* могилах некрополя Гонура и заслуживают более подробного описания.

Так, из погр. 517 происходит массивный топор с клювовидным лезвием и «двойным», загнутым на конце, обухом в виде «петушиного хвоста» (Рис. 18).

Втулка со сквозным отверстием для крепления частично сохранившейся деревянной рукояти поставлена не строго перпендикулярно, а наискосок, что является характерным признаком всех церемониальных топоров. Отливка обуха в виде «двойного» петушиного хвоста очень редка и мне известен пока еще только один такой образец среди неопубликованных материалов Бактрии из коллекции Анахит Галлерей (США) *с которым я мог ознакомиться благодаря любезности Президента этой галереи Энди Хейл. Лезвие топора до определенной степени напоминает птичью голову в профиль с длинным клювом,*

Рис. 19 Медно-бронзовый церемониальный топор
Copper-bronze ceremonial axe (burial 1500)

круглым глазом, а обух «двойной» петушиный хвост.

Намного более просто выглядит топор из погр. 149 с расширяющимся, но затупленным лезвием, опущенным вниз обухом и сквозным отверстием на втулке для закрепления деревянной ручки (Табл. 4, №9).

Зато третий образец, происходящий из «погребения жреца» (погр. 1500), представляет неизвестный ранее в ареале распространения БМАК уникальный топор. Он имеет расширяющееся лезвие и обух в виде головы петуха с большим гребешком и длинным, слегка загнутым клювом; втулка сохранила сквозное отверстие для крепления деревянной ручки (Рис. 19).

Еще один небольшой топорик (длина 9 см) обнаружен в погр. 963. Он имеет слегка расширяющееся лезвие и опущенный вниз обух. Верхнюю часть втулки с отверстием для крепления ручки украшают два слабо изогнутых выступа, отдаленно напоминающих птичьи головки.

Церемониальные топоры встречены были ранее на других памятниках Маргианы, и, возможно не случайно, все они происходят из культовых зданий (Sarianidi, 1998. Fig. 25), причем топор из теменоса Гонура сохранил деревянную ручку длиной около 0,5 м.

Церемониальные топоры Бактрии частично уже опубликованы (П.Амье, М.Поттье Д.Лигабуэ, В.Сарианиди), причем помимо Бактрии и Маргианы, они известны еще в восточном Иране. Два церемониальных топора, правда более парадные и художественно исполненные, из могильника Шахдад (Nakemi, 1997. p. 207, 208) близко напоминают топор из теменоса Гонура.

Доказано, что подобного типа топоры с затупленными лезвиями и обухом в виде петушиного хвоста являются парадными и, скорее всего, использовались при ритуальных церемониях,

что, как будто бы, подтверждается обнаружением топора в виде головы петуха из погр. 1500 некрополя Гонура вместе с явно культовыми погребальными приношениями. (миниатюрная колонка, «посох»). П.Амье первый показал связь подобных церемониальных топоров Бактрии с Эламом, а теперь со всем основанием то же можно сказать и про топоры Маргианы. Близкие по типу церемониальные топоры известны из Луристана, однако с точностью пока не установлено, являются ли они импортом из Бактрии (П.Амье) или, напротив, имеют местное происхождение и были инспирированы отсюда в Бактрию (Е.Херцфельд, В.Сарианиди).

В публикациях уже было обращено внимание на топор-молот с надписью «Во имя божественного Шульги¹», который находит типологическое сходство с некоторыми бактрийскими топорами. На этом основании было высказано мнение как об общем бактрийском происхождении таких топоров (Potts, 1994), так и об их происхождении из восточного Ирана (Arus, Harper, Tallon, 1992. P. 92). Однако обе эти версии требуют дополнительных доказательств.

Характерным признаком топора-молота Шульги из Элама являются две скульптурные, реалистично выполненные птичьи головки, причем еще одно точно такое же, но серебряное изделие имеется в коллекции Г.Ортис. Среди церемониальных топоров Бактрии, происходящих из разграбленных могил, известен типичный топор-молот с двумя коническими выступами на втулке, которые, возможно, имитируют «выродившиеся» фигурки птичек эламского прототипа (Сарианиди, 1977. Рис. 34. N.5). К нему теперь можно добавить рассматриваемый топорик, также с двумя слабоизогнутыми выступами у втулки из некрополя Гонура.

Все эти факты дают основание прийти к выводу о типологической близости подобных топоров Гонура с бактрийским, а вместе они восходят к эламскому прототипу. Иначе говоря, бактрийско-маргианские образцы топоров с выступами наверху втулок были скопированы с эламских, но изготавливались здесь на месте, когда мастера уже забыли, что первоначально топоры украшались птичьими головками, которые они «по незнанию» заменили простыми коническими выступами.

Как видно, происхождение церемониальных топоров БМАК от эламско-луристанских представляется вполне вероятным, однако имеются некоторые косвенные данные, позволяющие предполагать и их более отдаленное происхождение. Уже было отмечено, что наиболее художест-

¹ Месопотамский царь Шульга, правивший в 2000 г. до н.э. завоевал Элам, откуда и происходит данный топор.

венно выполненные церемониальные топоры Бактрии и восточного Ирана, происходящие из Шахдада и, особенно, из Хинемана, с лезвием в виде полумесяца (Curtis, 1989. P. 10) были заменены фигурой кабана, изогнутая спина которого изображает лезвие. Обычно такого кабана терзают хищники (тигры, львы) и монстры (человек с двумя орлиными головами на топоре из Метрополитен Музея). Особенно показательны такие серебряные с позолотой церемониальные топоры из коллекции Г.Ортис (Ortis, 1996. Fig. 14) и Кристи (Christie's, 1994. N.Y. N.68).

Известен один топор (предположительно из Хинемана), у которого обух может изображать развевающуюся гриву лошади (Zimmerman, 1991. P. 50. Fig.13), и еще другой, ныне хранящийся в Британском Музее (Curtis, 1989. P.11). Но особенно показателен церемониальный топор, точное происхождение которого неизвестно, но принадлежность которого к БМАК, кажется наиболее вероятной. Он определяется как относящийся к ближневосточному типу и вместе с тем обнаруживающий стилистические параллели с художественным металлом древней Греции (Dalton, 1964. Pl. XXIV).

Топоры с лезвием в виде полумесяца, помимо Бактрии, были распространены в Эламе и среди луристанских бронз, а, кроме того, они были чрезвычайно популярны в Анатолии, где топоры изображены у царских ворот в Хаттусе и на скальных рельефах Языликайя (Bittel et al., 1975. Taf. 58. P.131). Уже Е.Херцфельд свыше полувека назад первым отметил взаимную близость топоров из Малой Азии с эламо-луристанскими и из Хинемана (Herzfeld, 1988, P. 131), к чему теперь можно добавить такие же топоры из Бактрии и Маргианы. Он же первый обратил внимание что, втулки церемониальных топоров располагаются на строго перпендикулярно, а «наискось», что скорее всего связано с их культовым назначением.

Проблема происхождения церемониальных топоров не может считаться решенной, т.к. один такой топор с изображением сидящей на кресле человеческой фигурой, птиц и хищным животным, происходит из Сакиз (современный Курдистан). И, хотя он датируется более поздним временем (Huot, 1976. Fig. 86), чем церемониальные топоры БМАК, показательно, что район Курдистана — один из наиболее вероятных мест выхода пришлых в Центральную Азию племен (БМАК).

Кинжалы, ножи, наконечники копий

Эти предметы трудно отличимы друг от друга так, что к ножам условно отне-

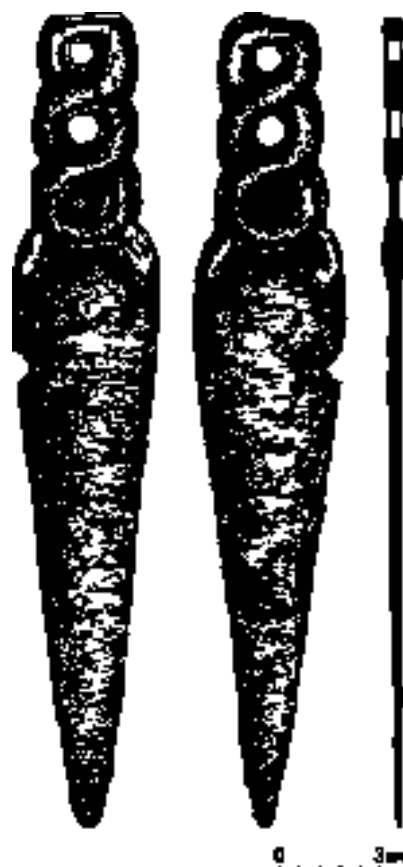

Рис. 20 Кинжал с ручкой в виде переплетенных змей
Dagger with the handle, casted in a form of a pair of interwoven snakes. Burial 1922

сены изделия с одним заостренным лезвием, а к кинжалам — двух лезвийные, обоюдоострые с заостренным концом. В одном случае такая ручка (погр. 517) изготовлена из груши (Табл. XVIII, №3), что дает право предполагать наличие практически у всех кинжалов и ножей деревянных ручек.

Вместе с тем, парадные образцы имели фигурные металлические ручки (а не деревянные), как, например, в погр. 1922, где ручка отлита в виде пары рельефных, переплетенных между собой змей (Табл. XVIII, №5; Рис. 20).

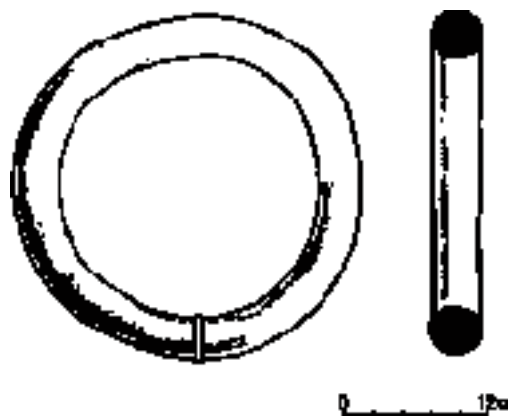

Рис. 21 Свинцовый круг
Lead ring. Burial 728

Все однолезвийные ножи — с заточенным рабочим краем и заостренным концом. Наряду с такими известны «секачи» (погр. 1255) с более массивным и широким лезвием, но также однолезвийные. В тех случаях, когда это можно определить, все они несут следы сточенности и были в употреблении. (Табл. 18, №7, 13). *Не все, но некоторые из кинжалов преднамеренно согнуты почти вдвое. Близкие по типу ножи и кинжалы происходят из разграбленных могил Бактрии.* (Pottier, 1984, PL.II–III)

Бритвы

Встречены в единичных образцах и имеют слегка *изогнутую форму, широкое, заостренное лезвие и выделенную ручку*. Общим своим обликом эти изделия до определенной степени напоминают современные «опасные» бритвы.

Свинцовые кольца

Свинцовые кольца (Рис. 21) встречены всего в нескольких могилах, причем одно захоронение представляет собой кенотаф (погр. 728), а в другом случае кольцо было найдено вместе с каменным «посохом».

Кольца представляют собой массивные, очень тяжелые изделия диаметром около 25 см, отлитые из свинца (на одном из них оказалось надето две круглые серебряные обоймочки). Тот

Рис. 22 Медно-бронзовое навершие жезла
Copper-bronze head of scepter. Burial 555

факт, что в одном случае вместе с этим изделием находилась так называемая «миниатюрная колонка», а в другом «посох», может указывать на их общее культовое назначение. Кроме Марганы такие предметы пока известны еще только в Бактрии (Sarianidi, 1993. Fig. 2).

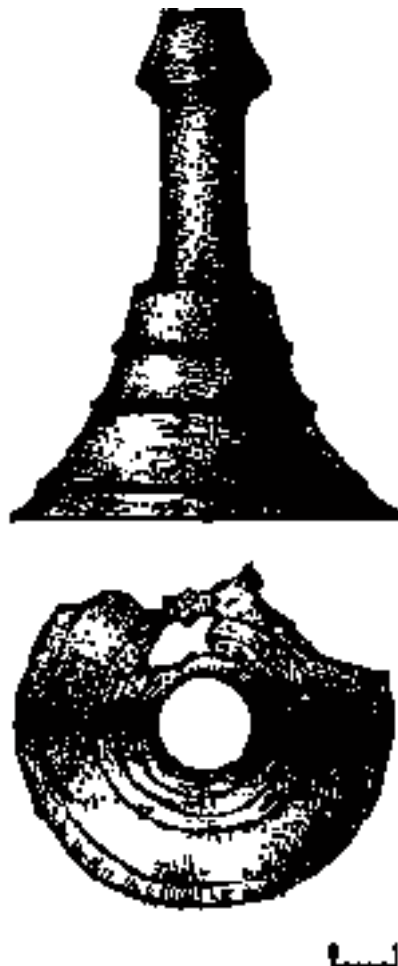

Рис. 23 Медно-бронзовая сигнальная труба

Навершия жезлов

Навершия представлены единичными образцами, встреченными как в шахтных могилах, так и в камерных гробницах. *Все они округлой формы с прекрасно заполированной поверхностью и сквозным отверстием для деревянной ручки* (Табл. 21, №7, 8, 9). Решительное большинство их выточено из разных пород камня и лишь единичные — медно-бронзовые (Табл. 25, №1). Одно такое изделие — предположительно модель (диаметром 3 см) — изготовлено из фаянса с зелеными подтеками (Табл. 22, №2). Все эти изделия определяются как навершия жезлов или скипетров с деревянной ручкой и имели явно престижное назначение. Одно такое медно-бронзовое массивное навершие из камерной гробницы (погр.

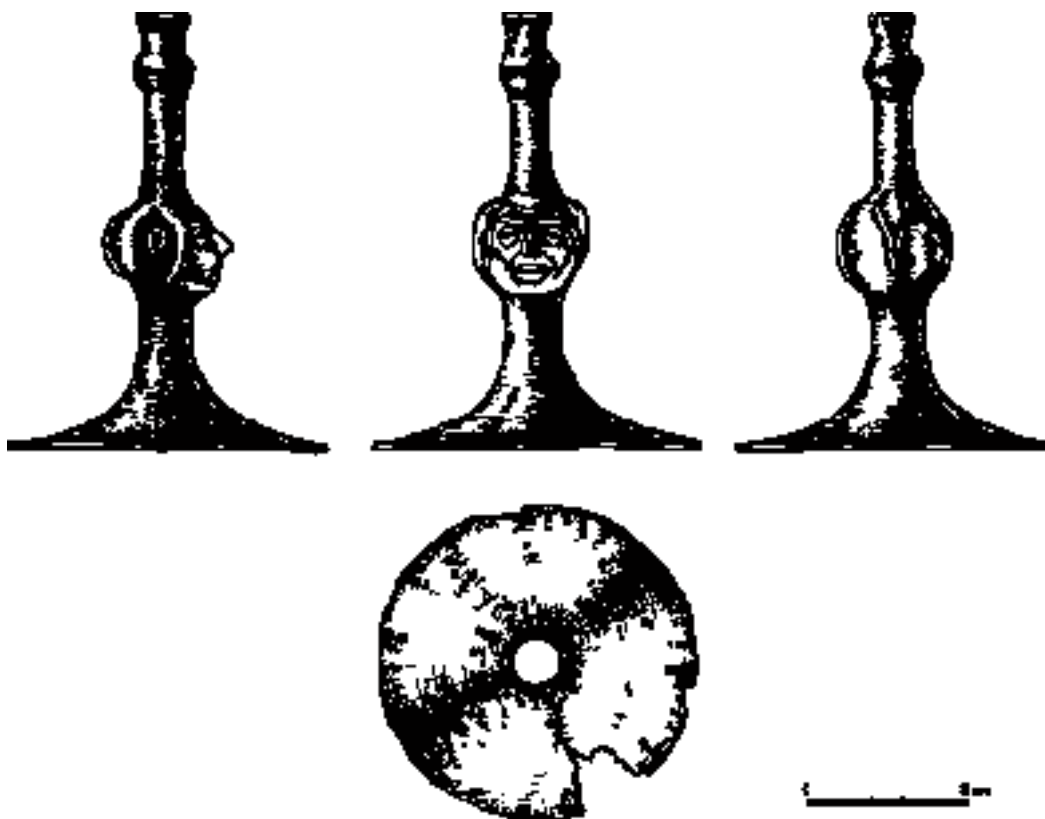

Рис. 24 Медно-бронзовая сигнальная труба

555) сохранило орнамент в виде побега растения с треугольными листочками (возможно пипала — этого типично индийского растения) (Табл. 1, №8; Рис. 22). Много более простое, меньших размеров медно-бронзовое навершие происходит из погр. 1445.

Сигнальные трубы

Небольшие (высотой 8–10 см) в виде трубы (с выделенным мундштуком и раструбообразным концом) изделия, отлитые как из меди, так и из серебра (Табл. 20, №15–18; Рис. 23). Одна такая труба (Табл. 1, №7) украшена скульптурной человеческой головкой с большим выступающим носом и прической в виде трех заплетенных косичек (Рис. 24). Такая же труба с человеческим лицом и точно такой же прической имеется в коллекции Рона Гарнера (США), любезно предоставившего мне разрешение на ее публикацию.

Подобные трубы в основном происходят из грабительских раскопок на территории Бактрии, а теперь имеются и из научных раскопок в Маргиане.

Золотые и серебряные трубы найдены в слое Гиссар III и определены были как «сигнальные трубы» (Schmidt, 1937. P. 210, Fig. 121),

а также в могилах Шахдада, которые могли использоваться арийскими всадниками при верховой езде (Р.Гиришман).

Медные и серебряные сосуды

Медно-бронзовые сосуды встречены в единичных образцах и за малым исключением имеют вид простых, полусферических чаш с округлым дном, и еще реже цилиндрических сосудов (Табл. 23, №6–10). Наши представления о металлических сосудах резко расширяет незамеченный грабителями набор сосудов из одной разграбленной гробницы (погр. 1999), в состав которого входит медный дуршлаг, прямо аналогичный такому же из «погребения жрицы» в храме Тоголок-1 (Sarianidi, 1998. Fig. 23. N5), и сосуд с необычно длинным сливом, более характерный для керамики Ирана и в том числе Шахдада. Уникальным является двойной медный сосуд, состоящий из пары полусферических чаш с плоским дном, специально скрепленных между собой штырем (Табл. 21, №9).

Особый интерес представляют серебряные сосуды, входящие в состав этого собрания, стенки которых не превышают толщины в 1–1,5 мм (Табл. 2, №8). Они

изготовлены в виде конических кубков, прямо копирующих керамические. Встречены они также и в других гробницах (погр. 2000). Исключительного значения заслуживает округлый, украшенный рифлениями серебряный сосуд с выделенным, плоским поддоном (Табл. 2, №9). Серебряные сосуды с аналогичной декарировкой (но отличными формами) известны в Египте (Храм Тод), но наиболее близки маргианскому сосуду такие же из Трои II (2500-2000 до н.э.)

Осталось отметить модели серебряных сосудов (кубки, чашечки с плоским дном), встреченные в других могилах некрополя Гонура (Табл. 23, №1, 2, 3, 4, 5).

Браслеты, серьги, колечки

Браслеты чаще всего встречены на запястьях рук. В единичных случаях — по два браслета на руке, но никогда — на щиколотках ног. Почти все они с несомкнутыми, заостренными концами, что позволяло при необходимости легко раздвигать их и надевать на запястье. Все браслеты круглые в разрезе, лишь в погр. 1057 два браслета оказались полые (Табл. 22, №7), полукруглые в сечении, напоминая сходные из Зеравшанской долины (Муминобад, Дашты Козы).

Все известные браслеты медно-бронзовые (в редких случаях посеребренные). Впервые в неповрежденном погр. 1799 на запястьях рук умершей были встречены фаянсовые браслеты, которые вместе с единичными фрагментами таких же изделий в других, но разграбленных погребениях, более характерные для жителей хараппской цивилизации.

Наряду с золотыми и серебрянными серьгами известны были медные височные кольца (обычно в полтора оборота), часто находимые около висков, которые, скорее всего, были вдеты в мочки ушей.

Весьма популярны были тонкие медно-бронзовые колечки, как правило круглые в сечении (много реже плоские), обычно находимые на пальцах рук, а в одном случае — прямо на фаланге пальца.

«Косметические лопаточки»

Не совсем ясного, но, скорее всего, косметического назначения плоские медно-бронзовые изделия (длиною до 20 см.), отдаленно напоминающие кинжалы, но не с острым, а напротив, с закругленным концом и витым «штопором» стержнем (в единичных случаях

стержни прямые). Наряду с такими имеются «косметические лопаточки» с изогнутыми по змеиному стержням и каплевидным на конце утолщением, возможно действительно изображающие извивающихся змей (Табл. 21, №9-12).

Такие «косметические лопаточки» были широко представлены в могилах Бактрии, где они также имеют стержни в форме «штопора». Сходные, но золотые, изделия с изогнутыми стержнями для ручек известны в Гиссаре III, где они определены как «ушные подвески» (Schmidt, 1937. Pl. XXXV, LVI, H-3218).

Возможно не случайно, кинжал со стержнем для насадки ручки в виде «штопора» был встречен в могильнике Демичи в Малой Азии (Seeher, 2000, Abb. 30. G 213), однако его предполагаемая связь с вышеописанными предметами не совсем ясна.

В целом же стержни в виде «штопора» как и «змеиные» являются характерными для изделий, определяемых как «косметические лопаточки».

Булавки металлические

Булавки всегда имеют заостренный рабочий конец (Табл. 27, №1-7), в то время как «косметические палочки», напротив, — каплевидные утолщения для более удобного нанесения косметики. В ряде могил булавки умышленно изогнуты, очевидно, в магических целях. Большинство булавок представлены медно-бронзовыми образцами и лишь единицы изготовлены из серебра или посеребрены по внешней поверхности. Не исключено, что часть таких булавок с заостренными концами служили для закалывания одежд (как это документально установлено в Мари). Тогда они могли закрепляться при помощи крупных стеатитовых биконической формы «бус» с кружковым орнаментом.

Наиболее парадные, серебряные булавки имеют фигурные навершия и представлены всего несколькими экземплярами. Одна из таких булавок (погр. 560) украшена четырехлопастным навершием с шишечкой сверху и нарезным кольцевым орнаментом снизу (Табл. 5, №8). Здесь же отметим, что известны такие четырехлопастные навершия изготовленные из белого мрамора с лазуритовой шишечкой сверху (Табл. 27, №3) и даже полностью выточенные из лазурита (погр. 1867), но с костяными стержнями, а также изготовленные из кости (погр. 1799). Точно такие же булавки с четырехлопастными навершиями известны в Анатолии, например, в Алача Гуюк, где одна та-

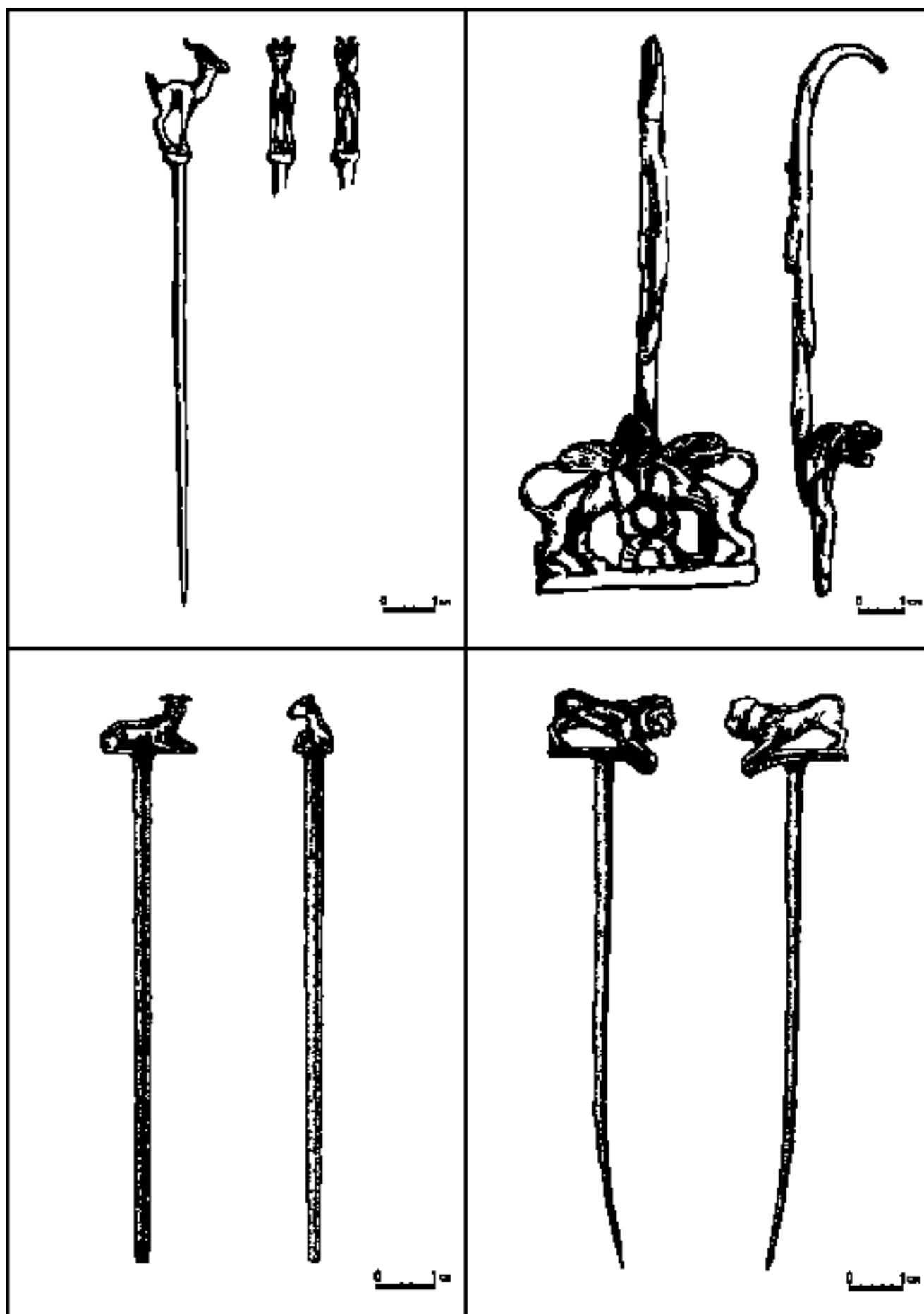

Рис. 25 Серебряные булавки

кая золотая булавка входит в состав погребальных приношений (Arik, 1937. Pl. CLXVII). Особенно много таких булавок встречено в Богазкое, где они происходят из хронологически разных слоев (Boehmer, 1972. Pl. IX, CLXVII), что свидетельствует о местных традициях их изготовления. Помимо Малой Азии, такого типа булавки с ребристым навершием известны в Сирии (Osten, 1956. Taf. 29. N.188) и соседних с нею областях.

Из погр. 392 происходит булавка из высокопробного серебра (Рис. 25), со скульптурным навершием в виде козленка с большими ушами и маленькими, слегка изогнутыми рогами, выполненного с большим мастерством (Табл. 27, №2). Булавки с зооморфными скульптурными навершиями были популярны в Бактрии и, хотя и в меньшей степени, но известны они и в Анатолии (Stein et al, 1996. Fig. 4, F)

В погр. 164 найдена булавка из низкопробного серебра с навершием в виде пары львов (с крыльями, сложенными по бокам тела), сверху которых венчает птица — повидимому, орел — с широко распростертыми крыльями и предположительно со змеиной головой (Табл. 5, №1; Рис. 25). Изображения пары львов с одной головой известны в месопотамском искусстве, точно также, как и в микенской Греции (Львиные ворота). Однако львы со змеиной головой встречены впервые, что, повидимому, отражает местную маргианскую переработку привнесенного со стороны образа.

Из погребения 1999 происходят две серебряные булавки с навершием в виде отдыхающего барана (Табл. 5, №3; Рис. 25) и головы муфлона (Табл. 5, №7) с круто загнутыми рогами, отличающиеся высоким уровнем исполнения и хорошим знанием пластики тела этих животных.

В двух могилах обнаружены были булавки с однотипными миниатюрными навершиями в виде львов с заброшенными на спину хвостами и лохматыми гривами (Табл. 27, №6-7). Одна из булавок укреплена на свободно вращающемся штыре, что встречено впервые (Табл. 27, №6; Рис. 25).

Кроме таких высокохудожественно выполненных серебряных булавок, из других погребений происходят и более простые с биспиральными или коническими навершиями, но изготовленные иногда из высокопробного серебра.

Наиболее популярны были медные булавки с простыми шляпками, биспиральные, конические, биконические и др.) встреченные во многих могилах. Лишь в одном образце из-

вестна пока булавка с навершием в виде восьмилепестковой розетки. В нескольких могилах были обнаружены булавки (в том числе серебряная) с навершием в виде раскрытой ладони столь характерные для костяных булавок.

Исключительного внимания заслуживает уже упомянутая серебряная булавка, происходящая из одной, разрушенной трассой канала могилы, и представляющая собой заостренную на конце булавку с навершием в виде диска с шариком под ним. Картографирование булавок такого характерного типа показало, что самый западный пункт их распространения отмечает Троя, где встречены как золотые, так и серебряные булавки точно такого же типа (Muller, 1971. Fig. 31; Blegen, 1963. Fig. 18). В Трое существовали два типа таких золотых булавок — простые и более сложные и художественно выполненные (Blegen et al, 1950. Fig. 356). Их значительное число демонстрирует большую популярность этого вида украшений среди местного западноанатолийского населения.

Помимо Малой Азии точно копирующие их булавки, и в том числе гонурскую, известны в северной Месопотамии и, в частности, в Шакар-Базаре, где они встречены в могилах (преимущественно на плечах покойников), которые определяются как «пришлые» (Mallowan, 1937. Pl. 16). Казалось бы, некрополь Гонура маркирует самый восточный пункт их бытования, однако точно такие булавки были встречены в десятках могил в Свате (Пакистан).

В настоящее время можно предположить, что булавки с навершиями в виде диска с шариком имеют сиро-анатолийское происхождение, откуда они вместе с пришлыми племенами попадают в пределы Центральной Азии. Вместе с тем, факт особенно близкого сходства таких булавок из Чагар-Базара и Свата, где они к тому же встречены в десятках могил (в то время как всего одна на 2500 могил в Маргиане), заставляет предполагать достаточно сложную историю их распространения. Показательно, что пока такие булавки распределены лишь в широтном направлении и не известны в собственно Месопотамии.

Кроме того, в Свате показательны булавки, украшенные добавочным колечком (Antonini, Stacul, 1972. Fig. 24,с), форма которых точно соответствует аналогичной из Чагар-Базара (Mallowan, 1937. Pl. XVI). Сходство булавок настолько показательно, что остается лишь найти промежуточный пункт между северо-месопотамскими и северо-пакистанскими находками, чтобы окончательно был ясен путь продвижения населения, изготовлявшего или только исполь-

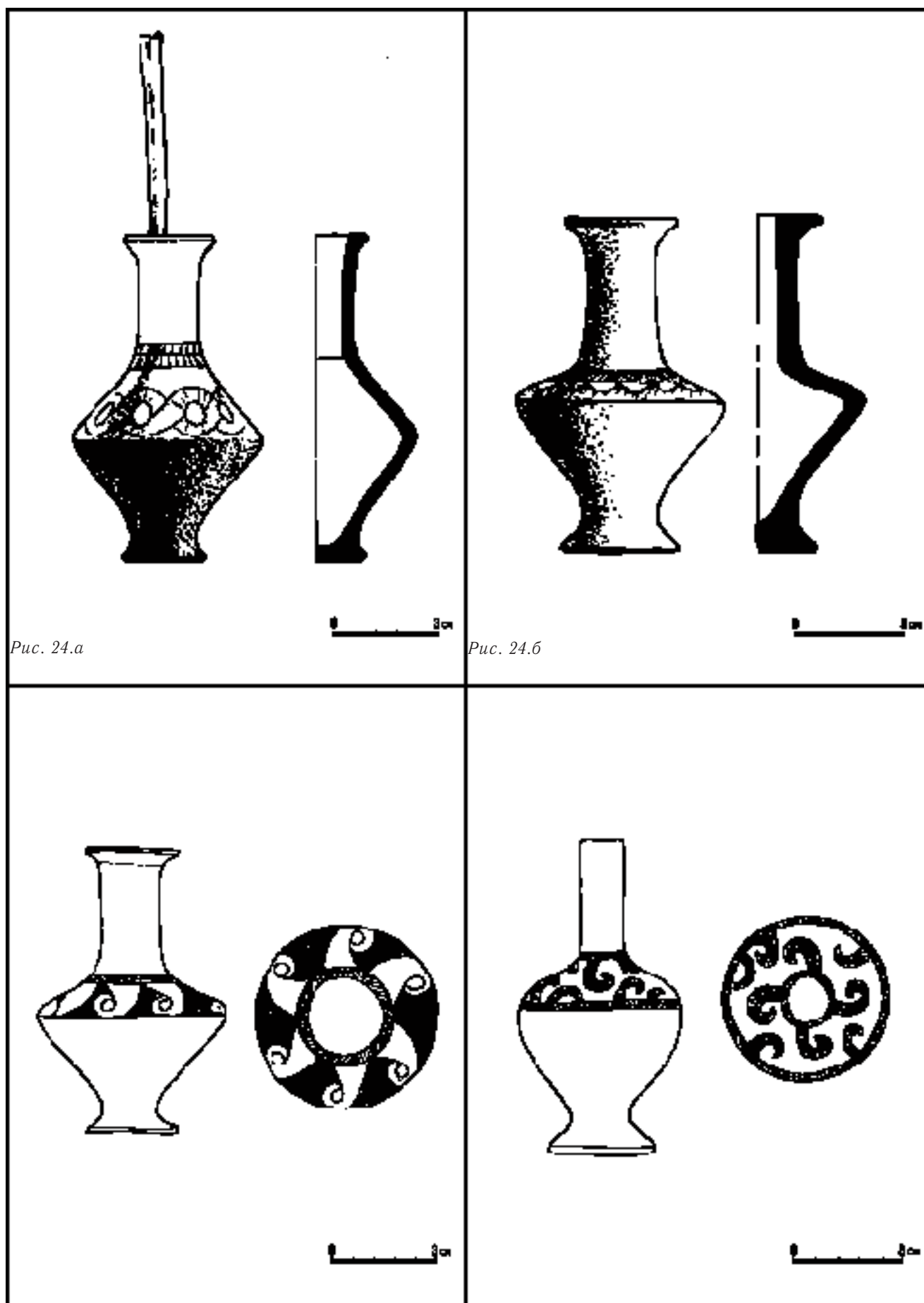

Рис. 26 Косметические флаконы

зовавшего их. Таким местом является северный Гонур, в «могиле агнца» которого была обнаружена серебряная булавка с навершием в виде таких же свободно вращающихся колечек (Sarianidi, 1998. Fig. 34). Возможно не случайно, точно такая же булавка с колечками была встречена в одной из могил Гиссар III (Schmidt, 1937. Pl. XLVIII, H-1744).

В целом же, решительное большинство булавок некрополя Гонура представлено медно-бронзовыми образцами с простыми (округлыми, коническими, биконическими и биспиральными) навершиями.

«Косметические палочки»

Эти изделия отличаются от булавок каплевидным утолщенным (а не заостренным) рабочим концом (Табл. 26, №5-8). Решительное большинство их имеет простые навершия в виде подтреугольного или копьевидного уплощения («лопаточка»). В трех могилах (погр. 869, 1495 и 1157) встречены однотипные косметические палочки с навершиями в виде голов козлов с изогнутыми рогами (Табл. 26, №6, 7). Наряду с такими, известны единичные с навершием в виде фигурки рогатого козла (Табл. 26, №8). Судя по тому, что многие такие «косметические палочки» *были встречены воткнутыми в горлышки косметических флаконов*, есть все основания считать, что они служили для нанесения краски на тело и в первую очередь на лицо. Не совсем ясно назначение «спицы» длиной в 27,5 см, имеющей закругленное навершие из погр. 1654, *а также медного стержня с биконической «бусиной» в середине*. (погр. 1999) известного еще в Шахдаде.

Помимо Маргианы и Бактрии, «косметические палочки», в том числе и со скульптурными навершиями, были встречены в могилах Гиссар III (Schmidt, 1937. Pl. XLVIII). Одна точно такая же «косметическая палочка», до деталей напоминающая маргианские, происходит из Алтын Депе, из слоев, относящихся к БМАК. Но особенно показательна одна такая находка происходящая из Свата.

Косметические флаконы

Флаконы встречены преимущественно в женских могилах (Табл. 5, №4-6; Рис. 26). Все они металлические (Табл. 26, №1, 2) и лишь единичные — костяные (Табл. 26, №4), каменные и фаянсовые (Табл. 26, №3). Медно-бронзовые флаконы (Табл. 26, №1, 2) иногда посеребренные снаружи. Все они однотипные — в виде миниатюрных сосудиков высотой в среднем 6-8 см с биконическим или конусообразным (реже ок-

руглым) туловом с высоким горлом и сильно отогнутым наружу венчиком. Наиболее парадные образцы сохранили в верхней части гравированные орнаменты, кольцом охватывающие горлышки флакона снизу. Среди обычных геометрических орнаментов можно выделить рисунки в виде «витого жгута», более характерные для сиро-хеттского искусства и, в частности, для печатей. Один флакон из разрушенного канала погребения некрополя Гонура сохранил налепное изображение ползущей змеи (Salvatori, 1993. Fig. 12).

Хотя высказывалось предположение, что некоторые из флаконов были отлиты из серебра (Pottier, 1984. P. 66), думается, скорее, это были посеребренные образцы, о которых говорилось выше и которые были встречены в некрополе Гонура.

Лабораторные анализы органических остатков, обнаруженных внутри таких же флаконов из разграбленных могил Бактрии, проведенные французскими специалистами, выявили остатки пудры. В то же время, флакон из некрополя Гонура, содержимое которого было проанализировано в лаборатории Московского государственного университета, содержал соцветия полыни (*Artemisia*), которые могли применяться в разных целях, в том числе и в медицинских. Еще в одном флаконе, происходящем из теменоса Гонура, на дне сохранилась густая, черная масса наподобие сурьмы, явно использовавшаяся в косметических целях.

Косметические флаконы известны и на других памятниках в зоне распространения БМАК (Сарианиди, 1979. С. 255-261). Один образец происходит из Могхул Гундай, куда он мог попасть из зоны существования БМАК, а другие — как в Тепе Гиссар (Schmidt, 1937. Pl. LVII, NN. 3497, 4014) — отмечают наиболее западный пункт их распространения. Хотя О.Питтман предполагает их центральноазиатское происхождение (Pittman, 1984. P. 45), более вероятным представляется их общее западное происхождение. Косвенным доказательством этому могут служить косметические флаконы из сумбарского могильника (Хлопин, 1983. Табл. XVIII. N. 15; Табл. LXIII. N. 8.), расположенного далеко от Маргианы у юго-восточной оконечности Каспийского моря.

Среди бактрийских флаконов выделяются два уникальных, происходящие из Анахит Галереи. На одном из них сохранилась басенная композиция, изображающая банкетную сцену, где все персонажи представлены очеловеченными животными — прием хотя и известный, но чрезвычайно редко встречающийся в древнем искусстве

Рис. 27 Медно-бронзовый сосуд в виде почки

Передней Азии и Средиземноморья (Сарианиди, 1992. С. 81-89). На втором флаконе изображена явно мифологическая сцена, включающая змеиных драконов, пожирающих зайцев.

Зеркала

Решительное большинство зеркал составляют круглые, слегка выпуклые, иногда с простым, слабо выраженным рельефным ободком по краю, изделия со средним диаметром от 5-7 см. до 10-14 см (Табл. 27, №14). Лишь в погр. 1773 было обнаружено зеркало с ручкой диаметром 17 и общей длиной 24 см. Много меньше известны зеркала с боковой, скорее всего, деревянной ручкой (Табл. 27, №13, 15). В единичных мо-

(Рис. 27). Точно такие изделия встречены были в храмах Маргианы и считаются предназначенными для культовых церемоний. Видимо, к таким изделиям относится фаянсовый образец в виде полумесяца.

Диадемы

Диадемы представлены всего несколькими образцами из золота, низкопробного серебра и медно-бронзового сплава. Наиболее парадные из них украшены пуансонным орнаментом в виде рядов треугольников, а в одном случае — восьмилучевых розеток (Табл. 26, №10). Общее представление об этом типе украшений дает лучше сохранившаяся диадема, кольцом охватывавшая череп в погр. 549, имеющая длину около 0,5 м, ширину 2 см и толщину (в результате сильного окисления) всего несколько миллиметров. На концах диадемы сделано по одному сквозному отверстию для крепления тесемок, при помощи которых она завязывалась на голове (Рис. 28).

Условно к диадемам отнесена свинцовая лента с отверстием на одном конце (погр. 1875) и рядом находившийся «штырек», что однако требует дальнейшего уточнения (Табл. 26, №14).

Диадемы в пределах южного Туркменистана известны в погребениях Янги Кала и Намазга Депе, а так же в сумбарском могильнике (Хлопин, 1983. табл. XVI, XXIII). В восточном Иране золотые и серебряные диадемы были

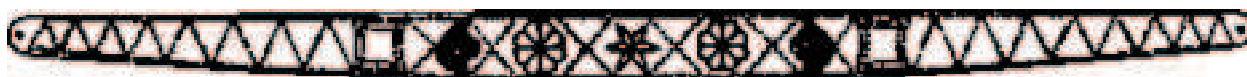

Рис. 28 Серебряная диадема

гилах были встречены такие же, но миниатюрные до 5 см. в диаметре образцы (погр. 441).

Из погр. 806 происходит предположительно зеркало необычной треугольной формы с отходящим от его вершины стержнем (Табл. 21, №1). Общая форма этого изделия близко напоминает аналогичное, по конфигурации но серебряное, из Шахдада. Гравированное изображение на нем изображает рогатого героя-драконоборца (Nakemi, 1997. Р. 715), возможно указывая на какое то особое назначение предмета.

Сосуды в виде почек

Встречено всего два таких сосуда: один из камня и второй медно-меднобронзовое

встречены в могилах Гиссара (Schmidt, 1937. Pl.IE, N.N. 4112, 4128), а также предположительно в погребениях Бактрии.

Золотые и серебряные диадемы, нередко украшенные пуансонным орнаментом, были распространены в Средиземноморье и, в том числе, в микенской Греции. Возможно не случайно, маргианские диадемы имеют сходство с диадемами, украшенными орнаментом пуансон, происходящими из могил Каниша (Анатолия) и относящиеся к последней четверти III тыс. до н.э. Видимо не случайно, всех их роднит между собой одна, но показательная черта — отсутствие орнаментов на золотых диадемах, в отличие от серебряных и медных.

Золотые и серебряные украшения

Даже с учетом ограбления решительного большинства могил некрополя Гонура, следует отметить достаточно высокий процент находок из золота и серебра (Табл. 26, №11, 12, 13). Более того, есть все основания предполагать чрезвычайно высокий уровень профессионализма мастеров, изготавливавших их, за которым угадывается многовековые ювелирные традиции. Так, местные мастера ювелирного дела умели изготавливать *золотую фольгу* толщиной с папиросную бумагу, владели искусством изготовления «жидкого золота», которое тончайшим слоем наносилось на наружную поверхность гипсовых и фаянсовых бус, создавая полное впечатление подлинно золотых украшений. Маргианские умельцы, кроме того, из тончайшего листового золота и серебра могли изготавливать украшения (и в первую очередь серьги), покрытые к тому же тончайшим рельефным орнаментом, прямо напоминающим ювелирные изделия крупных культурных центров тогдашнего мира, включая Месопотамию.

Общее представление о высочайшем уровне ювелирного искусства дает одна циста (погр. 560), оказавшаяся не разграбленной к моменту ее раскопок. В ней были найдены три золотые (две однотипные и одна отличная по орнаменту) *золотые серьги*, отлитые вместе с дужками, круглый *золотой медальон*, украшенный рельефной восьмилучевой розеткой с отверстием в центре, *золотой литой конус* с петелькой для крепления внутри и, наконец, *золотой, скрученный из двух проволочек браслет* с петелькой на одном конце и обломанным крючком на втором для крепления браслета на руке. Помимо таких крупных украшений в цисте находилось девять круглых бусинок, изготовленных из фаянса и покрытых сверху золотой фольгой, и одиннадцать золотых цилиндрических пронизок.

В камерной гробнице (погр. 194) была встречена золотая фигурка барана или козла, покрытая тонкой золотой фольгой, от которой сохранилось тело, но отсутствует голова (Табл. 5, №2).

В одной могиле встречена пара золотых, пустотелых (вместе с золотой диадемой) браслетов (Табл. 6, №9). Еще один витой золотой браслет был найден в цисте (погр. 560) (Табл. 6, №1).

В другой могиле были встречены спрятанные в тайнике два крупных, но пустотелых золотых браслета и золотая, ничем не украшенная диадема с двумя отверстиями для тесемок от крепления, прямо напоминающая аналогичные из

Анатолии, и Греции.

Только в камерных гробницах были обнаружены панцири черепах. В погр. 194 такой панцирь сделан из золотой фольги (Табл. 1, №6), а в погр. 1999 — из серебра (Табл. 1, №5). В двух шахтных могилах были встречены золотые цепочки с каменными подвесками в центре (Табл. 6, №4; Табл. 7, №1). Наконец, в единичных могилах на пальцах встречены золотые колечки: в одном случае с косыми насечками, а в другом с припаянным украшением и чеканным орнаментом.

О бытовании в маргианском обществе золотых ожерелий свидетельствует одно из них, встреченное на шее умершей. Ожерелье состоит из тонких золотых проволочек, свернутых спиралью с подвесой в виде трех головок змей, изготовленных из тонкого листового золота, с тонко гравированными деталями, прямо аналогичными таким же из разграбленных могил Бактрии (Galerie Nefer, 1993. Fig. 30a).

Золотые и серебряные серьги, отлитые вместе с дужкой из очень тонкого листового золота в виде выпуклой полусферы с простыми рифлеными, геометрическими орнаментами сделаны в технике репуссе и в целом очень близко напоминают месопотамские прототипы. Широкие, выпуклые и вместе с тем чрезвычайно тонкие такие золотые и серебряные серьги маргианских мастеров создают эффектное впечатление массивных, тяжелых ювелирных украшений (Табл. 6, №5-8).

В могилах некрополя Гонура была встречена одна золотая и одна лазуритовая подвеска, с четырьмя закрученными на концах спиральями, представляющих собой в высшей степени характерные украшения, самый западный пункт распространения которых отмечает Троя. Известны они и в царских гробницах Алача, в Кюльтепе, в Канише, в Крито-Микенах, в Сирии (Мари) и Телл Браке (Alkim, Bilgi, 1988. P. 220. Pl. LVIII). Все они изготовлены из золота или серебра и, как считается, имеют сирийское происхождение, где их относят к рубежу IV-III тыс. до н.э. (Jebel Arunda). Дальнейшее распространение таких подвесок в общем восточном направлении маркирует Элам (Mallowan, 1947. Petlenburg, 1997. Fig. 2.) и БМАК в Центральной Азии вплоть до Лотхала, так что их общее распространение с запада на восток представляется бесспорным.

В настоящее время известно всего 23 подвески (не считая маргианских), причем высказывалось мнение, что они являлись культовыми символами и одновременно служили ук-

рашениями знати и жрецов (Maxwell-Hyslop, 1989. Р. 215, 220).

О высоком профессионализме маргианских ювелиров свидетельствуют как золотой, почти микроскопический «бисер» (длина до 2 мм), имеющий сквозные отверстия для нанизывания нередко на тонкую бронзовую проволочку, так и золотые же миниатюрные бусинки и пронизки с рельефным орнаментом. Известны были также золотые бусинки, составленные из двух полых конусов таким образом, чтобы создавалось впечатление общей ромбической формы (погр. 860).

Из серебра отливались миниатюрные сосудики (с общими размерами 3·3 см), точно копирующие обычные керамические. Найден один

Рис. 29 Некрополь Гонура. Серебрянная печать.

образец серебряной фигурной восьмилучевой звезды с отверстием в центре (погр. 1461).

3.6. Печати

Металлические печати

В тех случаях когда это можно было установить, встречены только в женских погребениях у умерших в возрасте от 12 лет до глубокой старости. Их расположение варьирует: у пояса было найдено 33% печатей, у шеи, запястий рук и у головы по 20%. Уже давно было отмечено, что в III — начале II тыс. до н.э. печати являлись не столько знаками собственности, сколько магическими символами, призванными уберечь их владельцев от всяческих жизненных напастей, что возможно и объясняет обнаружение их исключительно в женских погребениях. С другой стороны печати, встреченные в гробницах (погр. 555 и 570) с ярковыраженной символикой силы и власти возможно при-

надлежали мужским захоронениям, что однако требует дальнейшего исследования.

Все металлические печати, найденные в некрополе Гонура, отлиты в перегородчатой технике и украшены, в основном, геометрическими узорами, среди которых главное место занимают кресты и их вариации. Наиболее художественно выполненные печати украшены с оборотной стороны дополнительной гравировкой, подчеркивающей наиболее характерные детали главных персонажей. Так, в камерной гробнице (погр. 570) осталась незамеченной грабителями печать, попавшая между кирпичами (Рис. 29). Она представляет собой посеребренный диск, отлитый в прорезной технике и изображающий женское крылатое божество, облаченное в типично шумерийское одеяние «каунакес» с руками, сложенными на талии. Божество сидит верхом на пантере, шея которой украшена орнаментом «скобки», более характерным для изображения драконов. Лицо богини показано в профиль, длинные волосы спускаются на плечи, а один вьющийся локон — на шею. Лицо — с длинным, слегка горбатым носом, пухлыми губами и большими, миндалевидными глазами — передает достаточно характерный облик. В этой связи следует вспомнить серебряную печать из «могилы агнца» на северном Гонуре, (которая была переделана в булавку) с изображением, по-видимому, также женского божества, близко напоминающего вышеупомянутое из некрополя (правда, без крыльев и не с распущенными, а собранными валиком волосами). При всех отмеченных стилистических и иконографических различиях обе эти печати объединяет общий «семитический» тип лица, который многократно повторяется на вышеупомянутых составных статуэтках.

Рис. 30 Некрополь Гонура. Серебрянная печать.

Рис. 31 Серебряная печать

Женские крылатые божества, сидящие на хищниках, достаточно широко представлены в пантеоне БМАК и восходят, в конечном счете, к сиро-анатолийским прототипам, откуда такие «хозяйки животных» распространяются до Элама и, как теперь становится очевидным, — до Бактрии и Маргианы (Sarianidi, 1998a). Можно считать доказанным общее эламское происхождение женского персонажа из «могилы агнца» (Клочков, 1997. Сариниди, 1995). К этому ряду теперь есть все основания добавить и женское крылатое божество, изображенное на рассматриваемой печати. Оба эти изображения, через эламское посредство, могут восходить к аккадскому искусству, связь которого с западносемитским населением общепризнанна. Можно было бы видеть в обеих печатях свидетельства импорта из Элама, однако этому противоречит тот достоверно установленный факт, что все они представляют собой тип перегородчатых печатей, которые были распространены в Центральной Азии, но не в Эламе и, тем более не в Месопотамии.

О широкой популярности этого женского божества в мифологии древних маргушцев, можно судить по находке третьей такой печати из погр. 1710. Хотя могила оказалась ограбленной, печать осталась незамеченной грабителями, т.к. была помещена не как обычно у изголовья, а у таза. Печать изготовлена из низкопробного серебра в обычной перегородчатой технике с рельефной детализацией с оборотной стороны (Табл. 8, №4; Рис. 30).

В центре этой, явно сюжетной, повествовательной композиции изображена в профиль все та же сидящая на кресле эламитского типа богиня с забранными «валиком» волосами. Перед ней — два других (много меньших размеров) персонажа: сверху в длинном (ниже колен) одеянии предположительно

Рис. 32 Серебряная печать

Рис. 33 Медно-бронзовая печать

но мужчина, протягивающий богине кубок, ниже которого сидит такая же, но много меньших размеров, чем центральная богиня фигура. Обращают на себя внимание характерные и вместе с тем сходные лица обеих женских персонажей, прямо напоминающие лица вышеописанной крылатой богини и, особенно, богини из «могилы агнца». Сходство прослеживается не только в стиле и иконографии этих персонажей, но и в сходном антропологическом облике их лиц, возможно действительно передающих один общий «семитский» тип.

Еще одна (Табл. 8, №2), также посеребренная, печать из погр. 555 сохранила в центре изображение фигуры, (судя по короткому клюву) коршуна или сокола, в геральдической позе и когтящего пару змей (Рис. 31). Та же сюжетная сцена (но в иной композиции) изображена еще на одной ажурной печати (погр. 1207), где, однако, вместо сокола изображен орел в геральдической позе (Табл. 8, №3).

Мотив орла, борющегося с парой змей, передает извечную борьбу между этими животными и восходит к месопотамскому мифу, где пастушеский царь Этана пожирает змея (Porada, 1965.

Р.42. Fig.16), но, кажется, только в зоне существования БМАК эта тема получила столь широкое свое воплощение в местном искусстве (Sarianidi, 1998. NN 127, 172-175). По крайней мере в Месопотамии, на близких по смыслу композициях орляяяы терзают преимущественно различных животных или птиц, но не змей. Зато имеется уникальное изображение орла, когтящего пару змей, происходящее из Элама (Ward, 1910. P. 33. N. 72), что помогает протянуть линию взаимосвязей с близкими сюжетами сфрагистики БМАК.

Уже Э.Порада специально отметила, что орел — это небесное, а змея — хтоническое существа, которые могут передавать идею борьбы добра и зла, света и тени. Эта тема на рубеже III-II тыс. до н.э. исчезает в Месопотамии, Сирии, Иране, но не только сохраняется, а сравнительно широко распространяется в Бактрии и Маргиане (Porada, 1989. P.18).

Среди *перегородчатых печатей* выделяется две: одна из погр 2029 с изображением героя-змееборца, выполненная в типичном «примитивном стиле» (Табл. 28, №11), и вторая — из погр. 1725 с рисунком лебедя (Табл. 28, №16). Из некрополя Гонура происходят также печати с изображениями в центре козлов (среди которых выделяется одна фигурная печать в виде стоящего козла из погр. 855), птиц (и, в том числе, орлов в геральдической позе), скорпионов и растений (предположительно бутон мака). Обращает на себя внимание трехпестельная печать (погр. 1080), передающая, возможно, свернувшуюся в кольца змею, точные аналогии которой имеются в сиро-анатолийском сфрагистике (Рис. 32, 33).

Каменные, гипсовые и фаянсовые печати

Подобно медно-бронзовым, эти печати имеют на лицевой стороне гравированные преимущественно геометрические рисунки (кресты и их вариации), а на оборотной — петельку-ручку. Из погр. 808, 812, 926 и некоторых других происходят фаянсовые печати, украшенные правильными, мягко изогнутыми орнаментами. В целом гипсовые и фаянсовые печати достаточно близко перекликаются с хараппскими. В незначительном количестве в могилах были встречены небольшие стеатитовые печати с гравированными, преимущественно геометрическими рисунками.

Цилиндрические печати

Исключительное значение имеют две ка-

менные цилиндрические печати, происходящие из камерной гробницы и шахтной могилы. Так, наверху камерной гробницы (погр. 23), видимо, в выбросах грабителей на древней дневной поверхности была обнаружена печать, изготовленная из белого камня (Табл. 28, №12). В центре ее изображена женская богиня, сидящая на земле с подобранными под пышную юбку ногами. Из тела богини вырастают стебли растений, предположительно мака. Извивающаяся змея и рогатый козел, сидящий на «постаменте» дополняют общую картину.

Такие композиции с богиней растительнос-

Рис. 34 Оттиск цилиндрической печати

ти, восседающей не на троне, а сидящего на земле, иногда в окружении козлов, известны в Тепе Яхья и в Шахдаде, а теперь и в Маргиане. Все изображения, как считается, передают образ восточно-иранской богини растительности Нингизиды, которая через эламское посредство, может восходить к аккадским прототипам (Amiet, 1997. P. 124). Стиль и иконография таких богинь настолько отличны от всех других ближневосточных изображений, что Э.Порада вполне справедливо указала на наличие точно такой же, как по иконографии, так и по стилю, печати в кладе Тодд, (Египет) куда печать могла попасть из восточно-иранского региона, а точнее из ареала распространения БМАК (Porada, 1982. P. 291).

О западном происхождении таких образов может свидетельствовать одна, предположительно эламская цилиндрическая печать (3000-2900 до н.э.) с изображением аналогичной по типу гонурской рогатой богини, облаченной в пышную юбку, украшенную шевронами, и также сидящей на земле (Glock, 1998. N.124).

Возможно не случайно, в Шахдаде и некрополе Гонура такие цилиндрические печати были встречены именно в могилах, т.к. шумерийские храмовые гимны определяют Нингизиду

(хозяйку растительности), дом которой рисуется «...как темная целла, вызывающая страх, благоговейный трепет», возможно указывая на подземное жилище (Leick, 1991. P.131). Хтонический аспект Нингизиды подчеркивается ее эмблемой в виде змеи, которая, кстати, изображена на маргианском цилиндре.

Вторая цилиндрическая печать (Табл. 4, №2), имеющая сквозное отверстие для шнура, происходит из шахтной могилы, из рядового женского захоронения (Рис. 34). Она также изготовлена из светлого камня типа ирано-афганского происхождения и имеет два регистра гравированных изображений. В центре всей, явно мифологической композиции изображены обращенные навстречу друг другу две рогатые птицы-андрокефалы (одна из которых с поднятыми крыльями) с закрученными в разные стороны («в виде лиры») хвостами. Некоторое различие между изображениями птиц заключается лишь в том, что один персонаж имеет закрученную вперед бороду и помимо хвоста из его тела «вырастают» дополнительные закрученные на концах ленты. Обе птицы стоят в противостоящей позиции так, что орел в геральдической позе, находящийся между ними, может символизировать идею победы в этом предполагаемом противостоянии. Над одной из птиц-андрокефалов изображена небольшая извивающаяся змея. Далее идет изображение человека с двумя орлиными головами, заключенное внутри изогнутой, двуглавой змеи, за которой стоит птица с повернутой назад головой.

Во втором регистре изображены два сидящих на земле с подобранными под себя ногами человека, один из которых держит в руках шар, а другой — сосуд, между ними не совсем ясный «клиновидный предмет, возможно алтарик. Длинные распущенные волосы спускаются им на плечи, выступающие вперед носы и тяжелые подбородки дополняют общий образ этих людей. За их фигурами изображен сидящий бык с высоко задранным хвостом с кисточкой на конце и повернутой назад головой, далее — птица также с повернутой назад головой, а между ними кружок. Заканчивает всю нижнюю композицию архитектурный сюжет — так называемый «фасад храма».

Показательно, что все персонажи нижнего регистра — вполне реальные изображения, в то время как в верхнем — преимущественно фантастические (птицы-андрокефалы, двуглавый человек, двуглавая змея). Вместе с тем, именно они указывают на принадлежность цилиндра к общему кругу переднеазиатского искусства, хотя,

в целом, стиль изображения — восточно-иранский, характерный для глиптики БМАК. Человек с двумя орлиными головами изображен на знаменитом бактрийском топоре из Метрополитен Музея (Pittman, 1984. Fig. 36), точно также как «фасад храма» широко представлен в искусстве Ближнего Востока. Отметим также, что иконография и стиль сидящих на земле людей на короточках с подобранными под себя ногами, спускающимися на плечи волосами и «тяжелыми» подбородками являются типично восточно-иранскими, что подтверждается и изображениями людей на «штандарте» из Шахдада (Nakemi, 1997. P. 649).

Птице-люди известны в глиптике Месопотамии с III тыс. до н.э., однако их иконографическое и композиционное изображение решительно отличается от маргианского цилиндра. В Месопотамии и особенно сиро-хеттском искусстве эти люди с птичьими головами и крыльями в то время как в Маргиане птицы с человеческими головами. В связи с этим показательна вся вышеупомянутая композиция эламского цилиндра, на котором помимо рогатой богини изображен сидящий бык с повернутой назад головой и задранным хвостом, рядом с которым имеется рисунок орла в геральдической позе (возможно, не случайно вниз головой), т.е. в сущности те же самые образы (Glock, 1988. N. 124), что и на цилиндрах БМАК. Можно отметить также композицию на другой цилиндрической, как считается, митаннийской печати (1400-1200 до н.э.), где напротив друг друга изображены два персонажа и, в том числе, птица-андрокефал (Glock, 1988. N. 88), иконографически и особенно стилистически близко напоминающие главные образы вышеописанной композиции маргианского цилиндра.

Со второй половины II тыс. до н.э. противостоящие друг другу птицы-андрокефалы (в том числе бородатые) становятся все более популярными на Ближнем Востоке и, особенно, в Луристане (Haerinck, Overlaet. 1999. III. 151), что до определенной степени позволяет говорить о взаимосвязях между ними и маргианским цилиндром. К сказанному добавим, что птицы-андрокефалы, практически всегда изображенные в противостоящей позиции в большом количестве и «внезапно» появляются в неоассирийское время на Ближнем Востоке, находя свое возможное объяснение в вышеприведенных сопоставлениях. В этом плане в высшей степени показательны рисунки с «вырастающими» из тел животных лентами, закрученными на концах (Sotheby's Antiquities, 1992. N. 97), которые прямо напоминают такой же сти-

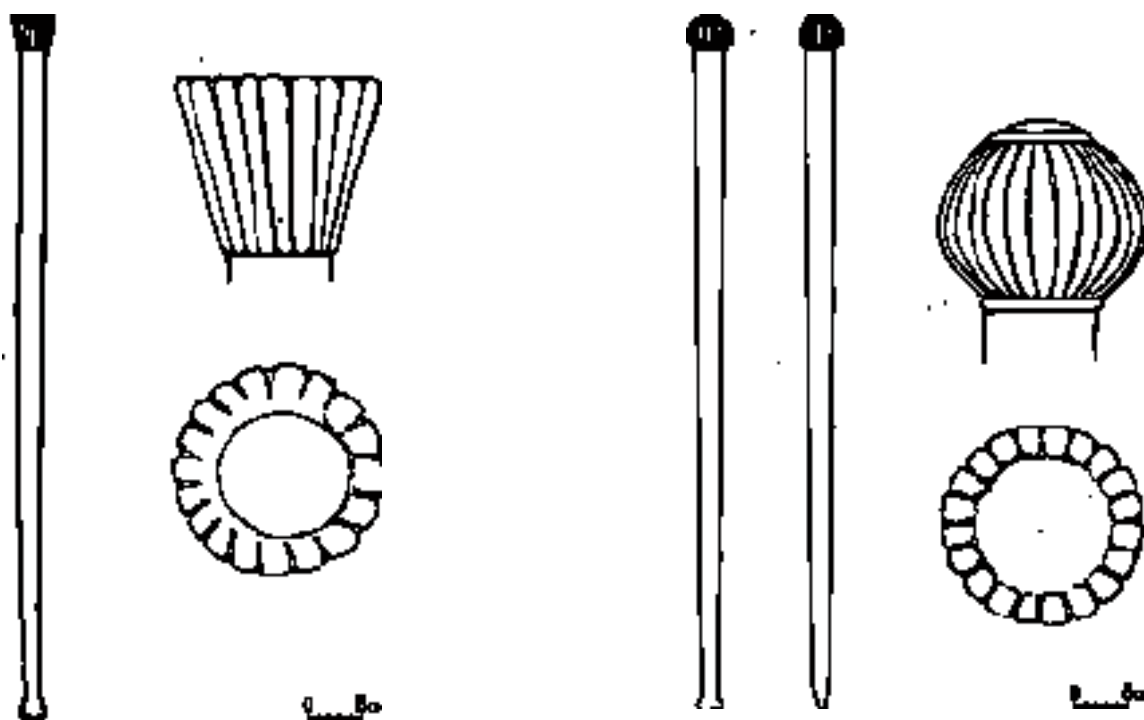

Рис. 35 Сланцевые «посохи» со свинцовыми наконечниками

листический прием в изображении птиц-андрокефалов на маргианском образце.

В целом же, рассматриваемая цилиндрическая печать из некрополя Гонура, при несомненной ее связи с эламо-месопотамскими прототипами, имеет явно местное происхождение, лишняя раз указывая на существование в зоне существования БМАК особой школы древней глиптики, со своим собственным стилем и композиционными концепциями.

К сказанному следует добавить изображение сидящих на земле в окружении животных, и в том числе зебу, людей, на фрагменте лазуритовой печати, происходящей из восточного Ирана, и выполненной в том же стиле, что и композиции на вышеупомянутых цилиндрах, хотя изображение зебу свидетельствует о влиянии хараппской цивилизации (Collon, 1995. Fig. 52).

3.7. Изделия из камня

Каменные наконечники жезлов

Немногочисленные наконечники изготавливались из разных пород камня (Табл. 22, №7-9). Они имеют округлую форму со сквозным отверстием для насаживания на деревянную основу. При их изготовлении мастера-камнерезы учитывали и эстетическую сторону, искусно используя отличные по цвету естественные прожилки (погр. 1063). Все наконечники, как правило, имеют

гладкую поверхность. Лишь изредка представлены каменные наконечники с ребристой поверхностью (погр. 1443). Единичные экземпляры имеют один гладкий конец, а другой — украшенный рельефным концом вокруг края сквозного отверстия. Выделяется одно наконечник из черного о заполированного до зеркального блеска камня, происходящее из грабительских раскопок.

«Посохи»

Посохи встречаются только в мужских погребениях, хотя количество их столь мало, что делать какие-нибудь определенные выводы пока было бы преждевременно. *Посохи представляют собой длинные (выше одного метра) стержни, выточенные из черного сланца. Чаще всего они прямые, хотя изредка имеют утолщение в средней части. Некоторые из посохов сохранили каменные, (много реже) свинцовые наконечники и имеют явно престижное, вероятнее всего, культовое назначение.* Доказательством тому может служить тот факт, что в ряде могил они были встречены в сочетании с бесспорно культовыми изделиями, такими, например, как «миниатюрные колонки», свинцовые круги и т.д. Фрагменты «посохов» встречены в нескольких могилах, в том числе не разграбленных, но совершенно целые — лишь в трех.

Из погр. 500 происходит «посох», на конце которого имеется свинцовое наконечник в виде расширяющегося вверх рифленого конуса, а из

погр. 510 — так же свинцовое навершие, но округлой формы (Табл. 25, №14, 15; Рис. 35), что до определенной степени напоминает свинцовые навершия из Телл Брака (Oates et al, 1997. Fig. 129). Противоположные концы посохов слегка стерты (но не от ежедневной ходьбы), причем на втором «посохе» конец сильно уплощен (до 3 см).

Назначение этих предметов в качестве посохов весьма условно и, скорее всего, они служили своеобразными жезлами или скипетрами, которыми пользовались жрецы во время религиозных церемоний. В антикварных лавках Кабула выставлено довольно большое их количество нередко с круглыми, каменными навершиями. В единичных случаях навершия были в виде полумесяца, близко напоминая такие же, встреченные в Шахдаде (Nakemi, 1997. P. 626). Кроме того, здесь были известны и базальтовые «посохи» со свинцовыми навершиями (Christie's, 2000. N.4. Fig. 679).

Вместе с набором других, явно культовых предметов, в погребении 1500 был встречен «посох» (Табл. 6, №10), который в отличие от двух вышеописанных имеет утолщение (до 9 см) в своей средней части, обнаруживая прямые и безусловные аналогии с такими же предметами из Бактрии. (Pottier, 1984. Fig. 7. N. 31-32). Оба конца этого «посоха» много меньших размеров, чем у двух предыдущих, и сохранили следы стертости от употребления. Отметим, что «посохи», «миниатюрные колонки» и «гири» часто встречены были в могилах во фрагментах, т.е. скорее всего были преднамеренно разбиты перед тем как их помещали в могилы.

«Миниатюрные колонки»

Эти изделия цилиндрической формы, явно культового назначения, распространенные только в зоне существования БМАК. Всего на некрополе Гонура встречено около 25 таких изделий и, в том числе, в ограбленных погребениях, причем в одном случае внутри грабительского лаза. Все колонки (Табл. 25, №11) обнаружены только в мужских захоронениях. Как правило, все они высотой 30-35 см. (в единичных случаях около 0,5 м и диаметром до 15-20 см) и выточены из разных пород камня (в том числе из брекчии и мрамора и мраморовидного известняка). Обычно в средней части они утончены, причем нередко верхняя часть их несколько меньшего диаметра, чем основание. По краям торцовых кругов имеются явные следы стертости причем на верхнем торце стертость меньше, чем на нижнем. Не все, но многие из колонок украшены пазом, идущим сверху до низу, хотя имеются образцы с пазами только на верхней или

нижней частях, или вообще без таковых: сами пазы следов стертости не имеют. Поверхность торцов «миниатюрных колонок» заглажена до зеркального блеска. В погр. 1921 встречена каменная модель (высота 10 см. диаметр — 6 см), сохранившая вертикальные пазы.

Связь «миниатюрных колонок» с культовыми возлияниями представляется вполне вероят-

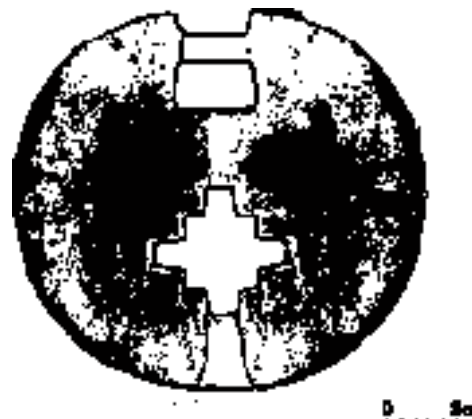

Рис. 36 Улуг Деде. Каменная «гира»

ной, т.к. только в храме Тоголок-21 на полах помещений было встречено свыше 30 как целых колонок, так и фрагментов от них. Было высказано предположение, что во время ритуальных церемоний на их поверхность сверху могли наливать какое-то количество священного галлюциногенного напитка типа сома-хаома, который стекал по вышеупомянутым пазам вниз (Е. Антонова). Помимо простых «миниатюрных колонок», имеются отдельные парадные экземпляры, покрытые снаружи мозаичной «рубашкой», но не сплошь, а так, что одна сторона их не была покрыта вставками, как например, в «погребении жрицы» в храме Тоголок-1, поэтому, видимо, такие колонки прислонялись к стенкам во время культовых церемоний. Проведен исчерпывающий, хотя во многом дискуссионный анализ всех известных «миниатюрных колонок», особенно большое сомнение вызывает правомерность отнесения таких изделий к андроновской культуре (Boroffka, Sava, 1998).

«Гири»

Круглые каменные изделия с таким условным названием представлены всего несколькими образцами и, судя по опоясывающему их по диаметру пазу, напоминающему аналогичные пазы «миниатюрных колонок», также представляют собой культовые предметы. Это тем более так, если учесть, что один такой диск (Табл. 6,

№10) был встречен вместе с «миниатюрной колонкой» и «посохом» в погр. 1500, предположительная принадлежность которого жрецу представляется вполне вероятной. В этой связи отметим находку такой «гири» с ручкой и сквозным изображением креста из слоев средней бронзы (Намазга VI, с древнеземледельческого поселения Услуг Депе у ж.д. станции Душак (Южный Туркменистан. Рис. 36).

Бусы и пронизки

Будучи наиболее дешевыми, популярными и поэтому самыми доступными изделиями, бусы и пронизки из гипса представлены в Гонуре многими десятками и даже сотнями образцов. Как правило, все такие пронизки — длинные (в среднем до 2 см при диаметре 2-3 мм), цилиндрические и очень хрупкие.

Известны были однотипные керамические, но особенно распространены крупные биконические, выточенные из черного стеатита бусины диаметром до 3 см с тремя кружками, нацарапанными на каждой плоскости (Табл. 25, №9). Имеются каменные бочковидной формы уплощенные в разрезе бусины размером 3·2 см, а также фаянсовые круглой и ромбической формы. Выделяются очень мелкие круглые бусины типа бисера, слепленные вместе по 3, реже по 4 экземпляра.

В погр. 1357 встречена биконическая сердоликовая бусинка с огранкой на восемь плоскостей. В единичных экземплярах встречены сердоликовые т.н. травленные бусы более типичные для хараппской цивилизации. Имеются редкие сердоликовые (слегка расширенные в середине) пронизки длиной до 4-5 см, распространенные от Индийской равнины до Месопотамии и Анатолии.

Наряду с этим, известны округлые, бочковидные и цилиндрические бусы, выточенные из сердолика, лазурита, горного хрусталя и очень редко из бирюзы (Табл. 7, №8). Крупные парадные бусины изготовлены из агата в виде цилиндра (со слабым утолщением в середине), на который с обеих концов надеты золотые ободки, прикрепленные при помощи клея (Табл. 7, №3-4). Точно такие же бусы были распространены во всей Передней Азии и в том числе в Бактрии.

Золотые бусы — преимущественно цилиндрической формы, пустотелые, как правило, гладкие и в очень редких случаях украшены кольцевыми рифлениями.

В единственном экземпляре известна морская перламутровая раковина двусторчатого моллюска, не туркменистанского происхождения.

Рис. 37 Каменная двухсоставная ваза

Каменные сосуды

Каменные сосуды немногочисленны, что в первую очередь объясняется отсутствием естественных месторождений камня в Маргиане (Табл. 9).

Решительное большинство найденных образцов выточено из мраморовидного с прожилками светлого камня (алебастр) в виде цилиндрических сосудов (погр. 1155), полусферических чашечек с округлым туловом (погр. 717), миниатюрных кубков из мраморизованного камня (Табл. 22). Все они имеют плоский, отогнутый наружу венчик. Выделяются, возможно, спе-

циального назначения вазы (Табл. 22, №12) на высокой ножке и с непропорционально маленьким резервуаром (погр. 894). Наряду с такими, имеются чашечки со слабо выраженным венчиком (погр.1436) и совсем без такового (погр. 1532), а также одна ваза на высокой ножке (Табл. 22, №5). В одном из разрушенных трассой канала погребений был встречен двойной сосуд, выточенный из светлого с прожилками алебаstra.

Из черного стеатита выточен цилиндрический сосуд (Табл. 9, №4) с нацарапанным геометрическим орнаментом (погр. 1999) и двухсоставная вазочка (отдельно резервуар и ножка), сплошь украшенная нацарапанным узором (Табл. 9, №7), в том числе в виде «витого жгута» и предположительно рисунка мака (погр. 1750), предназначенная для культовых церемоний (Рис. 37).

Из темного стеатита и белого камня изготовлены небольшие мелкие чашечки, украшенные простым нацарапанным орнаментом, а так же четырехугольные в сечении орнаментированные кружковым или геометрическим орнаментами (предположительно) косметические флаконы (погр. 1266).

В заключение следует упомянуть разграбленное погр. 2168, из которого происходят мелкие каменные изделия, в том числе стручок фасоли и миниатюрная модель модельной обуви (размер 4·1,7 см), искусно выточенная из черного стеатита, внутрь которого вставлен мраморный «штырек». Башмачок украшен снаружи тонко выгравированными «сердечками» (как бы имитируя узорчатую кожу), спереди имеет выделенный рант, и три длинные расширяющиеся «ленты». Это бесспорно модель обуви маргианских аристократов, т.к. при раскопках дворца северного Гонура уже была найдена керамическая модель обычной обуви в виде подошвы с пропущенным между пальцами ноги и ремешком. В целом же модель бошмачка чрезвычайно близко напоминает фасон современной обуви.

Кремневые наконечники стрел

Наконечники стрел встречены только в захоронениях мужчин. Они свидетельствуют о затаивших традициях каменной индустрии, хотя и представлены различными формами (лавролистные, подтреугольные и др.) с выделенным черешком и часто изготовленные в струйчатой технике (Табл. 25, №10).

3.8. Мозаика

Местным мастерам было известно искусство мозаики. Так, в камерной гробнице некрополя (погр. 194) была встречена часть какой то коробочки или ларчика, украшенная наборной мозаикой, состоящей из белых, черных и красных квадратиков, образующих целое панно (Табл. 5, №12).

В погр. 1999 среди бронзовых и серебряных сосудов находился круглый футляр с медным зеркалом внутри, украшенный как на крышке, так и на дне красными, черными и белыми мозаичными вставками в виде квадратиков, миндалин и ромбов, образующих крупный центральный крест.

В погр. 1022 была найдена, по всей видимости, шкатулка, поверхность которой сохранила мозаичную «рубашку», составленную из сотен кружочков, выточенных из мягкого белого камня. Все они в центре имеют углубления, заполненные красной и черной краской. Такие кружочки-вставки (диаметром 1,3 см с центральным окрашенным углублением около 0,8 см) были наклеены на гипсовую основу образуя своего рода наборную мозаику.

Каменные, изредка костяные, но чаще всего гипсовые мозаичные вставки были встречены в других могилах некрополя причем иногда поверхность их покрыта дополнительными гравированными орнаментами. Особый интерес представляют каменные фигурные орнаментированные вставки, встреченные в вышеупомянутом «комплексе погребальных ритуалов» во дворце северного Гонура. Среди них встречен глаз со зрачком достаточно больших размеров, что позволяет предположить, что он был предназначен для довольно крупной композиции, включающую человеческой фигуры. В погр. 1999 был встречен футляр с зеркалом, поверхность которого была украшена мозаикой (Табл. 5, №10).

При изготовлении более простых мозаичных изделий использовались не каменные или костяные, а более дешевые (хотя и менее прочные) — гипсовые вставки различных форм. Наиболее часто вставки имеют форму квадратиков, на обратной стороне которых местами сохранились следы от какого то клеящего вещества. Судя по всему, такие мозаичные, часто разноцветные, вставки наклеивались на тонкие гипсовые же плитки (толщиной до 2-3 мм), которые уже потом могли монтироваться как на «шкатулки», так и на другие изделия. Иногда на лицевой стороне вставок были выгравированы различные, но довольно простые узоры.

Судя по могильнику Шахдада, близкие по ти-

пу мозаичные «шкатулки» или «ларчики» были известны в восточном Иране, в зоне распространения БМАК (Hakemi, 1997. Р. 662-663).

«Погребение мастера-камнереза» (№ 1200)

В связи с описанием каменных изделий некрополя следует особо отметить погр. 1200 (Табл. 4, №4). Скорее всего это — погребение мастера-камнереза, т.к. *у головы его находилась «корзиночка» с его инструментарием, включающим «сапожный нож» с чрезвычайно широким лезвием, абразивы, кремневое сверло в виде наконечника стрелы, с заполированным от работы острием для сверления отверстий, фаянсовые (предположительно) «лекала», свинцовые стерженьки, один из которых, имея раздвоенный конец, в определенной степени напоминает такие же стерженьки, происходящее из Гияна (Herzfeld, 1988. Fig. 276), а так же костяной стержень с наискосок срезанным концом.*

Вместе с ними находилось более 100 сколов, отщепов и просто кусочков различных минералов, представляющих «отходы» производства, а также различные каменные заготовки и полуфабрикаты (преимущественно бусы без сквозных отверстий для шнура), а также вставки от мозаики.

Исследование каменных изделий и полуфабрикатов из этого погребения, проведенные петрографом А. Бушмановым установили, что для их изготовления использовались бирюза, халцедон, горный хрусталь, афганская яшма, кварц с включением опалов, ангидрит, кремний, сланец, мрамор, магнезит, пероксен, каолин, гранит. Некоторые из этих минералов неизвестны в Туркменистане, но имеются в соседнем Иране и Афганистане.

Среди изделий, найденных в могиле мастера-камнереза, обращает на себя внимание миниатюрная фигурка отдыхающей утки (размер 3,5·2,5·2,2 см), с повернутой назад головой, выточенная из биотитового гранита — оплита (Табл. 9, №6). Такие фигурки в большом количестве известны на всем Ближнем Востоке, начиная с конца III тыс. до н.э. и вплоть до ахеменидского царства, но в пределах Центральной Азии такой предмет встречен впервые. Некоторые из известных уток сохранили клинописные надписи, указывающие на их назначение в качестве весовых гирек.

Из того же камня (оплита) изготовлен небольшой круглый «маскарон» (~ 2,3 см; Табл. 9, №5), на лицевой стороне которого имеется рельефное изображение человеческого с грубыми чертами лица (большой, курносый нос, округлые гла-

за, пышные усы), в определенной степени напоминающее антропоморфных чудищ типа Аждархо на бактрийских амулетах и печатях (Sarianidi, 1998a. Fig. 52-53). На оборотной, плоской, стороне «маскарона» в центре имеется углубление для крепления его на месте (глубиной 0,5 см и ~ 0,3 см). Рядом находилась незаконченная печать (~ 2,4 см), с ручкой на обороте, выточенная из того же камня со схематично намеченным лицом (того же типа, что и на «маскароне»).

В том же погребении были обнаружены три пары рук, выточенные из белого мрамора, бесспорно предназначенные для составных статуэток. Отсутствие других деталей (например, головы) от таких же статуэток может указывать на «специализацию» камнерезов. В зависимости от способностей и профессионализма, одни из них изготавливали более сложные изделия, требующие высокого профессионализма, а другие — более простые.

Около головы покойного (а не на шее) находилось ожерелье из бусин, обтянутых золотой фольгой попеременно с каменными (лазурированными, из мраморизированного известняка, из пористого камня светлого цвета), а в центре ожерелья была помещена чрезвычайно крупная агатовая бусина. Замок ожерелья сделан в виде конической пуговки, изготовленной из листового золота, а все бусы нанизаны на медную проволочку. Рядом с ожерельем находилось 5 золотых трубочек, а на тазовых — костях скелета фрагмент золотой фольги. У затылка покойного была помещена серебряная модель сосуда.

Погребение мастера-камнереза лишний раз указывает на высочайший уровень камнерезного искусства при довольно простом наборе камнерезных инструментов. Для этого достаточно указать, что в некоторых могилах (как например, в погр. 1999) найдены плоские круглые бусинки до ~ 5 мм, имеющие в центре сквозные отверстия в ~ 1 мм. Более того, можно допустить, что уже существовала дифференциация по уровню профессионализма, когда наиболее сложные изделия выполнялись мастерами высшей квалификации, в то время как более простые изделия вытачивали другие, не столь искусные мастера.

3.9. Изделия из кости

Костяные косметические флаконы

Встречен один образец такого флакона в погр. 421. Он был изготовлен из трубчатой кости животного, причем отверстие в дне было плот-

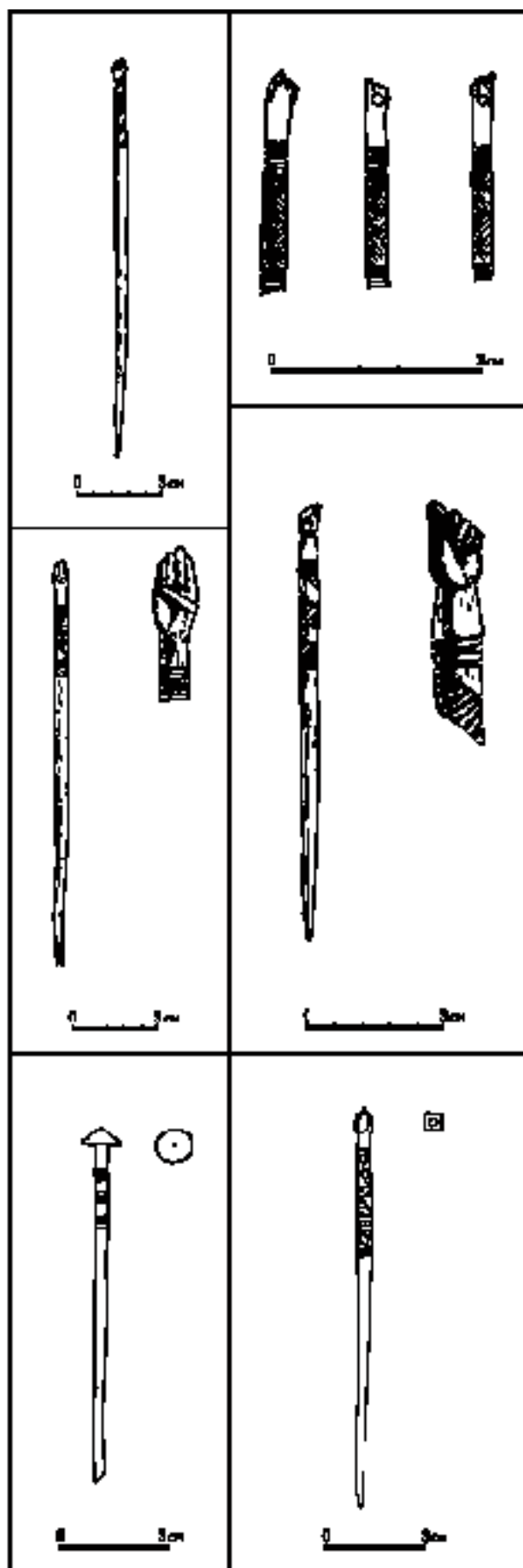

Рис. 38 Костяные булавки

но заткнуто костяным же кружком, а горло украшено фаянсовой обоймочкой с двумя отверстиями для крепления. В момент находки в горло флакона оказалась вставленной «косметическая палочка» с утолщением на одном конце и со слабо изогнутой «лопаточкой» — на другом. Точно такое же костяное изделие встречено в одной из

Рис. 38а Некрополь Гонура. Костяной топор.

могил Бактрии (Табл. 26, №4).

Костяные булавки

Булавки известны как в мужских, так и женских погребениях, но в последних они встречаются в два раза чаще (Рис. 38).

Булавки (Табл. 27, №12) располагаются преимущественно около голов умерших и, судя по всему, служили в качестве заколок для волос. Решительное большинство булавок изготовлено из костей животных и тщательно отшлифовано. Как правило, один конец их заострен, а второй украшен скульптурным навершием, чаще всего в виде то сжатого кулака, то, напротив, раскрытой ладони с разной комбинацией пальцев. Под этими навершиями всегда имеется несложный, нацарапанный орнамент в виде извивающихся заштрихованных лент или треугольников.

В погр. 1799 перед лицом умершей находились две костяные булавки соответственно с четырехлопастным навершием и в виде раскрытой ладони. Много более простые булавки заканчиваются сверху конусом, под которым нацарапаны колечки, прямо напоминая аналогичные из Свата (Stacul. 1987. Fig. 41, C.).

Костяные церемониальные топоры

Они единичны и выточены из костей крупных, рогатых животных и имеют втулки с отверстиями для крепления деревянной ручки. Подобно металлическим церемониальным топорам, втулки костяных топоров также расположены не строго перпендикулярно по отношению к самому топору, а наискосок, указывая на их общее церемониальное назначение. В целом же костяные топоры точно копируют такие же, найденные ранее в Маргиане (Sirianidi, 1998. Fig. 21, N 1).

Возможно, такого типа костяной топор был встречен в могильнике Свата (Stacul. 1987. Fig. 40, С.).

Изделия из слоновой кости

Лишь в одной камерной гробнице (погр. 575) был встречен обломок четырехгранной «гадательной» палочки, изготовленной из слоновой кости. Из-за плохой сохранности лишь на двух сторонах ее имеются выгравированные рисунки в виде кружков и прямых и ломанных линий. Точно такие же «палочки» и тоже выточенные из слоновой кости были встречены при раскопках дворца северного Гонура (Sarianidi, 1998. Fig. 21. N 16-17) и в слоях БМАК на Алтын Дене (А.Ганялин).

В погр. 2228 впервые встречена гребенка из слоновой кости (Табл. 5, №13) с выгнутой «спинкой» точно копируя аналогичные из Месопотамии, а в погр. 1898 — фрагменты «брусков» из нее же.

3.10. Фаянсовые изделия

В погребениях некрополе Гонура были встречены фаянсовые изделия. Как правило они — белые с голубыми подтеками. Из фаянса изготавливались печати и амулеты (Табл. 20, №1-14), а так же мелкие украшения: миниатюрные бусы, в том числе биконические, мелкие, слепленные по три-четыре штуки бусинки вместе, пронизки. Выделяются полые конусы (до ~ 2,5 см и высотой до 1,5 см) с парой отверстий, расположенных у основания изделия напротив друг друга, а также зубчатые «колесики», близко напоминающие такие же в хараппской цивилизации (Marchall, 1931. Pl. CXLV), где они встречаются повсеместно и, скорее всего, нашивались на одежду. Здесь же отметим мелкие фаянсовые поделки из могил некрополя Гонура, находящие свои прямые соответствия в могильниках Свата (Stacul. 1987. Fig. 43, D-H).

Не совсем ясного назначения являются небольшие (до 1,5 см высотой и 1 см в основании) фаянсовые или стеатитовые изделия полусферической или конической формы со сквозными отверстиями (с плоской стороны), через которые могла быть пропущена нитка для пришивания из-

Глава 4

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ НЕКРОПОЛЯ ГОНУРА

делия на месте.

В погр. 57 встречена плоская, фаянсовая с голубыми подтеками фигурка орла в геральдической позе, имеющая отверстия на крыльях для крепления ее на месте (Табл. 22, №2). В целом же, мелкие фаянсовые украшения были встречены в могилах некрополя довольно часто.

3.11. Заключение

Заканчивая краткий обзор погребальных приношений некрополя Гонура, можно прийти к одному главному выводу — решительное большинство погребальных приношений и личных украшений, встреченных в некрополе, обнаруживает минимальные параллели с соответствующими материалами раннебронзового века южного Туркменистана (Намазга IV-V). Напротив, значительное их число, хотя и в разной степени, но имеет несомненные связи (нередко и «генетические») с Бактрией, восточным Ираном, Эламом, северной Месопотамией и Малой Азией. Но, если эти соответствия указывают на пути происхождения БМАК, то параллели с долиной Инда (как с хараппской, так и постхараппской культурами) обязаны, повидимому, более поздним связям, которые появились у жителей Маргианы уже после того, как в Центральной Азии сложился БМАК. Косвенным свидетельством тому, помимо находок изделий хараппского типа в Маргиане, служит поселение Шортугай — бесспорный форпост хараппской цивилизации в Центральной Азии — расположенное в непосредственной близости от Маргианы и Бактрии.

В заключение раздела отметим, что на полу одной из шахтных могил в кучке были высыпаны зерна мака, ботанические определения чего были сделаны в США, благодаря любезности проф. К.Ламберг-Карловского. Как известно, листья

макты содержат эфирное масло, до сих пор применяемое в медицине как возбуждающее или, наоборот, успокаивающее средство.

4.1. Зороастрийские погребальные обряды

В настоящее время можно считать доказанным, что племена Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса (БМАК) представляют собой тех самых «иранских язычников», которых до самого последнего времени безуспешно пытались найти ученые многих специальностей в разных частях Евразии (Grepe, 1987; Ньюли, 1989; Sarianidi, 1998). Дополнительные доказательства тому дают фактические данные, полученные в ходе раскопок некрополя Гонура.

По единодушному мнению специалистов и, в том числе лингвистов, считается, что в основе всех зороастрийских предписаний, связанных с погребальными обрядами, лежит принцип предохранения земли от ее осквернения трупом, что находит свое прямое подтверждение на материалах некрополя Гонура. В самом деле, когда это можно проследить, умершие в некрополе Гонура не были непосредственно засыпаны землей, т.е. не соприкасались с ней и находились в пустоте. Формальное исключение составляют лишь единичные фракционные захоронения, в которых, однако, погребены были не трупы, а уже очищенные от плоти кости, которые в таком случае не могли осквернить землю. Иначе говоря, едва ли не наиболее характерным признаком погребальных обрядов некрополя Гонура является стремление населения до минимума свести соприкосновение трупа с землей. «Авеста запрещает хоронить трупы, зороастрийцы расценивают погребение трупов как тяжкий грех, как осквернение земли. Ведивдат предус-

матривает наказание за погребение трупов собак или людей» (Мейтарчиан, 1999. с. 101). Кстати надо отметить, что близкие погребальные обряды отмечаются в могилах Свата, где они имеют «двухэтажную» конструкцию, где в нижнюю, которая не засыпалась землей и была пустотелой, и помещали покойника.

В качестве изоляторов могли служить разные виды материалов и даже песок, на что, повидимому, имеется указание в Видевдате, а ведь именно песок (с глинистыми прослойками) и составляет материк в некрополе Гонура, о чем уже говорилось выше. Условия захоронения умерших в цистах, камерных гробницах, шахтных и ямных могилах, а также в дахм не давали возможности телу напрямую соприкоснуться с землей или сводили эту возможность к минимуму. Трудно удержаться от соблазна сопоставить эти фактические наблюдения с древнеиранскими и, в первую очередь, с зороастрийскими погребальными обрядами, генеральная идея которых заключалась в стремлении оградить «чистые стихии» — землю, воду, воздух и огонь — от осквернения их разлагающимся смрадным трупом.

Безусловно, эту же цель преследовал описанный выше обряд предварительного обжигания некоторых шахтных и особенно ямных могил, в которых предполагалось похоронить усопших, считавшихся по тем или другим причинам «нечистыми». Высказывалось мнение, что иранцы слишком почитали огонь, чтобы использовать его для «очищения» могил, однако как было показано ранее, такое двойственное отношение к стихиям существовало в зороастрийских погребальных обрядах вплоть до позднего времени (Снесарев, 1960. с. 101). Очевидно, что начало обряда очищения огнем может относиться еще ко временам «иранского язычества», когда именно огонь (судя по некрополю Гонура) являлся едва ли не главным очистительным средством.

Фактическим доказательством вышесказанному служат три могилы, сильно обожженные изнутри, с захоронениями в двух из них карликов и в третьем — ребенка с сильно выраженной патологией развития — батрокефала¹ (Табл. 1, № 1; 11, № 8).

Явно не случайно в одной из них, помимо карлика на слое золы встречены были фрагменты костей скелета и нижняя челюсть, определенные палеозоологами как принадлежащие крупной домашней собаке типа среднеазиатской овчарки, а также другие захоронения собак.

Ниже мы неоднократно будем обращаться к

сравнению погребальных обрядов некрополя Гонура с зороастрийскими погребальными традициями, поэтому представляется целесообразным именно здесь сделать несколько предварительных замечаний.

Лингвистами установлено, что к моменту канонизации основных догм священной для каждого зороастрийца книги Авесты существовало большое разнообразие различных видов зороастрийских, погребальных обрядов. С целью кодификации и приведения их в систему следовало отредактировать Авесту, установить «правильные» и осудить «неправильные» обряды захоронений. Предполагается даже, что компиляторы могли соединить различные тексты в один письменный свод, в виде Видевдата, поэтому «не исключено, что в дошедший до нас кодекс ритуальной чистоты вошли противоположные по смыслу рекомендации» (Крюкова, 1997. С. 215). Это замечание имеет для нас первостепенное значение, т.к. сопоставление письменных текстов Авесты с данными археологии далеко не всегда могут совпадать между собой, иногда они даже противоречат друг другу. Это, однако, совсем не означает, что они на самом деле представляют собой взаимоисключающие положения. Иначе говоря, далеко не все погребальные предписания Видевдата должны точно соответствовать тем погребальным обрядам, которые существовали в «иранском язычестве», в том числе в той форме, как они выступают на материалах некрополя Гонура.

Но обратимся к конкретному сопоставлению материалов некрополя (как могильника «иранских язычников») с данными зороастрийских погребальных обрядов, как они дошли до нас в Авесте, в которой, в частности, достаточно много говорится о так называемых «временных могилах».

4.2. Временные могилы

Уже в наиболее древнем отрывке Видевдата упоминаются «временные могилы», представляющие собой простую яму, куда умерший помещался, с целью его последующего перезахоронения. Вспомним вышеупомянутые факты, засвидетельствованный при раскопках практически всех камерных гробниц, а так же некоторых шахтных и ямных могил, в которых к моменту раскопок были обнаружены не скелеты, а лишь «костяное крошево» и единичные мелкие косточки. Такое положение внутри могил могло образоваться либо в результате деятельности грабителей, когда они могли выбрасывать наверх кости распавшихся скелетов либо при изъятии ске-

¹ Подробнее см. об этом Прилож. 2.

летов для их вторичного перезахоронения.

«Временные могилы» не являются чем то необычным в археологической практике Центральной Азии, а, напротив, они выявлены и в ряде других могильников в зоне существования БМАК.

«Временные могилы» были зафиксированы при раскопках могильников «гандхарской культуры» Свата, где А. Дани выделяет три основных типа могил. Для нашей темы особенно важны так называемые частичные или многократные (по его терминологии) захоронения, содержавшие не полные скелеты, а всего несколько костей, которые помещались в могилы после очищения их от плоти, т.к. в ряде случаев были отмечены могилы, которые открывались вторично (Дани, 1967. р. 25).

Более определенно высказывался на эту тему покойный Дж. Туччи, прямо отметивший в Свате существование пустых могил, содержавших всего несколько косточек: «Они пустые, исключая несколько очень мелких фрагментов, что повидимому показывает, что покойник лежал в могиле определенное время, после которого он изымался оттуда» (Тусси, 1977. р. 26). Этот факт может напрямую быть сопоставлен с «временными могилами» некрополя Гонура.

Очевидно, что если конкретизация погребальных обрядов, связанных со вторичными перезахоронениями еще потребует новых фактических уточнений и наблюдений, то сам факт существования «вторичных могил» во времена иранского язычества и в том числе в зоне существования БМАК кажется вполне вероятным.

Помимо Маргианы (некрополь Гонура), северной Бактрии (Джаркутан), а также Пакистана (Сват) такие обряды предполагаются для южного Таджикистана, куда в поисках новых земель из земледельческих оазисов Бактрии и Маргианы расселялись племена БМАК. Такие могильники (Тандырюл, Кумсай, Кангуртут и др.) состоят из шахтных могил с подбоями входы, в которые заложены, обычно камнем. Захороненные в этих могильниках (наряду с ингумацией имеются и «частичные» захоронения) лежат в скорченном положении, на правом боку головой на юго-восток. Могилы с «частичными» захоронениями определяются как вторичные, куда покойники помещались либо после предварительного выставления их на «дахму» либо труп сначала укладывался во временную могилу с последующим его изъятием и перезахоронением (Vinogradova, 1996, р. 176).

Можно считать доказанным, что все такие могильники южного Таджикистана оставлены племенами — выходцами из первоначальной и основной зоны существования БМАК, которые в

конце II тыс. до н.э. в поисках новых земель расселяются в северном направлении, где и вступают в контакты со степными андроновскими племенами. Доказательством тому служат погребальные приношения могильников типа Тандырюл и Кумсай, обнаруживающие бесспорные генетические связи как с БМАК так и с андроновской культурой (Виноградова, Пьянкова, 1990. с. 110., Виноградова, 1991. с. 77).

Хотя и не столь отчетливо, но тем не менее вполне определенно, отмечаются факты существования «временных могил» как в южной (Дашлы-1 и Дашлы-3), так и в северной Бактрии (Джаркутан, погр. 34, 42, 51), а также в Белуджистане (Stein, 1931. р. 77–82; 1937. р. 120), т.е. все в той же зоне существования БМАК.

Итак, независимым путем на основании прямых археологических данных ряд авторов пришел к вполне определенному выводу о существовании в Маргиане, Бактрии и Белуджистане, то есть в ареале распространения БМАК, так называемых «временных могил». Со второй половины II тыс. до н.э. наблюдается расселение БМАК в степную периферию, куда эти племена приносят не только свою материальную культуру, но и собственные погребальные обряды, включающие практику захоронений во «временных могилах».

Высказано предположение, что наиболее древние «временные могилы», упоминаемые в Авесте, устраивались под полами жилищ (Крюкова, 1997. с. 214), что, однако, требует дополнительных доказательств. Думается, что, по крайней мере, в период «иранского язычества» такая практика была неизвестна. С точки зрения археологии, захоронения под полами домов (если вообще они существовали) могли практиковаться в очень глубокой древности, в то время как Видевдат относится значительно к более позднему периоду.

4.3. Дахма

В высшей степени важными являются пассажи в Вендидаде, где говорится о перезахоронении покойника в дахму. Перед этим тело умершего следует, независимо ни от чего, занести в «дом для мертвых». До самого последнего времени считалось, что дахма сравнительно позднее явление и их не было в иранском язычестве. Однако, раскопки дворца на северном Гонуре показали, что в царской резиденции с самого начала была устроена «дахма», вблизи которой располагается так называемый «комплекс погребальных ритуалов», в определенной степени напоминающий «дом для мертвых» (зад-марг-хана), упоминаемый в Авесте (Рис. 39).

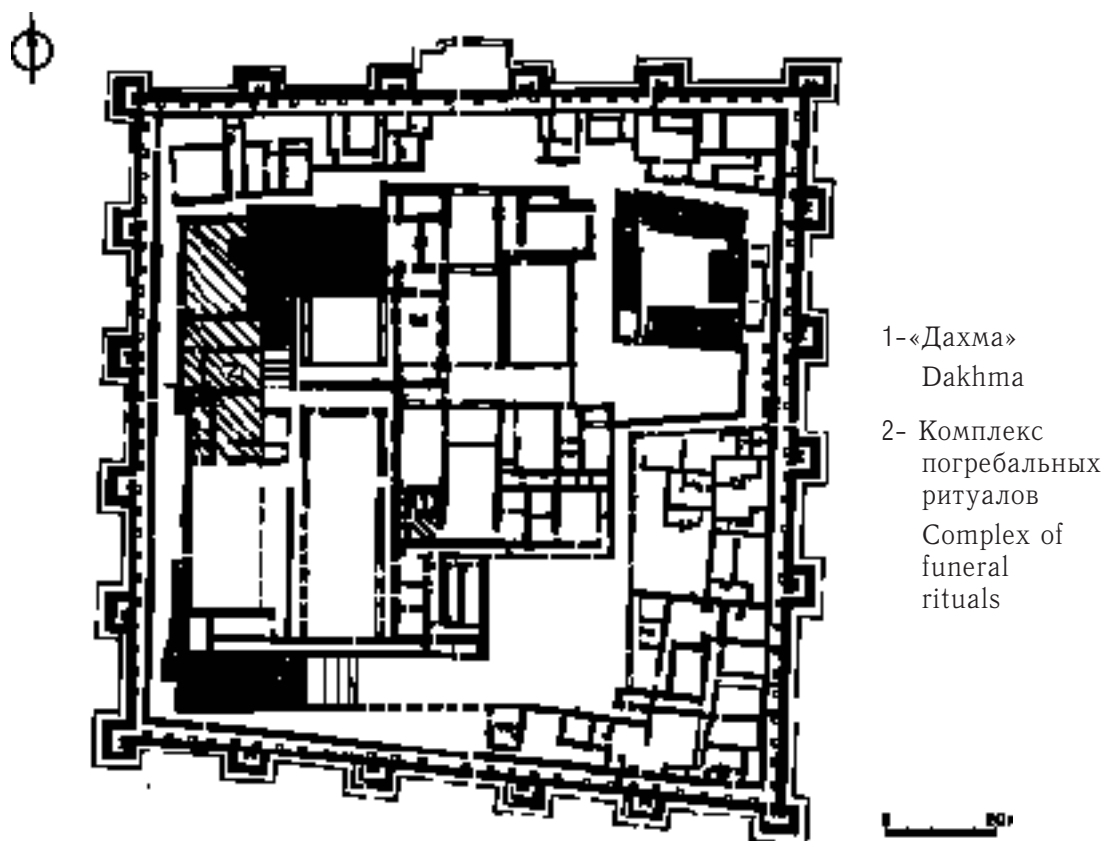

Рис. 39. Кремль и дворец северного Гонура.
The Kremlin and a palace of North Gonur.

И «дахма» и «комплекс погребальных ритуалов» раскопаны были в самые последние годы и ранее в полном объеме в публикациях не описывались, что оправдывает их достаточно развернутое рассмотрение в настоящей работе.

Итак, почти в центре северного Гонура, в этой подлинно политической столице древней страны Маргуш, был возведен кремль с дворцом в центре. В середине дворца располагается изолированная от других комплексов царская резиденция, разделенная внутри на две половины: жилую и подсобную. В свою очередь, жилая часть царской резиденции цепочкой чрезвычайно узких, коридорообразных помещений подразделена на две равные части: восточную и западную, каждая из которых состоит из жилых помещений и одного обширного внутреннего двора. Не исключено, что такая планировка отражает деление царского жилого комплекса на женскую и мужскую половину, как это до сих пор практикуется на востоке.

Вторая, подсобная, половина царской резиденции состоит из трех обширных дворов с двумя парадными входами, оформленными раскрепованными углами с невысокими, но широкими

порогами, каждый со столбом в центре. Такие парадные входы, со столбами, предполагающие двойные двери, имеются еще только в особо церемониальных, явно официальных помещениях типа аудиенц-зала этого же дворца. Подобное оформление парадных входов в залы было достаточно широко распространено в северной Месопотамии (Алаллах) и, особенно, в древнегреческой монументальной архитектуре. Считается, что раскрепованные углы таких входов ведут в особо важные по значимости помещения, каким и являлась на самом деле рассматриваемая царская резиденция. В таком случае, показательно и явно не случайно оба парадных входа царской резиденции, хотя и располагаются рядом, их раскрепованные углы обращены в разные стороны: один ведет внутрь резиденции (вход), а второй, наоборот, наружу (выход).

В юго-западном углу царской резиденции, между дворами как бы «спрятан» небольшой микрокомплекс, состоящий из двух квадратных и одного чрезвычайно узкого типа чулана помещений, связанных с заупокойными ритуалами по умершим членам царской фамилии. Доказательством тому служит одно из квадратных помещений, в котором было обнаружено десять мужских и

женских скелетов (от взрослых до детских), кости которых находились в сильно перемешанном, хаотическом состоянии, явно свидетельствующем об их перемещении с первоначального места нахождения (Табл. 12, №8). Внутри помещения, у самого входа в него был обнаружен человеческий скелет, лежащий в скорченной позе на боку, с правильным анатомическим расположением костей, но без черепа. Все скелеты лежат на полу, который предварительно был тщательно обмазан глиняной промазкой, поверх которой, по всей площади была насыпана специальная (до 3-5 см толщины) зольная подсыпка. Поверх золы, местами (преимущественно вдоль стен) прослеживаются водяные потеки, предположительно от дождя. Кроме того, в полу находилась ритуальная ямка-лунка, заполненная пережженными в другом месте костями животных.

Можно было бы допустить, что перед нами обычная погребальная камера с последовательным обрядом захоронения, когда при погребении вновь умершего, предшествующий скелет отодвигался в противоположную от входа сторону. Однако в таких коллективных погребальных камерах сдвинутые со своего места скелеты, как правило, концентрируются у противоположной от входа стены, а последний по времени захороненный располагается в центре. Здесь же наблюдается обратная картина. Нарушенные скелеты располагаются почти в центре, а последний по времени покойник был помещен у входа.

Кроме того даже в самых бедных погребениях Маргианы (за единичными исключениями), всегда имеются хотя бы один-два керамических сосуда положенных в могилы в качестве погребальных приношений, в то время как в этой камере не было абсолютно ничего, если не считать нескольких косточек животных. И это у покойников, принадлежащих, повидимому, к царской фамилии! Конечно, можно допустить, что все они были начисто ограблены в древности, однако к моменту раскопок должны были остаться хоть какие-нибудь остатки, как например, обрывки золотой фольги, обломки изделий из слоновой кости и др., обнаруженные в цистах и камерных гробницах некрополя. Здесь же укажем, что полное отсутствие булавок для закалывания одежд и пуговиц может в косвенной форме свидетельствовать, что покойников сюда помещали без одежды, что в свою очередь хорошо согласуется с запретом зороастрийцев оставлять на трупе какую-нибудь одежду (8, 24 — перевод В.Крюковой). Хотя современные зороастрийцы хоронят своих покойников в одеждах, считается что в более древние времена практи-

ковалось погребение нагих людей, традиции чего сохранились у парсов в Индии.

Думается, что эта погребальная камера с нарушенными скелетами, скорее всего, представляла собой своеобразную «дахму», куда выставлялись трупы умерших членов царской фамилии. Доказательством тому может служить и специальная зольная подсыпка, для того, чтобы предотвратить прямое соприкосновения трупов с землей. В свою очередь, дождевые подтеки на полу, могут указывать на отсутствие или, по крайней мере, на частичное перекрытие помещения, что позволяло лучам солнца проникать в камеру и высушивать трупы.

В поздней части Авесты, в Вендидате сохранилось два прямо противоположных описания дахмы. В одном случае она описывается в виде мавзолея или гробницы, возвышающейся над землей, а в другом — в виде открытого места, куда выставлялись тела умерших (Воусе, 1989. р. 326).

Лингвисты уже обратили внимание на то, что в Авесте говорится о дахмах как о специально построенных сооружениях. Если считать описанное помещение дворца Гонура «дахмой», то к ней в полной мере применимо описание, приведенное в Авесте: «со всех сторон закрытое помещение с крышей», которое в одинаковой степени могло служить как для выставления трупов, так и в качестве своеобразного мавзолея. Гонурская «дахма» имела такую крышу, конструкция которой позволяла не только солнцу, но, по всей видимости, и птицам, проникать внутрь. В таком случае трупы могли достаточно быстро высохнуть на солнце, а птицы могли окончательно очистить скелеты от плоти. Не исключено, что в предполагаемом процессе могли принимать участие как хищные птицы (наподобие грифов), так и даже специально обученные для этого собаки, что засвидетельствовано письменными данными для Бактрии античного времени (Геродот, Онесикрит, Помпей Трог), хотя и не все авторы согласны с этим (Рапопорт, 1971).

На это же указывают, в частности, печати и амулеты БМАК с гравированными на них, явно сюжетными композициями. Так, на одном таком амулете из кабульского музея имеется изображение лежащего человека, которого сверху атакует хищная птица, предположительно — гриф. (Sarianidi, 1998. N. 914).

Более впечатляющая сюжетная композиция сохранилась на другой, медно-бронзовой бактрийской печати. Мое внимание на нее обратил владелец печати, известный коллекционер-любитель и ценитель восточных древностей Рон Гарнер.

Эта достаточно сложная композиция (Табл. 25, №1), состоит из двух разномасштабных регистров. Внизу изображен лежащий в скорченной позе человек с согнутыми в коленях ногами (характерная поза покойников Маргианы), которого сверху терзает большая, хищная птица наподобие орла, а вероятнее грифа, в то время как к его ногам крадется собака. Композиция повторена дважды: в верхнем регистре также показан лежащий в скорченной позе человек, хотя и меньших размеров, но также с согнутыми ногами, т.е. опять таки изображающий покойника, которого сверху клюет птица (Sarianidi, 1998. Fig. 3. N.11). Еще один рисунок верхнего регистра, скорее всего передает изображение птицы, отлетающей от расклеванного ею трупа (если только это не отлетает душа-птица). Думается, что на вышеупомянутой уникальной медно-бронзовой печати передана сцена очищения скелетов умерших людей от мягких тканей птицами и собаками, что могло происходить в камерах наподобие той, которая была обнаружена во дворце северного Гонура.

Следует отметить, что зороастрийцы, наряду с собакой, очень большое значение придавали птице, т.к. оба эти живых существа причислялись к творениям Ахура Мазды. И, возможно не случайно, на вышеупомянутой бактрийской печати птицы изображены три раза против одного рисунка собаки, т.к. птицы, видимо, были предпочтительнее в качестве очистителей трупов, чем прочие создания (Мейтарчян, 1999. с. 106).

Показательно, что обе птицы, присутствующие на изображении, клюют именно головы покойников. И здесь необходимо сделать одно отступление, касающееся безголовых скелетов. Помимо уже отмеченного последнего захороненного в «дахме», следует добавить аналогичную же ситуацию в одной неразграбленной камерной гробнице (погр. 194). В обоих случаях это ненарушенные скелеты, у которых заранее были отчленены головы, что бесспорно не случайно. Еще в одной обожженной могиле некрополя Гонура нет не только черепа, но и места для него. О том, что все эти наблюдения не являются случайными, свидетельствует ненарушенный мужской скелет из погр. 2123, череп которого был предварительно отчленен и находился выше, в засыпке земли этой же могилы. На грудь же основного скелета была положена нижняя челюсть от какого-то женского костяка. В настоящее время всем этим наблюдениям пока еще нет достаточно удовлетворительного объяснения, однако они явно не случайны, в связи с чем следует вспомнить дан-

ные Видевдата об умерщвлении людей, достигших преклонного возраста, которым следовало отрубать голову (Рапопорт, 1971. с. 28).

Не исключено, что эти изображения являются подтверждением бытования тех же погребальных обрядов, которые зафиксированы на настенных фресках Чатал Гуюка (правда, много более раннего времени), где грифы изображены рядом с обезглавленными людьми (Mellaart, 1967. p. 169). В этой связи небезинтересно будет отметить, какую большую роль занимала голова и в особенности лицо покойника в зороастрийских обрядах, когда, например, глаза умершего, также как и его нос, не закрывались саваном и оставались открытыми. По тем же представлениям, в зависимости от того, какой (правый или левый) глаз выключот первым птицы, зависела судьба умершего в дальнейшем (Мейтарчян, 1999. с. 113)

Из храма Тоголок-21 в Маргиане происходит медный амулет (на который мое внимание также обратил Р.Гарнер) с изображением рогатого монстра, терзающего двух лежащих на земле умерших людей с согнутыми в коленях ногами, как и на вышеописанной печати (Sarianidi, 1998. N. 1621; Табл. 25, №2). Сюжетная композиция амулета со сценой терзания покойников в определенной степени может быть сопоставлена с зороастрийскими представлениями о демоне трупного разложения, предстающего в образе отвратительной мухи Насу (Видевдат, 7.2), который сразу же набрасывается на человека в момент его смерти. Важно отметить, что упомянутый монстр чрезвычайно близко напоминает такие же чудовища сиро-хеттской глиптики.

Дополнительным доказательством практики очищения скелетов от мягких тканей в Маргиане может служить погр. 138, встреченное в руинах дворца северного Гонура. В ходе раскопок здесь был обнаружен крупный пифос, в котором находилось захоронение мальчика 13 лет, личные украшения и погребальные приношения которого включали бусы из полудрагоценных камней (в том числе золотые), а также великолепную глиняную статуэтку. Все кости ребенка оказались раскрашенными черной краской, причем особенно тщательно был расписан череп четким контуром волосяного покрова. Очевидно, что раскраска костей могла быть совершена только после того как они были очищены от мягких тканей, что предполагает либо предварительное выставление трупа, либо его вываривание, что представляется менее вероятным.

В этой связи нелишне отметить, что в Видев-

дате упоминается слово *nasuspasu*, которое переводится как «кремация» или «варка трупов», что представляется более вероятным, хотя и совсем необязательно должно быть связано с людоедством.

Здесь же укажем на существование в Маргиане, хотя и единичных, но бесспорных фракционных захоронений и, в особенности, фракционное захоронение на алтарной площадке храма Тоголок-21, представляющие собой помещенные в ямки аккуратно сложенные вместе кости с черепом наверху (Сарианиди, 1990, с. 128).

Проблема происхождения иранских языческих погребальных обрядов имеет длинную и сложную историю. Считается, что иранская аристократия старалась и после смерти не расставаться со своими родичами, а находиться вблизи них (Воусе, 1989. р. 114). Это до определенной степени объясняет устройство «дахмы» в пределах царской резиденции — дворца Гонура — рядом со здравствующими родственниками, хотя это и приносило определенные неудобства для живущих. Как бы то ни было, устройство мавзолея внутри царской резиденции само по себе вполне вероятно и не случайно, Фирдоуси в «Шахнаме» изображает дахму как усыпальницу — мавзолеей иранских царей.

Не входя в специальное рассмотрение этой сложной проблемы, которая подробно и как всегда исчерпывающе исследована Б. Литвинским (Литвинский, Седов, 1983, с. 108-115), отметим лишь, что как теперь доказано, термин «дахма» происходит не от слова «гореть», как это считалось раньше, а от «погребать» (К. Хоффман), «хоронить» (М. Бойс). Если исходить из вышеприведенных данных о предполагаемой «дахме» дворца Гонура, то можно заключить, что во времена иранского язычества (по крайней мере, в Маргиане) это было огороженное, по-видимому частично открытое сверху помещение, куда умерших выставляли на предварительно насыпанную зольную подстилку и куда имели доступ хищные птицы (а так же — предположительно — обученные собаки). И, хотя «дахма» Гонура, расположенная изолированно, но вблизи жилых помещений должна была распространять дурной запах, это по всей видимости не останавливало царствующих лиц от желания иметь своих умерших родственников вблизи от себя.

Устройство элитных гробниц с коллективными захоронениями внутри дворца известны и в других мегаполисах того времени на Ближнем Востоке. Частным примером этого могут служить мавзолеи (в том числе в виде дома) во

дворце Угарита (Burney, 1977. р. 114. Fig. 91).

Расположение погребальных сооружений внутри дворцов и даже внутри городской застройки доживают вплоть до настоящего времени. Так, например, известна практика устройства дахм в новейшее время в густонаселенных районах Карачи и Бомбея, которые со всех сторон обступают городские кварталы. Еще сравнительно недавно в Бухаре дахмы зороастрийцев располагались «вблизи дома», внутри жилой застройки. В заключении отметим, что М. Бойс считает, что дахма возникла в Центральной Азии, правда, по его мнению, в кочевой среде, что однако требует дополнительных доказательств.

Проблема, куда же перемещались кости после их окончательного очищения от плоти во времена иранского язычества, пока не имеет удовлетворительного ответа со стороны археологии. М. Бойс, которая изучала зороастрийские погребальные обряды и, в том числе, дахмы на месте в Иране, выделяет два их типа. Один — когда дахмы разделялись стенкой на две части, в одной из которых помещались трупы, а в другой — уже очищенные кости. Еще одним видом являлись сооружения в виде башен. Наряду с этим ею были изучены и более древние дахмы, существовавшие до переселения зороастрийцев в Индию, — с колодцем, в который сбрасывались очищенные от плоти кости. До настоящего времени археологических свидетельств бытования такого рода дахм в Маргиане обнаружено не было. Если учесть, что в предполагаемой «дахме» находилось, десять скелетов, то следует допустить, что они скопились за период по крайней мере за несколько десятков лет, хотя один покойник в десять лет — это чрезмерно высокая смертность даже для того времени. Как бы то ни было, можно предположить, что кости сохранялись в дахмах очень продолжительное время, хотя дальнейшая судьба костей остается не совсем ясной. Б. Литвинский, специально исследовавший этот вопрос, вполне убедительно приходит к выводу, что дахмы служили для выставления и хранения в них костей наподобие мавзолеев (Литвинский, Седов, 1983. с. 112-115), что вполне приложимо к «дахме» Гонура.

Остается не совсем ясным, почему последний из захороненных во дворце Гонура, находившийся у входа в «дахму», находился в скорченном положении, что было затруднительно сделать, т.к. к этому времени труп уже окончательно зачоченел. Правда в археологической литературе допускается, что трупы даже зако-

Рис. 40. Дворец. Комплекс погребальных ритуалов.
Аксонометрия М. Фаталиева.
The Palace. Complex of funeral rituals.
Axonometry by M. Fataliev.

ченевшие обвязывались так, чтобы придать им нужную позу. Как бы то ни было, есть все основания предполагать, что во времена иранского язычества умерших в «дахму» помещали в скорченном положении, как это хорошо видно по последнему по времени погребенному в «дахме» и в камерной гробнице (погр. 194), а также по композиции на вышеупомянутой печати с изображением птиц, собаки и умерших людей.

4.4. «Комплекс погребальных ритуалов»

Есть основания предполагать, что помещение покойников в «дахму» во времена иранского язычества являлось заключительным актом, которому предшествовали другие погребальные церемонии. Документальным свидетельством тому служит специально возведенный на дворце Гонура «комплекс погребальных ритуалов», соответствующий иранскому «*zad marg*» или иначе комплексу помещений, куда зороастрийцы помещали мертвых перед тем, как их выставлять на дахму. «Комплекс погребальных ритуалов» занимает ровно половину западного крыла дворца и заслуживает более подробного описания (Рис. 40).

Принципиальное отличие этого комплекса общей площадью около 700 м² от всех других микрокомплексов дворца Гонура заключается в том, что во всех без исключения помещениях, связанных между собой общими проходами, не

только стены, но и полы были сплошь покрыты белой гипсовой обмазкой. Причем, «Комплекс погребальных ритуалов» сохранил гипсовую обмазку не только внутри, но и, что важнее, на наружном фасаде, что впервые отмечено для Маргианы. С наружной стороны, перед фасадом был уровень кирпичного пола был обмазан глиной в несколько слоев, образовавших ровную плоскость. В середине фасадной стены устроен главный проход, рядом с которым находится «пролом», за которым располагается анфилада помещений среди которых выделяются несколько особого назначения.

Одно такое небольшое квадратное помещение №48 с двенадцатью небольшими стенными нишами — «помещение с нишами» — имеет на полу неглубокий, круглый, закопченный очаг (~ 70 см и глубиной 15-20 см) со следами слабого влияния огня. Внутри него находился закопченный до черна (но не сильно обожженный) сырцовый кирпич, невольно вызывая в памяти иранский обряд помещения кирпича на место, где находился покойник для изгнания злых духов. В полу у очага, в сторону прохода имеется четко выраженное углубление, образовавшееся, от частого выгребания из него золы. Помимо стеновых ниш в восточной стене устроен обычный (но явно — не бытовой) камин с дымоходом, пол которого обожжен на толщину всего 3 см, а стены лишь закопчены, причем четко выявлено три слоя закопченной ремонтной обмазки. Судя по всему, это «помещение с нишами» играло роль своеобразного святилища, где горел слабый огонь

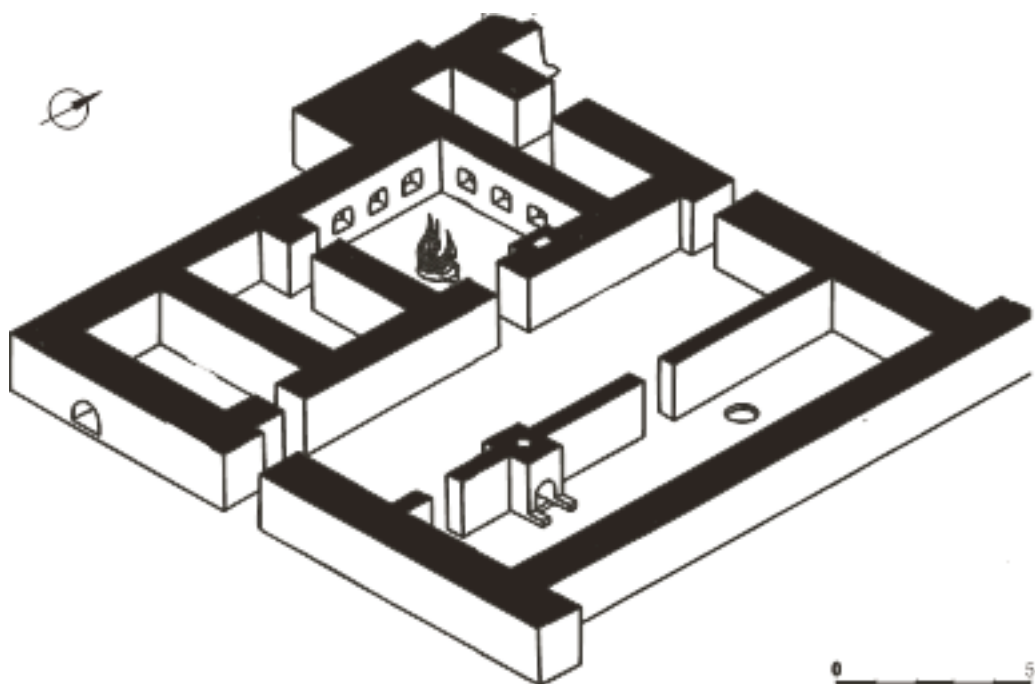

Рис. 41. Комплекс погребальных ритуалов. Аксонометрия М. Фаталиева.
Complex of funeral rituals. Axonometry by M. Fataliev.

и тлели разожженные на стороне угли в камине. Совместное местонахождение очага и камина в одном помещении исключает их чисто бытовое назначение (Рис. 41).

Особого внимания заслуживают 12 стенных, перекрытых сверху ниш, впервые встреченных в таком большом количестве в одном помещении в системе всей Центральной Азии. Хотя в момент раскопок в них ничего найдено не было, они могут быть сопоставлены с нишами в некоторых зороастрийских наусах, куда складывались кости после их очищения от плоти. Но независимо от точного их назначения, устройство ниш в таком большом количестве, скорее всего, было связано с еще не совсем для нас пока ясными погребальными обрядами времени иранского язычества. Совершенно очевидно, что это помещение не случайно имеет такую нестандартную планировку, т.к. точно такое же помещение с 12 стенными нишами и камином было обнаружено во «дворце» на другом, частично раскопанном столичном поселении Маргианы — Аджик-Куи-3 (Sarianidi, 1998. Fig. 37)

Проход из этого помещения ведет в помещение 54, а из него, через два прохода, в смежное помещение — 54а, которое сохранило две ямы на полу, а в западной стене — камин с дымоходом. В свою очередь, угловой проход из помещения 54 ведет в соседнее помещение 83, на полу которого были встречены упоминавшиеся выше каменные, фигурно выточенные вставки, по всей види-

мости, принадлежавшие наборной мозаике. У западной стенки устроена расширяющаяся к низу яма (~ 75 см) с натечными слоями на дне, которая к моменту раскопок оказалась засыпанной и полностью обмазанной сверху глиняной обмазкой. Очевидно, что яма относится к самому раннему периоду существования этого комплекса и на каком-то более позднем этапе была засыпана и выровнена под общий уровень пола.

Вся восточная часть помещения 83 сохранила свыше 20-ти ямок-лунок со средним диаметром 10-35 см при глубине до 40 см, часть которых оказалась пустой, но большинство были заполнены пережженными до черна костями животных, после чего сверху на уровне пола они были обмазаны слоем глины. Тот факт, что стенки ямок не несут никаких следов огня, указывает, что кости были сожжены на стороне и затем лишь принесены сюда и засыпаны в ямки-лунки. Точно такие же ямки-лунки с сожженными на стороне костями животных встречены в особых помещениях храма огня северного Гонура (Sarianidi, 1998. p. 13-125), а кроме того в круглом храме Дашлы-3 в Бактрии. Культовое, а не бытовое назначение их бесспорно, причем, думается, что эти лунки были устроены в полу заранее и по мере необходимости засыпались пережженными костями животных. В западной стенке этого же помещения устроен отопительный камин с перекрытием в виде стрельчатой арки и с закопченным дымоходом.

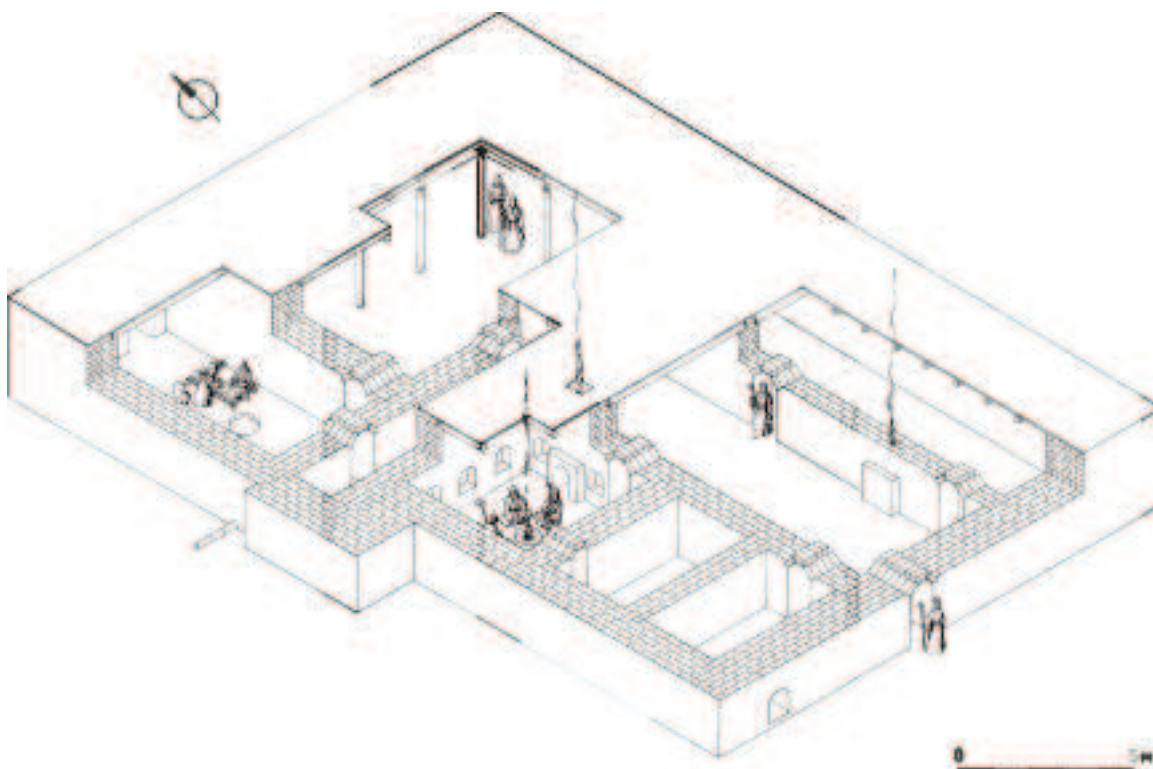

Рис. 42. Реконструкция «Комплекса погребальных ритуалов». Аксонометрия Оразова А.Т.
Reconstruction of the «Complex of funeral rituals». Axonometry by A.T. Orazov.

Рядом с «помещением с нишами» имеется чрезвычайно узкий чулан (пом. 55), прямо аналогичный вышеупомянутому чулану, смежному с «дахмой» в царской резиденции. Есть все основания предполагать их одинаковое функциональное назначение в качестве помещений, куда ставились носилки с покойником и, предположительно, инструментарий, необходимый для заупокойных церемоний.

Проход из «чулана» ведет в смежное помещение 81, интерьер которого местами сохранил три слоя белоснежной, гипсовой обмазки. На полу помещения, в центре имеется неглубокая яма (~ 90 см и глубиной 20-25 см) строго очерченной круглой конфигурации, на дне которой четко прослеживаются натечные слои. Рядом в стене у самого пола пробито отверстие, в которое горизонтально вставлены три гончарные трубы, образующие небольшую дренажную систему для вывода сточных вод за пределы помещения. Следы воды на дне ямы вместе с дренажной системой дают веские основания предполагать, что в древности в этом помещении проходили ритуальные церемонии, в которых обмывание покойников занимали едва ли не главное место.

Пара проходов из помещения 81 и 83 ведут в помещение 163 с двумя круглыми ямами, имеющими одинаковый размер — ~ 90 см и расположенными по одной оси и также с натеками на дне.

Помимо ямы в полу, в южной стене помещения устроен двухкамерный очаг, с необычно сильно прокаленными стенками изнутри, что с бесспорностью указывает на длительный и интенсивный огонь. В полу устроено несколько ямок-лунок с сожженными на стороне костями животных.

Последнее помещение — 161 — самое большое в этом комплексе типа залы, имеющее три-четыре ремонтных гипсовых обмазки. Хотя никаких остатков столбов не сохранилось, исходя из наличия гипсового пола, следует предположить наличие в нем деревянных столбов, на которые должна была опираться кровля. К восточной стене помещения пристроено прямоугольное сооружение, но не в самый ранний период существования здания, а в несколько более позднее время, т.к. в его кладке встречены кирпичи со следами гипсовой обмазки вторичного использования. Внутри это сооружение (снизу до самого верха) в момент раскопок было аккуратно заложено сырцовыми кирпичами. По-видимому, закладка была произведена в самый последний период использования помещения. Обычно такая процедура практиковалась только в культовых сооружениях во избежание их осквернения в последующем. Показательно, что во всем «комплексе погребальных ритуалов» не было встречено ни одного бытового, связанного с приготовлением пищи очага, что лишнее раз указывает на особое назначение этого зда-

ния. Исключение составляет двухкамерный очаг в пом. 163, предназначенный для приготовления жертвоприношений для заупокойных церемоний.

Столь подробное описание «комплекса погребальных ритуалов» объясняется тем, что такое сооружение, связанное с погребальными церемониями, для этого времени пока является единственным на всем Ближнем Востоке. Думается, среди предполагаемых заупокойных ритуалов, пожалуй, одно из главных мест занимали обряды, связанные с обмыванием покойников. Об этом, как уже отмечалось, свидетельствуют ямы с натекающими на дне, оборудование специального дренажа, устройство рядом с главным проходом специального «пролома».

Обряды омовения покойников являются едва ли не повсеместными у многих древних народов. Так, в Центральной Азии достаточно широко были распространены ритуалы омовения трупов, причем в Хорезме засвидетельствованы даже особые комнаты, где это делалось. Согласно этим данным, в месте, где производят обмывание, сначала выкапывается яма, на дно которой помещается изолирующая подстилка. Над ямой ставятся доски в наклонном положении, по которым стекает использованная вода. Хотя высказано мнение, что в зороастрийскую погребальную традицию этот обряд попал под влиянием незороастрийского окружения в эпоху средневековья (Крюкова, 1997. с. 224), судя по приведенным археологическим данным, он существовал уже во времена иранского язычества (Рис. 42).

Очевидно, что в «комплексе погребальных ритуалов» обряды омовения покойников занимали, хотя и важную часть погребальных церемоний, но они были далеко не единственными. К сожалению, от этих обрядов мало что дошло до нашего времени, если не считать двухкамерную печь для приготовления жертвенного мяса и ямки-лунки в полу, заполненные принесенными со стороны пережженными костями животных.

Приведенные данные дают право предполагать, что во времена иранского язычества существовали особые здания типа «комплекса погребальных ритуалов», по удачному выражению В. Крюковой — «своеобразные морги», в которых совершались все необходимые погребальные церемонии и которые напоминали зороастрийские «дома для покойников» (*zad i marg* в Авесте). В этих помещениях хранился похоронный инвентарь, проходили все заупокойные ритуалы и, в том числе, обмывались мертвые. Причем, по единодушному мнению специалистов занесение

трупа в такой «дом для покойников» перед помещения его в дахму стало обязательным, независимо от условий и времени года (В. Крюкова, М. Мейтарчян). В таких «зад и марг» рядом с помещением, где покойник находился в течение трех дней, должен был гореть огонь, с чем, с полным правом можно сопоставить «чулан» (пом. 55 место для покойника) и рядом расположенную «комнату с нишами» (пом. 48), с очагом в центре, где все эти три дня мог гореть слабый огонь.

4.5. Камерные гробницы

Для нашей темы особое значение имеют захоронения в камерных гробницах, которые можно сопоставить с упоминающимися в Авесте могилами под наименованием «к а т а». Этот термин означает «помещение», «кладовая», куда предварительно переносятся трупы, или иначе «дом, помещение для мертвых» (Мейтарчян, 1999. с. 43). Отдельные камеры (ката) представляли собой своеобразные временные склепы, куда помещался умерший, но зарывать которого уже не было необходимости, т.к. это противоречило бы почитанию земли, как «священной материи» (Крюкова, 1997. с. 219). Размеры таких ката должны были быть по данным Авесты «.... достаточно обширные, чтобы не задевать головы стоящего человека, вытянутых ног, протянутых рук», что вполне может быть приложимо к камерным гробницам некрополя Гонура, т.к. только эти погребальные сооружения некрополя имеют вид дома и только они имеют размеры, приближающиеся к требованиям Авесты.

В предшествующей главе, в разделе «погребальные сооружения» было отмечено, что решительное большинство камерных гробниц не сохранило скелетов (даже нарушенных), в них было найдено лишь «костяное крошево», что, скорее всего, связано с обрядами вторичных перезахоронений. Вместе с тем, документально установлено, что в камерных гробницах производились коллективные захоронения с последовательным обрядом захоронения, когда при погребении вновь умершего в центре гробницы, предшествующий бесцеремонно отодвигался в сторону. Каждое очередное захоронение внутри камерной гробницы сопровождалось заупокойными погребальными обрядами. И, хотя конкретный характер их остается неясным, модели двухчастных очагов во всех без исключения гробницах несут следы огня и иногда включают стоящие в них сосуды. Это дает право заключить, что погребальные обряды, в первую очередь, были связаны с жертвоприношениями и культовыми

ми возлияниями. Иначе говоря, камерные гробницы представляют собой в сущности все те же «временные могилы», откуда со временем полностью разложившиеся скелеты переносились в другое место.

Заключая краткий обзор погребальных обрядов некрополя Гонура, следует остановиться на одном редком, но весьма показательном погребальном обряде, связанным с идеей смерти-путешествия, традиции которого могут восходить еще к индоевропейскому единству. Имеется в виду обнаружение в некоторых могилах моделей обуви, что по мнению специалистов может свидетельствовать о представлении древних о смерти как о путешествии, как, например, в Греции (Hansen, 1980. р. 35). Две миниатюрные глиняные, высушенные на солнце модели обуви с загнутыми вверх носками были встречены в одной из могил северо-афганского Дашлы-3 (Сарианиди, 1986. Рис. 32), точно также как тщательно моделированная и хорошо обожженная обувь происходит из другой развешанной могилы этого же памятника.

Помимо Бактрии, модель пары обуви была встречена в полуразвешанной могиле, устроенной в заброшенных руинах храма Тоголок-21, что со всей очевидностью подтверждает сходство погребальных представлений людей БМАК. Как видно, идея путешествия покойника в загробном мире была достаточно популярна в иранском язычестве, откуда она позднее могла быть включена в погребальные обряды зороастрийцев. В заключение добавим, что у поздних зороастрийцев Ирана сохранился обычай скрещивать ноги покойникам, т.к. им предстоит необычное путешествие — путешествие в загробный мир. Не ис-

ключено, что такие представления восходят к очень раннему времени (по крайней мере, к периоду иранского язычества), хотя формы выражения могли сильно видоизмениться со временем: от помещения в могилу модели обуви до скрещивания ног.

Как установил Г. Хумбах, Видевдат знает три способа захоронения: погребение трупов в земле, положение трупов на земле и погребение их в дахме. Эти же три формы погребальных обрядов знает иранское язычество, что находит фактическое подтверждение на примере трех таких типов захоронений, выявленных в некрополе Гонура. Судя по полученным данным, самым распространенным был первый тип — захоронения в земле (шахтные и ямные могилы); много меньше практиковался второй тип — на земле (цисты и возможно, отчасти, камерные гробницы). Классические дахмы полагались, скорее всего, лишь царским особам, хотя, как было отмечено выше, почти каждая могила, в которой покойник находился в пустоте, в сущности, представляла собой своеобразную индивидуальную «дахму».

По-видимому, такая ситуация была характерна лишь в самый ранний период иранского язычества, т.к. в более позднее время, к которому относится составление Вендидата, наблюдается обратная картина — наиболее популярным становится обряд, предусматривающий захоронение не трупа, а костей покойного после выставления умершего в дахме, т.е. оссуарные захоронения, еще не известные в иранском язычестве.

Можно считать доказанным общее западное происхождение основных погребальных обрядов некрополя Гонура, что не исключает наличия местных южно-туркменистанских погребальных

Глава 5

МАРГИАНА И «ИРАНСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО»

традиций, наподобие тех, что отмечены были в могильнике, устроенном на руинах дворца, где в ямных могилах покойник полностью засыпался землей.

Как это ни покажется странным (в первую очередь из-за территориальной отдаленности), но наиболее близкие и много более ранние подобные погребальные обряды распространены в Палестине. Здесь уже в энеолите (IV тыс. до н.э.) были известны вторичные захоронения, предполагающие выставление покойников на открытое место. В эпоху бронзы в этом же регионе распространяются шахтные могилы с коллективными захоронениями, которые, как предполагается, полностью засыпались землей, но при очередном погребении снова разрывались для захоронения вновь умершего члена фамилии или клана. Показательно, что вместе с такими коллективными захоронениями, включающими до 20 скелетов, в могилу помещалась деревянная фурнитура, в том числе, кровати, столы и стулья. Все эти признаки сходства между погребальными обрядами Палестины и БМАК в настоящее время находят лишь формальные черты сходства, за которыми, однако, могут стоять и реальные исторические события, связанные в первую очередь с древними миграциями на Ближнем Востоке.

В эпоху ранней бронзы в Сиро-Палестине (III тыс. до н.э.) наблюдается поливариантность погребальных обрядов, но преобладает практика выставления тел, т.е. вторичные захоронения и шахтные могилы с 3-4 катакомбами, причем наряду с индивидуальными имеются и семейные, коллективные (Goner, 1992. р. 139). Налицо традиции коллективных захоронений с последовательным обрядом, а также практика выставления умерших, до определенной степени напоминающая погребальные обряды некропо-

ля Гонура, хотя и более позднего времени.

Вместе с тем, следует вспомнить, геоксюрские толосы Южного Туркменистана периода энеолита (IV тыс. до н.э.), в которых практиковался последовательный, коллективный обряд захоронений. Правда, этот обряд не имеет местных истоков, а был распространен здесь пришлыми, предположительно из Фарса, племенами.

Многолетние, крупномасштабные археологические раскопки храмов Маргианы, дополненные теперь материалами некрополя Гонура, дают основание в первом приближении охарактеризовать историко-культурную принадлежность живших здесь людей. Отсутствие письменных источников в Маргиане в рассматриваемое время еще долго будет являться почти непреодолимым препятствием к утверждению того, что народы БМАК и есть та «иранская языческая» общность, внутри которой, в свою очередь только и можно искать истоки первой мировой религии — зороастризма. Как и во всех других аналогичных ситуациях, для дописьменных обществ, именно археология обладает возможностью с документальной точностью установить, имеются ли связи между материальной и духовной культурой исследуемого ею общества с религиозными верованиями, засвидетельствованными уже в письменных источниках.

Общеизвестно, что зороастрийская религия зародилась в иранской среде, т.е. в «иранском язычестве», поэтому очевидно, что именно в нем и следует предполагать ее первоначальные истоки. Известно, что Зороастр не создал совершенно новое религиозное учение, а лишь реформировал старое, древнеиранское, истоки которого и могут быть найдены в «иранском язычестве» (Sarianidi, 1998).

Именно этой, чрезвычайно сложной и в выс-

шей степени дискуссионной проблеме и посвящена настоящая глава, в которой будут суммированы старые доказательства, полученные в ходе раскопок храмов Маргианы, в сочетании с новыми данными, полученными, благодаря исследованию некрополя Гонура.

Как известно, основными культами зороастрийской религии являются культ огня и напитков типа сома-хаома. В настоящее время у нас есть все основания утверждать, что «иранские языческие» племена Маргианы также поклонялись, в первую очередь, огню и культовому напитку, который в Авесте называется хаома, а в Ригведе сома. В их честь они возводили монументальные храмы, где приготавливался этот напиток и где совершались культовые возлияния, а также возжигался на алтарях священный огонь.

Самый ранний из известных сейчас храм огня, относящийся к концу III тыс. до н.э., был построен первыми колонистами бассейна древней дельты Мургаба на северном Гонуре, почти одновременно с дворцом, у его восточного фасада. Между этими двумя монументальными сооружениями имелся специально устроенный проход, через который царская фамилия, не выходя наружу за пределы дворца, могла посещать храм огня. Поскольку описание храма огня уже получило свою первоначальную публикацию (Sarianidi, 1998. p. 120-130), ниже будут кратко охарактеризованы его главные признаки.

Центральную часть самого раннего, первого храма составлял внутренний двор, четко разделенный на две основные части: северную — культовую и южную — вспомогательную. В главной, культовой части за высокой глухой стеной располагалась алтарная площадка, состоящая из пяти прямоугольных камер, вырытых в материке и выложенных изнутри кирпичами со следами сильного влияния огня. Рядом с алтарями находятся специальные контейнеры («хранилища священной золы»), также вырытые в материке и обложенные изнутри кирпичами со следами слабого влияния огня. Внутри контейнеры оказались заполнены чистой, белой (без каких либо посторонних примесей) слежавшейся золой, которая ссыпалась сюда из рядом расположенных алтарей огня. Показательно, что к моменту раскопок эти и другие «хранилища священной золы» рассматриваемого храма огня оказались наглухо, заложеными, как бы «запечатанными» кирпичами, что практиковалось в Маргиане только по отношению к культово-религиозным постройкам во избежании их возможного осквернения в будущем (Sarianidi, 1998. p. 120-130). Подобный обряд деления золы из алтарей по степени ее

важности на несколько категорий до сих пор практикуется многими зороастрийцами, когда наиболее чистая или иначе «святая» зола ссыпается в специальные емкости, которые в глубочайшей древности представляли собой «хранилища священной золы». Все сказанное не оставляет никаких сомнений в назначении этого храма именно в качестве храма огня.

Второй храм, построенный на руинах пришедшего к тому времени в запустение предшествующего храма также сохранил сильно обожженные изнутри алтари огня и рядом расположенные круглые или прямоугольные «хранилища священной золы», но всегда со следами слабого влияния огня. Показательны два алтаря огня, построенные друг над другом так, что один перекрывает второй, не оставляя сомнений в том, что второй (более поздний) алтарь возведен был на руинах разрушившегося к тому времени первого, демонстрируя их взаимную функциональную преемственность,

В северной части второго храма обособлено от остальных строений, за глухой стеной располагается своего рода «священный участок», состоящий из центрального святилища и группирующихся вокруг него нескольких подсобных помещений. Интерьер святилища сохранил пять фигурных стенных ниш или иначе «слепых окон», назначение которых в качестве алтарных ниш не вызывает сомнений. Между двумя такими «слепыми окнами» располагается двойной очаг, предназначенный для приготовления жертвенной пищи. Рядом, но за внешней стеной святилища, на специальном возвышении находится очень плохой сохранности либо алтарь огня, либо «хранилище священной золы» (Sarianidi, 1998, Fig. 63).

Наконец, когда и второй храм пришел в запустение, на его руинах был возведен третий храм, отличный по планировке от двух предшествующих устройством центрального, внутреннего двора, застроенного с трех сторон своеобразными «кельями». Однако основной культовый микрокомплекс, подобно предшествующему «святилищу», представлял собой помещение со «слепыми окнами» и находящимся между ними двойным очагом (пом. 70), предназначенным для приготовления жертвоприношений. В северной части третьего храма находится обширный «двор», в одном углу которого на возвышении находятся пять различной конфигурации «алтарей» (круглые, квадратные, прямоугольные) со следами огня, но разной степени интенсивности, а в противоположном углу «двора» располагается «хранилище священной золы» (Sarianidi, 1998. Fig. 65).

Отметим, что такая группа, состоящая из пяти «алтарей» с разной конфигурацией и степенью обожженности изнутри, обнаружена была еще раньше на алтарной площадке теменоса Гонура.

От четвертого храма сохранилось всего несколько помещений, одно из которых со «слепым окном», перекрывает обводную стену кремля, свидетельствуя о его возведении, когда кремль сильно сократился в размерах, а его восточная, фасовая стена уже находилась в руинах.

Для нашей темы принципиально важное значение приобретают так называемые «слепые окна» в виде своеобразных глухих стенных ниш, украшенных по обеим бокам «зубцами», которые имеются только лишь в помещениях особого, чаще всего культового назначения. Они украшают интерьеры святилищ вышеупомянутого храма огня (Sarianidi, 1998. Fig. 63; 64, N. 1), парадных помещений и святилищ дворца северного Гонура (Sarianidi, 1998. Fig. 38). Известны они также в Бактрии, где встречены были в святилищах двух храмов Дашлы-3. Далее в западном направлении они известны пока только в митаннийском храме в Телль Браке, алтарная ниша которого представляет типичное «слепое окно». Если вспомнить, что правящая элита митаннийского царства была вне всякого сомнения индоиранской, то такие параллели в храмовой архитектуре между Митаннией, Бактрией и Маргианой выглядят более, чем показательно. Если к этому добавить «слепые окна» в бесспорном храме огня в Мидии (Тепе Нуши Джан) и в приурмийском районе (Хасанлу, Баба Джан), то вполне логично прийти к однозначному выводу о сходстве алтарных ниш (этих наиболее важных и показательных элементов храмов) так далеко отстоящих друг от друга регионов. Хотя храм огня Тепе Нуши-Джан относится к более позднему времени, чем храмы Бактрии и Маргианы, его принадлежность к зороастрийской религии не вызывает сомнений. Поэтому М. Дандамаев даже предлагает пересмотреть устоявшееся в науке мнение об отсутствии храмов в зороастрийской религии (Дандамаев, Луконин, 1980). Северомесопотамское происхождение «слепых окон» документируется наличием их в Тепе Гавра уже в IV тыс. до н.э. Эти традиции продолжают здесь до середины II тыс. до н.э. (Телль Брак) и прослеживаются в приурмийском районе до начала I тыс. до н.э. (Хасанлу, Баба Джан) вплоть до Мидии (Тепе Нуши-Джан). Генетическая связь северомесопотамских и бактрийско-маргианских «слепых окон» очевидна. Эти традиции в виде архитектурной памяти были принесены в зону распространения БМАК пришлыми племенами.

Три других храма — Тоголок-1 и 21 и теменос Гонура — по планировке и назначению принципиально отличны от вышеописанного храма огня северного Гонура. Все три маргианских храма однотипны по планировочным принципам и посвящены двум главным культам: огню и культовому напитку типа сомы-хаомы. Во всех них имеются специальные так называемые «белые комнаты», где, видимо, и готовился этот галлюциногенный, опьяняющий напиток.

Следует отметить, что во всех маргианских храмах были встречены ископаемые остатки эфедры, конопли, а также пыльца мака, что впервые отмечено для столь раннего времени в мировой археологической практике. Более того, в этих же храмах (Рис. 42) был встречен весь, без исключения, инструментарий, необходимый для приготовления сока (Sarianidi, in press) и, что особенно важно и показательно, — специальные давяльные камни с полусферическими выступами в центре для выжимания сока (в Авесте хаома так и называется — «то, что выжимают»)

Во всех храмах Маргианы было встречено чрезвычайно большое, во много раз превосходящее обычные бытовые нужды населения, количество каменных терок, ступок и т.н. зернотерок, причем нередко с микроскопическими остатками алкалоидных растений на их рабочих поверхностях.

В помещениях храмов встречены специальные комнаты (в теменосе Гонура около 30) с огромными пифосами и даже специальными «ванночками», густо обмазанными внутри толстыми слоями гипса с остатками алкалоидных растений (в основном конопли), в которых происходило отмачивание их перед процессом последующего приготовления сока.

Во всех таких храмах без исключения имеются специальные «белые комнаты», в которых, происходил окончательный процесс приготовления сока типа сома-хаома.

Для отделения полученного сока от измельченных стеблей алкалоидных растений его процеживали через керамические сита или сосуды с отверстием на дне. Они устанавливались на специальные керамические подставки, под которыми предварительно размещались маленькие сосуды, куда и стекал готовый напиток. Все эти артефакты были встречены в храмах Маргианы (за исключением храма огня), что не оставляет никаких сомнений в их назначении именно для приготовления галлюциногенного сока типа сома-хаома.

Приготовленное таким образом питье, разливалось в культовые сосуды со скульптурными фи-

гурками, наклепленными по венчику, а затем уже — по небольшим сосудикам, из которых напиток пили жрецы. Такие культовые сосуды со скульптурными фризами были обнаружены во всех трех раскопанных храмах Маргианы (а так же в разграбленных могилах Бактрии). Причем в храме Тоголок-1 в одном из больших культовых сосудов находилось пять маленьких сосудиков, в которые разливался сок непосредственно перед его употреблением жрецами. Возможно не случайно, сосуды, украшенные скульптурными фризами, помимо территории распространения БМАК известны еще только в Малой Азии и в Эгейском мире (Sarianidi, 1998. Fig. 1), где они в сочетании с опиумным макром (Бейчесултан) известны были с очень древнего времени (Merlin, 1984). К этому следует добавить костяные трубочки с лицевыми изображениями на Кипре (Morris, 1985. Fig. 263-268. Pl. 190), близко напоминающие таковые, происходящие из храмов Маргианы и, возможно, подобно им, употреблявшиеся для ритуального питья.

Все палеоботанические определения остатков алколоидных растений из храмов Маргианы были проведены профессором Н. Мейер-Меликян в лаборатории Московского Государственного Университета и получили свое отражение в двух специальных статьях (Meyer-Melikyap, 1998). Сомнения, высказанные по этому поводу (А.Парпола, Ф.Хиберт), следует считать недоразумением, т.к. взятые для повторного анализа образцы пролежали под открытым небом в течении пяти лет и результаты их анализа не могут считаться корректными.

Итак, как видно, в храмах Маргианы были встречены абсолютно все артефакты, необходимые для приготовления галлюциногенного сока типа сома-хаома, что пока более нигде в системе Ближнем Востоке не отмечено. Более того, очевидно, что сами храмы были построены и посвящены культу огня и напитка сома-хаома, которым в гимнах Авесты и Ригведы посвящены едва ли не самые яркие эпитеты и где они занимают главное место.

Особый интерес представляют алтари этих храмов, которые можно подразделить на два типа. Одни из них являют собой типичные вышеописанные прямоугольные алтари (храм огня Гонура, Тоголок-21, теменос Гонура). Второй тип демонстрируют два круглых, кирпичных алтаря в храме Тоголок-21, вырытые в материке и имеющие на дневной поверхности лишь кирпичную оградку высотой до 0,5 м. Последний тип предназначен для культовых возлияний ритуального питья сока типа сомы-хаомы. Доказательст-

вом тому служат трубочка для питья и «пятно засохшей корочки» какой-то жидкости, обнаруженные непосредственно у входа в алтарь. Лабораторные исследования засохшей корочки установили, что она представляет собой жировые подтеки, включающие, вероятнее всего, молоко и животный жир или масло (проф. Мейер-Меликян, МГУ), т.е. те самые ингредиенты, которые по мнению лингвистов использовались зороастрийцами в древности при культовых возлияниях. Дополнительным доказательством тому, служит специально устроенный вход в этот алтарь, позволявший жрецам приближаться к нему и выплескивать на его поверхность культовую жидкость.

Согласно индоиранским обрядам, жирная жидкость, которая выплескивалась в алтари жрецами, стекая вниз и соприкасаясь с тлеющими углями, вспыхивала и вместе с языками пламени возносила жертвоприношения на небо. Страбон сам наблюдал как персы приносят жертву огню, а один итальянский путешественник XVII в. был очевидцем того, как в зороастрийском храме Исфагана местные жители клали в огонь жирный хвост барана. Если сопоставить эти письменные свидетельства с конструкцией алтаря в храме Тоголок-21, то нетрудно заметить их большое взаимное сходство.

В самом деле, алтарю храма Тоголок-21 изначально специально была придана чашевидная форма, которая имеет внизу, в центре небольшое углубление в виде очажка со следами слабого влияния огня (Сарианиди, 1990). Если учесть, что по необходимости именно сюда стекали жировые подтеки во время возлияний, то нетрудно представить всю остальную процедуру. Жир, стекая вниз и смешавшись с тлеющими угольками, в очажке воспламенял их, огонь вспыхивал и длинные языки пламени, устремлялись вверх к небу, вознося жертвоприношения божествам. Итак, документальные данные свидетельствуют, что в иранском язычестве имелись два принципиально отличных типа алтарей: алтари огня и алтари для культовых возлияний, которые в определенной степени напоминают алтари, существовавшие у зороастрийцев древности.

Алтари маргианских храмов очень низкие. В этом отношении они отличаются от «классических», как правило, вытянутых вверх алтарей. Однако уже было установлено, что алтари зороастрийских храмов «располагаются на уровне глаз, сидящего человека» (М.Бойс), что полностью приложимо в алтарям храмов иранского язычества.

Показательно, что все известные алтари мар-

гианских храмов располагаются не в помещениях, а под открытым небом, что полностью соответствует культовой обрядности индоиранских племен, отличавшейся уже с глубокой древности предельной простотой ритуалов, проводившихся на открытом месте. Некоторые исследователи полагают, что «индоиранцы поклонялись своим божествам на открытом месте или у домашнего очага без храмов, статуй и алтарей» (Воус, 1982. р. 21). Это обстоятельство послужило основанием, для утверждения о том, что зороастрийцы не знали храмов. Однако уже было замечено, что вопрос о наличии или отсутствии храмов должен быть пересмотрен, т.к. бесспорный храм огня в Тепе Нуши-Джан, хотя и располагается в Мидии, тем не менее он не упоминается в ассирийских анналах (М.Дандамаев). Точно также, не совершать ритуалы под открытым небом, еще не значит отрицать существование самих храмов, т.к. открытые алтарные площадки, встреченные в храмах Маргианы, все располагаются на открытом месте, хотя и в пределах храмов.

В высшей степени показательно, что алтари храмов Маргианы всегда располагаются в скрытых, недоступных для обозрения местах. Так, например, алтарные площадки храма Тоголок-21 устроены в углах этого монументального комплекса за его наружными стенами, а алтарная площадка теменоса Гонура — на специально огороженном глухими стенами участке на «заднем дворе» храма, недоступная взгляду непосвященных, что находится в полном согласии с культовыми традициями зороастрийской религии.

Рядом с алтарями огня как в храме Тоголок-21, так и в теменосе Гонура, располагаются по две прямоугольные кирпичные ограды, высота которых изначально не превышала приблизительно одного метра. Такие выложенные камнем или просто начертанные на земле «оградки» известны и у современных зороастрийцев Индии, где они называются *рави*, и на которых, по поверьям древних, восседают боги, в честь которых горит огонь в алтарях (Воусе, 1989. Р. 166).

В храмах Тоголок-1 и 21 были устроены специальные площадки, выстланные фрагментами керамики, с отходящими от них желобами, выводившие какую-то жидкость за пределы храмов. В обоих случаях первоначально обе эти «керамические площадки» располагались в другом месте (возможно даже за пределами храмов), а по мере их запустения они были перенесены внутрь храмов. К сожалению, анализы органических остатков с этих площадок проведены не были, но есть основания полагать, что

это были «жертвенные площадки», где могли закалывать предназначенных в жертву животных. В зороастрийской религии было двойственное отношение к кровавым жертвоприношениям, но по косвенным данным можно полагать, что во времена «иранского язычества» они допускались, доказательством чего служат золотые жертвенные животные (верблюды, быки), а также жертвенные площадки с желобами (Сарианиди, 1990).

К этим фактам и наблюдениям, сделанным за последнюю четверть века в результате раскопок храмов и дворца Маргианы, следует добавить новейшие данные, полученные в ходе исследований древних погребений и, в первую очередь, некрополя Гонура.

В заключение следует отметить, что наиболее характерный признак всех храмов Маргианы заключается в отсутствии в них статуй богов, что в косвенной форме может свидетельствовать, что сами храмы посвящались не конкретным божествам, а стихиям и, в частности, таким как огонь и культовый напиток типа сома-хаома.

Выше уже неоднократно приводились свидетельства о большой роли огня, который судя по данным некрополя Гонура, занимал едва ли не главное место в погребальных обрядах Маргианы, т.е. в иранском язычестве. Огнем обжигались изнутри (иначе говоря — очищались) подбой и ямные могилы, предназначенные для людей с физическими и иными отклонениями от нормы. С этой же целью во всех камерных могилах были сделаны ниши с миниатюрными моделями ритуальных очагов со следами огня внутри, предназначенные для церемоний жертвоприношений и культовых возлияний. Все поминальные ритуалы так или иначе были связаны с огнем, для чего между могилами устраивались «поминальные лунки», заполненные угольками и двухчастные очаги, расположенные внутри некрополя.

Известно, что Авеста запрещает хоронить трупы в землю, расценивая это как осквернение земли и тяжкий грех. Вендидат также предусматривает наказание за погребение трупов собак или людей расценивая это как осквернение земли (Мейтарчян, 1999. с. 101). С этим основополагающим запретом зороастрийских погребальных обрядов можно сопоставить тот документально установленный археологический факт, что в некрополе Гонура все без исключения покойники находятся в пустоте, не считая фракционные захоронения, но и тогда землей засыпался не труп, а очищенные от плоти кости. Иначе говоря, все известные на некрополе спо-

собы захоронений некрополя Гонура (шахтные, камерные гробницы, цисты, ямные могилы, фракционные погребения и кенотафы), при всем разнообразии форм захоронений, отличаются одним общим признаком — стремлением свести до минимума прямое соприкосновение трупа с землей. И, хотя по отдельности почти все описанные способы захоронения широко были распространены в Евразии, нигде не отмечены вместе такие, в которых бы так четко выдерживалось единообразие главного способа захоронения — до минимума свести соприкосновение трупа с землей. Преемственность этого погребального принципа от «иранского язычества» до зороастрийских обрядов в высшей степени показательна, что не оставляет сомнений в их взаимной, генетической связи. Очевидно, что основные погребальные обряды «иранских язычников» были включены в зороастрийские хотя и в реформированном виде, но с сохранением основных положений, что является чрезвычайно показательным и важным для нашей темы.

Поливариантность погребальных обрядов, относящаяся к последним векам III тыс. до н.э., продолжается, по крайней мере, до конца II тыс. до н.э., как об этом можно судить по могильникам северной Бактрии (Бустан), а затем четко прослеживается в раннем зороастризме, не оставляя сомнений в их преемственности.

«Временные могилы», как теперь становится все более очевидным, достаточно широко были распространены в зоне БМАК и ее диаспоры. Свидетельством последнего служат могильники южного Таджикистана (Тандырйул, Кумсай и др.) и северного Пакистана (Сват). Работами лингвистов установлено, что подобный погребальный обряд неоднократно упоминается в Авесте, где прямо предписывается изымать трупы из временных могил и выставлять их в «дахме» для окончательного очищения плоти от костей. В Видевдате в деталях описывается как следует устраивать «временную могилу»: «8.8. И вот тогда пусть маздаяснийцы яму выкопают здесь, в этой земле (глубиной) в полноги — в твердой, в полчеловека — в мягкой; на это место пусть принесут золы или (сухого) навоза, а сверху нанесут кирпича или камня, или сухой глины, или сора». Иначе говоря, это должна была быть простая яма, где «сухие вещества» должны были служить слоем, «изолирующим ритуально чистую землю от нечистого трупа. В целом, в данном пассаже речь идет о временной могиле» (Крюкова, 1997. с. 236). Показательно упоминание среди изоляторов земли от трупа «сухой глины», под которой может подразумеваться песок (М. Мейтарчиан), представ-

ляющий в свою очередь материк в некрополе Гонура и в котором производились все захоронения.

В Авесте не только не осуждается, но даже приветствуется выкапывание трупов, как достойное занятие, поэтому на вопрос «кто первым эту землю наибольшим ублаговторением ублаговторяет?», следует ответ Ахура Мазды «Когда больше выкапывает останков мертвых собак и мертвых людей». Согласно новоперсидским ривайтам, требовалось не только выкапывать зарытые в землю трупы, но и выставлять их затем на дахме.

Есть веские основания считать, что помещение умерших во временные могилы, которые практиковали «иранские язычники» в III-II тыс. до н.э. в Маргиане (а шире в зоне распространения БМАК), затем в реформированном виде находит свое продолжение у авестийских зороастрийцев, вплоть до сравнительно недавнего времени.

Камерные гробницы известны пока только в некрополе Гонура, но можно почти не сомневаться, что они будут открыты будущими исследованиями и на других памятниках в зоне существования БМАК. Они уже были вполне справедливо определены как характерные погребальные сооружения, присущие индоевропейским и, в том числе, индоиранским народам. Обнаружение около 40 таких камерных гробниц (предположительно, авестийских ката) не оставляет никаких сомнений в том, что местная аристократия в полном согласии с древне-иранскими обрядами, хоронила своих умерших вблизи от их здравствующих родичей, в кирпичных могилах, изображающих модели домов со всей их нехитрой обстановкой. Налицо прямая связь характерных для «иранского язычества» погребальных сооружений и обрядов, которые, возможно, находят свое продолжение и вполне определенные параллели в Видевдате. «Там положат бездыханное тело на две ночи, на три ночи, на месяц, пока не полетят снова птицы, не зацветут растения, не потекут скрытые воды, и ветер не высушит землю. Когда же птицы снова полетят, растения зацветут, скрытые воды потекут, и ветер высушит землю, тогда почитатели Мазды выставят тело на солнце». Выражение «выставят тело на солнце» со всей очевидностью указывает на обряд вторичного захоронения, когда скелет изымался со своего места и перезахоранивался, а от него в могиле могло остаться лишь «костяное крошево».

С одной стороны, было бы наивно искать прямые аналогии между погребальными обряда-

¹ Хадес — бог подземного царства.

² Йима — царь загробного мира в Ригведе.

ми «иранских язычников» и данными Вендидата, которых разделяет период свыше двух тысяч лет. С другой стороны, налицо практика вторичных перезахоронений, засвидетельствованных в священной для каждого зороастрийца книге Авесте, и находящая свои прямые археологические доказательства в материалах некрополя Гонура.

М. Гимбутас первая высказала и обосновала теорию о том, что погребальные сооружения в виде модели дома (или иначе — типа Нурогаетум) являются характерными для индо-европейских и, в том числе, индоиранских народов, что затем было поддержано другими специалистами (Jones-Bley, 1997). Доказательством общиндоевропейской принадлежности погребальных сооружений такого типа служат некоторые микенские гробницы, расписанные в виде дома. Рисунки погребений в виде дома имеются также на греческой керамике. «Дом Хадес»¹ использовался древними греками, как эвфемизм загробного мира, точно также как в Ригведе «Дом Йимы»² как метафора для обозначения могилы. В Ригведе прямо говорится о могиле, как о «доме из глины» (RV VII.89.1), точно так же как рекомендация, что могилу надо вырыть в виде дома (RV 18.11-12). Там же сохранилось выражение «Я не хотел бы, о Варуна, уходить в земляной дом» (перевод Т. Елизаренковой) и даже имеется гимн, в котором воин просит похоронить его в земле «как мать заворачивает подол вокруг своего ребенка» (RV.10.18.11).

«Дахма» у зороастрийцев представляют собой специально построенное сооружение (М. Бойс), которое в Вевдате не столько обозначало способ погребения, «...сколько служило универсальным наименованием любой могилы в качестве обозначения места, куда помещают мертвое тело» (В. Крюкова, 1997). В таком случае, практически каждый тип погребений, выявленный в некрополе Гонура, представлял собой «дахму», т.к. все умершие в них находились в пустоте, где проходил процесс разложения трупов.

Х. Хумбах первым предположил существование двух типов «дахм»: открытые площадки для выставления покойников и закрытые гробницы в виде склепов. Хотя именно второй вид, по мнению Х. Хумбаха, является «незороастрийским», думается, что более права В. Крюкова, поставившая под сомнение этот тезис, доказательством чего служит такие выражения в Авесте как «дахмы, которые возведением возведены» или «вокруг стену пусть со всех сторон возведут» (Крюкова, 1997. с. 212). Как бы то ни было, с точки зрения археологии, «дахма», открытая во дворце северного Гонура, более всего сближается с дахмами

второго типа, выстроенными из кирпича.

В этой связи следует отметить элементы ритуального очищения, когда дахмы и трупы в них «...омываются дождевой водой», что возможно, находит свое косвенное подтверждение в вышеупомянутых дождевых натеках внутри «дахмы» дворца Гонура, а главное — предполагает особое устройство их перекрытий, позволявших дождевой воде проникать внутрь помещения.

Среди лингвистов идет дискуссия относительно того, являлось ли выставление покойников чисто зороастрийским или иранским обычаем. Теперь, в свете работ в Маргиане, эта проблема может решаться в пользу второго допущения. В настоящее время можно считать доказанным, что во времена «иранского язычества» такие сложные и специфические погребальные сооружения, как дахмы были уже известны в Маргиане. Во всяком случае, члены царской фамилии имели свои династийные «мавзолеи», которые одновременно выполняли роль «дахмы». С течением времени могли изменяться формы дахмы, но во все времена, начиная по крайней мере с рубежа III тыс. до н.э., оставалась неизменной их общая сущность, генеральная идея которой заключалась в стремлении оградить «чистую» стихию землю от соприкосновения со смрадным трупом.

Выставление трупов «иранских язычников» в сооружениях типа дахма, со временем не только будут использоваться для погребения умерших у зороастрийцев, но и станут единственным способом их погребальных обрядов.

«Комплекс погребальных ритуалов» Гонура с определенной долей вероятности может быть сопоставлен с авестийским «домом для покойника» (zad marg или pasa хапа Авесты), который не могло миновать «...ни одно мертвое тело» (Крюкова, 1997. с. 219), а уж тем более члены царской фамилии. Занесение тела умершего в «дом для покойника», прежде чем выставить его в дахме, считалось обязательным для каждого зороастрийца, независимо от условий и времени года. Дворцовый «погребальный комплекс» был посвящен разным ритуалам, о которых теперь мы можем лишь догадываться. Но едва ли не главное место среди таковых занимал обряд обмывания трупа. При этом, для того, чтобы до минимума свести контакты трупа с землей, все полы комплекса были покрыты (нередко в несколько слоев) изолятором в виде гипсовой обмазки, а вода, которая становилась «нечистой» после омовения трупа, выводилась наружу при помощи дренажа.

В Вевдате обряд обмывание покойников

не упоминается, поэтому высказывалось даже мнение, что, скорее всего, такого обычая тогда не было, т.к. соприкосновение мертвой материи с водой недопустимо, хотя в средневековые ритуал обмывания закрепился (Крюкова, 1997. с. 224-225). С точки зрения археологии, в «иранском язычестве» обряд обмывания, занимал едва ли не главное место в погребальном ритуале, для чего собственно и было возведено такое огромное здание как «комплекс погребальных ритуалов».

Соприкосновение воды с мертвым телом, как и очищение огнем могил — не более как двойственное отношение зороастрийцев к «чистым стихиям». Они не могут являться абсолютным аргументом против действительного существования таких ритуалов в древности. Кроме того, у парсов Индии, хотя и запрещается использование воды для обмывания покойника, но с этой целью применяли *gomez* (мочу быка). В зороастрийских верованиях считается, что смерть — это «триумф демонов», поэтому целью очищения является изгнание демона. При таком подходе было бы странным, если бы зороастрийцы не включали обряды омовения, т.е. очищения трупа от демонов, в свои погребальные обряды.

Вода в зороастризме выступает как божественная сила, которая в процессе омовения отменяет болезни, смерть, боль и также изгоняет демона трупного разложения. Хотя гипсовые полы помещений, где, по-видимому, проходили обряды омовения, уже по своему замыслу оберегали «чистую» стихию земли от осквернения, трупная вода не могла оставаться «абсолютно» чистой. Поэтому во избежание возможного осквернения земли, строились дренажные системы, выводившие использованную воду наружу.

Согласно зороастрийским погребальным обрядам, после смерти душа еще три ночи находится около головы умершего и все это время в честь нее в специальной комнате, соседней с той, где лежал труп, три дня и три ночи поддерживался огонь (Крюкова, 1997. с. 219). Душа в это время нуждается в особой защите от демонов, и поэтому огонь постоянно должен гореть в течение всего этого времени. В этой связи следует вспомнить «чулан», где, судя по его необычным размерам, только и мог находиться покойник, и соседнее, рядом расположенное «помещение с нишами», где поддерживался слабо горящий огонь. Наличие огня в течение трех дней около покойника является едва ли не обязательным в зороастрийской погребальной практике, т.к. огонь не только облегчает страдания, но даже может привести к тому, что «...кровь может быть разо-

грета и дыхание может войти в тело» (Мейтар-чян, 1999. с. 32).

Интересно отметить, что согласно зороастрийским погребальным верованиям («зендераван») душа умершего нуждается в поддержке «...как и новорожденный нуждается в защите и кормлении». Считается, что с этим обрядом прямо связаны «прижизненные поминки», как предварительное действие перед смертью сопровождаемое непременно поеданием особой пищи, специально предназначенной для мертвых (В. Крюкова). (Исчерпывающий обзор всей проблемы см.: Литвинский, 1972. с. 113-115). В этой связи следует вспомнить двухкамерный очаг в пом. 161 «комплекса погребальных ритуалов» — единственный сильно обожженный изнутри, как никакой другой такого типа очаг известный в Маргиане. Не связано ли это с тем, что в нем неоднократно готовилась жертвенная пища для душ умерших в течение тех трех дней, когда они еще пребывали на земле?

Точно также ямки-лунки с сожженными костями животных указывают на другие культовые церемонии, связанные с погребальными обрядами периода иранского язычества.

Дополнительным доказательством именно погребальных обрядов, проходивших в рассматриваемом комплексе, служит один, но чрезвычайно важный прямой археологический факт, с документальной точностью установленный в ходе раскопок «комплекса погребальных ритуалов». Вспомним, что на фасадной стене комплекса, кроме центрального входа, рядом с ним, был устроен другой вход в виде простого отверстия или пролома, сохранившего к моменту раскопок свою притолоку, а местами даже следы глиняной обмазки. Маленькие размеры пролома или отверстия (85·65 см) явно не достаточны для обычного прохода, но вполне подходят для того, чтобы через него можно было бы пронести покойника. Этот документально установленный факт в высшей степени показателен, т.к. он прямо соответствует свидетельствам, сохранившимся в Виведате, где говорится о выносе из дома мертвых или *zad i marg* (лат. рождение и смерть) покойника не через вход, а через специально сделанное для этого отверстие или пролом: «...тогда пусть маздаяспийцы в этом доме брешь прорежут» (8.10. — перевод Крюковой). Центральный вход символизирует собой идею рождения, в то время как пролом (отверстие) — идею смерти, откуда, видимо, и ведет свое происхождение название «дом рождения и смерти». Свидетельства бытования этого обычая отмечаются этнографами вплоть до настоящего времени. Кон-

кретные его формы отличаются между собой лишь мелкими вариациями. Такой обычай, например, засвидетельствован был Джэксоном, который пишет: «В здании *zadmarg-hana* имеется две двери, через одну из которых тело вносится, а через другую выносится, символизируя идею рождения и смерти».

Из «дома для покойников» иранских зороастрийцев труп переносился в дахму, что может указывать на близкие обряды, существовавшие в среде «иранских язычников» и продолжающиеся в зороастрийских погребальных обрядах чуть ли не до настоящего времени. Очевидно, что между предполагаемой «дахмой» и «комплексом погребальных ритуалов» существовала прямая связь, когда после смерти одного из членов царской фамилии, его относили в «комплекс погребальных ритуалов», где проводили все необходимые обряды и, в том числе, обмывание трупа. После завершения всех необходимых церемоний, труп опять переносился назад, в царскую резиденцию, кирпичный вход в дахму открывался, и умерший укладывался у входа в нее в обычной скорченной позе на боку.

В предложенной схеме требуют своей конкретизации многие положения и, в частности, различное расположение раскрепованных углов у главных входов, ведущих в царскую резиденцию. Как уже было сказано выше, оба входа имеют широкие, но низкие пороги со столбом в центре и с раскрепованными углами, обращенные в противоположные стороны. В литературе уже было высказано вполне обоснованное мнение, что такие проходы с раскрепованными углами обычно ведут в наиболее значимые, часто парадные и официальные помещения, что вполне объяснимо и приложимо к рассматриваемым проходам, связанным с царской резиденцией.

В полном согласии с этим, проход, ведущий во двор, расположенный между жилой частью и предполагаемой дахмой царской резиденции, имеет раскрепованные углы, устроенные не внутри него, а снаружи, что и понятно, т.к. он вел в царские покои. Сложнее обстоит вопрос с рядом расположенным вторым проходом, раскрепованные углы которого располагаются внутри двора, указывая, что здесь находился выход наружу в другие комплексы дворца и, в том числе, в направлении, в конечном счете, к «комплексу погребальных ритуалов». Правда, между микрокомплексом с дахмой и прилегающим к ней двором, украшенным изнутри раскрепованными углами, не был обнаружен общий, соединяющий их между собой проход, что отчасти

можно объяснить плохой сохранностью стен и, в первую очередь между всеми тремя дворами царской резиденции.

В заключение реконструкции погребальных обрядов необходимо отметить вероятное участие в этих погребальных церемониях собаки. Косвенным доказательством тому служат захоронения собак в некрополе Гонура, которые, как правило, всегда совершались в обожженных могилах. Известно какую большую роль играла собака в древнеиранском ритуале *sagdid* — «оглядывание собакой», когда к покойнику подвели (и неоднократно) собаку, которая своим взглядом должна была прогнать с мертвого тела демона трупного разложения, прямые свидетельства чего имеются в Авесте. С другой стороны у современных зороастрийцев после смерти собаку хоронят, как и человека, что лишний раз свидетельствует о ее высокой роли (Подробнее см.: Литвинский и Седов, 1984, с. 165-166; Мейтарчян, 1999, с. 110-112). Захоронение собак в некрополе Гонура также указывает на их большую роль в местном обществе, однако выше были приведены доказательства, что обожженные могилы некрополя служили для погребения в них наиболее «нечистых» людей, (карлики, уроды). Однако собака, похороненная в погр. 1939, была как бы «сброшена» в могилу, несмотря на наличие в яме достаточно свободного места. Создается впечатление, что, хотя собака приравнивалась к человеку («единосущее собаки и человека»), к ней было двойственное отношение. С одной стороны, она была крайне необходима в погребальных церемониях (очищение трупов, ритуал оглядывания покойника) и одновременно именно поэтому собака вызывала почтительно брезгливое чувство у людей. Собак ценили, но одновременно боялись и отчасти презирали, как это было по отношению к обмывателям и переносчикам трупов. Возможно, именно этим и объясняется тот факт, что собак хоронили вместе с людьми на одном кладбище (некрополь Гонура), но в предварительно обожженных могилах, в которых, как правило, погребали наиболее «нечистых».

Вышеприведенные факты и наблюдения со всей определенностью указывают не только на принадлежность населения БМАК к «иранскому язычеству», в полном согласии с чем находятся многие религиозные и культовые традиции, которые затем в реформированном виде прослеживаются в первой мировой религии — в зороастризме. И это не удивительно, если учесть, что погребальные обряды являются едва ли не самыми консервативными в идеологии людей, но и самыми живучими. Они же подвергаются видоизменени-

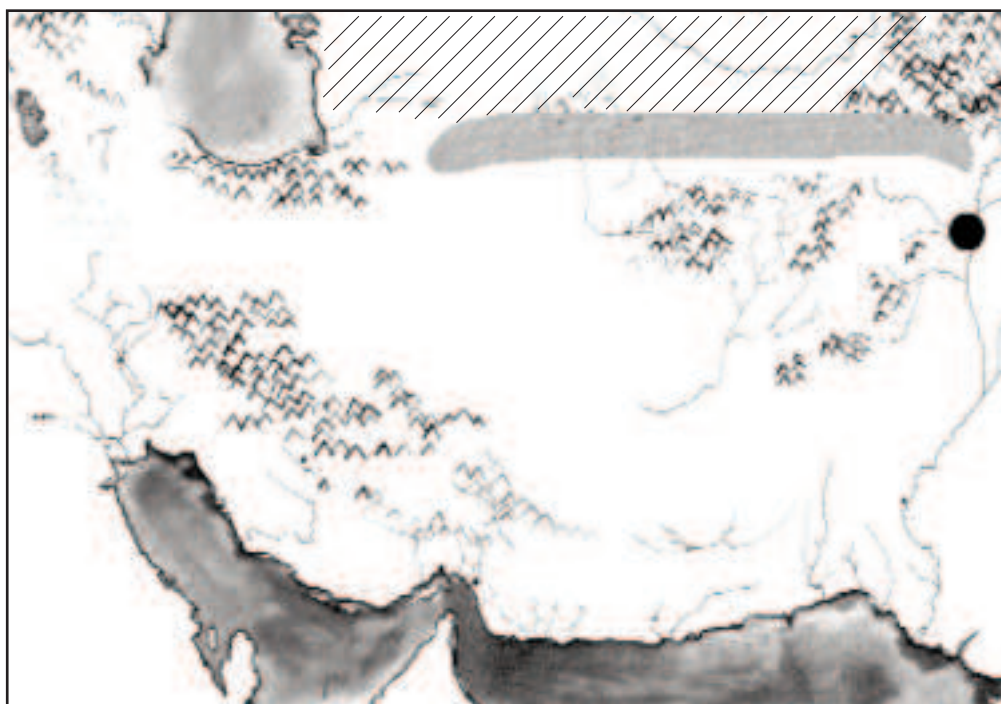

Рис. 43. Карта распространения скотоводческих и древнеземледельческих племен II тыс. до н.э.
Distribution of pastoral and old farmers tribes of the 2nd millennia B.C.

ям в самую последнюю очередь.

Суммируя все вышеизложенные в этой работе археологические факты и их интерпретацию, можно прийти к однозначному выводу: пока ни в одной из известных древних культур Евразии, кроме БМАК, нет и доли стольких доказательств, свидетельствующих о прямых связях с индоиранским миром и зороастризмом. Иначе говоря, БМАК представляет собой то самое иранское язычество, в котором только и имеются корни будущей зороастрийской религии (Рис. 43).

Открытие БМАК знаменует собой открытие нового, индоиранского мира, в котором впервые так четко, а главное полно и всесторонне, прослеживаются истоки этой первой мировой религии. Следует признать, что наряду с основополагающими чертами сходства, имеются частные различия между археологическими данными БМАК, с одной стороны, и с письменными свидетельствами Авесты и Ригведы, с другой, которые требуют своего дальнейшего исследования и, в первую очередь, лингвистов и историков культуры.

Многие из таких несоответствий могут объясняться тем, что во время кодификации Авесты некоторые культовые обряды и церемонии времени иранского язычества за прошедшие две тысячи лет могли сами видоизменяться или уже не отвечали новым реалиям и были заменены другими в той форме, в какой они дошли до нас. А кроме того, к тому времени, видимо, существовало уже несколько вариантов одних и тех же обрядовых церемоний, из которых в Авесту были включены наиболее популярные к тому времени среди древних зороастрийцев.

Но, пожалуй, наиболее важным является та терминологическая путаница и разночтение одних и тех же пассажей, дошедших до нас в той же Авесте, что в конечном счете приводит к недопониманию современных авторов. Так, например, П. Фусман в своем в высшей степени важном докладе («Огонь в храмах, храмы огня и практика арийских культов»), прочитанном на

ЭПИЛОГ

Эта моя последняя книга подводит итог почти 30-летних полевых работ и кабинетных исследований по изучению «иранского язычества» и протозороастризма на археологических материалах Маргианы и Бактрии.

Еще четверть века назад я был единственным, кто считал, что Маргиана обязана своим происхождением приходу сюда нового населения не столько из южного Туркменистана, сколько из много более западных областей, расположенных в передовых центрах Ближнего Востока и, в первую очередь, из района современного Курдистана. Понадобилось почти тридцать лет, чтобы эта гипотеза стала аксиомой, археологической реальностью.

Много сложнее обстоит вопрос с индоиранской принадлежности пришлых племен. Тем не менее, почти сразу же с началом археологических исследований в Маргиане я выдвинул и сформулировал гипотезу о возможной принадлежности племен БМАК к индоариям, что затем неоднократно подтверждал на примере новых археологических данных, происходящих из Маргианы (Сарианиди, 1987. С. 52-65; Sarianidi, 1994. Р. 667-680 и др.). И хотя до самого последнего времени эта новая гипотеза не получила своей поддержки со стороны других специалистов, для меня представляет большое значение, что уже никто не может игнорировать фактические данные БМАК при рассмотрении индоарийской проблемы. В этой связи весьма важно, что в последнее время к этой точке зрения склоняется проф. Д. Маллори (ELEC, 1997). И это при том, что мы придерживаемся диаметрально противоположных точек зрения по проблеме «степного» или «земледельческого» происхождения индоиранцев.

Раскопки последних пяти лет некрополя Гонура дали новые доказательства свидетельствующие, что БМАК представляет собой культуру подлинного «иранского язычества», в среде которого, в свою очередь, только и могла появиться зороастрийская религия. Впервые в храмовых церемониях и погребальных обрядах населения БМАК, как ни в одной другой археологической культуре Евразии, в таком концентрированном виде прослеживаются индоиранские и протозороастрийские корни будущей зороастрийской религии.

В настоящей работе я не ставил своей целью убедить кого-либо в правоте своей теории, а хотел лишь объективно показать те новые археологические факты и наблюдения, которые я считаю возможным интерпретировать в свете новой теории по индоиранской проблеме и протозороастризму. Общеизвестно, что сила старых традиций и представлений намного сильнее, чем логика нового мышления. Для меня почти нет сомнений, что я не смог убедить многих своих коллег в правоте предложенной мной теории. Но столь же очевидно, что уже нельзя игнорировать археологические данные, приведенные в этой и в других моих работах по индоиранской проблеме, полученные в ходе многолетних и крупномасштабных раскопок в Маргиане. Ни один из моих нынешних и будущих критиков не сможет пройти мимо фактов, выявленных в ходе многолетних работ в Маргиане и Бактрии, которые заставляют заново оценить и исторически интерпретировать этот во многом новый и огромный материал.

Дворцы и храмы Маргианы, посвященные культам огня и галлюциногенному ритуальному напитку типа сома-хаома, вместе с описанными в этой книге погребальными обрядами некрополя Гонура с его ярко выраженным культом не осквернить «чистую» стихию землю разлагающимся трупом, не могут быть подвергнуты сомнению. Может быть только дана их другая историческая интерпретация, что вполне нормально.

Ни одно будущее исследование, посвященное «иранскому язычеству» и «протозороастризму» не сможет не учитывать материалов БМАК, а этот «феномен» еще долго будет служить темой многих исследований. И не нужно быть Клитемнестрой, чтобы предвидеть, что новые идеи и концепции будущих авторов будут радикально отличаться от предложенной в этой работе. Но точно также очевидно, что старая теория о кочевом происхождении индоариев должна быть пересмотрена в свете вышеприведенных фактических данных и заменена принципиально новой, первое приближенное представление о которой дано в этой книге.

В заключение хочется вспомнить пророческие слова сэра Леонарда Вулли что «наши ошибки свидетельствуют лишь о прогрессе науки», полностью применимые как к этой книге, так и ко многим будущим, которые будут связаны со все еще интригующей индоиранской проблемой и протозороастризмом.

Основные характеристики непогребенных погребений (*in situ*) некрополя Гонур

Данное приложение имеет целью представить в компактном виде наиболее существенные характеристики погребений, в первую очередь, обнаруженных в непогребенном (*in situ*) виде, некрополя Гонур. Представлены следующие параметры погребений, дающие возможность получить реальную фактологическую базу данных и выйти на уровень глубоких интерпретаций:

1. Порядковый номер могилы.
2. Конструкция могилы:
Ш — шахтная; Я — ямная; ОЯ — обоженная яма; К — камера; Ц — циста; ? — не установлена.
3. Глубина могилы. Отражает расстояние в см от ее основания до современной дневной поверхности.
4. Положение погребенного:
П — на правом боку; Л — на левом боку; С — на спине; ? — не установлено с точностью;
К — кенотаф, Разн. — разрозненные кости.
5. Ориентация головы погребенного:
п — на север; w — на запад; nw — северо-запад; e — восток и т.д.
6. Пол погребенного:
М — мужчина; Ж — женщина; Р — ребенок.
7. Возраст смерти, определенный на основании антропологического исследования останков.
взр — взрослый индивид, в случае, когда точный возраст определить не удалось.
8. Инвентарь, обнаруженный в могиле. Включает в себя 30 основных наименований различных изделий, являвшихся как личными вещами, так и предметами профессиональной деятельности, престижными и статусными атрибутами. В таблице в большинстве случаев проставлено число обнаруженных предметов, реже — факт их наличия знаком (+).

Appendix 1

Main characteristics of (*in situ*) graves at the Gonur necropolis

This Appendix presents the most important features of the graves, excavated at the Gonur necropolis. First of all, information on the *in situ* graves is given below. The following characteristics of the graves are presented here, and these characteristics provide an opportunity to have real facts and to move to the level of deep interpretations:

1. Ordinal number of the grave.
2. Construction of the grave: Ш — shaft; Я — pit; ОЯ — burnt pit; К — chamber; Ц — cist; ? — not determined.
3. Depth of the grave. It is a distance from its bottom to the present day surface (in cm).
4. Position of the buried: П — on the right side; Л — on the left side; С — on the back; ? — not determined precisely; К — cenotaph; Разн. — disrupted.
5. Orientation of the head of buried:
п — to the North; w — to the West; nw — to the North-West; s — to the South; e — to the East, and so on.
6. Sex: М — male; Ж — female; Р — child or baby.
7. Age at death, determined on the basis of physical-anthropological studies of the corpse. взр — adult person, in those cases when it was not possible to determine the precise age.
8. Funeral inventory, found at the grave. It includes 30 basic items, both personal belongings and attributes of professional activities, as well as symbols of prestige and status. In most cases numbers of artifacts of a certain kind, found at the grave, are presented in the Table, and in rare cases — only the fact of their presence, the latter — with the sign (+).

Construction of the grave (Cg), Depth of the grave (cm) (Dg), Position of the corpse (P), Orientation of the corpse's head (O).

VESSELS (Vc); BEADS (Bd); HAIR-PINS (Hp); SEALS (Sl); EAR-RINGS (Er); HEADS OF RODS (HR); AXES (Ax); STATUETTES (St); COSMETIC BOTTLES (Cb); BANGLES (Ba); FOIL (fragments) (F); COSMETIC STICKS (Cs); «CROOKS» (Cr); DISKS (SD); MOSAICS (fragments) (MS); IVORY; DIADEMS (Dd); BUTTONS (Bu); CARTRIDGES for BEADS (CAB); COLUMNS (miniature) (MC); BOXES (wood) (Bx); KNIFES, DAGGERS, SPEARS (KDS), ARROW HEADS (flint) (Ar), SPINDLE HEADS (stone, clay, glazed pottery) (SH); DISK (D), MIRRORS (M); COSMETIC SPADES (Csp).

Ceramic (Cer), Bronze (Br), Silver (Sl), Stone (St), Glazed pottery (gypsum) (Gp), Gold (Silver) (G S), Bone (Bn), Silver (Sl), Gold (Gl), Lead (L), Terracotta (Ter), Steatite (Se), Steatite, with engravings (Se).

№ погребений (graves)		133	139	143	146	165	174	175	176	178	182	183	184	192	196	200	202	204	212	233	234	236	237	
Конструкция могилы (Cg)		Я	Я	Я	?	Ш	?	Я	Я	Я	Ш	Я	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Я	Я	Я	
Глубина могилы (в см) (Dg)		59	50	40	40	85	40	40	40	40	86	42	100	135	85	95	160	140	155	135	32	36	58	
Положение костяка (P)		П	П	П	С	П	П	П	П	П	С	П	П	П	П	П	П	П	С	П	П	П	П	
Ориентация головы костяка (O)		nnw	nnw	wnw	nw	nnw	nnw	w	wnw	nnw	nnw	nnw	nnw	sse	nnw	nw	nnw	nne	nne	nnw	nnw	nnw	nnw	
Пол погребенного (sex)		?	?	М	?	Ж	Р	?	?	Ж	?	?	Р	Ж	Ж	Ж	М	Ж	М	?	?	?	Ж	
Возраст погребенного (лет) (age)		взр	взр	30-40	15-17	22-23	7-9	взр	взр	взр	взр	взр	?	40	40-50	30	взр	50	35	взр	взр	взр	50	
СОСУДЫ (Vs)	керамич. (Cer)	4	6	4	5	4	2	7	5	5	5	4	1	2	3	3	3	4	2	5	3	1	7	
	каменные (St)							1																
БУСЫ (Bd)	каменные (St)					1		1	1	4	2	3			1				1				2	
	фаянс (Gr)										1									4				
	золотые (G_S) (серебряные)															1								
ЗАКОЛКИ-	костяные (Bn)																			1			1	
БУЛАВКИ (Hr)	бронзовые (Br)				1					1						1								
ПЕЧАТИ (SIs)	бронзовые (Br)					1				1													1	
СЕРЬГИ (Er)	серебряные (Sl)					2																		
	золотые (Gl)				1																			
ФЛАКОНЫ (Cb) КОСМЕТИЧЕСКИЕ	стеатитовые с гравир. (See)									1														
БРАСЛЕТЫ (Ba)	бронзовые (Br)											2												
ПАЛОЧКИ космет.	бронзовые (CSt)							1			1													
ПРЯСЛА (кам., глина, фаянс) (SH)															1	1		1		2				
ЗЕРКАЛА	бронзовые (M)		1			1						1				1				1				
ЛОПАТОЧКИ космет.	бронз.(CSp)		1					1				1				1								
№ погребений (graves)		238	239	242	244	248	257 а	257 б	265	268	278	279	280	283	294/ 295	301	305	310	316	318	321	322	326	
Конструкция могилы (Cg)		Ш	Я	Я	Ш	Ш	Ш	Ш?	Ш	Я	Я	Я	Ш	Я	Я	Ш	Ш	Я	Я	Я	Я	Ш	Ш	Ш
Глубина могилы (в см) (Dg)		130	40	25	95	90	135	135	60	140	35	35	106	38	40	70	160	100	80	35	90	160	90	
Положение костяка (P)		П	П	Л	П	П	П	П	П	К	П	П	С	Л	Л		П	Л	С	К		П	П	
Ориентация головы костяка (O)		nnw	nnw	wnw	nnw	nne	nnw	nnw	nnw		nw	nw	nne	wnw	nne	nnw	nw	nnw	?	nnw	nnw	nnw	nne	
Пол погребенного (sex)		?	?	?	?	?	?	?	?		Ж	Ж	Ж	Ж	Ж+Р	Ж	Ж	М+Ж	М		Ж	М	М	
Возраст погребенного (лет) (age)		взр	взр	взр	взр	взр	взр	взр	взр		50-55	18-20	18-20	25-30	13+?	35-40	30-35	43+33	25-30		45-50	25-30	35-40	
СОСУДЫ (vs)	керамические (Cer)	4	1	3	1	1	4	2	2	4	1	0	4	2	5	1	4	0	3	4	2	4	2	
БУСЫ (Bd)	каменные (St)	2					2		1	1			410				1		3					
	фаянс (Gr)	5											18											
	бронзовые (Br)																			1				
	золотые (G_S) (серебряные)												4											
ЗАКОЛКИ-	костяные (Bn)	1															2			1				
БУЛАВКИ (Hr)	бронзовые (Br)	1																						
ПЕЧАТИ (SIs)	бронзовые (Br)	1																		1				
СЕРЬГИ (Er)	серебряные (Sl)												1											
	золотые (Gl)												4											
ФЛАКОНЫ (Cb) КОСМЕТИЧЕСКИЕ	бронзовые (Br)												1				1							
ПАЛОЧКИ космет.	(CSt) бронзовые						1						1				1		1					
ОБОЙМЫ для БУС (зол., сереб.) (Cab)										2														
ПРЯСЛА (кам., глина, фаянс) (SH)		1					1																	
ЗЕРКАЛА	бронзовые (M)												1							1				

„ погребений (graves)	330	332	333	336	337	341	342	343	344	345	355	356	358	360	367	370	371	374	380	392	396 а	396 б	
Конструкция могилы (Cg)	Ш	Ш	Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я	Я	Ш	Ш	Я	Ш	Ш	ОЯ	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Я	
Глубина могилы (в см) (Dg)	90	70	49	35	30	46	55	32	80	60	135	105	30	95	88	40	105	70	70	150	80	60	
Положение костяка (P)	П	П	П	П	П	Л	К		П	П+Л	П	П	П	П	Л	С	П	С	П	П	П	Л	
Ориентация головы костяка (O)	ппе	wwп	ппw	ппw	ппw	ssw		ппе	ппw	ппе	ппw	ппw	nw	ппw	ssw	ees	ппw	ппw	п	nw	ппw	ппw	
Пол погребенного (sex)	М	М	Ж	М	?	М		М	М	М+Р	М	?	Ж	?	Ж	М	Ж	М	Ж	Ж	М	М	
Возраст погребенного (лет) (age)	взр	35-40	взр	взр	взр	взр		взр	30-35	45-50 6-7	35-40	взр	35-40	взр	45-50	35-40	16-17	взр	50-60	25-30	11-13	35-40	
СОСУДЫ (Vs)	керамич. (Cer)	9	4	7	4	3	1	5	3	4	2	2	3	3	3	2	1	5	3	3	5	2	0
	бронзовые (Br)	1																					
	каменные (St)									1													
БУСЫ (Bd)	каменные (St)														1				1				
	фаянс (гипс)(Gr)									1													
ЗАКОЛКИ- БУЛАВКИ (Hr)	костяные (Bn)	2													1		1		1	2			
	бронзовые (Br)												1		1								
	серебряные (Sl)	1																		1			
ПЕЧАТИ (SIs)	бронзовые (Br)																			1			
	фаянсовые (Gr)			1																			
СЕРЬГИ (Er)	бронзовые (Br)																1		2				
ФЛАКОНЫ (Сб) КОСМЕТИЧЕСКИЕ	бронзовые (Br)																1			1			
„ погребений (graves)	330	332	333	336	337	341	342	343	344	345	355	356	358	360	367	370	371	374	380	392	396 а	396 б	
ПАЛОЧКИ космет. бронзовые (Cst)	1																1			2			
НАКОНЕЧНИКИ стрел кремн. (Ar)								1															
ПРЯСЛА (кам., глина, фаянс) (SH)	1		1						1	1									1				
ЗЕРКАЛА (М) бронзовые (Br)	1		1											1			1			2			
ЛОПАТОЧКИ космет.бронз. (CSp)	1																			1			
„ погребений (graves)	397	399	400	404	405	406	408	409	410	411	414	415	419	421	425	430	431	432	433	434	435	436	
Конструкция могилы (Cg)	Ш	?	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Я	Ш	Я	Ш	Ш	Я	Я	Ш	Ш	Я	Ш	Ш	Ш	Ш	Я	
Глубина могилы (в см) (Dg)	120	70	120	98	86	90	110	45	120	60	93	80	40	78	120	105	30	130	95	125	170	55	
Положение костяка (P)	П	П	П	П	П	П	П	С	П	К	П	К	П	П	П	П	П	П	П	С	П	П	
Ориентация головы костяка (O)	ппw	wws	ппw	nw	ппw	ппе	ппw	ппе	ппw		ппw		ппw	ппw	ппw	ппw	wwп	ппw	ппw	ппw	ппw	een	
Пол погребенного (sex)	Ж	?	М	М	М	Ж	М	Ж	М		Ж		Ж	Ж	Ж	?	?	?	?	?	Ж	?	
Возраст погребенного (лет) (age)	50-60	40-45	взр	50-60	25-30	50-60	30-35	45-50	50-60		20-25		20-25	40-45	взр	взр	взр	взр	взр	взр	взр	взр	
СОСУДЫ (Vs) керамические (Cer)	5	1	2	3	4	3	3	3	1	3	2	3	4	3	4	4		4	2	6	4	1	
БУСЫ (Bd)	каменные (St)	23									1												
	фаянс (гипс)(Gr)						1							4	1								
	золотые (C_S) серебряные																					1	
ЗАКОЛКИ- БУЛАВКИ (Hr)	костяные (Bn)				1	1					1						1						
	бронзовые (Br)	1								1									1				
	серебряные (Sl)	1																					
ПЕЧАТИ (SIs)	бронзовые (Br)					1										1							
	фаянсовые (Gr)	2																					
СЕРЬГИ (Er)	серебряные (Sl)															2						2	
	золотые (Gl)	2																					
ФЛАКОНЫ (Сб)	бронзовые (Br)			1									1			1						1	
КОСМЕТИЧЕСКИЕ	стеатитовые	1																					

с гравир. (See)																							
ПАЛОЧКИ космет. бронзовые (CSt)		1												1	1		1						1
ДИАДЕМЫ (Dd)		1																					
НОЖИ,КИНЖАЛЫ, КОПЬЯ (KDS)										1													
НАКОНЕЧНИКИ стрел кремн. (Ar)									2														
ПРЯСЛА (кам., глина, фаянс) (SH)					1										1								
ЗЕРКАЛА (М) бронзовые (Br)		1				1											1						1
ЛОПАТОЧКИ космет.бронз. (CSp)																							1
.. погребений (graves)		438	441	447	448	451	454	467	470	487	494	500	501	503	508	510	513	515	516	517	518	520	530
Конструкция могилы (Cg)		Я	Ш	ОЯ	Ш	Ш	Я	Ш	Ш	Я	Ш	Ш	Ш	Я	Я	Ш	Ш	Ш	Я	Ш	Ш	Ш	Ш
Глубина могилы (в см) (Dg)		77	144	64	120	110	83	145	127	20	85	110	127	70	82	122	130	110	50	154	140	142	150
Положение костяка (P)		П	П	П	П	П	П	П	П	П	П	С	П	Л	П	П	С	П	П	П	П	П	П
Ориентация головы костяка (O)		п	ппw	ппw	ппw	ппw	ппе	ппw	ппw	п	ппw	ппw	ппw	se	wwп	wwп	ппw	ппw	ппw	ппw	ппе	ппе	ппw
Пол погребенного (sex)		?	?	Р	Ж	М	?	Ж	Ж	Р	Ж	М	Ж	М	М	М	Ж	Ж	М	М	Ж	Ж	М
Возраст погребенного (лет) (age)		взр	взр	10-12	50-55	30-35	взр	40-45	50-55	2	25-30	35-40	12-13	30-35	40-45	20-22	20-25	15-16	30-35	30-35	25-30	30-35	20-25
СОСУДЫ (vs) керамические (Cer)		2	4	2	4	2	0	2	5	3	2	3	2	0	3	2	3	2	3	6	3	8	6
БУСЫ (Bd)	каменные (St)		1									1											
	фаянс (гипс)(Gr)														1							1	
ЗАКОЛКИ-	костяные (Bn)																			1		1	
БУЛАВКИ (Hр)	бронзовые (Br)																		2			1	
НАВЕРШИЯ	каменные (St)																						1
ЖЕЗЛОВ (HР)	свинцовые (Ld)											1				1							
ТОПОРЫ (Ах) бронзовые (Br)																				1			
ФЛАКОНЫ (СВ) бронзовые (Br)																						1	
ПАЛОЧКИ космет. бронзовые (CSt)																						1	
«ПОСОХИ» каменные (Cr)												1				1							
ОБОЙМЫ для БУС (зол., сер.) (CaB)												2											
КОЛОНКИ миниатюрные (MC)																1							
ПРЯСЛА (кам., глина, фаянс) (SH)					4																	1	
КРУГ свинцовый (LD)												1				1							
ЗЕРКАЛА (М) бронзовые (Br)			1																			1	
.. погребений (graves)		546	549	551	552	554	555	556	560	561	566	574	582	584	590	605	607	610	612	620	670	702	710
Конструкция могилы (Cg)		Я	Я	Я	Я	Ш	КС	Я	Ц	Я	Ш	Ш	Я	Ш	Ш	Я	Я	Я	Ш	Ш	Ш	Я	Ш
Глубина могилы (в см) (Dg)		70	55	40	70	94	170	80	45	52	115	105	15	100	150	37	75	58	110	95	95	65	65
Положение костяка (P)		П	П	Л	П	П	?	П	П	П	Л	П	П	П	К	С	П	П	П	П	С	К	П
Ориентация головы костяка (O)		ппw	ппw	ппw	pw	ппw	?	ппw	ппw	wws	ппw	ппw	ппw	ппw		ппw	ппе	ппw	ппе	ппw	sse		ппw
Пол погребенного (sex)		Ж	Ж	Ж	М	Ж	М	Ж	Ж	М	Ж	М	Р	Р		Ж	М	Ж	М	Ж+Р	?		Ж+Р
Возраст погребенного (лет) (age)		25-30	25-30	20-25	35-40	40-45	30-35	30-35	12-13	25-30	30-35	25-30	12-13	8-9		20-25	30-35	25-30	40-45	50-55 6-7	взр		взр 7-8
СОСУДЫ (Vs)	керамич. (Cer)	5	3	3	2	3	10	4	4	1	5	1	3	2	4	3	3	8	2	0	3	5	3
	бронзовые (Br)						1		1														
	серебряные (Sl)						3											1					
	каменные (St)						1																
БУСЫ (Bd)	каменные (St)	60	1						14		2				1			2	1		1	1	
	фаянс (гипс)(Gr)						2	1															
	бронзовые (Br)	1																					
	золотые (Gl)								20														
ЗАКОЛКИ-	костяные (Bn)								1														
БУЛАВКИ (Hр)	бронзовые (Br)	1							1														

[illegible]

Глубина могилы (в см) (Dg)	124	113	162	80	38	84	120	50	137	100	90	110	130	73	70	125	154	134	138	155	133	170
Положение костяка (P)	П	П	П	П	П	П	П	П	П	П	П	К	П	П	П	П	П	П	П	С	К	П
Ориентация головы костяка (O)	ппw	ппw	ппе	ппw	ппw	ппw	ппе	ппw	п	ппw	ппе		ппw	w	ппw	ппw	ппе	ппе	ппw	wwп		wws
Пол погребенного (sex)	М	М	Ж	Ж	М	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж		Ж	Ж	М	Ж	Ж	М	Ж	М		Ж
Возраст погребенного (лет) (age)	20-25	30-35	35-40	взр	35-40	17-18	40-45	30-35	20-25	30-35	45-50		20-25	25-30	35-40	20-25	30-35	20-25	30-35	30-35		25-30
СОСУДЫ (Vs) керамические (Cer)	3	2	4	4	7	4	6	5	5	6	3	3	5	1	4	5	3	4	2	5	4	2
БУСЫ (Bd)	каменные (St)					2			1			1				1	1					
	фаянс (гипс)(Gr)				2	335				1	20	13						1				
	бронзовые (Br)												2									
	золотые (G_S) (серебр.)																				1	
ЗАКОЛКИ-	костяные (Bn)						2				1											
БУЛАВКИ (Hr)	бронзовые (Br)												1									
ПЕЧАТИ (SIs)	бронзовые (Br)								1	1	1						1					
	фаянсовые (Gr)			1	1																	
СЕРЬГИ (Er) серебряные (SI)																1						
ФЛАКОНЫ (Cb) бронзовые (Br)							1										1					
КОСМЕТИЧЕСКИЕ																						
ПАЛОЧКИ космет.(CSt) бронзов. (br)							1		1	1	1						2		1			
КОЛОНКИ миниатюрные (MC)																					1	
НАКОНЕЧНИКИ стрел кремн. (Ar)															1						1	
ПРЯСЛА (кам., глина, фаянс) (SH)			1	1			1				1											
ЗЕРКАЛА (M) бронзовые (Br)							1		1							1	1					
ЛОПАТОЧКИ космет.бронз. (CSp)							1		1													
.. погребений (graves)	950	970	981	982	985	989	991	998	1000	1018	1030	1031	1033	1045	1051	1057	1091	1101	1129	1130	1132	1133
Конструкция могилы (Cg)	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	ОЯ	Ш	Ш	Ш	Я	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш
Глубина могилы (в см) (Dg)	145	90	172	60	190	95	77	145	177	135	70	165	135	97	82	128	85	115	80	100	168	75
Положение костяка (P)	П	П	Л	П	П	П	Л	П	П	К	П	П	П	П	Разр.	П	П	П	П	П	П	П
Ориентация головы костяка (O)	wwп	ппе	wwп	w	wws	ппе	ппе	п	wwп		wwп	ппе	w	п		ппе	wwп	ппw	п	wwп	ппw	п
.. погребений (graves)	950	970	981	982	985	989	991	998	1000	1018	1030	1031	1033	1045	1051	1057	1091	1101	1129	1130	1132	1133
Пол погребенного (sex)	Ж	Ж	?	Ж	М	Ж	Ж	Ж	Ж		Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	М	Ж	М	Р
Возраст погребенного (лет) (age)	25-30	25-30	взр	25-30	45-50	12-13	30-35	18-20	30-35		30-35	12-13	30-35	20-25	16-18	18-20	18-20	35-40	25-30	взр	45-50	10-12
СОСУДЫ (Vs)	керамич. (Cer)		4	5	1	2	4	0	1	5	3	6	4	6	7	2	4	4	0	1	5	0
	бронзовые (Br)															1						
	серебряные (SI)															1						
БУСЫ (Bd)	каменные (St)					1		1		1				1		1	2					
	фаянс (гипс)(Gr)		1			1			1				1									
ЗАКОЛКИ-	костяные (Bn)													1		1						
БУЛАВКИ (Hr)	бронзовые (Br)		2									1										
ПЕЧАТИ (SIs)	бронзовые (Br)		2														1					
	серебряные (SI)												1									
СЕРЬГИ (Er) серебряные (SI)		2				2																
ФЛАКОНЫ (Cb)	бронзовые (Br)												1									
КОСМЕТИЧЕСКИЕ	стеатитовые с гравиров.(see)													1						1		
БРАСЛЕТЫ бронзовые (Br)																2						
ФОЛЬГА (фрагм.) золотая (Fgl)				3																		
ПАЛОЧКИ космет. бронзовые (Br)													1	2						1		
ДИАДЕМЫ (Dd)																				1		

ПРЯСЛА (кам., глина, фаянс) (SH)												2		1	3										
ЗЕРКАЛА (М) бронзовые (Br)												1		1	1										
ЛОПАТОЧКИ космет.бронз. (CSp)														1											
„ погребений (graves)	1134	1137	1141	1150	1152	1155	1157	1158	1175	1180	1182	1185	1189	1190	1191	1200	1220	1230	1232	1250	1265	1270			
Конструкция могилы (Cg)	Я	Ш	ОЯ	Ш	Я	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш
Глубина могилы (в см) (Dg)	104	60	60	140	50	115	164	140	170	75	185	90	80	170	110	177	240	95	110	90	115	125			
Положение костяка (Р)	С	Л	П	П	П	Л	Л	П	П	П	К	П	П	П	К	П	П	К	П	П	П	П	П	П	П
Ориентация головы костяка (О)	wnp	nne	nww	nnpw	nww	nw	nnpw	nnpw	nnpw	nnpw		nnpw	nw	nnpw		wnp	nnpw		nne	nw	nnpw	nnpw			
Пол погребенного (sex)	Ж	Ж	М	М	М	Ж	Ж	?	Ж	Ж		?	М	?		М	М		М	?	М	Ж			
Возраст погребенного (лет) (age)	35–40	25–30	30–35	35–40	45–50	25–30	25–30	взр	взр	взр		взр	взр	взр		?	взр		взр	взр	20–25	50–60			
СОСУДЫ (Vs)	керамич. (Cer)	0	2	0	3	2	3	5	5	6	4	5	4	0	3	2	6	3	5	0	3	4	6		
	серебряные (Sl)																1								
	каменные (St)						1																		
БУСЫ (Bd)	каменные (St)							4			+						+		1						
	фаянс (гипс)(Gr)							20			+														
	золотые (G_S) серебряные																+								
ЗАКОЛКИ–	костяные (Bn)						1																		
БУЛАВКИ (Hr)	бронзовые (Br)							1																	
ПЕЧАТИ (SlS)	бронзовые (Br)							1					1												
	каменные (St)																2						1		
СЕРЬГИ (Er) бронзовые (Br)							2			2															
СТАТУЭТКИ терракотовые (STt)																	+								
ФЛАКОНЫ (Сь) бронзовые (Br) КОСМЕТИЧЕСКИЕ									1																
ФОЛЬГА (фрагм.) золотая (Fgl)																	1								
КОЛОНКИ миниатюрные (MC)																			1						
НАКОНЕЧНИКИ стрел кремн. (Ar)											1						6								
ПРЯСЛА (кам., глина, фаянс) (SH)							1											1							
ЗЕРКАЛА (М) бронзовые (Br)									1														1		
ЛОПАТОЧКИ космет.бронз.(CSp)							1		1																
„ погребений (graves)	1285	1288	1293	1299	1310	1328	1351	1363	1364	1369	1380	1384	1389	1390	1393	1394	1398	1413	1417	1422	1432	1445			
Конструкция могилы (Cg)	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Я	Ш	Я	Я	Ш	Я	Ш	ОЯ	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш	Ш
Глубина могилы (в см) (Dg)	140	140	175	165	105	100	80	125	160	125	55	120	60	35	125	40	110	85	135	105	110	195			
Положение костяка (Р)	П	П	П	С	П	П	П	П	Л	П	П	С	С	П	П	П	П	?	К	П	К	П	П	П	
Ориентация головы костяка (О)	wnp	nne	nnpw	sw	nnpw	nnpw	nnpw	nnpw	wws	wnp	nnpw	nnpw	nnpw	nnpw	nnpw	s	nnpw		wws		nnpw				
Пол погребенного (sex)	М	М	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	М	Ж	Ж	М	Ж	М	Ж	Ж	Ж	Ж	М		М		М		М	
Возраст погребенного (лет) (age)	45–50	40–45	20–25	30–35	25–30	40–50	30–35	35–40	20–25	30–35	30–35	25–30	30–35	18–20	30–35	35–40	40–45	20–25		35–40		25–30			
СОСУДЫ (Vs) керамические (Cer)	0	2	3	3	5	2	5	1	3	4	5	2	3	2	3	0	4	0	5	2	5	3			
БУСЫ (Bd) каменные (St)					2	1					1	1			2										
ЗАКОЛКИ– БУЛАВКИ (Hr)											1			1	1		2								
ПЕЧАТИ (SlS) бронзовые (Br)				1																					
бронзовые (Br)																									
фаянсовые (Gr)																1									

Антропологическая характеристика населения,

Некрополь Гонур-Депе, существующий в комплексе с дворцом, теменосом, кварталом гончаров и другими объектами Гонура, представляет значительный интерес для решения многих вопросов формирования населения Средней Азии, в том числе и сложения особенностей его внешнего облика. Будучи, по утверждению археологов, столичным городом Маргуша, антропологический материал, полученный здесь, мог бы помочь прояснить тонкие вопросы появления на территории Средней Азии в эпоху бронзы нескольких антропологических вариантов, тогда как ранее во всем этом регионе был распространен один более или менее однородный средиземноморский антропологический тип. Материалы этого памятника, имеющие столь хорошо разработанную атрибутику погребений, большое количество разнообразной керамики, печатей, амулетов, глиптики, другого богатого инвентаря, дают возможность не только привязки к культурным комплексам других территорий, в том числе и отдаленных, но и суждения о путях формирования антропологических особенностей населения региона или в результате метисации с пришлым населением, или в результате трансформации более древних морфотипов, в том числе связанной и с экологией. Кроме того, данный яркий и весьма полно изученный объект Бактрианско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) занимает особое место среди исторических памятников III тыс. до н.э., наравне с такими могильниками как Сват в Пакистане, Сапаллитепа в Южном Узбекистане, верхние слои Алтын Депе, Анау в Туркменистане и др.

Данные антропологии позволяют, как это хорошо известно, зафиксировать реальное переселение людей из других регионов, отличающихся особенностями своего внешнего облика, тогда как все другие исторические источники не могут отделить миграцию племен от заимствований культурных традиций и языка в результате культурного контакта или влияния. Именно поэтому

антропологические исследования в таких сложных ситуациях, каковой является историческая динамика населения III и II тысячелетий до н.э. в центральноазиатском регионе, имеют важнейшее значение.

Палеоантропологические материалы указанного периода с территории Средней и шире — Передней и Центральной Азии достаточно многочисленны. Начиная с 1964 г. Т.П. Кияткина публикует значительный антропологический материал из могильников поздней бронзы Южного Таджикистана — Тигровая Балка I, II, III, IV, Аруктау, Ранний Тулхар, Макони-Мор, Кзыл-Рабат, Тупхона (Кияткина, 1964, 1965, 1974, 1976). В уже упоминавшейся книге В.В. Гинзбурга и Т.А. Трофимовой сведены и проанализированы материалы из Таджикистана (черепка из могильников Ранний Тулхар, Вахш, Макони-Мор) и Туркменистана (краниологические серии из Геоксюр, Кара-Депе, Хапуз-Депе) (Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 48–88). В 1977 г. Т.К. Ходжайов исследует материалы из крупнейшего поселения эпохи бронзы Сапаллитепа (Ходжайов, 1977), в 1978 — Т.К. Ходжайов и Х.Х. Халилов — из могильников Джаркутан и Бустан (Ходжайов, Халилов, 1978, 1978а). Сводку данных по палеоантропологии западных районов Центральной Азии в эпоху бронзы, куда вошли изученные ею к этому времени новые краниологические серии из Юго-Западного (Пархай II, Сумбар) и Восточного (Геоксюр, Алтын-Депе) Туркменистана, из Южного Таджикистана (Тигровая Балка I, II, III, IV) и с Западного Памира (Южбок II) подготовила Т.П. Кияткина (1987; Masson, Kijatkina, 1981). В этой же монографии (Кияткина, 1987) для сравнения привлекались данные с территории Луристана, из Тепе-Гиссара, Шах-Тепе, Сиалка, Шахри-Сохта из Ирана, из долины Свата (Тимаргарха, Буткара, Сарай Хола) на севере Пакистана, а также с территории Северной Индии (Debetz, 1962; Ehrhardt, 1965; Bernhardt, 1967, 1969, 1991; Rathbun, 1972, 1975; Carpiere, 1973).

Главный вывод исследователей заключается в том, что в эпоху развитой и поздней бронзы земледельческие племена описываемого обширного региона, с антропологической точки зрения, являлись частью мощного южно-европеоидного пласта. Главными отличительными чертами их внешности было средневысокое или высокое, очень резко профилированное в горизонтальной плоскости лицо, с сильно выступающим крупным носом. Можно предполагать, что население, скорее всего, имело темные оттенки цвета волос и глаз. Географически этот пласт составляет единство с территорией Передней Азии, хронологически — восходит к древним, возможно мезолитическим, формам, распространенным на данной территории. В некоторых могильниках (на пяти черепах из Кара-Депе, шести из ранних слоев Силка, шести мужских и пяти женских из Геоксюр, на двух в Алтындепе, на одном из Сапаллитепа, на двух мужских и четырех женских черепах из Тигровой балки и Макони-Мор, на черепе из Заман-баба, на одном из Тимаргархи) фиксируются крайне высоколицые, гиперморфные черепа. Т.П. Кияткина считает, что матурированность строения не изменяет общей конфигурации черепа, соотношения отдельных его частей, а высоколицесть говорит, скорее о большой древности этой особенности, восходящей, возможно, к мезолиту, или даже верхнему палеолиту (Кияткина, 1987. с. 51). Среди всей массы антропологических материалов, несмотря на имеющиеся территориальные различия по высоте лица (более низкое — в южно-таджикских группах, более высокое — в Сапаллитепа и в Южном Туркменистане), исследовательница не видит участия в формировании населения протоевропеоидного «степного» расового типа (Кияткина, 1987. с. 52).

Исследователь черепов из Тимаргархи В. Бернхард, отмечая значительную общую индивидуальную изменчивость их антропологических признаков, среди прочих характеристик указывает на наличие веддоидных особенностей на двух женских, одном мужском черепе и, возможно, одном детском. Черепа, которые получили такое определение, отличаются общей грацильностью строения, прямым лбом, слабо выраженной глабеллой и надбровными дугами и ярко выраженным альвеолярным прогнатизмом. Он считает возможным наличие определенного сходства этих останков с черепом, несущим экваториальные черты из Кокча 3, описанного Т.А. Трофимовой (Bernhardt, 1967. р. 374).

Традиционно палеоантропологическое описание материалов из могильников разных перио-

дов ограничивалось только характеристикой черепов. Но уже многие годы краниологические исследования успешно дополняются остеологическими, палеопатологическими и одонтологическими. К сожалению, эти сведения присутствуют далеко не во всех работах. В то же время, первые из них позволяют наглядно представить общие размеры, а зачастую и пропорции тела популяций, обитавших на данной территории в древности. Вторые, получившие ныне признание и большую популярность, — посредством определения заболеваний, распространенных в то время, могут определить степень приспособленности населения к конкретным условиям существования, успешность ведения хозяйства и др. Изучение зубной системы (одонтология) палеопопуляций — весьма перспективное направление, т.к. без каких-либо специальных процедур пересчета или коррекции имеется возможность сравнить одни и те же параметры древнего населения с современными. Именно зубы дают возможность наиболее точно (по времени прорезывания) определить возраст смерти молодых индивидов, по степени и форме стертости коронки зубов можно достаточно достоверно определить характер хозяйственной деятельности населения. Основные размеры коронки и корней зубов в соотношении с общими размерами лицевого черепа позволяют с большей уверенностью говорить об особенностях внешнего облика (антропологического типа) жителей. Специальный набор описательных признаков, характеризующий число и форму развития бугорков и борозд на коронке разных классов зубов, форму их поверхности, на основании типологии, разработанной А.А. Зубовым с коллегами, дает возможность оценить положение населения в системе одонтологических типов земного шара и получить уточняющие сведения об его исторических связях. Несмотря на большое число публикаций по отдельным характеристикам такого рода, ретроспективные исследования по их комплексам, охватывающие обширные территории практически отсутствуют.

Антропологическое изучение погребений некрополя Гонура проводилось разными специалистами, в том числе: итальянскими исследователями из отдела антропологии специального подразделения Национального Музея доисторической этнографии «Л. Пигорини» (Рим, Италия) А. Спердуги, Л. Бондиоли и Р. Маккиарелли (Sperduti, Bondioli, Macchiarelli, 1995); Б. Хемпхилом (США). С 1998 по 2001 г. определение пола и возраста погребенных, антропологическое изучение костного материала проводилось сотрудником Института истории при Кабинете Мини-

стров Туркменистана (г. Ашхабад) О. Бабаковым. Осенью 2000 г., благодаря любезному согласию начальника археологической экспедиции на некрополе Гонур В.И. Сарианиди и финансовой поддержке РГНФ (проекты №№ 99-01-00180а и 00-01-18034е), РФФИ (проект № 99-06-80496), а также выделению целевых средств РАН на проведение экспедиционных исследований, состоялся выезд группы антропологов Института этнологии и антропологии РАН для проведения полевых работ на некрополе.

Основной задачей группы было ознакомление с результатами антропологического исследования краниологической серии, проведенного О. Бабаковым, изучение костного (длинные кости) и одонтологического материала из могильника. Распределение обязанностей в группе были следующими: Т.К. Ходжайов и С.В. Васильев вместе с О. Бабаковым проводили расчистку вновь открываемых захоронений, участвовали в определении пола и возраста захороненных, по возможности реставрировали черепа и кости посткраниального скелета, изучали и измеряли находки. В расчистке, консервации и измерении материала принимал участие стажер ИЭА РАН, сотрудник ИВ РАН А.А. Крол. Н.А. Дубова собирала одонтологическую серию, проводила описание и измерение зубной системы. Все исследователи участвовали в определении сложных, уникальных случаев. Благодаря тому, что О. Бабаков собрал и сохранил некоторое количество наилучшим образом уцелевших черепов, добытых в результате предыдущих (1999 г. — весна 2000 г.) сезонов раскопок, группа смогла измерить на них (там, где возможно) углы горизонтальной профилировки. Кроме того, именно О. Бабаков собрал и сохранил уникальную по численности для некрополей эпохи бронзы серию зубов из большинства расчищенных погребений (358 образцов), которая позволила Г.В. Рыкушиной с помощью Н.А. Суворовой произвести их подробное изучение в лабораторных условиях.

Некрополь Гонур, датируемый концом III — серединой II тыс. (2100–1500 гг.) до н.э. находится в 200 м к западу от центральной (дворцовой) части памятника, расположенного более чем в 80 км севернее — северо-западнее г. Байрамали Марыйского велаята Республики Туркменистан. Ныне здесь господствует полупустынный ландшафт, тогда как в эпоху бронзы именно на этих пространствах находилась дельта р. Мургаб, что давало возможность успешно заниматься земледелием и держать домашний скот.

К настоящему времени на некрополе вскрыто более 2000 могил. Основная часть захоронений произведена в шахтных (или подбойных) (75%) и ямных (20%) могилах. По 2,5% отмечены захоронения в цистах и камерных гробницах. Среди ямных захоронений выделяются погребения в ямах с обожженными изнутри до ярко-красного цвета стенками (всего в нескольких случаях — и с обожженным полом), которые составили около 30% от общего числа ямных. В таких могилах обожжены только стенки, в то время как на дне имеется лишь слой черной золы толщиной около 10 см. Более 80% погребений были ограблены еще в эпоху бронзы, скорее всего в ближайшие годы (не исключено, что и месяцы) после захоронения, т.к. грабительские лазы располагаются точно в области головы захороненного — там, где концентрируется большинство сопровождающего инвентаря. Во многих случаях это привело или к полной утрате, или значительному разрушению костных останков.

Подавляющее большинство погребенных находилось в скорченном положении (с руками около лица и с согнутыми ногами), почти все — на правом боку (в 4,3% случаев — на левом). Основная ориентация головы захороненных — северная, северо-северо-западная и северо-западная (75%). В могилу помещались керамические сосуды, украшения, наконечники стрел, бронзовые, иногда серебряные, печати, другие предметы, в том числе золотые. Как отмечено в основном тексте данной книги, прослеживается определенная зависимость между типом могильной ямы и богатством погребальных приношений. Есть определенные различия в погребальном инвентаре (его наборе и количестве) между мужскими и женскими захоронениями.

В основу данного сообщения положены все антропологические материалы, имевшиеся в распоряжении авторов. Специфика краниосерии заключается в том, что полученные в результате раскопок черепа необходимо было исследовать за короткое время, т.к. все они в конце каждого сезона работ (весеннего и осеннего, соответственно) должны были быть перезахоронены. Статья распадается на несколько относительно самостоятельных частей: раздел палеодемографии подготовлен О. Бабаковым и Г.В. Рыкушиной, палеоантропологии — всеми авторами, остеологии — С.В. Васильевым, палеопатологии — С.В. Васильевым и О. Бабаковым, палеоодонтологии — Г.В. Рыкушиной и Н.А. Дубовой. Основные методические приемы, использованные авторами, освещены в соответствующих разделах.

Захоронения людей в ямах с обожженными стенками

Учитывая особый интерес к захоронениям в обожженных ямах, прежде чем перейти к описанию собственно антропологического материала, имеет смысл остановиться на особенностях захоронений в них. Часть ям — пусты и очень неглубоки, часть — до 1,2-1,5 м глубиной. Из 30 обожженных ям, в которых обнаружены какие-либо захоронения (табл. VII, с. 21 данной книги), в трех (10%) обнаружены костные останки животных (в одном случае — предположительно ягненок — погр. 258; в двух других — погр. 1939 и 2087 — собаки). В одной могиле найден скелет ребенка 8-9 лет с сильной задержкой ростовых процессов (см.: раздел данной статьи, посвященный описанию палеопатологии) и фрагменты скелета (включая череп) собаки (погр. 1172), а в другой (погр. 1800) — разрозненные кости человеческого скелета неизвестного возраста и клык собаки. Во всех остальных обожженных ямах зафиксированы человеческие кости, их фрагменты, отдельные человеческие зубы и черепа.

В 6 обожженных ямах захоронены дети от 2 до 13 лет (один из них — уже упоминавшийся с собакой — погр. 1172). Скелет ребенка из погр. 1555 принадлежал субъекту батрокефалией (см.: в разделе, где описывается палеопатология). Скелет ребенка из погр. 767 головой ориентирован на восток.

Самый молодой индивид из 17 взрослых, захороненных в обожженных ямах (26,7%), — 15-16 лет лежал на левом боку, головой был ориентирован в ВВЮ и у него отсутствовали кости верхних конечностей (погр. 907). Еще один взрослый (погр. 2004) лежал также на левом боку, но головой на ЗЗС. Из оставшихся 15 взрослых погребенных — один был индивидом с черепом взрослого человека, но с сильно укороченными и искривленными костями конечностей (погр. 1141). Скелет был диагностирован О. Бабаковым как карлик. Кости этого скелета удалось зафиксировать и сохранить. Погребение было безинвентарным. Описание этих останков дано в разделе палеопатологии. Трое погребенных находились в нестандартной позе: мужчина 35-40 лет (погр. 370) лежал на спине, головой на ВВЮ, скелет взрослого человека (пол и возраст определить не удалось) (погр. 2171) был захоронен сидя на полу могильной ямы, спиной опираясь на ее стенку, ноги расставлены в стороны, упираясь коленными суставами в стенки ямы. Кисти скелета находились в области таза.

В могильной яме 1413 обнаружен скелет без инвентаря. По тазу пол определен как мужской.

По степени зарастания швов и состоянию зубной системы, сделан вывод, что возраст захороненного составлял 20-25 лет. Скелет находился в очень необычной позе (Табл. 1, № 3): ноги были согнуты в коленях, но туловище не лежало на дне могильной ямы, а было прислонено к боковой ее стенке, причем положение ребер и позвоночного столба свидетельствуют, что верхняя часть корпуса была развернута и находилась под углом к поясничному отделу позвоночника и к тазу. Верхние конечности не были сложены, как в обычных захоронениях, у лица: левая была откинута в сторону в слегка согнутом состоянии, а правая в сильно, почти неестественно согнутом виде упиралась в стенку могилы. Череп находился под углом к нижней челюсти, которая примыкала к стенке могилы. Столь странное положение захороненного, видимо, может быть объяснено тем, что данный умерший человек был обнаружен не сразу после смерти, и тело уже успело в сильной степени закороченеть. Поэтому придать ему необходимое положение уже не удалось. О сложностях с приданием традиционного положения индивиду свидетельствует и сломанная локтевая кость правого предплечья (лучевая кость целая). Перелом мог произойти и незадолго до смерти, но в таком случае, скорее всего положение обломков значительно сильнее отличалось бы от анатомического: в обнаруженном виде оба они лежат рядом друг с другом. Неестественность положения тела не связана с развитием патологического процесса, т.к. наличия какой-либо костной патологии (например, спондилоза, спондилита, анкилозирующего спондилоартрита и др.) не прослеживается, несмотря на плохую сохранность костей: все позвонки сформированы правильно, свободно отделяются один от другого, деформаций и сращения позвонков нет. В то же время, данное положение тела вполне может быть связано с временным характером захоронения данного индивидуума и несоответствием его размеров размерам могильной ямы.

В 13 обожженных ямах зафиксированы отдельные кости, фрагменты, «костяное крошево», отдельные зубы (погр. 250 и 1176), череп и длинные кости верхних конечностей (погр. 1017). В погр. 1075 обнаружено два женских черепа (*adultus*, 25-30 и *maturus*, 30-35 лет).

К сожалению, плохая сохранность *in situ* и специфические современные природные условия района раскопок (крайне низкая влажность, сильные ветра, весьма сильная инсоляция) не позволили пока собрать достаточно представительную серию остеологического материала и силь-

но затруднили анализ палеопатологических показателей. В то же время, отсутствие полных сведений о болезнях людей, захороненных в Гонуре, не отрицает возможности сделать основной вывод, что приведенные выше данные свидетельствуют, что ямы с обожженными стенками использовались, скорее всего, для захоронения умерших, имевших какие-либо физические (возможно и психические?) недостатки, а обжигание стенок могил, как справедливо предполагает руководитель раскопок, производилось, видимо, для предохранения «чистой» земли от возможного ее «загрязнения».

Палеодемография

Возраст и пол умерших

Как выше уже отмечалось, определение пола и возраста захороненных на некрополе Гонура проводилось разными специалистами и на основании разных признаков: степени зарастания швов на черепе, степени выраженности рельефа длинных костей и костей черепа, степени окостенения (оссификации) зубов, степени их стертости и прорезывания. При наличии в погребении только зубов или только костей скелета, определение как пола, так и возраста, конечно же, могло давать несколько различающиеся результаты. Нами предпринята попытка обобщить все накопленные сведения по поло-возрастным определениям для реконструкции основных демографических показателей населения Гонур-депе. В связи с этим, сведения, полученные оперативно О. Бабаковым, упоминавшимися итальянскими исследователями и Б. Хэмпфилом при вскрытии захоронений, были дополнены и уточнены данными анализа зубных образцов. Основные разночтения между исследователями (в тех случаях, когда по данному захоронению имелась оперативная диагностика и образцы зубов) чаще относились к возрасту детей, в нескольких случаях была уточнена половая принадлежность.

При поло-возрастных определениях палеоматериалов некоторая их часть всегда относится к категории «неопределенных», которые в табл. 1 отмечены знаком «?». Поскольку условно можно предполагать, что пропорции полов и возрастов в «неопределенной» части популяции совпадают с таковыми, где пол и возраст определяются достаточно четко, эти данные были пересчитаны с учетом соотношений по возрастам и полам. Общая численность включенных в анализ индивидов — 1252, что составляет чуть больше половины от общего числа захороненных на некрополе. Полученные результаты представлены в табл. 2-4. Они отличаются от помещенных в табл. 1, что вполне объяснимо, как только что это было отмечено, различиями в методических подходах между разными исследователями.

Поло-возрастные определения на основании признаков зубной системы

Основным предметом нашего исследования являются образцы зубов и фрагменты челюстей 358 индивидов. Возрастные определения с точностью до 1 года проведены с учетом оссификации и прорезывания зубов у индивидов до 18 лет (Алтухов, 1913; Brothwell, 1963), далее возраст определялся по схеме М.М. Герасимова (1955) на основании их стертости. Основные демографические показатели представлены в табл. 1. Хотя полученные данные не могут в полной мере отражать демографическую ситуацию из-за фрагментарности материала, тем не менее, они, очевидно, являются единственным и достаточно надежным индикатором социальных и биологических процессов в популяции, где с определенной долей вероятности зафиксированы основные соотношения.

В соответствии с полученными данными доля ранних возрастов (до 18 лет) в популяции составляла 36,5%, при этом число детей до 3-х лет крайне мало. Из археологического описания памятника известно, что на руинах дворца Гонура было зафиксировано большое число детских

Таблица 1

Основные поло-возрастные соотношения в популяции из Гонур-депе

Пол (Sex)	♂		♀		?			
Суммарно	N	%	N	%	N	%	n	%
Возраст (Age)								
Infantilis I (до 7 лет)	12	9,0	14	9,1	7	43,75	33	10,9
Infantilis II (7-14 лет)	28	20,9	14	9,1	7	43,75	49	16,1
Juvenis (15-18 лет)	15	11,2	12	7,8	2	12,5	29	9,5
Adultus (19-34 года)	22	16,4	39	25,3	0	0	61	20,1

захоронений, по-видимому, не старше 7 лет (возрастные определения не проводились). Конечно, это были дети не тех, кто погребен на данном некрополе, т.к. дворец и окружающие постройки во время функционирования некрополя, строились, а затем были обитаемы. Но сам факт обнаружения в одном месте скопления исключительно детских погребений позволяет предполагать, что и во время действия некрополя умерших детей в подавляющем большинстве хоронили в специально отведенном месте.

Согласно данным Ачади и Немешкери (1970), процент детей раннего возраста в популяциях составляет приблизительно 2/3 от общего числа детей, т.е. в данной группе их число могло составить 117 индивидов, а общее количество детей (до 16 лет), вероятно, достигало 195 человек. Тогда на одну женщину в основной репродуктивный период (от 16 до 34 лет) приходилось 5 детей (195:39). При таком показателе плодovitости популяция должна была бы быстро расти, что, вероятно, соответствовало условиям развивающейся городской цивилизации. Однако детская смертность очень велика и составляет 147,7% от числа умершего взрослого населения пострепродуктивного возраста, т.е. приблизительно лишь один из трех рожденных детей доживал до зрелого возраста. Средняя продолжительность жизни взрослого населения по данным изучения зубной системы составляет 36,6 лет, мужчин — 35,7 лет, а женщин — 37,1 лет. Столь высокие показатели свидетельствуют о достаточно высоком уровне жизни этой популяции. Средняя продолжительность жизни с учетом детей (т.е. длина поколения) при ориентации только на полученные нами данные составляет 28 лет. Это тоже очень высокий показатель, однако, на самом деле ориентироваться на него нельзя, так как в изученных материалах отсутствует реальная информация о детях ранних возрастов.

Особо надо отметить довольно существенные различия в смертности мальчиков по сравнению с девочками во втором детском возрасте и в юношеский период. Не исключено, что это могло быть связано с определенными ритуалами, в частности, с инициацией мальчиков, сопровождавшейся повышенным риском при проведении испытаний посвящаемого субъекта, слабо развитыми гигиеническими правилами. Начиная со вступления женщин в детородный период (с 16 лет), смертность их значительно повышается, достигая максимума в зрелом возрасте, как, впрочем, и у мужчин. До старческого возраста доживали чаще женщины. Вероятно, большая смертность женщин в детородный период обусловлена также

слабым уровнем родовспоможения, низкими гигиеническими нормами в древнем обществе и распространением инфекционных заболеваний. Косвенным указанием на последние служит распространенность гипоплазии эмали, зарегистрированная с частотой 53,8% (n=165). Гипоплазия зубной эмали является следствием дефицита питания, возникающего в результате временного реального недостатка пищевых ресурсов, перенесенных травм, а чаще всего инфекционных болезней в детский период.

Отношение числа мужчин к числу женщин (85:133) · 100% = 63,9%, — свидетельствует о преобладании последних в популяции. Поскольку это не соответствует нормальному биологическому распределению полов (1:1), то можно предположить, что часть женщин (около 36%) могла быть либо включена в состав популяции извне, либо группа населения, пришедшая на новую территорию, вытеснила часть местных мужчин, включив в свой состав местных же женщин. Археологически на данном памятнике не прослеживается культурных различий в обряде захоронения и в погребальных приношениях, поэтому, если верно второе предположение, то население, основавшее Гонур-депе и в нем обитавшее, скорее всего, пришло на данную территорию не одной, а несколькими волнами.

Известно, что популяция в Гонур-депе просуществовала довольно долго, около IV-VII веков, за это время могло смениться 24-28 поколений (при стандартной длине поколения в 25 лет). В 2323 вскрытых могилах было погребено 2383 человека, так как 4% могил были парными (93 чел.), 1% — тройными (23 чел.), а 3,4% оказались кенотафами. Исходя из этих данных, численность прапопуляции (х), положившей начало существованию гонурской цивилизации, могла составить, согласно расчетам по уравнению арифметической прогрессии $2383 = 1/2 \{x + [x + a(n-1)]\} n$,

где: $a=0,68$, $n=24$ (или 28), соответственно 87 (или 72) человека.

Поло-возрастные определения по краниометрическим и остеологическим признакам

Определение пола и возраста по черепу и посткраниальному скелету производилось в соответствии с принятой в отечественной науке методике (Алексеев, Дебец, 1964). Полученные данные (таблица не приводится) были верифицированы по данным зубной системы и ниже представлены обобщенные сведения по определению половой принадлежности и пола населения, захороненного в некрополе Гонура.

Из сводной табл. 2 видно, что селективный отбор в популяции Гонура был направлен на сокращение численности мужской части популяции в ранних возрастах, причем очень велика смертность мальчиков в первом детском возрасте, что, вероятно, обусловлено ослабленным иммунитетом в раннем детстве. Несколько ниже она во второй период, когда достаточно высокая смертность сохраняется в период физиологической (гормональной) перестройки в предпубертатный период и сопряжена с определенными ритуалами в это время. В юношеский период у мальчиков смертность уже резко снижается.

У девочек наибольшая смертность регистрируется во втором детском периоде, когда также начинаются гормональные перестройки организма, и в этот период иммунная система несколько ослаблена. В юношеском возрасте этот показатель существенно снижается, но остается на достаточно высоком уровне по сравнению с таковым у мальчиков.

Таблица 2

Основные поло-возрастные соотношения в детско-юношеский период (до 18 лет, %) по обобщенным (краниологическим, остеологическим и одонтологическим) данным

Возраст	♂	♀	Суммарно а
Infantilis I	40,9	10,5	24,4
Infantilis II	37,0	50,85	47,7
Juvenis	22,1	29,4	27,9
N	76	90	166

Таблица 3

Основные поло-возрастные соотношения у взрослых (старше 18 лет, %) по обобщенным (краниологическим, остеологическим и одонтологическим) данным

Возраст	♂	♀	Суммарно а
Adultus	55,7	66,2	60,9
Maturus	40,8	31,2	36,0
Senilis	3,5	2,5	3,1
N	545	541	1086

В возмужалом возрасте, при вступлении в основную репродуктивную фазу, смертность у обоих полов резко возрастает. Если у женщин это возможно объяснить осложнениями, связанными с деторождением, то высокая смертность у мужчин при отсутствии военных столкновений и мирном образе жизни может быть вызвана лишь распространением инфекционных заболеваний, возможно, носивших характер эпидемий.

Около 39% взрослого населения доживало до

зрелого и старческого возраста, максимальная продолжительность жизни, вероятно, не превышала 70 лет, при этом у мужчин долгожителей оказывается немного больше, чем среди женщин. В зрелом возрасте мужчин достоверно больше, чем женщин.

Таблица 4

Основные поло-возрастные соотношения в популяции Гонур-депе (весь возрастной ряд) по обобщенным (краниологическим, остеологическим и одонтологическим) данным (%)

Возраст	♂	♀	Суммарно а
Infantilis I	5,0	1,5	3,2
Infantilis II	4,5	8,1	6,3
Juvenis	2,7	4,7	3,7
Adultus	48,8	56,8	52,9
Maturus	35,8	26,8	31,2
Senilis	3,1	2,2	2,7
N	621	631	1252

Расчет продолжительности жизни взрослого населения по суммарным данным дает следующие результаты: средняя продолжительность жизни мужчин — 35,1 лет, женщин — 33,5 лет, взрослого населения в целом — 34,3 лет. Полученные показатели несколько ниже ранее приведенных и близки к таковым населения Джаркутана и Сапаллитепа (Ходжайов, 1977), столь низкие величины в целом характерны для среднеазиатского региона (Алексеев, 1972).

Соотношение полов близко к единице, хотя женщин несколько больше, чем мужчин:

$$M:Ж=0,98.$$

Исходя из выше изложенного, можно прийти к следующему выводу:

земледельческое население Гонура, впитавшее в себя потомков древнейшего населения как южнотуркменистанского, так и соседних территорий, несомненно, относилось к кругу южно-европеоидных популяций, создавших процветающую цивилизацию. Высокая продолжительность жизни и плодovitость населения создавали предпосылки для быстрого роста популяции в условиях города, что в свою очередь со временем стало причиной распространения инфекционных заболеваний, разрастания эпидемий. Медицинские знания были еще не на достаточно высоком уровне, что, вероятно, и было частой причиной потери детей в ранних возрастах и женщин-рожениц в основной репродуктивный период.

Краниометрия

Краниологическая серия, полученная по ре-

зультатам археологических раскопок на некрополе Гонура состоит из 89 мужских и 66 женских черепов разной степени сохранности.

Серии в целом (табл. 5 и 6) свойственна долихокрания. Полученные данные характеризуют большинство жителей Маргианы как имеющих в среднем очень длинную и узкую мозговую коробку, высокое и неширокое лицо с сильно выступающим носом. В то же время, в серии отмечены три брахикранных, шесть мезокранных мужских и десять мезокранных женских черепов (табл. 7), что для населения Туркменистана эпохи бронзы зафиксировано впервые. Единичные брахикранные черепа в эпоху бронзы были отмечены ранее в Сиалке и Тепе Гиссаре II, на основании чего есть основание говорить о связи данной группы с переднеазиатским центром брахикрании, одним из самых древних. Тем более характерно, что брахицефалы в Гонуре отмечены именно среди мужчин, тогда как в современных популяциях женщины всегда имеют головной указатель выше, чем у мужчин на 1,5 ед., т.е. обычно женщины более брахикранны, чем мужчины.

На мужских черепках слабо или средне выражен наружный рельеф, средне или ниже среднего развиты надпереносье, надбровные дуги, сосцевидные отростки и наружный затылочный бугор. Наклон лобной кости определен, к сожалению, лишь на 8 черепках. Из них в половине случаев он прямой (угол наклона лобной кости 84–87°), у одного индивида — слабо, а у трех — сильно-наклонный. Особо выделяется череп из погребения 517, имеющий убегающий лоб (угол — 70°). Этот индивид имел высокое лицо (74 мм), очень низкий (45 мм) и узкий (22 мм) нос и, соответственно мезоринный указатель, очень длинный (66 мм) и узкий (57 мм) альвеолярный отросток верхней челюсти, широкие (44 мм) и низкие (33 мм) орбиты.

В среднем лобная кость средней ширины, но с тенденцией к малым значениям (из 67 случаев, когда была измерена наименьшая ширина лба, у 38 индивидов она попадает в категорию очень малых и малых значений — очень узкий и узкий лоб). Высота черепа у большинства индивидов средних размеров, в то же время, на одном черепе он составляет всего 122 мм, на другом — 124 мм, на двух — 125 мм, а на одном достигает 147 мм. Этот разброс дает несколько более высокое, чем в однородных группах, стандартное квадратическое отклонение.

Лицевая часть у большинства черепов — узкая (в категорию очень малых и малых размеров попадает скуловой диаметр большей части

всех черепов — 33 или 75% ото всех, где этот размер измерялся). На одном черепе (погр. 1445) зафиксирована ширина лица всего в 110 мм (ширина основания лица — 103 мм), которая сочетается с резкой долихокранией (продольный 199 мм и поперечный 124 мм диаметры дают черепной указатель 62,3) и крайне резкой горизонтальной профилировкой (116° назомалярный и 109° зигомаксиллярный углы) (табл. 5).

Противоположный комплекс признаков демонстрирует череп из погр. 1509. Его скуловой диаметр, относящийся к категории больших размеров (138 мм) сочетается с брахикранией (180 мм — продольный, 145 мм — поперечный, 80,6 — черепной указатель), средневысоким на границе с высоким (73 мм) лицом, резко выступающим носом (37°), большим, крайне редко встречающимся симотическим указателем (SS — 8 мм, SC — 8 мм, SS:SC — 100,0%), но средним назомалярным (140°) и очень малым зигомаксиллярным (124°) углами.

Общий лицевой угол, измерение которого оказалось возможным лишь в пяти случаях, говорит об ортогнатности данной популяции в среднем. Однако, на одном черепе из пяти (погр. 1071) отмечен общий лицевой прогнатизм (80,0°), а два (погр. 464 и 466) оказались мезогнатными (82,0°).

Средние по популяции некрополя Гонура углы горизонтальной профилировки лицевого скелета, благодаря их попаданию в категорию малых и даже очень малых, свидетельствуют об отсутствии уплощенности лица. В то же время, пределы вариации как назомалярного, так и зигомаксиллярного углов, охватывающие в первом случае все категории признака от очень малых до очень больших, а во втором — от очень малых до средних, свидетельствуют о неоднородности группы по данным показателям. Череп из погр. 1233, имеющий очень большой назомалярный угол (150,0°), к сожалению, имел плохую сохранность, и зигомаксиллярный угол на нем измерить не удалось. Он имеет мезокранный черепной указатель (76,24) при среднем продольном (181 мм) и малом поперечном (138 мм) диаметрах, малую ширину (126 мм) и малую высоту (67 мм) лица.

Из погр. 1132 происходит череп, имеющий редко встречающееся сочетание двух указанных углов: зигомаксиллярный угол — максимальный для серии (133,0°), назомалярный — 124,0°. Основные характеристики данного черепа таковы: крайняя долихокрания (67,01) при очень большом продольном (191 мм), малых поперечном (132 мм) и высотном (128 мм) диаметрах, малые

Таблица 5

Основные краниометрические параметры некрополя Гонура (мужчины, ♂)

Признаки (, по Р. Мартину)	N	M	S	min	max
Продольный диаметр (1.)	76	186,95	6,32	175	202
Поперечный диаметр (8.)	67	133,07	6,00	122	148
Черепной указатель (1:8)	67	71,33	4,28	62,31	83,52
Высотный диаметр от базиса (17.)	63	134,08	5,23	122	147
Высотн-продольный указатель (17:1)	62	71,99	3,04	64,97	80,77
Высотн-поперечный указатель (17:8)	54	100,74	5,80	86,39	115,32
Длина основания черепа (5.)	60	102,60	4,29	93	115
Наименьшая ширина лба (9.)	67	95,36	4,01	85	107
Лобно-поперечный указатель (9:8)	54	71,40	3,58	60,81	81,15
Наибольшая ширина лба (10.)	54	115,41	8,05	92	134
Лобный указатель (9:10)	49	82,47	4,67	69,77	92,52
Ширина основания черепа (11.)	45	116,42	5,19	102	128
Скуловой диаметр (45.)	44	126,75	5,40	110	138
Длина основания лица (40.)	42	98,55	5,60	85	110
Верхнелицевой указатель (48:45)	38	53,44	3,29	47,76	63,64
Верхняя высота лица (48.)	56	67,82	3,54	60	75
Полная высота лица (47.)	30	112,53	22,65	95	133
Лицевой указатель (47:45)	20	91,41	6,92	75,40	107,27
Верхняя ширина лица (43.)	54	103,48	4,58	95	112
Средняя ширина лица (46.)	50	94,88	6,29	79	113
Ширина альвеолярного отростка (60.)	18	55,61	4,57	47	64
Длина альвеолярного отростка (61.)	23	63,74	4,28	58	72
Высота носа (55.)	57	49,91	3,20	44	57
Ширина носа (54.)	54	24,56	2,42	20	31
Носовой указатель (54:55)	49	49,97	6,95	38,89	73,68
Ширина орбиты (от mfl) (51.)	70	41,43	2,28	36	49
Высота орбиты (52.)	72	31,88	2,39	26	40
Орбитный указатель (52:51)	68	76,82	6,18	63	100
Назональный угол (77.)	25	133,64	6,20	116	150
Зигмаксиллярный угол (Zm)	17	123,82	5,76	109	133
Симотическая ширина (SC)	27	9,63	1,86	5	14
Симотическая высота (SS)	26	6,04	1,42	4	9
Симотический указатель (SS:SC)	26	63,48	16,03	40	100
Дакриальная ширина (DC)	21	18,33	3,43	8	23
Дакриальная высота (DS)	21	12,05	2,41	8	19

верхняя высота лица (65 мм) и скуловой диаметр (128 мм); очень большая длина (65 мм) и очень малая ширина (55 мм) альвеолярной дуги.

Высота лица, особенно верхняя, в подавляющем большинстве случаев в серии малая и средняя. Лишь на двух черепах отмечена величина 74, а на одном — 75 мм. Малыми и средними величинами отличается высота носа. Лишь

на двух черепах (3,5%) отмечена очень большая высота (57 мм), и в 7 (12,3%) — большая (54–56 мм). По ширине нос преимущественно очень узкий и узкий (48,1%), значительно реже отмечаются широкие (14,8%) и очень широкие (3,7%) носы. Самый узкий носа (20 мм) зафиксирован на черепе 1756 при малой его высоте (48 мм) и соответственно резко лепторинном указателе (41,67). Самая большая ширина носа (31 мм) встречена дважды: на черепах из погр. 374 и 810, в обоих случаях при малой высоте носа — 49 и 48 мм соответственно и платиринном указателе — 63,27 и 64,58.

В серии абсолютно преобладают заостренные (антропинные — *anthropina*) формы нижнего края грушевидного отверстия. На мужских черепах лишь один раз (2,9% из 34 случаев определения) — погр. 1311 — отмечена предносовая ямка (*fossa praenasalis*). Визуально отмечаются глубокие клыковые ямки. Переносье и носовые кости, судя как по абсолютным размерам, так и по дакриальному и симотическому указателям, выступают достаточно сильно. Угол выступления носа к профилю лица в среднем также характеризуется большими величинами. И на индивидуальном уровне превалируют его большие (53,6%) и очень большие (32,1%) его значения. Малый угол выступления носа (21°) отмечен на долихокранном (продольный диаметр 182 мм, поперечный — 137 мм, черепной указатель — 75,27) черепе из погребения 1722, который имеет очень низкий (44 мм) и широкий (27 мм) нос.

В среднем мужское население, захороненное в некрополе Гонура, характеризуется малой высотой и средней шириной орбит. Очень высокие и высокие орбиты (36–40 мм) встречены в 5,6% случаев, очень низкие (26–31 мм) — в 41,7%, широкие и очень широкие орбиты (43–49 мм) — в 28,6%, а очень узкие (36–39 мм) — в 15,7%.

Почти по всем основным параметрам половой диморфизм в серии выражен слабо. Видимо, мужская и женская группы из некрополя Гонура относятся к одному морфологическому типу. В целом серия имеет ярко выраженные европеоидные черты. Предварительный анализ краниометрических параметров указывает, с одной стороны, на морфологическую гетерогенность серии, с другой — на сочетание особенностей архаичных и прогрессивных форм.

Изучение абсолютных размеров и формы черепной коробки

Один из авторов данной работы, используя основополагающую идею В.В. Бунака (1922),

Таблица 6

Краниометрические параметры некрополя Гонура (женщины, ♀)

Признаки (, по Р. Мартину)	N	M	S	min	max
Продольный диаметр (1.)	49	178,37	5,36	163	188
Поперечный диаметр (8.)	46	129,57	5,46	117	143
Черепной указатель (1:8)	40	72,46	3,38	63,83	79,29
Высотный диаметр от базиса (17.)	42	129,43	5,20	118	139
Высотнo-продольный указатель (17:1)	39	72,58	3,32	63,78	79,65
Высотнo-поперечный указатель (17:8)	34	100,45	5,74	89,39	117,09
Длина основания черепа (5.)	41	97,34	4,10	90	106
Наименьшая ширина лба (9.)	44	93,02	4,06	86	103
Лобно-поперечный указатель (9:8)	35	71,97	4,27	64,29	85,12
Наибольшая ширина лба (10.)	35	111,20	5,69	100	125
Лобный указатель (9:10)	29	82,94	3,18	77,19	89,52
ирина основания черепа (11.)	29	111,59	6,00	100	120
Скуловой диаметр (45.)	28	119,64	5,81	108	129
Длина основания лица (40.)	28	94,93	6,77	83	110
Верхнелицевой указатель (48:45)	17	52,82	4,18	45,74	59,65
Верхняя высота лица (48.)	38	62,61	4,67	48	69
Полная высота лица (47.)	21	111,90	6,73	102	126
Лицевой указатель (47:45)	12	95,52	7,48	83,2	112,5
Верхняя ширина лица (43.)	28	100,04	6,11	90	117
Средняя ширина лица (46.)	33	89,85	5,99	75	102
Ширина альвеолярного отростка (60.)	6	51,83	4,36	45	56
Длина альвеолярного отростка (61.)	13	60,38	3,23	57	65
Высота носа (55.)	36	47,86	3,25	41	55
Ширина носа (54.)	33	23,39	1,85	19	29
Носовой указатель (54:55)	30	48,42	3,92	38,78	59,18
Ширина орбиты (от m1) (51.)	48	40,04	2,32	34	46
Высота орбиты (52.)	49	31,40	2,37	27	37
Орбитный указатель (52:51)	48	78,73	6,59	66,67	94,59
Назональный угол (77.)	14	138,14	7,28	125	149
Зигомаксиллярный угол (Zm)	8	124,75	5,85	115	134
Симотическая ширина (SC)	17	8,82	2,01	4	12
Симотическая высота (SS)	16	5,13	1,09	4	8
Симотический указатель (SS:SC)	13	60,86	13,30	50	100
Дакриальная ширина (DC)	13	18,58	1,80	15	20,5
Дакриальная высота (DS)	13	10,96	1,42	9	14

Данные по краниометрическим параметрам населения земного шара. Из нее следует, что в настоящее время господствуют три основных — «глобальных» краниологических типа (краниотипа) человечества (Пестряков, 1987, 1995), приуроченных к трем большим географическим регионам Старого Света — тем областям, где вероятно происходило их формирование в результате соответствующих эволюционных

преобразований черепной коробки. Учитывая достаточный объем анализируемой палеоантропологической серии и включенность региона в сферу влияния главных цивилизационных центров древности, имеет смысл рассмотреть положение населения, захороненного в некрополе Гонура в данной системе.

Таблица 7

Форма черепа

Форма	♂ (N=67)		♀ (N=40)	
	N	%	N	%
Брахикраны (B)	3	4,48	0	0,0
Мезокраны (M)	6	8,9	10	25,0
Долихокраны (D)	58	86,57	30	75,0
Форма черепа (norma verticalis)				
Форма	♂ (N=33)		♀ (N=23)	
	N	%	N	%
Овоид (O)	18	54,54	12	52,17
Эллипсоид (E)	7	21,21	5	21,74
Пентагоноид (P)	3	9,09	2	8,70
Ромбоид (Rh)	2	6,06	2	8,70
Бирзоид (Br)	1	3,03	1	4,35
Сфероид (Sphr)	1	3,03	0	0,0
Сфеноид (Sphn)	1	3,03	1	4,35

Исходными данными для исследования мозгового черепа являются основные диаметры черепной коробки: наибольший продольный, наибольший поперечный и высотный от *ba* диаметры. В анализе использовались также черепной указатель и высотнo-поперечный указатель, что обычно делается в стандартных краниологических исследованиях. Кроме того, изучались нестандартные метрические параметры: общая ростовая величина черепной коробки, вычисляемая векторным сложением вышеназванных основных диаметров, считая их взаимно-перпендикулярными (ОРВ), и указатели долихоидности (УД), брахиоидности (УБ) и гипсиоидности (УГ), количественно оценивающие степень относительной длины, относительной ширины и относительной высоты черепной коробки, т.е. ее форму. Способ вычисления этих указателей описан ранее (Пестряков, 1991. с. 31-32). В анализ включены данные по 78 мужским и 56 женским черепам из некрополя Гонура из раскопок всех сезонов, исключая весенний 2001 г..

Так как подобного рода изучение краниологических серий обычно антропологами не проводятся, то необходимо дать некоторые предварительные разъяснения. Выделенные глобальные краниотипы были названы: тропидами (очаг их

возникновения и основная зона традиционного расселения — тропики Старого Света); голактидами (возникли и исконно распространены в северной половине Евразии); пачифидами (вероятный очаг их возникновения — Восточная Азия, дальнейшее расселение — на юг и юго-восток от первичного очага в Азии и по другую сторону Тихого океана — в Америку). Определенное соответствие глобальных краниотипов с современным расовым делением (имеются в виду большие расы человечества) существует, но оно неполное. И это особенно необходимо учитывать в настоящем исследовании. Если основные массивы экваториальной (негроидной) и веддо-австралоидной рас в общем соответствуют территории распространения краниотипа тропидов, а подавляющая часть европеоидов в краниологическом отношении являются голарктидами, то большая монголоидная раса в этом отношении оказалась неоднородной. Согласно представлению Н.Н. Чебоксарова (Чебоксаров, 1947), она распадается на две основные ветви — тихоокеанских (китайцы, корейцы, японцы и др.) и континентальных (монголы, буряты, якуты, эвенки и др.) монголоидов. При этом, по нашим данным, тихоокеанские монголоиды (вместе с американоидами) оказываются пачифидами, а континентальные монголоиды (вместе с европеоидами) — голарктидами.

Следует всегда иметь в виду, что краниологическая классификация базируется на иных признаках, чем расовая, и, следовательно, соответствие расы и краниотипа в принципе необязательно.

Таблица 8

Краткая краниологическая характеристика серии Гонур на фоне средних данных по глобальным современным краниотипам (мужчины)

Краниотипы (Cr)	Параметры (P)								
	1.	8.	17.	ОРВ	8:1	17:1	УД	УБ	УГ
Голарктиды (Н) (N=139)	180,2	145,1	133,1	266,9	80,6	91,8	129,8	93,7	82,3
Пацифиды (Р) (N=141)	179,8	140,3	136,7	265,9	78,2	97,8	129,9	89,6	86,1
Тропиды (Т) (N=53)	183,2	132,1	134,0	262,6	72,2	101,5	137,7	84,4	86,2
Гонур (Gonur)	186,9	133,0	134,1	265,1	71,3	100,9	139,8	84,3	85,1

Сначала дадим краткую характеристику современных глобальных краниотипов. Из данных этой таблицы очень хорошо видно, что тропиды (средние по 53 современным сериям) обычно характеризуются относительно малой тотальной величиной черепной коробки (ОРВ — 262,6), имеющей удлиненную, узкую и обычно довольно высокую форму. При этом именно в восточной половине Старого Света у тропидов решительно

преобладают высокие по форме черепа. Голарктиды (средние по 139 современным сериям) - антиподы тропидов, имеют обычно значительно большую величину черепной коробки (ОРВ — 266,9), а по форме значительно более широкую и низкую. Наиболее часто, в сравнении с другими глобальными краниотипами, у них встречается брахикrania. Средняя величина черепного указателя по 139 сериям равна 80,6. Пацифиды (средние по 141 современной серии) сочетают некоторые черты тропидов и голарктидов: черепная коробка по абсолютной величине у них почти такая же крупная как у голарктидов (ОРВ — 265,9). По абсолютной высоте черепа они превосходит и тропидов, и голарктидов, хотя по относительной высоте (указатель гипсиоидности) приблизительно соответствуют в среднем тропидам.

Для существа проводимого в данной статье анализа необходимо подчеркнуть, что среди выделенных нами трех глобальных краниотипов, только у тропидов не фиксируется в заметной степени феномен брахикрации, типичный для большей части человеческих популяций последних веков. Средняя величина черепного указателя у них равна 72,2 (табл. 8), что соответствует классической долихокрации. Этот факт представляется нам весьма важным. Еще более важной нам кажется способность тропидов при смешении с другими краниотипами (например, с голарктидами) сохранять исходно малую величину поперечного диаметра черепной коробки. Это приводит к падению и без того малой у тропидов величины черепного указателя до уровня ультрадолихокрации ($8:1 < 70$), и к высоким показателям гипсикрации (параметры 17:1 и 8:1) так как смешение различных краниотипов часто приводит к гетерозисному увеличению общего размера черепной коробки — параметра ОРВ (Пестряков, 1997, с. 262-264).

Из данных табл. 8 серию Гонура безусловно следует отнести к тропидам. Однако средняя величина черепной коробки у них завышена, по сравнению с тропидами. Кроме того, в серии часто встречается ультрадолихокrania (32,4%) при наличии брахикранных (4,4%) и мезокранных (8,8%) черепов. Это определенно указывает на метисацию двух различных краниотипов.

В западной половине Старого Света, вероятно, начиная с времени верхнего палеолита — мезолита, 30-е — 40-е параллели северной широты были обширной подвижной полосой конфронтации и смешения двух глобальных краниотипов: голарктидов и тропидов (европеоидов и веддо-австралоидов, соответственно, в расовом

отношении). Население Гонура, вероятно, имеет похожий генезис.

Рассмотрим данные серии Гонура на фоне краниосерий эпохи бронзы и территориально приуроченных к Ближнему и Среднему Востоку (с северо-западной Индией, включительно), с одной стороны, и к Великой евразийской степи — с другой. Исходные индивидуальные и среднегрупповые данные взяты из ряда работ (Ходжайов, 1977; Кияткина, 1987; Багашев, 2000; Dani, 1968; Dutta, 1983; Passarello, Macciarelli, 1987; Bernhard, 1991).

Даже беглый взгляд на данные табл. 9 показывает очень большую близость нашей серии с се-

рией Мохенджодаро. Другими типологически наиболее сходными с группой Гонура оказались серии из Хараппы и Сапаллитепа. Все эти серии и территориально относительно близки друг другу.

По всем 22 краниосериям представленным в таблице 9 были построены графики межгрупповых корреляционных полей. Особенно иллюстративно-показательным явился график корреляции ОРВ (общей ростовой величины черепной коробки) и УБ (указателя брахиоидности — рис. 1, где цифры, обозначающие группы, соответствуют таковым в табл. 9). На графике хорошо видно подразделение всего массива из 22 серий на 4 подгруппы и 4 серии, расположенных в относительном одиночестве. Первая подгруппа (I): серии Гонур и Мохенджодаро; вторая (II) — Сапаллитепа, Хараппа, Тимаргарха, Кателай, Киш А, и Тепе-Гиссар; третья (III) — Кокча 3, катакомбники Калмыкии и две серии андроновцев Казахстана; четвертая (IV) — ямники и срубники Калмыкии, Эль Убеид, андроновцы Минусинской котловины, афанасьевцы Горного Алтая и Минусинской котловины. В относительном одиночестве оказались: краниоерия Алишар (близка к подгруппе I), серия карасукцев (довольно близка к подгруппе III), серия окуневцев (к ней ближе всего подгруппа IV) и серия из плиточных могил Забайкалья (отдалена от всех подгрупп, особенно от I и II).

Три последних одиночных серии (№ 20, 21, 22), крупноголовые и при этом брахикранные, низкосводные и относительно укороченные по форме черепа (параметр УД), являются типичными голарктидами и сколько-нибудь заметная тропическая примесь у них исключена.

В целом, на 22 сериях фиксируется значительная межгрупповая корреляция между параметрами ОРВ и УБ, $r=0,488\pm 0,180$. Другими словами, более крупноголовые серии имеют тенденцию к брахикрании (или к более широкой общей форме). Однако во II и IV подгруппах между этими же параметрами наблюдается резкая отрицательная корреляция ($r=-0,870\pm 0,109$ и $r=-0,953\pm 0,041$, соответственно), т.е. более крупноголовые серии (параметр ОРВ) более узкие по форме (параметр УБ). Это — классическая картина при смешении двух различных глобальных краниотипов — голарктидов и тропидов.

Рассмотрим типологию ростовых процессов черепной коробки в мужской части серии Гонур. Для этого рассчитана корреляционная матрица между величинами следующих четырех метрических параметров: продольный диаметр, поперечный диаметр, высотный диаметр от *ba* и общая ростовая величина (ОРВ) (табл. 10).

Таблица 9

Среднегрупповые параметры серии Гонур на фоне древних краниосерий эпохи бронзы (мужчины)

Серия	п/п	1.	8.	17.	ОРВ	8:1	17:1	УД	УБ	УГ
Гонур Gonur	1	186,9 (77)*	133,0 (68)	134,1 (64)	265,1 (55)	71,3 (68)	100,9 (55)	139,8 (55)	84,3	85,1 (55)
Сапаллитепа Sapallitepa	2	187,8 (21)	137,6 (18)	133,1 (14)	266,9 (14)	73,4 (18)	97,5 (14)	138,6 (14)	86,7 (14)	83,4 (14)
Хараппа Harappa	3	186,1 (28)	136,3 (27)	134,0 (26)	266,5	73,2	98,3	137,7	86,3	84,1
Мохенджо-даро Mohenjo-daro	4	186,2 (9)	132,4 (7)	136,0 (6)	264,1 (5)	70,5 (7)	102,9 (6)	138,9 (5)	83,3 (5)	86,7 (5)
Тимаргарха (Swat) Timargarha	5	190,2 (9)	132,0 (9)	136,0 (9)	268,6 (9)	69,4 (9)	103,2 (9)	142,1 (9)	82,2 (9)	85,9 (9)
Кателач (Swat) Katelai	6	188,9 (40)	133,2 (41)	137,3 (23)	267,6 (22)	70,5 (39)	103,0 (22)	138,7 (22)	83,2 (22)	86,4 (22)
Киш А Kish A	7	188,2 (27)	135,8 (27)	132,6 (12)	267,3	72,2	97,6	140,2	86,0	83,0
Эль-Убеид El-Ubeid	8	192,9 (7)	140,7 (8)	136,8 (8)	275,2	72,9	97,2	139,0	86,6	83,0
Тепе-Гиссар Tepe-Hissar	9	188,2 (103)	134,1 (102)	134,7 (91)	267,2	71,2	100,4	140,1	84,2	84,8
Алишар Alishar	10	179,8 (10)	137,5 (10)	136,3 (5)	264,2	76,5	99,1	131,3	87,8	86,7
Тазабагыяб, Кокча-3 Tazabagyab, Koksha-3	11	185,3 (18)	136,9 (17)	141,8 (13)	270,5	73,8 (17)	103,6	133,0	84,5	89,0
Ямники Калмыкии Pit-graves Kalmykia	12	184,1 (26)	148,4 (29)	137,5 (18)	273,5	80,4 (26)	92,7	128,9	93,3	83,2
Катакомбники Калм. Catacomb Kalmykia	13	188,7 (17)	138,9 (17)	137,9 (12)	271,9	73,8 (17)	99,3	136,3	86,1	85,2
Срубники Калмыкии Logsed-grave Kalm.	14	194,9 (33)	140,2 (27)	136,4 (15)	276,1	72,1 (26)	97,3	140,9	86,0	82,5
Андроновцы, Ю. Казах. Andronow Kazakh.S	15	184,3 (10)	140,3 (10)	138,4 (6)	269,8	75,7 (10)	98,6	132,3	87,8	86,1
Андроновцы, Казах. Andronow Kazakh.N-E	16	184,6 (12)	142,6 (12)	137,1 (8)	270,6	77,3 (12)	96,1	132,0	89,6	84,5
Анд. Минусинск. котл. And. Minusinsk. Depr.	17	186,4 (33)	144,5 (31)	140,2 (30)	274,4	77,3 (31)	97,0	131,0	89,4	85,4
Афанас. Горн. Алтая Afanasyevo Gorni Altai	18	190,9 (34)	141,9 (32)	139,5 (25)	275,8	74,4 (32)	98,3	135,7	87,0	84,8

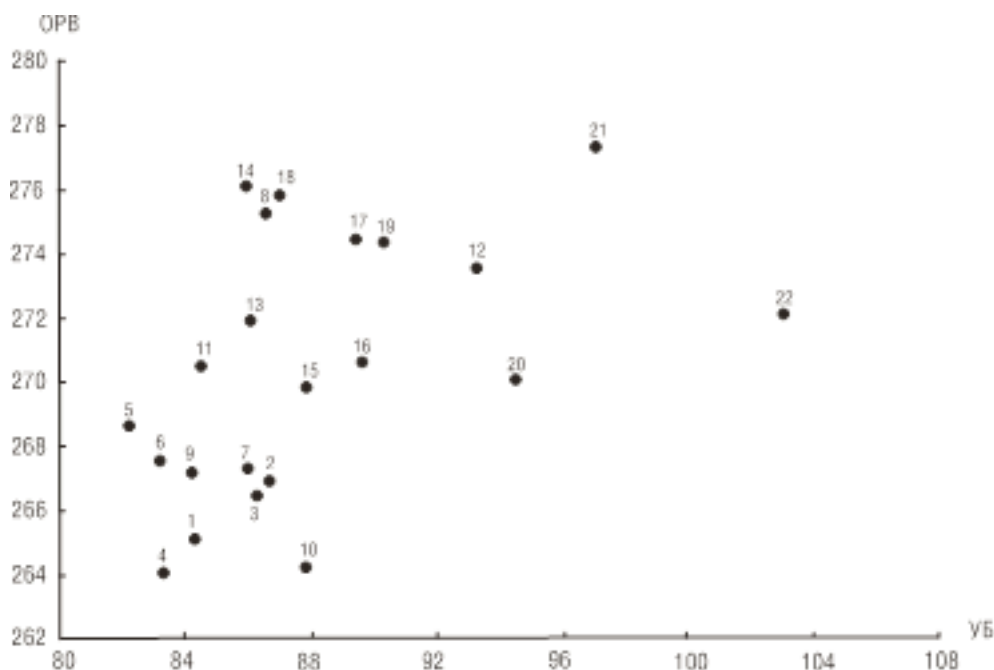

Рис. 1 Расположение сравниваемых краниологических серий в поле вариации ОРВ и УБ

Коэффициенты корреляции между тремя взаимно перпендикулярными диаметрами черепа обычно малы. Продольный диаметр имеет слабую и даже отрицательную зависимость от величины поперечного. Иными словами, при увеличении длинника слегка уменьшается поперечник черепа. Это говорит о гетерогенном происхождении серии, которое скорее всего связано с вышеуказанной особенностью к падению черепного указателя при смещении тропидов с голарктидами (см. соответствующие объяснения в тексте выше). Корреляционная зависимость у длинника с высотником обычная ($r=0,309$), но у поперечника с высотником вообще отсутствует ($r=0,012 \pm 0,136$). Все это говорит о неустоявшемся типе ростовых процессов, т.е. о метисном происхождении краниотипов в данной популяции. ОРВ здесь в наибольшей мере связано с величиной длинника, затем с величиной высотника (от *ba*). Заметно отстаёт величина зависимости ОРВ от поперечного диаметра ($r=0,344$), что говорит о заметной тропидной фракции в краниосерии Гонура.

Таблица 10

Матрица корреляций между основными метрическими параметрами черепной коробки в серии Гонур

Параметры	8.	17.	ОРВ
1.	0,137–0,120	0,309–0,115	0,753–0,059
8.		0,012–0,136	0,344–0,120
17.			0,669–0,075

Судя по вышесказанному, краниологическая серия из гонурского некрополя по генеральным параметрам мозговой коробки достаточно типична для синхронного (эпоха бронзы) населения Среднего Востока от Месопотамии на западе до северо-западной Индии на востоке. При этом наибольшая близость фиксируется по нашим данным с серией из Мохенджодаро. Во всех этих группах основу составляет население, сложившееся в результате длительного метисационного процесса между тропидами (наиболее вероятно, веддо-австралоидами в расовом отношении) и голарктидами (древними европеоидами в расовом отношении). В направлении к северу (в сторону Великой евразийской степи) примесь тропидов уменьшается, а у наиболее отдаленных краниосерий (окуневцы, карасукцы, плиточники Забайкалья) видимо отсутствует полностью.

Сравнение Гонурской краниологической серии с синхронными данными

В эпоху энеолита и бронзы ярко проявилось деление огромной территории Средней Азии на две историко-культурные области. Первая из них, южная, охватывающая юго-западный и южный Туркменистан, южный и отчасти центральный Узбекистан и южный Таджикистан представляла собою область формирования цивилизаций протогородского типа. Вторая, северная, включающая северную равнинную часть Средней Азии — северный Туркменистан и северный Узбекистан — представляла собой периферию южных цивилиза-

ций. Существовавшие постоянные контакты между племенами юга и севера не могли не сказаться на этнической истории двух историко-культурных областей Средней Азии. В эти сложные этнокультурные контакты между югом и севером был несомненно вовлечено и население, жившее далеко за их географическими границами. По данным археологии в эпоху энеолита и бронзы население южного Туркменистана оказывается втянутым в сферу культур Передней Азии. Все это делает необходимым анализ имеющегося палеоантропологического материала как из самой Средней Азии, так и с сопредельных с ней областей.

Довольно четкое различие по антропологическим особенностям южных и северных областей Средней Азии наблюдается с эпохи неолита и особенно с эпохи бронзы. Северные степные области были заселены племенами протоевропейского, южные — средиземноморского облика. Протоевропейский комплекс выявлен у неолитических племен кельтеминарской культуры на западе Хорезмского оазиса (Тумеккичиджик). В южных областях обитали племена средиземноморского облика — носители гиссарской (Туткаул), джейтунской (Овадандепе, Чагыллудепе, Чопандепе и др.) неолитических культур. Аналогичным антропологическим типом характеризовалось более раннее мезолитическое население долины Сурхандарьи (пещера Мачай). В эпоху бронзы северные степные области Средней Азии, как и ранее, были заселены племенами протоевропейского облика. Этот комплекс был характерен носителям андроновской, тазабагыябской и срубной культур. Демаркационная линия между протоевропейским и средиземноморскими комплексами в основном проходила по низовьям Амударьи, среднему и нижнему течению Зарафшана и верховьям Сырдарьи.

Для сравнения по сумме краниометрических характеристик привлечены все доступные авторам серии, представленные в табл. 11. Межгрупповое сопоставление серии черепов из Гонура с черепами из северных степных областей выявило, что они существенно отличаются от них иными морфологическими и расовыми особенностями, т.е. антропологической связи между представителями Гонура и северными степными племенами, если и были, то они были минимальными. Наблюдаемая антропологическая близость их с отдельными синхронными сериями из северных областей Средней Азии — энеолитическим населением северного Таджикистана (Саразм), а также с населением поздней бронзы западного Казахстана (Тастыбутак 1) и земледельческой чустской культуры Ферганской долины (Чуст,

Дальверзин) связано тем, что морфологический тип последних сформировался в результате переселения части населения из южных областей.

Что касается южных областей Средней Азии, то здесь у населения, как отмечено выше, преобладали средиземноморские формы. Так, в эпоху неолита на юге Средней Азии, в Передней и Южной Азии были представлены несколько вариантов средиземноморской расы. На юге Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, а также в центральном, северо-восточном Иране и северной Индии были распространены по крайней мере два варианта средиземноморской расы: сравнительно матуризованный долихокранный, узко- и высоколицый и грацильный долихокранный, узко- и низколицый. Позже, в эпоху бронзы, представители средиземноморского комплекса по-прежнему населяли южные и центральные земледельческие оазисы. Этим комплексом характеризовались носители намазгинской, сапаллинской, заманбабинской археологических культур. В виде примеси он был представлен у скотоводческого населения Южного Таджикистана — вахшской и бишкентской культур.

Представители первого варианта — довольно матуризованные, длинноголовые, узко- и высоколицые. Этим вариантом характеризуется энеолитическое население Южного Туркменистана (Карадепе, Геоксюр), Северного Таджикистана (Саразм) и Центрального Ирана (Сиалк). Представители второго варианта также длинноголовые, однако от первого отличаются значительной грацильностью, невысоким сводом черепа, сравнительно низким и очень узким лицевым скелетом. Этим вариантом характеризовалось население намазгинской (Алтындепе, Намазгадепе, Сумбар, Пархай и др.), сапаллинской (Сапаллитепа, Джаркутан, Молали), заманбабинской (Заманбаба) и чустской (Чуст, Дальверзин) культур. Ни один из этих вариантов не представлен в «чистом» виде в каком-либо отдельном памятнике эпохи бронзы. Те же варианты характерны и населению эпохи бронзы, захороненному в могильниках Дашти-Казы и Чака в среднем течении Зарафшана (неопубликованные материалы Т. Ходжайова). Ареал распространения этих двух вариантов оказался значительно более широким. Населению Северо-Восточного Ирана и Северной Индии также присущи морфологические и расовые черты этих вариантов средиземноморской расы.

Изучаемый краниологический материал из некрополя Гонура представлен в основном грацильным и более матуризованным вариантами средиземноморской расы. Ими характеризуется не только местное население южных и отчасти

Сопоставление краниологических серий эпохи бронзы (мужские черепа)

Таблица 11

Название серии	Продольный диаметр (1.)	Поперечный диаметр (8.)	Черепной указатель (8:1)	Высотный диаметр (17.)	Наименьшая ширина лба (9.)	Верхняя высота лица (48.)	Скуловой диаметр (45.)	Высота носа (55.)	Ширина носа (54.)	Ширина орбиты от mf (51.)	Высота орбиты (52.)	Угол наклона лба (32.)	Верхне-лицевой угол (72.)	Назомо-лярный угол (77)	Зигомаксильярный угол (Zm)	Угол выпячивания носа (75(1))
Gonur	186,9	133,1	71,3	134,1	95,4	67,8	126,7	49,9	24,9	41,4	31,972	81,1	84,4	133,6	123,8	32,6
Parkhay 2	192,6	134,4	70,4	137,0	96,5	70,7	133,0	50,5	24,7	40,5	31,5			140,1	132,7	31,20
Sumbar	188,2	141,0	74,8	135,0	97,5	72,3	130,0	53,0	24,8	42,7	31,7			134,0	121,2	36,0
Altyn-depe	189,5	136,0	71,6	134,6	95,6	70,6	129,1	51,5	25,2	42,6	32,4	80,7	84,0	137,1	123,1	34,4
Karadepe	194,8	134,9	69,4	143,7	95,2	72,6	129,9	51,2	26,6	42,5	31,8	82,5	83,9	134,2	126,0	31,4
Geoksyr	195,3	136,2	70,0	138,2	98,9	72,4	132,0	53,2	26,1	43,6	32,9	83,6	86,2	135,9	126,5	31,80
Namazga-depe	196	144	73,5													
Khapuz-depe	195,0	140,0	71,8	140,0	106,0	68,0	138,3	50,5	26,7	45,5	34,0	79,5	84,3	147,0	124,7	38,0
Sapallitepa	187,7	136,3	73,3	133,5	96,9	71,5	130,5	50,7	25,2	42,4	33,6	81,6	85,4	135,6	122,9	34,1
Jarkutan	189,0	138,6		134,5	93,6	75,2	131,7	49,7	24,8	43,0	34,1	81,3	84,6	136,8	125,4	32,0
Tigrovaya Balka I, II, III, IV, Makoni-Mor	188,4	136,9	72,8	134,9	97,3	71,8	131,8	51,6	24,7	42,4	31,2	77,3	83,4	135,6	122,4	35,8
Early Tulkhara	196,0	138,0	70,2	142,0	97,8	77,0	139,0	52,6	25,4	46,6	34,0	73,3	88,0	133,6	127,7	39,6
Kzyl-Rabat	205,0	127,0	61,9		92,0	83,0		58,0	26,0	44,0						
Dalverzin	193,0	140,0	72,5	138,0	97,0	70,0	133,0	48,5	25,0	41,0	31,0	87,5	85,5	134,0	129,0	25,0
Vuadie	199,3	133,8	[67,1]		102,2	71,3	137	50,9	26,0	45,8	31,2			135	130	36,0
Zaman-Baba	188,5	140,5	74,5	131	101,0	76,5	128,5		24,2	44,5	36,5			132,3	134,6	
Chust	190,9	130,7	[68,5]	136,1	89,8	72,4	124	53	23,90	43,2	33,2	78	87,5	142	117	37,0
Koksha 3	186,1	138,1	74,4	141,1	98,4	68,4	133,4	51,5	23,5	43,2	30,9	80,3	82,9	137,2	129,6	30,7
Tepe-Hissar III	188,9	134,3	[71,1]	135,4	95,6	70,2	128,3						86,2		124,3	
Tastybutak	189,2	133,5	[70,6]	136,6	91,7	66,5	129	49,5	24,20	39,7	30,7	84,5	84,5	131,7	124	34,0
K.El.Patm	199	140,3	70,5	139	103	75,7	136,3	53,3	26,70	42	33,0	82	77	140,7	122,3	31,5
Sarai Khola	183,2	141,9	[77,5]	130,1	98,4	68,8	133,1	52	24,60	41,4	34,3					
Harappa R37	187,5	133,3	[71,1]	133,8	95,2	70,6	131,3	51,9	26,70	42,4	33,9					
Harappa H-II	189,1	144,7	[76,5]	134,8	95,8	70,3	136	52,7	25,50	40,6	34,5					
Harappa HI	187,3	138	[73,7]	135	96,8	65,5	133,5	49	27,00	41,8	31,8					
Harappa Ar G	180,8	138	[76,3]	133,5	98,5	66,6	127,9	50,7	25,70	40,6	32,1					
Mohendjo-daro	186,5	129,4	69,3	134,8	92,6	67,7	127,8	49,1	23,7	38,9	32,7					
Lothal	179,7	144	[80,1]		98,7	68,3		47	26,50	42,1	32,3					

центральных областей Средней Азии эпохи неолита и бронзы, но и синхронное и более раннее население Передней и Южной Азии.

В то же время, учитывая, что по многим краниометрическим и угловым характеристикам гонурская серия демонстрирует вариацию от самых малых до самых больших величин признаков, есть веские основания говорить о ее неоднородности как в смысле фиксации более архаичных (например, встречающиеся крайне низкие углы наклона лба, удлинённая и узкая форма альвеолярной дуги, относительно широкие и низкие орбиты) и более прогрессивных форм, так и в наличии веддоидной примеси (наличие общего лицевого и альвеолярного прогнатизма на нескольких черепах, выраженная платиринния), свидетельствующей об участии в сложении антропологического типа гонурцев компонента, восходящего своими корнями к древнейшему населению Среднего Востока (от Месопотамии до Северной Индии). Наличие в серии черепов, достаточно уплощенных в лицевой области (большие величины назомаллярного и зигомаксиллярного углов), общая конфигурация мозгового и лицевого скелета сближает ее с синхронным населением Северо-западного Пакистана (могильники в долине Свата). Ряд других признаков (грацильность строения, лептопрозопия, верхняя высота лица) сближает данную группу с населением южных районов Узбекистана. Фиксация же в группе мезокраниальных типов среди женских черепов и, особенно, брахикраниальных и мезокраниальных среди мужских — свидетельствует о ее безусловных связях с регионом Передней Азии, ее центральной части.

Остеология

Остеологический материал был получен на раскопках некрополя города Гонур-депе в археологической экспедиции осенью 2000 года. Костяки имели очень плохую сохранность и в связи с этим нами практически не был изучен ни один полный скелет. Всего измерению подвергались останки 37 особей, из них 21 — мужчины и 16 — женщины. Некоторые длиннотные размеры костей восстанавливались по формулам Н.Н. Мамоновой. Для сравнительного анализа в таблицах с индивидуальными данными указаны только размеры правых костей или пересчитанных по формулам Г.Ф. Дебеца левых на правые.

Плечевая кость мужчин в среднем имеет ма-

лые¹ размеры длины. Ширина обоих эпифизов также довольно мала. Судя по диаметрам середины диафиза и его наименьшей окружности, плечевая кость у мужчин очень грацильна. Об этом говорит и указатель массивности (19). Форма диафиза по указателю сечения (87) близка к округлой.

У женщин длиннотные размеры плеча имеют средние значения. По наименьшей окружности диафиза и диаметрам его середины женщины имеют средние значения массивности плечевой кости. По форме плечевая кость не столь округлая как у мужчин (указатель сечения =81).

Кости предплечья. Мужчины обладали длинными и массивными лучевыми костями (индекс массивности — 17,7). Указатель сечения — около 80, что говорит о малой уплощенности лучевых костей и слабом развитии межкостного края. Локтевая кость мужчин имеет малые длиннотные размеры и очень малые обхватные. Указатели сечения и платолении говорят о близкой к округлой форме диафиза и уплощенности с боков локтевой кости на уровне нижней точки лучевой вырезки.

Лучевая кость женщин в отличие от мужчин имеет малые размеры и довольно грацильна, форма диафиза более уплощенная в передне-заднем направлении. Средние значения размеров локтевой кости у женщин сочетаются с округлой формой диафиза и меньшей латеральной уплощенностью его верхнего края.

Ключица. Эти кости у мужчин и у женщин хоть и различаются своей длиной, но по указателю массивности практически идентичны.

Бедренные кости мужчин имеют малые значения срединных диаметров и очень большие длиннотные размеры. Вероятно, поэтому и указатель массивности их очень низкий (17,5). Для женских бедренных костей характерны средние размеры длины и окружности середины диафиза. Бедренная кость женщин оказывается более массивной, чем у мужчин. Для особей обоих полов характерно слабое развитие пиястра и наличие платимерии (уплощенности) в верхнем конце диафиза.

Большеберцовая кость. У мужчин большеберцовые кости, как правило, длинные и грацильные. Они у них отличаются и по форме диафиза — платикнемией, т.е. саблевидностью. Для женщин характерны средние по длине и массивные большеберцовые кости. Диафиз большой берцовой кости у женщин мезокнемичен, т.е. кость более округлая, чем у мужчин.

Таз. Ширина монтированного таза измерена всего лишь в двух случаях, поскольку трупопо-

¹ Здесь и далее имеется ввиду масштаб изменчивости признака внутри одного пола, в данном случае — среди мужчин.

ложение на боку, как правило, приводит к разрушению нижней половины таза. У мужчины оказался довольно узкий таз. Таз женщины был средних размеров.

Таким образом, совершенно, очевидно, что по развитию длинных костей мужчины и женщины изучаемой популяции отличаются друг от друга. Кости нижних конечностей более длинные и грацильные у мужчин. Плечевые кости у них также более грацильные, чем у женщин, хотя и достаточно короткие. Только кости предплечья (особенно лучевые кости) у мужчин относительно массивны. Мужчины выделяются также саблевидной формой диафиза большеберцовой кости.

Реконструкция физического типа

Указатели пропорций представлены в табл. 12. Они свидетельствуют, что население Гонур-депе характеризовалось относительно более длинными дистальными сегментами конечностей (голенью, предплечьем) и при этом относительно короткими верхними конечностями.

Таблица 12

Указатели пропорций верхних и нижних конечностей скелетов из некрополя Гонур

X	N		Min		Max			
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
Интермембральный индекс (ImI)	2	2	68,8	68,7	68,9	69,3	68,8	69
Берцово-бедренный индекс (TFI)	3	6	80,8	78,3	87,3	85,4	83	82,5
Луче-плечевой индекс (RHI)	3	2	79	77,5	81,3	78	80,5	77,7
Плече-бедренный индекс (HFI)	7	4	63,3	69,1	74,5	72,7	69,3	71,2
Луче-берцовый индекс (RTI)	3	2	63,8	67,2	68,7	68,4	65,8	67,8

Рассчитанные индексы скелетов по Мануври помещены в табл. 11. Величины индекса свидетельствуют, что как мужчины, так и женщины имеют, скорее мезоморфные пропорции, несмотря на практически общую грацильность костяка.

Определение длины тела производилось по трем формулам — по Бунаку (7 мужчин и 8 женщин); по Дюпертю и Хэддену (на основании размеров бедренной кости — 15 мужчин и 11 жен) и по Дюпертю и Хэддену (на основании других длинных костей — 11 мужчин и 9 женщин). Рост индивида определялся, когда это было возможно как среднее между тремя рассчитанными значениями. Всего оказалось возможным определить длину тела у 20 мужчин и 15 женщин. Средний рост женщин оказался равным 156,2 см (при минимальном — 142,3 см, а максимальном — 165,4,

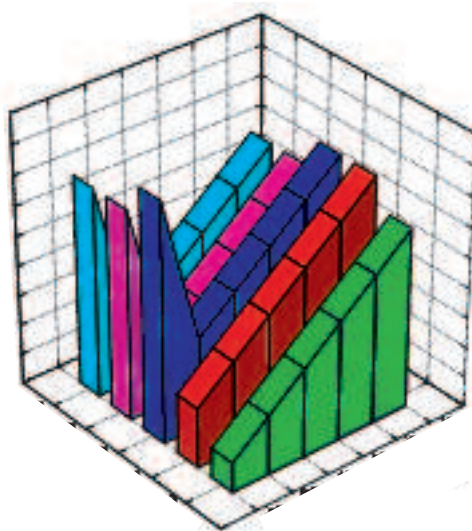

Рис. 2 Множественная диаграмма сопоставления мужских групп по указателям пропорций и длине тела

Условные обозначения: J. > Джаркутан; S. > Сапаллитепа; H. > Хараппа; K. > Кателай; G. > Гонур; St > длина тела; ImI > Интермембральный указатель; RHI > Луче-плечевой указ.; HFI > Плече-бедренный указ.; RTI > Луче-берцовый указ.; TFI > Берцово-бедренный указ.

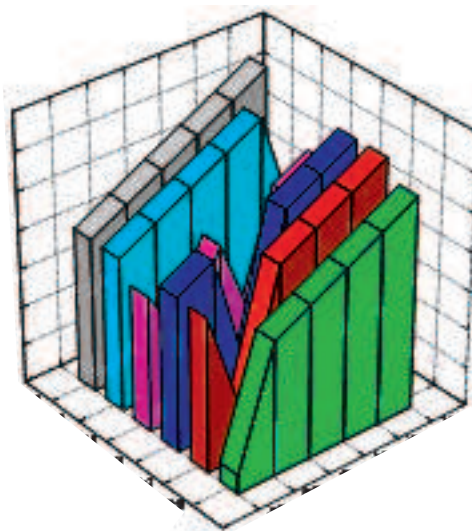

Рис. 3 Множественная диаграмма сопоставления женских групп по указателям пропорций и длине тела

Условные обозначения: J. > Джаркутан; S. > Сапаллитепа; T. > Тимаргарха; H. > Хараппа; G. > Кателай; G. > Гонур. Обозначение признаков те же, что и на рис. 2.

**Средние размеры основных остеометрических показателей населения
Средней, Южной и Передней Азии в эпоху бронзы**

Серия (Series)	Jarkutan ¹		Timargarha ²		Sapallitepa ³		Harappa ⁴		Katelai ⁵	
Признак (Trait)	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
Наибольшая длина плечевой кости (1) (LH)	319,6	295,3	324,1 (7)	311,2 (4)	304,7	287,8	341,2 (7)	294,2 (5)	325,3 (2)	310,2 (3)
Указатель массивности п.к. (MIH)			19,5	17,5			17,5	18,2	17,1	16,3
Наибольшая длина лучевой кости (1) (LR)	257,2	227,4		237 (2)	240,8	221,7	251 (1)	221 (1)	243,4 (4)	235,8 (3)
Указатель массивности л.к. (MIR)			18,3 (6)	17,7			16,8	18,3		
Наибольшая длина локтевой кости (1) (LU)			265,3 (3)	249,5 (2)			246,5 (2)	234 (4)	272,2 (4)	
Указатель массивности лок.к. (MIU)			16,2	15,1			13,1	12,8		
Длина бедренной кости в естест.пол. (LF)	449,1	420,3	456,3 (9)	421,3 (6)	426,3	396,5	506 (3)	404,8 (2)	461,5 (2)	452,7 (3)
Указатель массивности б.к. (MIF)			19,5	19,2			17,8	19,9		
Полная длина большеберцовой кости (1a) (LT)	383,5	351,0	381,3 (9)	352,5 (2)	360,3	344,0	433,5 (2)	348,3 (4)	372,4 (5)	352 (1)
Указатель массивности бб.к. (MIT)			20,9	20,4			19,7	19,4		
Длина тела по Мануври (SM)	168,9	158,5	168,2	159,1			171,3 (18)	159,2 (12)	169,8	164,8
Длина тела по Дюперию (SDu)							174,1	160,9		
Длина тела по Пирсону (SP)	168,0	156,7			160,5	151,8	169,2	155,5		
Длина тела по Бунаку (SB)	168,0	159,6			163,3	154,2				
Длина тела по Дебцу (SDB)	166,5	157,5			159,7	151,8				
Длина тела по Троттеру и Глезеру (STG)	171,5	159,9	171,9	161,2	169,8	159,0			171,2	165,5
Усредненная длина тела (S)	169,4	158,5	170	160	163,3	155,0	171,5	158,5	170,5	165,2

а S=7,18), а мужчин — 173,0 см (при вариации от 165,5 см до 181,8 см, и S=4,96).

Таблица 13

Значения индекса скелетности по Мануври

„ погребения (graves)	Пол (Sex)	Индекс скелетности (Is)
921	жен	88,46
1232	жен	86,06
1307	жен	84,96
1481	жен	89,60
1510	жен	89,39
1220	муж	87,26
1413	муж	85,50
1461	муж	89,00
1531	муж	90,30

Итак, проведенное остеологическое исследование показывает, что изученное население Гонура можно описать следующим образом: 1. Мужчины были грацильны, мезоморфны. Они имели конечности с относительно удлиненными голенью и предплечьем. Последнее было довольно хорошо развито. Верхние конечности были несколько коротки. Мужчины имели рост чуть выше среднего. 2. Женщины характеризовались более массивным костяком, были в большинстве своем мезоморф-

ны. Они также имели относительно удлиненные голень и предплечье, несколько более короткие руки и рост ниже среднего.

Сравнительный анализ

Для сравнительного анализа привлечены данные из синхронных могильников близлежащих территорий: Сапаллитепа, Джаркутан (Южный Узбекистан), Хараппа, и Кателай (Сват, Западный Пакистан) (табл. 14).

Сравнительный анализ остеологических серий из Средней и Передней Азии эпохи бронзы показал, что, женщины в исследуемых популяциях в основном, относительно низкорослы, а мужчины имеют рост немного выше среднего. Разница в росте между мужчинами и женщинами практически во всех популяциях изучаемого региона составляет около 10 см. Графическое сопоставление серий (рис. 2, 3) показывает, что по характеру формирования продольных пропорций и общей длины тела наблюдается близость мужских серий из Гонура и Джаркутана. Гонурские женщины обнаруживают близость по ряду параметров с женщинами Кателай и Джаркутана.

Опираясь на предположение, что пропорции имеют довольно древнее формирование и более устойчивы к факторам среды, можно сделать предположение о том, что как женская, так и

мужская части популяции находят сходство в длине и пропорциях тела и с местным населением и с жителями более юго-восточных регионов.

Одонтология

В программу исследования был включен традиционный набор признаков, дополненный некоторыми характеристиками — индикаторами экологической специфики земледельческого населения — показателями распространенности кариеса, пародонтита и гипоплазии эмали зубов и общего показателя заболеваемости зубной системы (наличие отмеченных заболеваний хотя бы у одного индивида). Кроме этого, в программу исследования вошли и некоторые метрические показатели отдельных зубов. По принятой в отечественной одонтологии практике мы придерживались методики, изложенной в работах А.А. Зубова (1968, 1973).

Основной целью этого сообщения была характеристика древнеземледельческого населения некрополя Гонур и определение его места среди древних популяций. Основные маркеры зубной системы приведены в табл. 15. Одонтологическое население, оставившее некрополь в Гонуре, характеризовалось особенностями западного одонтологического ствола: довольно низкими частотами лопатообразных верхних резцов, варианта 1ра(3) — 10,3% (n=29), очень низкими частотами дистального гребня тригониды и коленчатой складки метакониды, добавочного промежуточного бугорка (tami), значительной, но пониженной по европеоидному масштабу частотой бугорка Карабелли, что характерно для южных европеоидов. У гонурцев отмечена тенденция, правда, незначительная, к редукции верхнего латерального резца (6,1% балла 1) при достаточно крупных по абсолютным размерам передних зубах. Редукционные процессы в верхней челюсти выражены слабо. Так, общий балл редукции метаконуса ряда моляров составляет 1,836 балла, что характерно в целом для западного ствола и европеоидов, в частности. Редукция гипоконуса по современному масштабу незначительна (3-бугорковые моляры встречаются с частотой 33,3%), однако, в скифо-сарматское время эта величина была самой обычной для евразийских популяций. Частота 4-бугорковых вариантов M² свидетельствует об экваториальной примеси в составе изучаемой популяции. Южно-европеоидную ориентацию группы дает такой показатель одонтоглифики, как вариант 2 med (II), частота которого достигает 27,1%. Вполне европеоидными показателями отличается популяция по встречаемости косого гребня на верхних молярах: на M¹ — 77,8%, на M² — 50,5%, на M³ — 16,7%. Очень велика частота расщепления корня первого верх-

него моляра — 61,9% (n=63).

Таблица 15

Основные одонтологические характеристики древнеземледельческого населения Гонура

Признаки	N	%	Признаки	N	%
Лопатообразность (Sh)O ¹	103	16,5	M ¹ (6)	138	5,8
Лопатообразность (Sh)O ²	74	27,0	M ¹ (5)	138	75,4
Редукция (R) O ¹ (1 балл)	66	6,1	M ¹ (4)	138	18,8
Бугорок Карабелли (Cc)	107	38,3	M ¹ (Y)	98	86,7
M ² (3+,3)	135	33,3	M ¹ (+)	98	6,1
Дистальный гребень (Dc)	80	6,25	M ¹ (X)	98	7,1
Эпикристин (Ep)	79	6,3	M ² (6)	148	1,35
Коленчатая складка (Dw)	52	11,5	M ² (5)	148	13,5
Tami	112	1,9	M ² (4)	148	83,1
Общий кариес (Car)	229	28,8	M ² (3)	148	2,0
Пародонтит (Par)	169	59,2	M ² (Y)	131	18,3
Гипоплазия (Hyp)	165	53,8	M ² (+)	131	33,6
Зубные патологии (Path)	192	85,4	M ² (X)	131	48,1

Существенна редукция числа бугорков на нижних молярах: 4 — бугорковые формы с высокой частотой отмечены как на первом, так и на втором молярах, что указывает на отнесении популяции к кругу «рацильных одонотипов». На южно-европеоидное происхождение популяции указывает наличие значительной частоты формы X5 на M¹ (7,3%) и M² (9,3%).

Несмотря на отмеченные черты в редукции отдельных элементов зубного ряда, их размеры (табл. 16) очень велики, что было характерно скорее для более древнего населения, чем изучаемая популяция. Раннеэнеолитическое европеоидное население переднеазиатского региона отличала от населения более северных территорий значительная редукция передних элементов зубной системы. Кроме того, следует указать на такую особенность зубов изучаемого древнего населения Гонура, как очень большая толщина зубной эмали — черта восточного одонтологического ствола, наличие геликоидальной стертости моляров и довольно сильное их стирание, характерное в основном неолитическим популяциям. Полагать, что эти характеристики законсервировались, благодаря ограничению контактов населения, не представляется возможным, так как горожане крупного центра, скорее всего, не были изолированы от других городов.

Таблица 16

Основные диаметры коронок постоянных зубов населения Гонура

Пол		♂				♀	
Зубы	Размеры	n	X	S	N	X	S
Верхняя челюсть (Maxilla)							
I ¹	MD	32	9,03	0,43	53	8,09	0,76
	VL	35	7,24	0,55	49	7,01	0,49
I ²	MD	22	7,32	0,61	41	6,47	0,57
	VL	24	6,72	0,55	42	6,36	0,57
M ¹	MD	40	11,28	0,57	45	10,20	0,64
	VL	46	12,36	0,60	57	11,45	0,72
M ²	MD	33	10,59	0,77	62	9,59	0,65
	VL	30	11,96	0,86	64	11,08	0,74
M ³	MD	16	9,51	0,56	29	9,03	0,87
	VL	14	10,98	0,58	30	10,3	1,01
Нижняя челюсть (Mandibula)							
I ¹	MD	18	5,89	0,33	32	5,52	0,47
	VL	18	6,05	0,50	31	5,91	0,53
I ²	MD	16	6,24	0,47	24	5,72	0,47
	VL	15	6,40	0,81	25	5,98	0,40
M ¹	MD	35	11,63	1,02	41	11,06	0,56
	VL	41	10,61	0,72	49	10,18	0,57
M ²	MD	28	11,26	0,52	50	10,71	0,59
	VL	31	10,38	0,52	56	9,81	0,55
M ³	MD	14	10,05	0,72	24	10,29	0,81
	VL	14	6,22	0,59	28	9,64	0,66

Таким образом, тенденция к редукции отдельных элементов, намечающаяся в различных классах зубов, сопровождается в изучаемой группе появлением редуцированных форм верхнего латерального резца, очень высокой частотой 4-бугорковых форм первых нижних моляров, наличием прогрессивных типов узоров на M¹⁻². Этот комплекс характеристик при значительной массивности зубов позволяет отнести данную популяцию к кругу грацильных южно-европеоидных форм с экваториальной примесью (восточного одонтологического ствола). На последнее обстоятельство указывает также массивность коронок всего зубного ряда, особенно коренных зубов, что может быть, вероятно, объяснено включением в состав гонурской популяции той части населения, которая генетически связана с древнейшим населением азиатского континента — веддоидами.

Важным расово-диагностическим показателем является интердентальный индекс верхних резцов: отношение мезиодистального диаметра латерального резца к аналогичному размеру медиального. В мужской части популяции его частота составляет 81,49%, в женской — 80,09%. В европеоидных выборках индекс варьирует от 75 до 78%,

в монголоидных — от 82 до 84%, экваториальная раса занимает по этому показателю промежуточное значение, как и выборка из Гонура.

По модулям коронок как отдельных моляров, так и ряда моляров мужчины характеризуются макродонтией, у женщин эти показатели на границе мезо- и макродонтии (табл. 17-18), исключением являются характеристики третьих моляров, по которым у мужчин регистрируется мезодонтия, а у женщин — микродонтия. Представителей экваториальной расы характеризуются большим, чем европеоиды модулем ряда моляров (10,75 мм), т.е. можно говорить о том, что мужчины из некрополя Гонура имели существенную экваториальную примесь.

Из зубных патологий существенно, что распространенность кариеса довольно высока для этого периода, это указывает на принадлежность популяции к западному одонтологическому стволу, у представителей которого, вероятно, заболевание обусловлено генетически. Высока частота гипоплазии эмали у взрослого населения, различия между полами несущественны. Достоверны различия между мальчиками и девочками в период I и II детства, что свидетельствует о более высокой резистентности организма девочек к инфекционным заболеваниям. Распространенность гипоплазии достигает 52,2% у мальчиков и 28,6% у девочек. Пародонтит (пародонтит) также был часто встречающимся заболеванием. В случае нашего исследования показатель его встречаемости несомненно занижен, так как учесть вторую и третью стадии заболевания из-за фрагментарности материала было невозможно. Следует отметить лишь высокую частоту распространения пародонтита в древних популяциях, что было обусловлено повышенными нагрузками на зубно-челюстной аппарат (технология приготовления пищи, использование зубов в качестве «рабочего инструмента» для выделения растительных и животных волокон и др.). Суммарный показатель зубных заболеваний очень велик и несомненно отражает как дефицит отдельных микроэлементов в пище и воде, так и в целом не вполне благоприятную экологическую обстановку в месте обитания популяции, опосредованно влияющую на генофонд популяции. Возможно, именно этим и объясняется действие селективного отбора, приведшего к сокращению численности мужской части популяции.

Таблица 17

Модули коронок (m cog) и индексы коронок (I cog) моляров у населения Гонура

Сопоставление серии из Гонур–депе с древними сериями эпохи бронзы античного времени по основным одонтологическим признакам

Могильники	Gonur	Altyn–depe	Sapallitepa	Jarkutan	Dalverzin	Gurmiron	Shakhristan	Eastern Pamirs
Хронология (Ch)	III II тыс. до н.э. (1)	III II тыс. до н.э. (2)	II I тыс. до н.э. (3)	II I тыс. до н.э. (4)	2 в. до н.э. 3 в. н.э. (5)	1 в. до н.э. 1 в. н.э. (6)	9 в. н.э. до н.э. (7)	7 2 вв. (8)
Исследователь (Rs)	Рыкушина (R)	Рыкушина (R)	Ходжайов (Khj)	Рыкушина (R)	Рыкушина (R)	Рыкушина (R)	Рыкушина (R)	Халдеева (Khl)
Лопатообразность (Sh) ¹	16,5	21,4	7,4	12,6	0,0	0,0	8,3	7,1
Дистальный гребень (Dc)	6,25	14,8		3,8	11,8	0,0	6,7	9,5
Коленчатая складка (Dw)	11,5	23,1		11,0	14,3	0,0	13,3	11,9
M ¹ 6	5,8	2,4	3,7	1,0	3,8	8,3	0,0	1,9
M ¹ 4	18,8	18,1	33,3	5,3	32,2	8,3	23,8	22,6

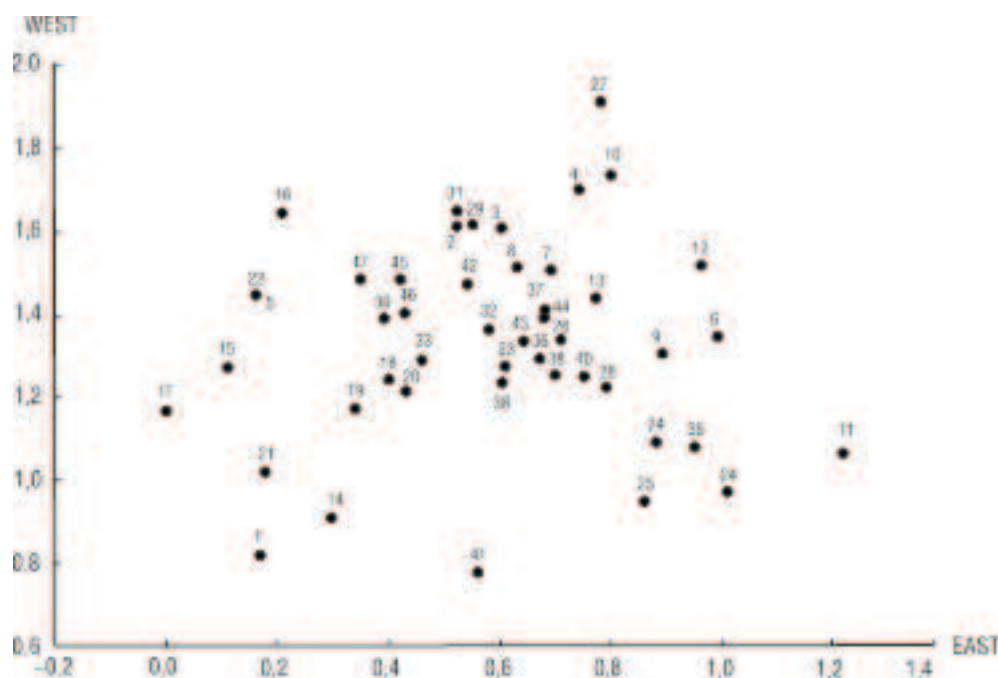

Рис. 4 Сравнение современных и древних одонтологических серий по сумме признаков западного и восточного одонтологического стволов

Обозначение групп: 1. Гонур; 2. Сапаллитепе; 3. Джаркутан; 4. Алтындепе; 5. Бронза Таджикистана (суммарно); 6. Алтын-асар 4 (Приаралье); 7. Андроновцы Северного Казахстана; 8. Андроновцы Минусинской котловины; 9. Андроновцы Верхней Оби; 10. Афанасьевцы; 11. Окуневцы; 12. Карасукцы; 13. Тагарцы; 14. Мезолит Украины; 15. Неолит Украины; 16. Срубники Украины; 17. Ямники Украины; 18. Скифы Украины; 19. Население Молдавии эпохи бронзы; 20. Население Молдавии эпохи железа; 21. Могильник Самтавро, Грузия (железный век); 22. Бронза Таджикистана; 23. Современные таджики; 24. Могильник Аймырлыг; 25. Могильник Кокель; 27. Современные узбеки; 28. Современные туркмены; 29. Современные эфиопы; 30. Джаты; 31. Ахиры; 32. Гуджары; 33. Чамары; 34. Раджпуты; 35. Ораоны; 36. Мунда; 37. Маратхи; 38. Каястхи; 39. Нава-будху; 40. Бхилы; 41. Паора; 42. Бенгальцы (высшие касты); 43. Бихарцы (высшие касты); 44. Брахманы дешастха ригведи; 45. Читтаваны; 46. Цыгане (г. Сливен, Болгария, христиане); 47. Цыгане (г. Сливен, Болгария, мусульмане); 48. Цыгане (София, Болгария)

Моляры	σ		φ	
Параметры	M сог	I сог	M сог	I сог
M ¹	11,84 (39)	109,7 (39)	10,89 (44)	113,71 (44)
M ²	11,25 (30)	114,07 (30)	10,33 (60)	115,65 (60)
M ³	10,16 (14)	117,48 (14)	9,64 (29)	114,03 (29)
M ¹	11,23 (35)	90,73 (35)	10,59 (40)	91,92 (40)
M ²	10,80 (27)	91,92 (27)	10,25 (50)	91,42 (50)

M ³	10,47 (14)	108,4 (14)	10,00 (24)	94,78 (24)
----------------	------------	------------	------------	------------

Таблица 18

**Модули коронок ряда моляров (m сог)
у населения Гонура**

Пол	¹⁻³ M	M ¹⁻³
σ	11,08	10,83
φ	10,47	10,28

Положение гонурской популяции среди древних и современных серий можно определить по усредненным радианным характеристикам признаков восточного одонтологического ствола (лопатообразные формы I?, дистальный гребень тригониды, коленчатая складка метакониды, М₁ 6) и западного — бугорок Карабелли, М₁ 4, М₂ 4 (табл. 19, рис. 4). С сожалением, приходится констатировать тот факт, что мы не владем оригинальными материалами по многим древним сериям, недостаточна информация и по современным экваториальным группам, хотя указания на наличие экваториальной примеси имеются при анализе как описательных, так и метрических маркеров. Тем не менее, основное направление связей этот тип анализа позволяет выявить. Для выяснения характера этой примеси в суммарный график внесены группы с территории Западной и Южной Азии и Восточно-Африканского побережья.

Серия из Гонура отличается по комплексу признаков как от древних, так и от современных европеоидных серий ослаблением комплекса признаков западного одонтологического ствола, причем восточные особенности выражены нечетко. Определяя одонтотип этой популяции, можно сделать предположение об отнесении ее к группе недифференцированных типов, либо о ее метисном характере. В любом случае, население, захороненное в некрополе Гонура занимает окраинное положение, обнаруживая по уровню черт восточного комплекса сходство с большинством древних европеоидных серий, а по выраженности западного комплекса — сближается с современным населением Южной и Юго-Восточной Азии (ораонами, мунда и вьетами). Последнее обстоятельство дает возможность предполагать, что определенная специфика гонурской популяции обусловлена контактами с представителями этого региона или она является частью того древнего антропологического субстрата, который был некогда довольно широко распространен на территории Передней Азии и Северной Индии.

К палеопатологии некрополя Гонура

Плохая сохранность костного материала и современные природные условия на месте раскопок (повышенная инсоляция, сильные ветра, крайне низкая влажность воздуха), а также постоянная работа на памятнике лишь одного антрополога О. Бабакова при одновременном вскрытии более 10 захоронений не позволили достаточно подробно зафиксировать частоту встречаемости разного вида патологических изменений.

Часть из них, касающаяся зубной системы, кратко освещена в разделе, посвященном одонтологии. Здесь мы имеем возможность остановиться на характеристике отмеченных прижизненных изменений посткраниального скелета, связанных с различными заболеваниями, в том числе обусловленных задержкой общих ростовых процессов в организме.

Прежде всего остановимся на захоронениях в уже упоминавшихся обоженных ямах. Так, в погр. 1141, на глубине 60 см от дневной поверхности были обнаружены останки индивида небольшого роста. Костяк был уложен в скорченном положении, на боку, лицом на юг. Какой-либо погребальный инвентарь в могиле отсутствовал. Сохранность скелета была плохой, однако, ряд костей удалось зафиксировать и детально изучить.

Череп имел только часть лицевых костей. Мозговая коробка была представлена лобной костью и нижней частью чешуи затылочной кости. Об общих размерах черепа можно было судить по затвердевшему субстрату, попавшему в его полость и сохранявшему его форму. Поэтому ряд измерений удалось взять только на лицевом скелете (табл. 20).

Как видно из данной таблицы, лицевой скелет изучаемой особи имеет малые значения верхней высоты лица и средние значения полной высоты. При малой средней ширине лицо данного индивида характеризуется большим размером верхней ширины. Нос имеет малую высоту и большую ширину, а в орбитах при средней ширине отмечается малая высота. Лоб довольно широкий. Нужно отметить, что полученные размеры оценивались по рубрикам для взрослых мужчин без учета изменений ростовых процессов. Указатели черепа показывают, что индивид имел платиринный (низкий и широкий) нос, прямоугольные (средне широкие и низкие) глазницы и мезопрозопное (низкое и очень узкое в средней части) лицо. Кроме описанных характеристик, на верхней челюсти был отмечен альвеолярный прогнатизм.

Таблица 20

Основные краниологические характеристики черепа из погр. 1141 (мм)

Номер по Мартину	Признаки	
9.	Наименьшая ширина лба	107
48.	Верхняя высота лица	67
47.	Полная высота лица	119
43.	Верхняя ширина лица	111
46.	Средняя ширина лица	89

Таблица 21

Результаты измерений посткраниального скелета 1141 (мм)

Признак (Ch)	Rt	Lf	Признак (Ch)	Rt	Lf
Плечевая кость (H)			Лучевая кость (R)		
Верхняя эпифизарная ширина на уровне хирург. шейки (UB)		24,5	Физиологическая длина (PhLR)	116,0 (?)	
Сагиттал. диаметр (SDH) на уровне хирург. шейки		26,5	Поперечный (TDR) диаметр диафиза	13,0	
Наиб. диаметр середины диафиза (Mdh)	19,8	19,0	Сагиттальн. (SDR) диаметр диафиза	9,0	
Наим. диаметр середины диафиза (Mdh)	13,0	14,0	Наим. окружность диафиза (MCR)	30,0	
Окружность середины диафиза (MCH)		55,0	Ширина нижнего эпифиза (BR)	31,2 (?)	
Ширина нижнего конца на уровне середины локтевой ямки (Bup)	38,5		Длина лучевой шероховатости (Lar)	18,5	
Ширина локтевой ямки (Bfc)	20,3		Длина bf (bf) (по Мамоновой)	98,5	
Ширина отверстия между локтевой и лучевой ямками (BB)	1,3		Длина bd (по Мамоновой) (bd)	105,0	
Глуб. локтев. ямки (Dlc)	11,0		Бедренная кость (F)		
Длина дельтовидной шероховатости (Lda)		31,0	Длина ch (ch) (по Мамоновой)	182,0	
Высота дельтовидной шероховат. от уровня серед. диафиза (Hda)		9,0	Сагиттальный диаметр середины диафиза (SF)	20,0	20,6
Длина «комбинированной» плечевой кости от хирург. шейки до верхн. края локтевой ямки (Lh)	112,0		Поперечный диаметр середины диафиза (TF)	19,0	19,0
Длина bd (по Мамоновой) (bd)	107,0		Верхний сагитт. диаметр (USF)	26,0	28,5
Локтевая кость (U)			Верхний поперечный диаметр (UTF)	26,0	25,0
Физиологическая длина (PhLU)	108,5		Окружн. середины диафиза (CF)	61,8	61,0
Передне-задний диаметр	12,0	12,8	Дл. шей. бед. (Lsf)		31,0
Поперечный диаметр (TU)	11,2	10,7	Нижн. шир. латер. мыщелка (LBcl)	19,0	
Верхний поперечный диаметр (UTU)	15,3	15,2	Глубина межмыщелк. ямки (Lfi)	20,0	
Верхний дорзо-волярный диаметр (UDU)	23,0	21,1	Сагитт. диаметр латерального мыщелка (Sci)	51,2	
Наим. Окружность	38,5	33,5	Большеберцовая кость (T)		
55. Высота носа					50
54. Ширина носа					29
51. Ширина орбиты от mf					42
52. Высота орбиты					32
54:55. Носовой указатель					58,0

52:51.	Орбитный указатель	76,2
48:46.	Верхний среднелицевой	75,3
(Cr)	Глубина клыковой ямки	2.
(Mr)	Сосцевидный отросток	2.
(gl)	Надпереносье	4.
(Sa)	Надбровные дуги	2.

Основываясь на измерительных и описательных признаках, пол исследуемой особи определен как мужской. На это указывают и довольно крупные скуловые кости, достаточное развитие надглазничного рельефа и сосцевидных отростков. Возраст индивида возможно определить только по стертости зубов. Так, на верхних резцах отмечается 3 балла стертости, на клыках — 2–3 балла и на вторых молярах — 3 балла. Подобные параметры стирания зубной коронки соответствуют по М.М. Герасимову возрасту 35–40 лет.

В погребении были обнаружены фрагменты следующих костей посткраниального скелета: правой и левой плечевых костей, правых и левых локтевых и лучевых костей, правого ребра, правой и левой бедренных костей, правой и левой большеберцовых костей, левой малой берцовой кости. Мы попытались осуществить все возможные измерения, которые могут пригодиться для других исследований, часть из них является нетрадиционными. Результаты измерений посткраниального скелета приведены в табл. 21.

Степень развития рельефа на костях еще раз свидетельствует о принадлежности скелета мужчине. По фрагментам костей с использованием методики Н.Н. Мамоновой были восстановлены их наибольшие длины. На основании полученных результатов была рассчитана длина тела индивида, для чего были использованы формулы С. Дюпертюи и Д. Хэддена, разработанные для низкорослых европеоидов с нормальным типом телосложения (табл. 22).

Таблица 22

Основные остеометрические характеристики костей посткраниального скелета (мм) и общая длина тела индивида из погр. 1141 (в см)

Фрагмент (F)	Длина фрагмента (Lf)	Наибольшая длина кости (по Н.Н. Мамоновой) (Lb)	Длина тела (L)
Плечевая (H)			
bd	107	139	129,9
Локтевая (U)			
fg	115	129	
bg	110	131	
Лучевая (R)			
Bf	98,5	115	128,5
Bd	105	119	130,0

Бедренная (F) ch	182	228	125,4
Больше-берцовая (T) af	173	Общая длина 183	132,6
По формуле: $84,898+1,072 (F+T)$			129,0
По формуле: $87,543+1,492 (H+R)$			1) 125,4
			2) 126,1
Среднее значение длины тела (ML)			128,4

По полученным данным видно, что кости конечностей исследуемого индивида в два раза короче, чем у людей с нормальным ростом. Существует большая вероятность того, что данный индивид имел непропорциональный вид: нормальное туловище и короткие конечности, т.е. был карликом. Длина его тела оказалась равной примерно 128,4 см.

Учитывая, что в палеоантропологической литературе редко приводятся описания индивидов с задержкой ростовых процессов, далее мы приводим описание мышечного рельефа и особенностей скелета изученного индивида из погр. 1141. Более подробное описание разных типов задержки ростовых процессов приведено нами в специальной статье (Васильев, Бабаков, Боруцкая, 2001)

Ребро. В раскопе был найден фрагмент правого среднего ребра длиной 12,3 см. Его высота (1,82 см) и слабый изгиб позволяют предположить значительный объем грудной клетки, сопоставимый с таковым нормального человека.

Плечевые кости. На левой плечевой кости отмечается очень хорошее развитие дельтовидной шероховатости. Ее длина составляет 3,1 см, что равно примерно 22,3% от восстановленной длины кости. При этом выступание шероховатости над уровнем середины диафиза кости в месте ее наилучшего развития составляет 0,9 см. Такое развитие дельтовидной бугристости указывает на сильное развитие одноименной мышцы, поднимающей верхнюю конечность до горизонтального уровня и вращающей плечо внутрь и наружу. Подобное развитие бугристости говорит и об особой мощности мышцы, поскольку рычаг для ее работы в данном случае невелик. На левой плечевой кости заметны гребни малого и большого бугорков, но их развитие ближе к норме. Таким образом, в целом можно говорить о высоком значении для трудовой деятельности данного индивида мышц, поднимающих и вращающих плечо.

На правой плечевой кости следует отметить значительную глубину локтевой ямки и даже ее вероятное сообщение с венечной. Данный факт указывает на способность человека сильно раз-

гибать и даже переразгибать руку в локтевом суставе. Такая особенность могла быть полезной в процессе переноса тяжестей над головой. Но, скорее всего, данная аномалия плеча была обусловлена генетически, нежели сформировалась в процессе трудовой деятельности данного человека.

Лучевые кости. Особенность правой лучевой кости — хорошее развитие лучевой шероховатости, что соответствует массивности двуглавой мышцы плеча. Во-первых, это является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье, то есть мышцы, участвующей в процессе поднимания тяжестей вверх. Во-вторых, опять-таки указывает на небольшой рычаг движения. Особенностью правой лучевой кости также является сильное отклонение в латеральном направлении головки и шейки. И наконец, интересной аномалией данной кости является очень сильное расширение дистального конца. Нижняя ширина луча — не менее 5,6 см при вероятной длине кости — 11,5 см. Данная особенность говорит о дополнительном и очень значительном укреплении луче-запястного сустава, и подтверждает мысль о том, что данному индивиду, вероятно, часто приходилось носить тяжести над головой или на плечах.

Локтевые кости. На обеих костях следует отметить сильное выступание межкостного края в средней трети, что указывает на особое развитие длинного разгибателя большого пальца и длинной мышцы, отводящей большой палец. Кроме того, обеим костям присуще сильное развитие дистального латерального гребня, к которому прикрепляется квадратный пронатор. По-видимому, данному карлику в процессе трудовой деятельности приходилось поддерживать груз, лежащий на плечах или поднятый над головой, ладонями и большими пальцами, а пронатор не позволял кисти и большому пальцу поворачиваться назад и таким образом, фиксируя кисть, как бы тоже держал груз. О мощности квадратного пронатора также говорит хорошее развитие латерального края нижнего конца лучевой кости (обеих костей), к которому также прикрепляется эта мышца. Длинный шиловидный отросток правой локтевой кости, возможно, тоже указывает на силу связочного аппарата луче-запястного сустава.

Бедренные кости. Первое, что бросается в глаза, — это сильная скрученность костей. Угол торзiona правой кости составил примерно 38°. Это говорит о том, что бедренные кости были несколько смещены назад и туловище как бы нависало над ногами. Для удержания равновесия тела необходимо было дополнительное укрепление коленного сустава. У данного индивида от-

мечается расширение дистальных частей бедренных костей и увеличение сагиттального диаметра мышелков правой кости (точнее, латерального мышцелка, так как медиальный не сохранился и его параметры можно только предполагать). Ширина нижнего эпифиза — не менее 5,6 см. Особенностью правого бедра также можно считать сильное выступание латерального надмышцелка. Его ширина от уровня бокового края нижней части суставной поверхности мышцелка составляет 0,9 см, при том, что нижняя ширина суставной поверхности — около 1,9 см. При вероятном аналогичном состоянии медиального надмышцелка можно предположить значительное развитие трехглавой мышцы голени — сгибателя колена и разгибателя стопы.

Одним из интересных моментов строения бедренных костей карлика является чрезмерное развитие межвертельной линии, которая фактически имеет вид гребня, сильно выступая над уровнем тела кости, и по протяженности занимает верхнюю треть тела. Межвертельная линия — это место прикрепления подвздошно-бедренной связки, которая тормозит разгибание тазобедренного сустава и участвует в удержании туловища в вертикальном положении. В случае смещения тазо-бедренного сустава назад роль этой связки возрастает, что мы и наблюдаем у данного индивида. Следует также предположить немалую степень развития четырехглавой мышцы бедра, значение которой возрастает при подобном положении ноги, а также при постоянном переносе тяжестей. На бедренных костях карлика можно отметить неплохое развитие шероховатой линии бедра, особенно в нижней части. Не исключено также, что медиальная широкая мышца (головка четырехглавой) прикреплялась и к нижней части межвертельной линии.

Особо следует подчеркнуть слабое развитие ягодичной шероховатости и, следовательно, больших ягодичных мышц обеих ног. При смещении бедра чуть назад нагрузка на большую ягодичную мышцу — разгибатель тазо-бедренного сустава — уменьшается.

Большеберцовые кости. На левой большой берцовой кости заметно значительное расширение верхнего конца и в том числе медиального мышцелка. Поскольку кость с медиальной стороны вогнута, именно внутренний мыщелок испытывал на себе основную весовую нагрузку. Возможно, что и изогнутость кости была обусловлена или ношением тяжестей с юношеского возраста, или О-образной формой ног индивида. Мыщелки удлинены и в сагиттальном направлении. Степень выступания назад медиального мышцелка от уровня тела кос-

ти — примерно 1,7 см. Данный изгиб кости (ее верхней части) скорее всего является следствием смещения назад тазо-бедренного сустава, а, следовательно, и центра тяжести тела.

Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (третьей головки трехглавой мышцы голени), развит очень хорошо. Он не сильно выступает над уровнем тела, но довольно обширен, так что питательное отверстие находится прямо в шероховатости. Выраженность этой бугристости, а также надмышцелков бедра говорит о мощности трицепса голени и, следовательно, об особых усилиях человека при сгибании стопы. Таким образом, мы снова предполагаем, что данному человеку приходилось много ходить и одновременно переносить тяжести.

К сожалению, на костях, практически, не сохранились большеберцовые бугристости, и поэтому нельзя сделать более точное заключение относительно степени развития и тренированности четырехглавых мышц обеих ног.

На левой малой берцовой кости можно отметить хорошее развитие межкостного края. Но, к сожалению, у нас в наличии был лишь фрагмент ее тела. Правая кость в раскопе не сохранилась.

Суммируя описание черепа из погр. 1141 можно говорить о том, что он имеет средние размеры лицевого скелета, характерные для взрослых мужчин. Отмеченные широкий лоб и большая верхняя ширина лица создают впечатление некоторой инфантильности облика индивида. Кроме того, он характеризовался очень широким носом и альвеолярным прогнатизмом. Исследование посткраниального скелета выявило, что он принадлежал мужчине-карлику с укороченными конечностями и, возможно, нормальным туловищем. Длина его тела составляла примерно 128,4 см. Некоторые особенности длинных костей скелета и развитие мышечного рельефа, позволяют предположить, что карлик мог заниматься перенесением тяжестей на плечах, спине или на руках над головой. Это могли быть, например, мешки с зерном, камни, емкости с водой и т.д. Таким образом, обнаруженные в обожженной могиле останки индивида принадлежали, по-видимому, мужчине средних лет, страдающему гипохондроплазией. При подобного рода заболеваниях, связанных с генетическими нарушениями, умственное и половое развитие человека остается нормальным.

Еще один карлик был обнаружен в подбойной могиле (погр. 1172), где в качестве дромоса была использована обожженная яма, хронологически и стратиграфически более ранняя. Подбой

был оформлен в западной стенке дромоса на глубине 130 см от дневной поверхности. Костяк был уложен в скорченном положении, на правом боку, так, что кисти рук располагались перед грудью. Кости черепа оказались полностью раздавленными. Погребальный инвентарь в виде двух керамических сосудов и одного бронзового стержня находились у изголовья. Возраст покойного, определенный по зубам, соответствует 8–9 годам. Сохранность скелета была очень плохой, поэтому зафиксировать кости и измерить их на остеологической доске не удалось. Однако приблизительные длиннотные размеры при помощи ленты нам удалось получить прямо в погребении (табл. 23).

Таблица 23

Основные остеометрические характеристики скелета из погребения 1172

Признаки (Ch)	Размер, мм (Sz)
Наибольшая длина плечевой кости (HL)	161
Наибольшая длина локтевой кости (UL)	140
Наибольшая длина бедренной кости (FL)	225
Наибол. длина большеберцовой кости (TL)	177
Длина корпуса от 1 шейного позвонка (TrL)	380

По данным А.П. Бондырева данные размеры конечностей и корпуса соответствуют мальчикам 4–5 лет или девочкам 5–6 лет. Учитывая реальный возраст, определенный по зубам, и размеры тела индивида, можно сделать вывод о низких темпах роста и развития. Индекс скелетной по Мануври равно 64,5, что указывает на крайнюю брахискелию. Очевидно, что индивид имел очень короткие конечности, даже для столь малого роста. Поскольку к возрасту 8–9 лет ребенок должен пройти первый ростовой скачок и изменить пропорции на долихоморфные, сохранившиеся пропорции по типу «малого ребенка» могут говорить о задержках в развитии данного индивида. Вероятно, перед нами еще один пример непропорционального нарушения роста, которое не всегда бывает выражено в раннем детстве. Подобного рода карликовость связана, как правило, с ахондроплазией или гипохондроплазией. Точный диагноз можно поставить только при наличии черепа.

И, наконец, последнее захоронение (погр. 1555) представляет собой подпрямоугольную (80·65) обожженную изнутри яму, глубиной до 5 м. В нем был обнаружен костяк ребенка около 2–2,5 лет. Он был уложен на правый бок, в скорченном положении, лицом на юг. Необычность этого захоронения заключалась в нестандартной фор-

ме черепа ребенка с явно выраженной отвислостью затылочной части (Табл. 1, №1; 11, №8). Подобная форма мозговой коробки встречается довольно редко и идентифицируется как батрокефалия. Она может указывать на врожденные формы олигофрении с очень низким коэффициентом интеллекта (дебилизм — IQ=51–90). Вероятно, индивиды с батрокефалией могут доживать до взрослого состояния, поскольку имеется ряд примеров этой патологии, обнаруженных на останках взрослых особей из Окуневского могильника.

К этому погребению примыкало другое, больших размеров, где были обнаружены фрагменты костей взрослого индивида, предположительно женского пола. Возможно, мы имеем дело с парным погребением матери и больного ребенка.

Патологические изменения костной системы

Дегенеративно-дистрофические изменения и поражения встречаются во всех суставах и возникают вследствие снижения эластичности суставного хряща, в результате естественного старения, воспалительного процесса, длительной микротравмы или перегрузки. На некоторых скелетах гонурского некрополя в единичных случаях обнаружены такие патологические изменения как деформирующий артроз, спондилоартроз, фиксирующий лигаментоз. В частности, дегенеративно-дистрофические поражения позвоночника — остеохондропатия, встречена в четырех случаях. На одном из них (погр. 410) зафиксирована генерализованная форма спондилоостеохондроза. На краях дисков поясничных позвонков этого скелета имеются сильные костные разрастания — остеофиты, окаймляющие позвонки в виде лепестков роз. Кроме того, на передней поверхности 4-го и 5-го шейных позвонков отмечено мощное окостенение передней продольной связки, характерной для такого заболевания как фиксирующий лигаментоз.

Травматические повреждения костей

На костных останках некрополя Гонура травматические повреждения встречены всего лишь в двух случаях. В одном случае (погр. 1265) отмечен неправильно сросшийся перелом левой ключицы с мощными костными мозолями. В другом — ножевое ранение в спину, где конец лезвия застрял в теле позвонка. Незначительное количество травм и патологических изменений, фиксируемых по имеющимся остеологическим материалам объясняется, как это уже отмечалось, очень плохой сохранностью костного материала.

Болезни людей древней Маргианы были, надо полагать, более разнообразны и не столь редкостны. Однако плохая сохранность остеологических материалов не всегда позволяет судить об этом с исключительной точностью.

Заключение

Антропологическое описание краниологической серии из некрополя Гонура позволяет сделать следующие основные выводы. Земледельческое население Гонура, впитавшее в себя потомков древнейшего населения как южнотуркменистанского, так и соседних территорий, несомненно, относилось к кругу южно-европеоидных популяций, создавших процветающую цивилизацию. Высокая продолжительность жизни и плодovitость населения создавали предпосылки для быстрого роста популяции в условиях города, что в свою очередь со временем стало причиной распространения инфекционных заболеваний, что, вероятно, и было частой причиной потери детей в ранних возрастах и женщин-рожиц в основной репродуктивный период. Зафиксированное по результатам палеодемографического исследования соотношение числа мужчин и женщин свидетельствует о преобладании последних в популяции. Поскольку это не соответствует нормальному биологическому распределению полов (1:1), то можно предположить, что часть женщин (около 36%) могла быть либо включена в состав популяции извне, либо группа населения, пришедшая на новую территорию, вытеснила часть местных мужчин, включив в свой состав местных же женщин. Археологически на данном памятнике не прослеживается стадияльных различий в обряде захоронения и в погребальных приношениях, поэтому, если верно второе предположение, то население, основавшее Гонур-депе и в нем обитавшее, скорее всего, пришло на данную территорию не одной, а несколькими волнами.

Генеральные параметры мозговой коробки черепов гонурского некрополя достаточно типичны для синхронного (эпоха бронзы) населения Среднего Востока от Месопотамии на западе до северо-западной Индии на востоке. Древнейшую основу здесь составляет население, сложившееся в результате длительного метисационного процесса между тропидами (наиболее вероятно, веддо-австралоидами в расовом отношении) и голарктидами (древними европеоидами в расовом отношении). В направлении к северу (в сторону Великой евразийской степи) примесь тропидов уменьшается, а у наиболее отдаленных краниосерий (окуневцы, карасукцы, плиточники Забай-

калья), видимо, отсутствует полностью.

Этот вывод согласуется с изменчивостью других краниометрических и угловых характеристик мозгового и лицевого скелета. По многим из них гонурская серия демонстрирует вариацию от самых малых до самых больших величин признаков, что дает веские основания говорить о ее неоднородности как в смысле фиксации более архаичных и более прогрессивных форм, так и в наличии веддоидной примеси, свидетельствующей об участии в сложении антропологического типа гонурцев также и этого компонента.

Одонтологические параметры серии из Гонура также показывают, что она отличается по комплексу признаков как от древних, так и от современных европеоидных серий ослаблением комплекса признаков западного одонтологического ствола, причем и восточные особенности в ней выражены нечетко. Можно говорить как об отнесении гонурцев к группе недифференцированных одонтологических типов, так и о ее метисном (между западным и восточным одонтологическими стволами) характере. В обоих этих случаях население, захороненное в некрополе Гонура, занимает окраинное положение, обнаруживая по уровню черт восточного комплекса сходство с большинством древних европеоидных серий, а по выраженности западного комплекса — сближается с современным населением Южной и Юго-Восточной Азии (ораонами, мунда и вьетами). Последнее обстоятельство позволяет как связывать определенную специфику гонурской популяции с контактами с представителями этого региона, так и включать ее в тот древний антропологический субстрат, который был некогда довольно широко распространен на территории Передней Азии и Северной Индии.

Анализ остеометрических параметров, несмотря на всю их фрагментарность, позволяет предполагать, что как женская, так и мужская части популяции находят сходство в длине и пропорциях тела и с местным населением и с жителями более юго-восточных регионов.

В целом, учитывая мозаичность изученности как современного, так и древнего населения Переднеазиатского региона по комплексу антропологических особенностей, необходимо отметить, что исследуемая популяция демонстрирует достаточно своеобразный комплекс антропологических черт, который может быть как результатом метисационных процессов (что авторам представляется менее вероятным), так и являть собой древнейшее население Среднего Востока, несопоставимого по степени дифференциации

антропологических особенностей с современными жителями. По изменчивости основных параметров черепа гонурцы, имея достаточно архаичную морфологию и обладая рядом черт, сближающих их с веддоидным населением, находят наиболее близкие параллели с населением южных районов Узбекистана, Северного Пакистана и Северной Индии.

Библиография

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

Алексеев В.П., Ходжайов Т.К., Халилов Х.Х. Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент, 1984.

Алтухов Н.В. Анатомия зубов. М., 1913.

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Новосибирск, 2000.

Бунак В.В. Основные морфологические типы черепа человека и их эволюция // Русский антропологический журнал. 1922, т. 12, Кн. 1-2.

Васильев С.В., Бабаков О., Боруцкая С.Б. Типология ротовых нарушений в антропологических исследованиях // Вестник антропологии. Вып. 7. М., 2001. С. 199-218

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу человека. М., 1955.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968.

Зубов А.А. Этническая одонтология. М., 1973.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. М., 1989.

Кияткина Т.П. Формирование антропологического облика населения Таджикистана. М., 1964.

Кияткина Т.П. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным. Автореферат дисс.... канд. истор. наук. Душанбе, 1965.

Кияткина Т.П. Краниологические материалы эпохи поздней бронзы Южного Таджикистана // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974. С. 22-35.

Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976.

Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе, 1987.

Мамонова Н.Н. Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии, вып. 29. М., 196. С. 171-177.

Пестряков А.П. Дифференциация большой монголоидной расы по данным генерализованных тотальных размеров черепной коробки // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987.

Пестряков А.П. Хронологическая изменчивость тотальных размеров и формы мозгового черепа как показатель единства морфологической эволюции человечества // Расы и расизм. История и современность. М., 1991.

Пестряков А.П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса // Современная антропология и генетика рас у человека. М. 1995.

Пестряков А.П. Географическая и хронологическая изменчивость тотальных размеров и формы мозгового черепа на территории СССР // Единство и многообразие человеческого рода. Часть 1. М., 1997.

Ходжайов Т.К. Антропологический состав эпохи бронзы Сапаллитеп. Ташкент, 1976.

Ходжайов Т.К. Палеоантропология древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.

Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. Ташкент, 1987.

Ходжайов Т.К., Халилов Х.Х. Новые материалы к палеоантропологии древней Бактрии // Советская этнография. 1978. № 5. С. 130-133.

Ходжайов Т.К., Халилов Х.Х. Черепа эпохи бронзы из могильников Джаркутан и Бустан (раскопки 1975 г.) // История материальной культуры Узбекистана. № 14. 1978а. С. 43-50.

Чебоксаров Н.Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии // ТИЭ. Нов. серия. Т. II. М., 1947.

Acsadi Gy., Nemesceri J. History of human life span and mortality. Budapest, 1970.

Alciati G. I resti ossei umani delle necropolis dello Swat (W. Pakistan). P.I. Butkara II // Istituto di antropologia dell'universita di Roma. Roma, 1967.

Bernhardt W. Human Skeletal Remains from the Cemetery of Timargarha // Ancient Pakistan. Bulletin of the Department of archaeology University of Peshawar. Vol. III. 1967. P. 291-407

Bernhardt W. Human Skeletal Remains from the Prehistoric Cemetery of Sarai Khola // Pakistan Archaeology. N 6. 1969. P. 100-115.

Bernhard W. Ethnische Anthropologie von Afghanistan, Pakistan und Kashmir. Stuttgart- N.-Y., 1991

Brothwell D.R. Digging up Bones. L, 1963.

Cappieri M. The Iranians of the Copper Bronze

На остеологический анализ нам был передан материал из нескольких погребений некрополя Гонур-депе, расположенного в 80 км севернее г. Байрам-Али, Республика Туркменистан (раскопки В.И. Сарияниди). Археологическое определение возраста — 2100 лет до н.э.

Пакет 1
Погр. № 1172

Материал: фрагменты трубчатых костей — две большеберцовые, две плечевые и одна бедренная. Все кости без эпифизов, плохой сохранности. Там же были фрагменты ребер и монолит глины с фрагментом черепа и нижней челюсти. Вероятнее всего, все кости принадлежали одной особи. Промеры зубов — P_4 и M_1 , а также нижней челюсти и сравнение их с аналогичными промерами черепов собак различных пород и среднеазиатских волков из коллекции Зоологического музея МГУ позволяют сделать вывод о принадлежности данных остатков крупной собаке. К сожалению, недостаточность коллекционного материала по черепам различных пород собак, а также их несоответствие древним породам, не дают возможность сделать более точное определение. Можно однако отметить, что, судя по промерам, данные остатки принадлежали мощной собаке мастифообразного типа, к которому относятся крупные специализированные и неспециализированные собаки, в частности доги, среднеазиатская овчарка и др., а не борзообразной. Плохая сохранность трубчатых костей не позволяет оценить конституцию собаки.

Пакет № 1
Этикетка: Весна-01. Гонур. Некрополь. Погр. 2087

Материал: несколько фрагментов зубов очень плохой сохранности, сохранились только правый и левый M_1 и правого P_4 . Измерение одного из коренных зубов показало, что скорее всего зубы принадлежали волку, а не крупной собаке, как это было с остатками из погребения 1172, раскопанного осенью 2000 г. Впрочем, из-за ограниченности коллекционного материала и фрагментарности находок нельзя исключить, что это остатки очень крупной собаки.

Пакет № 2
Этикетка: Маргиана-01. Некрополь Гоунра. Погребение 1800. 26.04.2001-07-14

Материал: фрагмент верхнего клыка хищника из семейства псовых. Измерение показало, что скорее всего, зуб принадлежал крупной собаке. В данном случае, говорить о ритуальном погребении животного нельзя, т.к. кроме клыка, других остатков обнаружено не было. Клык же мог быть украшением, амулетом и т.п.

Руководитель Группы исторической
экологии Института проблем экологии
и эволюции им. А.Н. Северцова РАН,
доктор биологических наук

А.Б. Савинецкий

Color

- Plate 1. Grave 1555. Burial of bathrocephal (1); red burned hearth from the chamber 163 of «the complex of funeral rituals» (2); burial in the burned pit grave (3); burial of the dog (4); silver (5) and golden (6) tortoise shells; signal horns (7, 9); head of scepter from the burial 555 (8).
- Plate 2. Ceramic vessels (1-6), silver vases and cups (7-8).
- Plate 3. Ceramic (1-3, 7-9) statuette, gypsum (4) and steatite (5-6) composite statuettes.
- Plate 4. Copper-bronze (1), silver (3) seals and print of cylinder seal (2); «A burial of a stone-carver» (grave 1200); on the left side — a set of tools, on the right side — «wastes» from production and half finished products (4); copper-bronze ceremonial axes (5-8), «crook» and «weight» (9).
- Plate 5. Silver pins (1, 3, 8, 9), golden figure of a sheep or goat without a head (2), silver head of scepter (7), copper-bronze cosmetic bottles (4-6) and vessel (10), mosaic case with a mirror (11), a fragment of a box, decorated by mosaic (12), ivory comb (13).
- Plate 6. Golden items: bangle (1), a chain with stone pendants (4), earrings (5-8), a pair of hollow bracelets (9), a ring (10).
- Plate 7. Golden (1-2, 5-7), full dressed ones, glued on the ends by thin gold rings (3, 4), stone (8-9) beads.
- Plate 8. Silver seals from burials: 570 (1), 555 (2), 1207 (3), 1710 (4).
- Plate 9. Stone items: vessels (1-4, 7), «mascaron» (15), a duck from the burial 1200 (6), shoe model (8).
- Plate 10. Copper-bronze items from the burial 2380 (1)? Copper-bronze head of scepter from the burial 2380 (2), head in a form of mountain ram (3), fragments of the bone human figure (4), ceramic perforated jug (5), human skulls from the burial 367 (a) and 310b (6) (6), cylindrical seal and its print from the burial 2550 (7), a burial of a dog 1939 (8).

Black and white

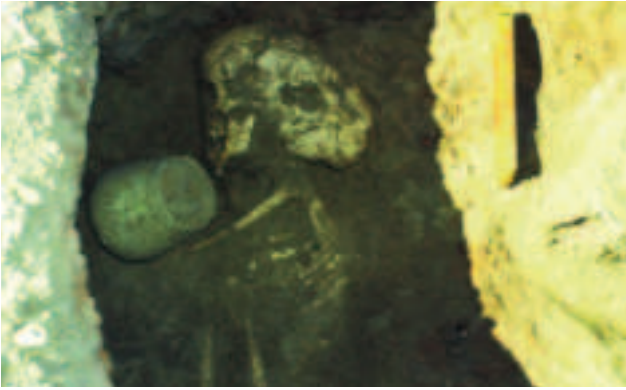
- Plate 11. General view of excavation (1-2), shaft (3-5) and pit (6) graves, skeletons of dwarf (7) and bathrocephal (8).
- Plate 12. Chamber tombs (1, 2), brick partition of entrance to the chamber tomb (3) and opened the same one (4); reconstruction of the arch in the tomb (6); the burial of the horse (7); «dakhma» in the Palace of North Gonur (8).
- Plate 13. Types of burial constructions. Chamber tombs (1-4); shaft grave (5); fractional grave (6); brickwork (7); chamber with niches (chamber 48) in «the complex of funeral rituals».
- Plate 14. 18. Ceramics from the graves.
- Plate 19. Ceramics from the graves (1-7); ceramic statuettes (8-9); gypsum and steatite composite statuettes (10).
- Plate 20. A triangular mirror, daggers (2, 4-6); knife with the wooden handle (3); «cutters» (7, 13); presumably tip (8), cosmetic spades (9-12).
- Plate 21. Stone vessels (1-6, 10-13); stone heads of scepters (7-9).
- Plate 22. Steatite (12), ceramic (5) and glazed pottery (1, 3, 4, 6-11, 13, 14) seals; glazed pottery pendant with two via holes (2); copper-bronze (15-16) and silver (17, 18) signal horns.
- Plate 23. Miniature models of the silver vessels (1-5) and copper vessels (6-10).
- Plate 24. Copper (1) and the model of glazed pottery (2) head of scepter; «fork» (3); bone item (4); stone biconic spindle heads (5, 6); steatite beads (9); bangles (7); glazed pottery (8) and stone (13) beads; flint arrow heads (10), stone «miniature columns» (11); glazed pottery small vessel (12); lead heads of «crooks» (14); grave with a «crook» and lead disk (15).
- Plate 25. Copper-bronze (1, 2) glazed pottery (3) and bone (4) cosmetic bottles; cosmetic «sticks» (5-8), fragments of mosaics (9), silver diadem (10), golden (11-13) and lead (14) items.
- Plate 26. Silver (2, 6, 7, 10), copper (4, 5, 8, 9, 11), bone (12) pins; marble head of pin from the burial 560, copper-bronze mirrors (13-15).
- Plate 27. Copper-bronze seals (1-11, 13-17), print of cylindrical seal (12).

Цветные

- Таблица 1. Погр. 1555 с захоронением батрокефала (1), прокаленный очаг в пом. 163 комплекса погребальных ритуалов (2), погр. 1413 в обожженной могиле (3), захоронение собаки погр. 1939 (4), серебряный (5) и золотой (6) панцири черепах, сигнальные трубы (7, 9), наконечники жезла из погр. 555 (8).
- Таблица 2. Керамические сосуды (1-6), серебряные вазы и кубки (7, 8).
- Таблица 3. Керамические (1-3, 7-9) статуэтки, гипсовая (4) и стеатитовые (5, 6) составные статуэтки.
- Таблица 4. Медно-бронзовая (1), серебряная (3) и оттиск цилиндрической печати (2), «Погр. мастера — камнереза» 1200, слева — «набор инструментов»; справа — фрагменты каменных изделий и заготовки» (4), медно-бронзовые церемониальные топоры (5-8), «посох» и «гиря» (9).
- Таблица 5. Серебряные булавки (1, 3, 8, 9), золотая фигурка барана или козла без головы (2), серебряное наконечник (7), медно-бронзовые косметические флаконы (4-6) и сосуд (10), мозаичный футляр с зеркалом (11), фрагмент коробочки, украшенный мозаикой (12), гребень из слоновой кости (13).
- Таблица 6. Золотые изделия: браслет (1), цепочка с каменными подвесками (4), серьги (5-8), пара пустотелых браслетов (9), колечко (10).
- Таблица 7. Золотые (1-2, 5-7), парадные с золотыми обоями (3, 4) и каменные (8, 9) бусы.
- Таблица 8. Серебряные печати. Погр. 570 (1), погр. 555 (2), погр. 1207 (3), погр. 1710 (4).
- Таблица 9. Каменные изделия. Сосуды (1-4, 7), «маскарон» (5), «уточка» из погр. 1200 (6), модель обуви (8).
- Таблица 10. Медно-бронзовые изделия из погр. 2380 (1), медно-бронзовое наконечник скипетра из погр. 2380 (2), наконечник с фигуркой горного барана (3), фрагменты костяной человеческой фигурки (4), перфорированный керамический сосуд (5), человеческие черепа из погр. 367 (а) и 3106 (б) (6), цилиндрическая печать и ее оттиск из погр. 2550 (7), погребение собаки 1939 (8)

Черно-белые

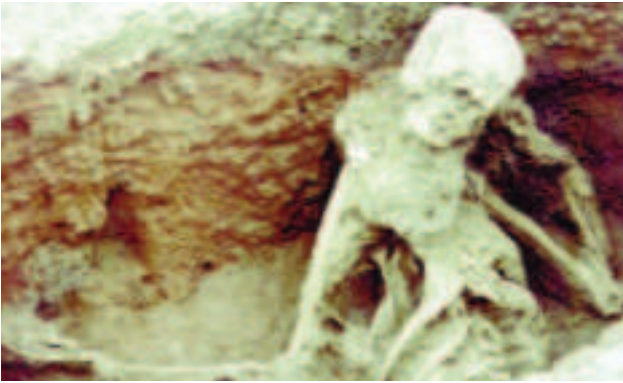
- Таблица 11. Общий вид раскопок (1, 2), шахтные могилы (3-5), ямная могила (6), кости скелета карлика (7) и батрокефала (8).
- Таблица 12. Камерные гробницы (1, 2), заложённый кирпичами вход в гробницу (3) и он же открытый (4), реконструкция свода гробницы 1745 (6); захоронение лошади (7) и «дахма» во дворце северного Гонура (8).
- Таблица 13. Типы погребальных сооружений. Камерные гробницы (1-4), шахтная могила (5), частичная (фракционная) могила (6), кирпичная кладка (7), помещение с нишами (пом. 48) в комплексе погребальных ритуалов.
- Таблица 14 18. Керамика из погребений.
- Таблица 19. Керамика из погребений (1-7), керамические статуэтки (8, 9), гипсовая и стеатитовая (10) составные статуэтки.
- Таблица 20. «Зеркало» треугольной формы (1), кинжалы (2, 4-6), нож с деревянной ручкой (3), «секачи» (7, 13), предположительно наконечник (8), косметические лопаточки (9-12).
- Таблица 21. Каменные сосуды (1-6, 10-13), каменные наконечники жезлов (7-9).
- Таблица 22. Стеатитовая (12), керамическая (5) и фаянсовые (1, 3, 4, 6-11, 13, 14) печати, фаянсовая подвеска с двумя сквозными отверстиями (2); медно-бронзовые (15, 16) и серебряные (17, 18) сигнальные трубы.
- Таблица 23. Миниатюрные модели серебряных сосудов (1-5) и медные сосуды (6-10).
- Таблица 24. Медное (1) и модель фаянсового (2) наконечник, «вилка» (3), костяное изделие (4), каменные биконические пряслица (5, 6), стеатитовые бусы (9), браслеты (7), фаянсовые (8) и каменные (13) бусы, кремневые наконечники стрел (10), каменные «миниатюрные колонки» (11) и фаянсовый сосудик (12); свинцовые наконечники «посохов» (14), могила с «посохом» и свинцовым кругом (15).
- Таблица 25. Медно-бронзовые (1, 2), фаянсовый (3), костяной (4) косметические флаконы, косметические «палочки» (5-8), фрагменты мозаики (9), серебряная диадема (10), золотые (11-13) и свинцовые (14) изделия.
- Таблица 26. Серебряные (2, 6, 7, 10), медные (4, 5, 8, 9, 11), костяные (12) булавки, наконечники булавок из мрамора из погр. 560, медно-бронзовые зеркала (13-15).
- Таблица 27. Медно-бронзовые печати (1-11, 13-17); оттиск цилиндрической печати (12).

1

2

3

4

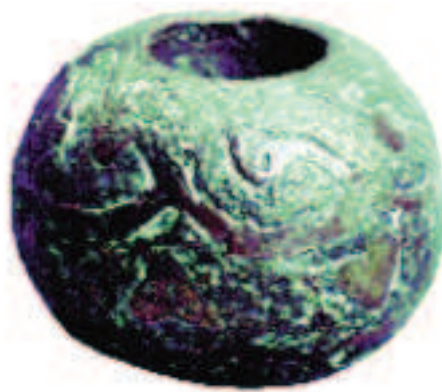
5

6

7

8

9

1

2

3

4

5

6

7

8

1

2

3

4

5

6

7

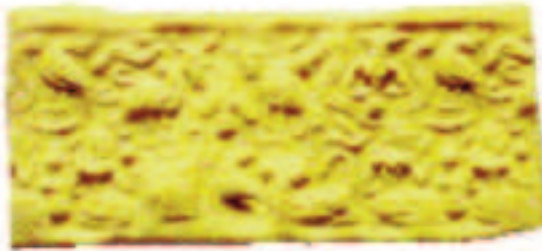
8

9

1

2

3

4

5

6

7

8

9

1

2

3

4

5

6

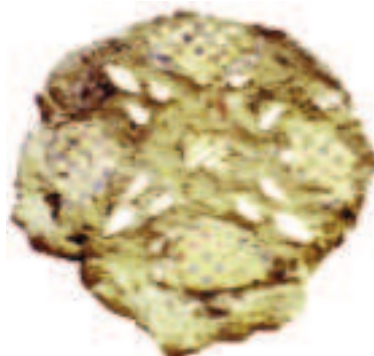
7

8

9

1

2

3

5

4

6

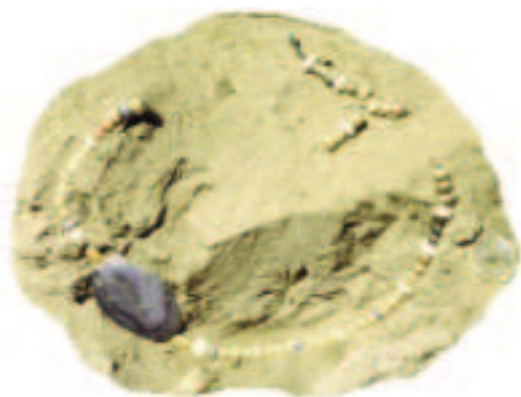
9

7

8

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Таблица 8 Plate

1

2

3

4

1

2

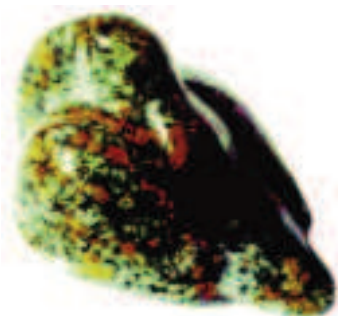
3

4

5

6

7

8

1

2

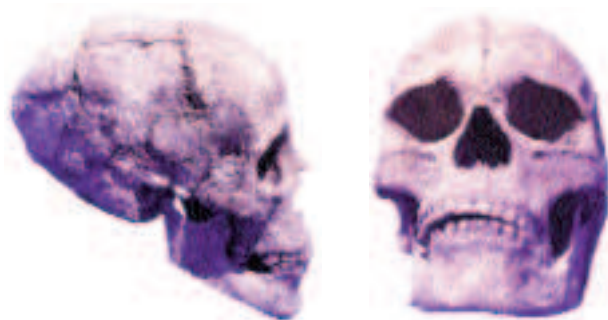
3

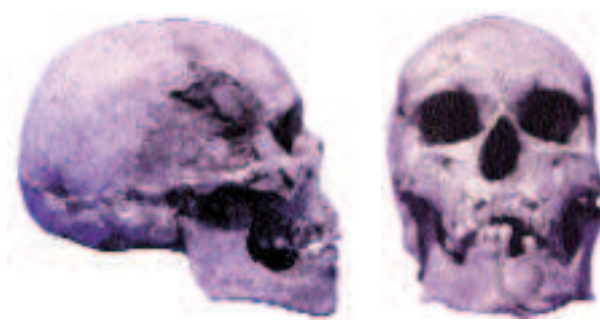
4

5

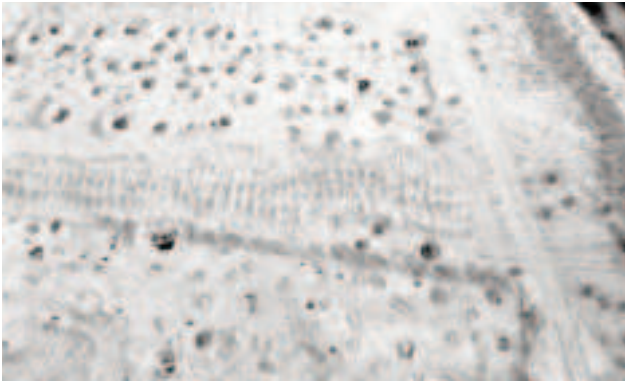
6

7

8

1

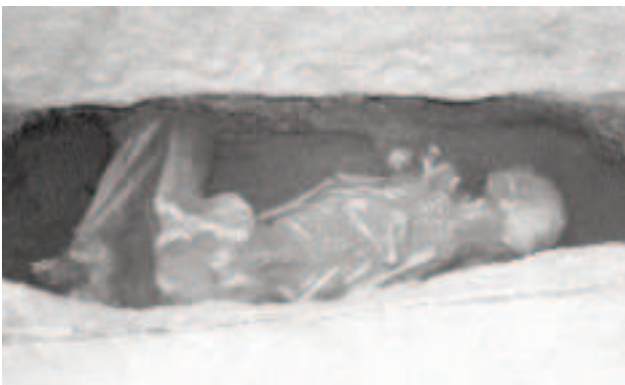
2

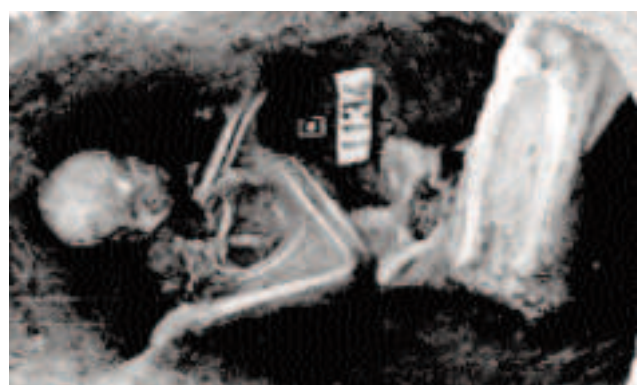
3

4

5

6

7

8

1

2

3

4

5

6

7

8

1

2

3

4

5

6

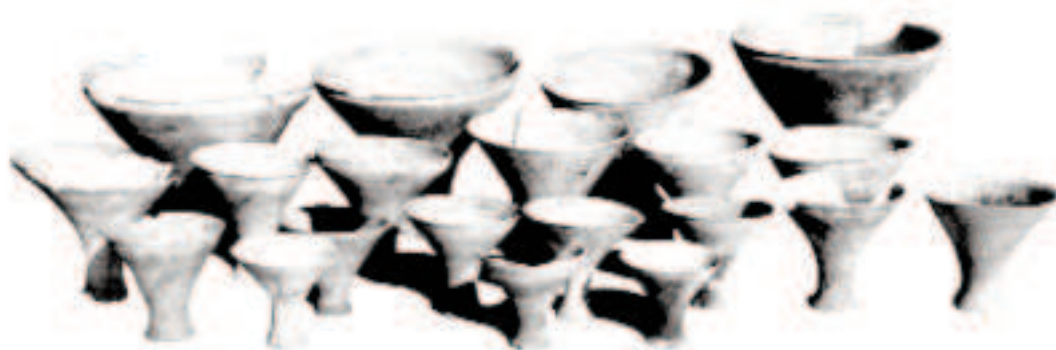
7

8

1

2

3

4

1

2

3

4

5

1

2

3

4

1

2

3

4

5

6

7

8

1

2

3

4

5

6

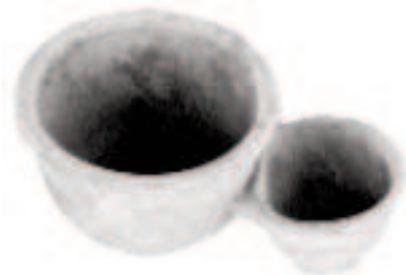
7

8

9

1

3

2

5

4

6

7

3

3

3

1

2

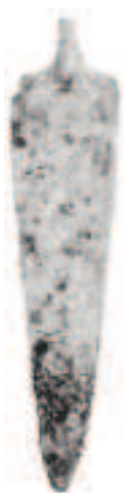
3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

1

2

3

4

5

6

7

8

9

1

2

3

4

5

6

7

8

9

1

2

3

4

5

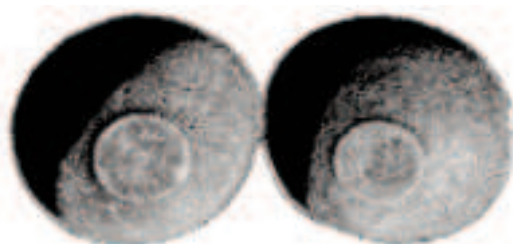
6

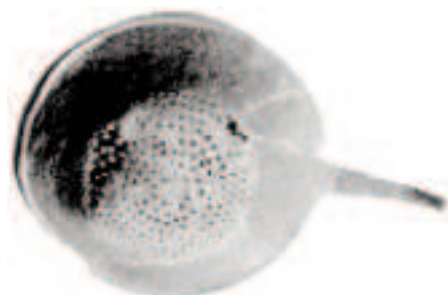
7

8

9

1

2

3

4

5

6

7

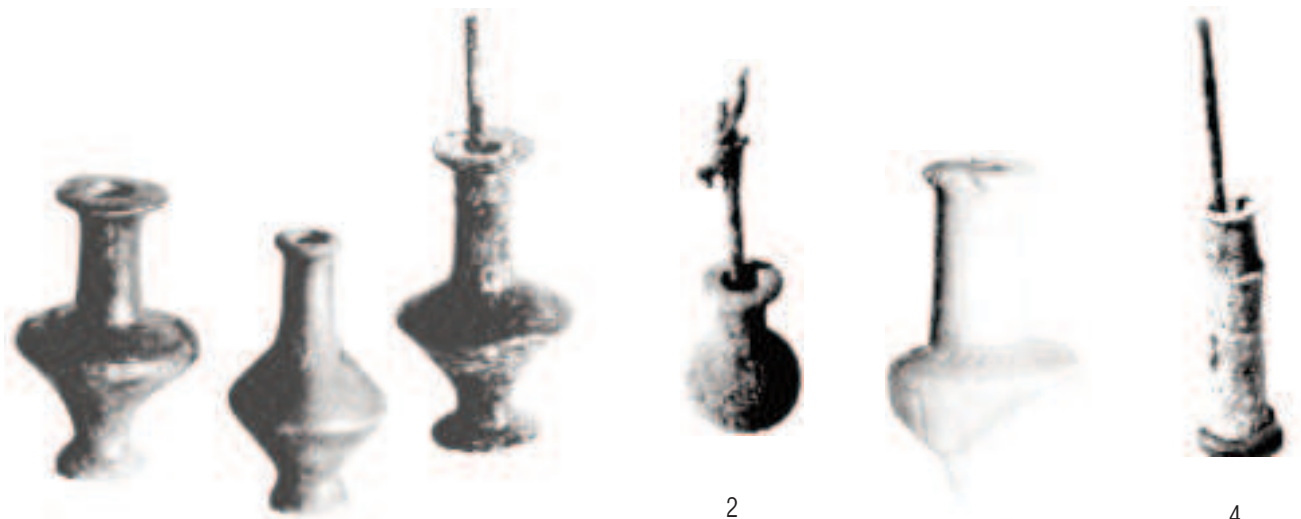

8

9

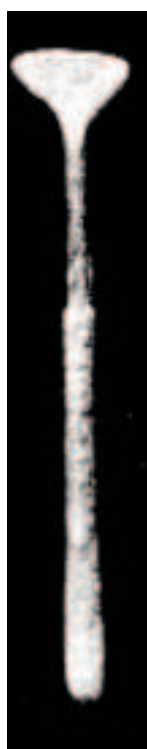

1

2

3

4

5

6

7

8

9

1

2

3

5

7

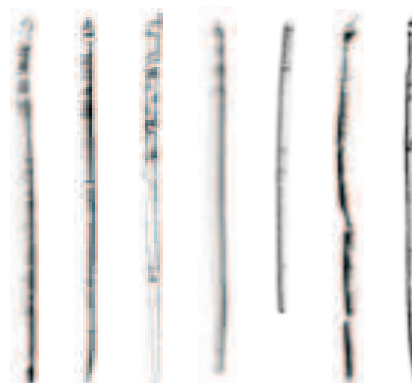
8

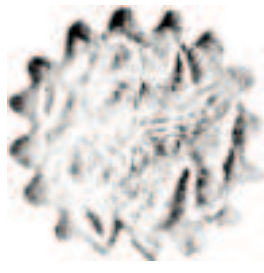

9

6

1

2

3

4

5

6

7

8

9

BACKGROUND

Turkmenistan, the north-eastern outpost of the ancient farming culture, was the place where already in the sixth millennium B.C. hunters and gatherers had started a more advanced farming style of life. Safely hidden from the rest of the Near Eastern world by the high mountains of the Kopet Dag, the local South Turkmenistan tribes in the following millennia developed their own, original culture. The short occasional contacts with the ancient farming tribes of neighboring Iran were usually peaceful and only very rarely took the form of tribal invasions. The foothills of southern Turkmenistan richly watered by small and large rivers of the Kopet Dag mountain system always attracted ancient tribes and first of all those from neighboring Iran.

The picture changed in the last centuries of the third millennium B.C. Russian and American scientists unanimously think that the increased solar activity noticed at that time resulted in the xerothermic period that affected the large territory of the Near East from Greece up to the Indus Valley (Klimenko and Prusakov, 1999, p.5-18). As is well known the xerothermic period caused the ruin of the Ancient Egyptian Kingdom (Bell, 1971 and Bell, 1975). At the same time some regions of the Near East (from Anatolia up to the Iranian plateau) were not affected by this severe drought. The tribes that suffered from the lack of water were forced to leave their sites and migrated trying to find new places good for settled farming. This was a long and difficult process of tribal migration when according to the apt expression of I. Diakonoff tribes spread out seeking new lands. They had different cultural traditions but had one thing in common: they all belonged to the Indo-European language family and judging by the archaeological material, to its Eastern part, that is, to the Indo-Iranians or, in other words, Aryans.

By that time Asia Minor, Syria and Palestine as well as Mesopotamia were already densely inhabited by ancient farmers, and only an eastern direction towards Central Asia could still be attractive to the migrating tribes. The available archaeological material leads one to suppose that the immigrants using two main roads moved from the area of modern Kurdistan and other neighboring historical regions in a general eastern direction.

The first road passed through the Urm region of northern Iran up to Iranian Horasan. This movement is proved by the culture of upper layers of such monuments as Tureng Tepe and especially of Tepe Hissar where the Hissar III materials resolutely differ from the lower layers of Hissar II-I. Some of the migrating tribes occupied parts of eastern Iran including Shahdad and farther up to Tepe Yahya.

Another group moved through the mountain passes of the Kopet Dag to southern Turkmenistan where they mixed with the local tribes and settled down in the basin of the ancient delta of the Murgab river (Margush, according to the Achaemenid inscriptions) that offered the best conditions for farming (Sarianidi, 1998). The upper layers of Altyn Depe and Namazga Depe (Vishka) as well as Ulug Depe and the southern hill of Anau can be defined as the BMAC layers of southern Turkmenistan. The material of this horizon differs from the previous local one and is very close if not identical to the BMAC.

Perhaps some time later another part of related tribes moved farther to the East and reached the fertile Bactrian plain richly watered by the Balkh-Ab river. Neither here, nor in the basin of the Murgab delta did there exist any settled farming economy prior to the arrival of these new tribes. The newcomers highly valued these lands and began to colonize first south Bactria (the territory of eastern Afghanistan) and then its northern part that is located in southern Uzbekistan (Sapalli, Djarkutan) and partly in southern Tadjikistan. Below we will prove that around the middle of the second millennium B.C. the tribes moved farther to the East, this being documented by the material of Swat graveyards (northern Pakistan) that show prevailing analogies with Bactria and Margiana. The close cultural resemblance (even exact identity) between these two historical regions gives reason to speak about a Bactria and Margiana Archaeological Complex (BMAC). This definition will be used in this work.

The second road from the supposed center passed along the Zagross mountains in the southern direction farther up to Elam where the migrating tribes stayed for some time and assimilated a lot from the local culture. Then they moved along the Persian Gulf and the Arabian Sea up to Baluchistan, a fact that is proved by the «Quetta treasure» (apart from such monuments as Mexi, Kulli and Merghar). Now to this list of monuments one should add the Top Ghundai monument excavated by K. Lamberg-Karlovsky

who admits that the finds at this monument resemble quite a lot the material of the BMAC (from the personal letter of K. Lamberg-Karlovsky of 23 January 2001).

This vast tribal invasion can be shown by the fact that the BMAC monuments are found in a huge territory from the Southern area of the Caspian Sea (Hissar) up to the northern coast of the Arabian Sea (Yahya) for almost a thousand kilometers and up to Baluchistan (practically on the Indian subcontinent) for the same distance. The scale of this invasion gives us cause to speak about a truly «great migration of peoples.»

Already the first archaeological excavations in Bactria (Sarianidi, 1978), and later in Margiana (Sarianidi, 1998) showed that BMAC included areas of advanced centers, of neighboring Iran first of all. Thus, the spiritual and material culture of the BMAC fully corresponds to that of Elam (and probably of neighboring Luristan) that in its turn reveals some rather clear contacts with the Akkadian and post-Akkadian period of Mesopotamia. It seems entirely possible to suggest that the Bactria and Margiana Archaeological Complex was formed in the period after decline of the Akkadian kingdom, i.e. at the time when new tribes colonized this part of Central Asia. At the same time one has no grounds to suppose that this invasion started from Elam and neighboring areas. Monumental ritual buildings such as Togolok-1, 21, the temenos of Gonur in Margiana and Dashly-3 and Sapalli in Bactria as well as secular ones (the temple of North Gonur) testify to the continuation of traditions of the monumental architecture of Mesopotamia, Greece and the eastern Mediterranean. This fact is very important for our attempts to find the ancient motherland of the migrant tribes.

It should be noted that practically all the finds from the Bactria and Margiana excavations show prevailing analogies with the material culture of these regions. This indicates Mesopotamia and the surrounding historical areas as the possible motherland of the new tribes of the BMAC. Though their true motherland is so far not found, the fact of the supposed immigration is indisputable.

More difficult to solve is the problem of the ethnic origin of the new tribes. The BMAC is probably the very place where «Iranian paganism» existed and ruled. Now for more than 200 years various specialists have tried to find the land of this paganism in different areas of Eurasia. This hypothesis had been presented earlier (Sarianidi, 1998), but the new materials from the Gonur necropolis give additional proof to the suggestion that BMAC was the premier place of «Iranian paganism».

Carter I

FUNERAL MONUMENTS AT THE GONUR NECROPOLIS

1.1. Funeral rites in the Southern Turkmenistan at the IV – III millennia B.C.

A short review of funeral rites of tribes, settled in Turkmenistan, is informative. Though the ancient history of this country is rather well studied, so far there is only one complete work dedicated to its history — a book by V. Alekshin (Alekshin, 1986).

The first and most ancient graves of settled farmers in Turkmenistan are of the Neolithic Djeitun culture (6th-5th millennium B.C.). From this time up to the middle Bronze Age, the south Turkmenian tribes buried their dead within the limits of their sites on open land. There is no sign of any burial made under the floor of a room inside a building. All the dead were buried in a crouched position on the side, usually north-oriented and with rather poor funeral gifts (several vessels) and personal decorations (single beads). Only in a few cases layers of ochre were found.

The funeral rites of the following Eneolithic Age are revealed in the material of two ancient farming monuments that from the architectural remains of the Namazga I-III period are assigned to the 4th millennium B.C. One of these sites, in central Turkmenistan, is the Kara Depe settlement near Artyk and the other is the Geoksur site in the eastern part of the country. Recently graves of this period were found and excavated in the extreme southwest of Turkmenistan.

On the Kara Depe settlement the dead were buried in simple pits that in some cases were covered with bricks. The bodies in a crouched position were mainly oriented toward the South. Funeral gifts consist of painted ceramic (in some rare cases, stone) vessels and personal decorations (beads, pins and so on). A golden bead found in one child's grave is hardly the most ancient one

in Central Asia. In the late Eneolithic Age there were found singular examples of rectangular brick-made tombs used for collective burials which reflected the identical funeral traditions of eastern Turkmenistan (Geoksur).

In Eneolithic times on the eastern sites of Geoksur monuments the dead were buried in simple pits in crouched position accompanied by ceramic (sometimes stone) vessels and personal decorations that included stone beads, different toilet-sets and copper mirrors as well (Yalangach Depe).

A new type of graves appeared on the late Eneolithic stage when new tribes came to Turkmenistan from western Iran bringing polychrome ceramics of the Geoksur type. These were «tolos» type graves made of brick in the form of round tombs vaulted with false domes. Similar to Kara Depe tombs, these were also collective graves used for burials of persons of consequence. Simultaneously the traditional burials of the Neolithic, Djeitun cultural type were also used when the dead were buried in simple pits. The skeletons were in a crouched position without any fixed orientation. Their funeral gifts mainly included beautiful painted vessels as well as stone articles, including cups, various decorations and cosmetic items.

In the extreme Southwestern part of Turkmenistan a new archaeological culture (preliminary defined as SWT-II) was recently found (Khlopin, 1997). It seems to be related closer to Northeastern Iran (where it probably originated) than to Turkmenistan.

From the earliest period their dead were buried in collective round tombs with a side entrance capped with bricks. All the dead, independent of sex and age, were placed on the right side in a crouched position with their faces turned to the entrance.

In the late Eneolithic, the dead were still buried in semi-underground tombs with a side entrance. They were in a crouched position either facing the entrance or with their backs to the entrance. Consecutive funeral rites can be traced through the whole Eneolithic Age.

Later, during the Bronze Age (Sumbar and SWT-I cultures) the dead were buried in catacombs in a crouched position, lying on their side and with no consistent orientation (Khopin, 1983). All graves were individual, and no collective burials were found up to date.

Our main information about the ancient funeral rites of the following Early and Middle Bronze Age (period of Namazga III-IV), that is for almost the whole of the 3rd millennium B.C., comes from eastern Turkmenistan. There the dead were buried either in simple grave pits or in brick tombs in the case of the burial of a person of rank (Hapus Depe, Ulug Depe, Altyn Depe). A decided majority of the dead was in a crouched position mainly North oriented and accompanied by funeral ceramics and personal decorations.

From the 6th-3rd millennium B.C.-almost three thousand years-the ancient population of Turkmenistan buried their dead in pit graves in a crouched position mainly without any consistent orientation and with funeral gifts consisting of ceramics, copper and stone decorations and cosmetic articles.

The funeral rites wherein dead are buried in collective brick tombs appeared at the end of the 4th millennium B.C., unknown before this time. This new practice is connected with the arrival of ancient tribes that used polychrome ceramics of the so-called «Geoksur type».

The situation changed definitively in the last centuries of the 3rd millennium B.C. when a large tribal invasion is evident in most parts of Turkmenistan (from the Takhta-Bazaar necropolis up to the Yangi Kala necropolis). There are traces (though not so clear) of new tribes on such sites as the upper layers of the southern hill of Anau, Ulug Depe, Namazga Depe, Altyn Depe and especially at Tekkem Depe which belong wholly to this period. All the above-mentioned sites have traces of funeral rites and traditions which are new for this area, rites which were apparently brought by the invaders. First of all the most characteristic new custom of the newly arrived tribes was the establishing of a necropolis close to the settlements but outside their boundaries. This present work is dedicated to the analysis of the materials of Gonur necropolis that is very typical from this point of view and at the same time — well studied monument.

1.2. Problems of chronology

The Gonur necropolis is one of the most representative and the most thoroughly studied graveyard. It is an underground graveyard situated 200 meters to the West of the capital city of Gonur. Before the excavations it was difficult to imagine the presence of any necropolis there, since the surface of the graveyard was smooth and without any tombstones. The soil of the necropolis consists of intermittent layers of very friable sand and clay, a situation which resulted in poor preservation of many tombs, the walls of which were ruined in antiquity. In 1992 a canal was built through the Gonur necropolis, uncovering the graves and partly ruining them. At that time the main excavations of the Margiana Archaeological Expedition were concentrated on the excavations of the North Gonur palace (Sarianidi, in press) and so the investigation of the necropolis was entrusted to the Italian participants of the Expedition (Ligabue Scientific-Research Institute, Venice), who were represented by S. Salvatory and G. Rossi-Osmida. The results of their excavations were published (Salvatori, 1993, 1994, 1995). One should note that restorer G. Rossi-Osmida gave invaluable help to the expedition during restoration and conservation works.

In 1996 the Margiana Archaeological Expedition joined this work with the active participation of the Turkmenian archaeologists, B. Udeumuratov and E. Ataeva and the physical anthropologist, O. Babakov. In 2000 Russian physical anthropologists N. Dubova, S. Vassiliev and T. Khodjaiov also took part in the expedition activity.

The understanding of the chronology is essential in studying the results of excavations of the Gonur necropolis. Some time ago the author of this present work has suggested the date of the origin of the BMAC as the very beginning of the 2nd millennium B.C. though most specialists, first of all those representing Western Europe, were inclined to assign it to the middle of the 3rd millennium B.C. (P. Amiet and others). Now after the new material has become available, and especially after the excavations of the Gonur necropolis, the author has changed his view on the BMAC chronology and agrees with the unanimous opinion of specialists that the colonization of Margiana and Bactria dates to the last centuries of the 3rd millennium B.C., which is demonstrated by a series of radiocarbon dates (Hiebert, 1994. P. 170-180).

This revised opinion is based on the C¹⁴ radiocarbon dates which were obtained through the kind assistance of American (K. Lamberg-Karlovsky, Peabody Museum) and Italian (G. Ligabue, the

President of the Ligabue Scientific-Research Institute) as well as Finnish colleagues (A. Parpola and X. Unger) (Sarianidi, 1994, p. 11). At present these previously fixed dates are supported by the absolute dates, based on material excavated from tombs of the Gonur necropolis. These results were received due to the kind assistance of G. Ligabue in the Research Laboratory for Archaeology, Oxford University.

1.3. General characteristics of necropolis

The Gonur necropolis occupies an area of about 10 hectares and is one of the largest graveyards of the 3rd to 2nd millennium B.C. in Central Asia (Fig. 1. See p.15). Judging from the frequency of graves occurrence, more than 2500 dead have been buried there. The graves were grouped at random with empty space between the groups (Pl. 11, №1,2). In two of the empty areas, small double-chambered hearths of a special construction were built. An inner partition in each of them divided the hearth into two chambers, the smaller of which was used as a furnace for a very hot fire. The bigger chamber had light traces of fire from the furnace. No doubt, the partition wall was constructed in such a way that flames could lick the food (presumably the sacrificed meat) in the bigger chamber. This fully corresponds to the ancient Iranian sacrificial traditions. Though these hearths were carelessly made, their special construction seemed to be directly linked with the funeral sacrifices in the memory of the dead.

On the surface of some graves, mainly the shaft ones, there were the so-called «pits for the memory of the dead». In some cases they were grouped on the border of the necropolis (as for example, on its eastern and western sides). These «memory pits» look like small holes (diameter 30-50cm, depth — not more than 25cm and square — about 0.55 square meters). As a rule all of them are burnt inside (so that not only the bottom, but the walls as well are red) and there are always layers of ashes on the bottom. Not a single «pit» had any bones or funeral gifts, a fact which could be considered as additional proof of their purpose as a memorial.

The western part of the necropolis is characterized by rather sparse distribution of graves (with distances between them of some 10 meters and more) that is of sharp contrast to the main part of this graveyard. It may be explained in terms of different periods of burials — the western part may be the oldest one, and so first graves have a lot of space around them. Later, while the necropolis

was expanding towards the settlement because of limited territory, graves were located in a more condensed way. This to some extent conditioned varying density of grave locations.

Most of the dead are adults — both young and old — and practically no children's graves were found. The newborns, babies and young children were most likely buried in a special place as was the case on the later graveyard formed on top of the ruins of the north Gonur palace. Isolated child burials on Gonur necropolis were found either in double or in pit graves.

The Gonur necropolis is characterized by a number and variety of funeral rites, as evidenced by the different types of grave construction. After these preliminary notes we shall begin an examination of the main grave types of the Gonur necropolis.

The predominant position of the dead is on the right side, which is shown in the table I.

Table I

Position of the dead at the Gonur necropolis

On the right side	79%
On the left side	11%
On the back	8,5%
On the stomach	1,5%

Table II

Orientation of the dead, lying on the left side

Orientation of the head	Number of burials	%
NW › N	25	36%
N › NE	15	22%
NW › W	12	17%
SW › W	6	9%
S › SW	5	7%
S › SE	4	6%
SE › E	2	3%

Out of the total amount of graves, undisturbed by robbers, only 70 (4,3% of the burials) have a corpse on his/her left side, and their orientations practically do not differ from those buried on their right side (tab.II). There are no corpses with orientation to E-NE, and it is typical to the Gonur necropolis.

On the other hand, 20% of corpses, lying on their left sides, were buried at pair or collective graves. There are no links between the grave construction and corpse position on the left side: this position can be found either in pit, shaft graves or in cists with chamber crypts.

1.4. Burial constructions of the Gonur necropolis

The 2323 excavated graves of the Gonur necropolis (not counting those excavated by Italian archaeologists at the start of the works) may be classified into several types (tab. III).

Frequency of occurrence of burial types at the Gonur necropolis	
Shaft (side chamber) graves	75%
Ordinary pit graves	14,2%
Burned pit graves	5,8%
Cists	2,5%
Chamber graves	2,5%

Table III

With all the variations in grave constructions, the burials had common features. After the grave was dug, the corpse was placed in the side chamber. Judging by finds of copper and bronze pins (used for fixing clothes), the corpse was placed in dress. As a rule, the dead were placed in a crouched position on its side, with legs bent and arms crossed on the chest (in a «sleeping pose»). There were isolated burials where the dead were placed either on the back or on the stomach (tab. I). These «untraditional» poses could not be explained either by sex or by age.

Irrespective of age and sex, practically all the dead were placed with their backs opposite to the chamber entrance and since most of them (more than 80%, tab. IV) were north-oriented, practically all of them were found on their right side.

Though results of physical-anthropological studies of bone materials are presented at the end of the book (in Appendix 2), one should mention the mean life duration for adults, buried at the necropolis — it was 36,6 years, varying from 35,7 for males to 37,1 for females. Maximum age for both sexes was reaching 70 years.

Orientation of the buried	
North › North–West	70,4%
North–West › West	9,47%
North › North–East	13,73%
North–East › East	0,19%
East › South–East	0,38%
South–East › South	1,93%
South › South–West	1,00%
South–West › South	2,90%

Table IV

The overwhelming majority of graves are single (tab. V). Among pair burials the majority are graves of women with children. All pair and triple burials are represented only by pit graves.

Over 80% of the graves at the necropolis were robbed in antiquity soon after burials. This is demonstrated by the fact that plunderers knew the location of funeral gifts inside each tomb very well. S. Salvatori (Salvatori, 1995) was the first one to point out that on the Southeastern part of the necropolis some of the plundered tombs of the Namazga V period were overlapped by the ceramists' quarter of the Namazga VI period. Our later excavations proved this observation.

Table V

Burial types	
Single	91,1%
Double	4,0%
Triple	1,0%
Cenotaphs	3,4%
Fractional	0,5%

SHAFT GRAVES

More than 75% of the excavated graves are described as shaft or side-chamber graves that are the most widespread type of burials (Pl. 11, №3, 4, 5). The shaft or side-chamber graves are vertically dug holes either rectangular or oval with an average depth from one to two meters (in some rare cases only half a meter or even less). In most cases at the bottom of such vertical shafts, on the western wall was an oval side-chamber with a floor either on the same level with the shaft floor or 15–25 cm lower, as if forming a kind of a «step.» As a rule the shaft is wider than the chamber, this being a characteristic feature of early shaft tombs (Pl. 11, №5). In contrast, the width of later shafts (as in graves of the Djarkutan or Bishkent culture) is always narrower than that of the chamber.

The great majority of funeral gifts were placed in the grave at the head of the corpse. Then the entrance into the chamber was tightly closed usually with one row or, more rarely, with two rows of bricks, standing inclined on their butt-ends. Occasionally, these covers were made as brick «boxes» or as semi-vaults that tightly adjoined the grave's wall and firmly closed the entrance into the side-chamber (Fig. 2. See p.17). Rarely on the bottom of the shaft one or two cups were placed. In the shafts of some prominent persons (as for example the priest's burial, number 1500), stone «miniature columns», «weights» and «scepters» were found on the bottom (Fig. 3. See p.17).

After the end of the funeral ceremony the shaft was filled with earth (most likely with the earth that was thrown aside while digging the grave) and probably an earthen mound was formed on top of a new grave. These earthen mounds explain why graves had never disturbed or destroyed one another in spite of the fact that they were very densely situated.

In most cases at the moment of excavations the skeleton bones were found not in anatomical order but scattered all over the excavated area, inside the chamber, in the robbers' tunnels, and even on the ancient top surface. Sometimes the skeletons in shaft graves were almost anatomically intact and only skulls and chest bones were removed during the robbery of the grave. Usually the funeral gifts were placed exactly on these parts of the body. The behavior of robbers seems to depend on the condition of the corpse. Sometimes they only robbed the skeleton while in others they separated decomposed skeletons and often threw the bones either into the robbers' tunnels or up onto the ancient surface.

It should be noted that ten percent of the shaft graves contained no skeletons or bones but rather a kind of «bone crumbles» mixed with singular small bones such as teeth, finger phalanxes or some vertebrae. This situation suggests that decomposed skeletons together with funeral gifts were removed to other tombs, a possibility that will be discussed later.

Besides vessels, most of which were not different from the everyday cups, the funeral gifts and personal decorations in shaft graves can be divided into «male» and «female» sets, which will be discussed below.

The Margiana type of shaft tombs was widespread in Bactria as well, a fact that can be explained by their common origin. In northern Bactria this type of tomb was represented in the Sapallitepa and Jarkutan graveyards (Askarov and Shirinov, 1993). In southern Bactria in the territory of Afghanistan the soil graves outside the settlements were not scientifically excavated and all our information was based on the excavations of pit graves in the ruins of such neglected monuments as Dashly-1 and Dashly-3 (Sarianidi, 1977). Besides these, soil shaft graves were known that were located outside settlements but close by (Sarianidi, 1976, pp. 51-54, fig. 30-31). In the best-preserved shaft graves, north-oriented skeletons mainly on their right side as well as brick-lined entrances into the side chambers were found. The funeral rites of Bactria and Margiana seem to be almost identical, an additional proof of their populations' common origin.

Though no shaft graves were found in neighboring eastern Iran, still some indirect hints lead one to believe that they existed in the Kerman region in the Shahdad graveyard. As a result of natural destruction most graves were found almost on the surface; the better preserved were located at the depth of only half a meter, and some tombs preserved brick entrances that are highly reminiscent of the shaft pits of Margiana (Hakemi, 1997, fig. 48, pp. 213, 215). The close similarity and in some cases even exact likeness of funeral gifts serves as additional proof of the similarity of funeral monuments of Shahdad and Gonur.

So far these shaft graves have not been found farther to the West. Nevertheless, they were rather popular along the middle Euphrates where they appeared as a result of trade contacts with the Akkadians and most probably belonged to the local elite (Carter and Parker, 1994, p.113). There is a hypothesis of a local North Syrian origin that was based on the shaft tombs of a simplified type like those of Selenkaya (Carter and Parker, 1994, p.114).

The most ancient shaft graves, often with three or four chamber catacombs, were known in Palestine as far back as the eve of the 4th-3rd millennium B.C., which later spread all over the Near East. Besides individual tombs, family tombs with collective burials were found there, including an apparent reburial (A. Ben-Tor, 1992, p.139). To a certain extent they resemble the funeral rites in the Gonur necropolis in chamber graves.

Though the shaft graves were rather widespread in the territory of Eurasia and reflected a natural desire of the living to protect the dead from profanation, we have good reason to conclude that the shaft graves in the Gonur necropolis had a common western origins and were linked, after all, to the funeral monuments of the shaft type that were common earlier in Syro-Palestine and to some extent in the Anatolian regions.

PIT GRAVES

This type of graves (Pl. 11, №6) makes up around 20% of all the excavated tombs in the Gonur necropolis and they are usually rectangular or round pits with an area from 0.35 to 1.2 square meters and a depth from 30 to 120cm, dug in the soil and subsoil (ground pit graves).

Pit graves of the soil type seem to belong to the poor people of ancient Margiana. Though the dead were buried in a traditional crouched position, their orientation was not consistent. Typically, only pit graves yielded some paired and singular triple burials. The skeletons in these tombs had a regular anatomic order.

Quite often the pit graves were dug in the «bad» sections of the necropolis where the soil consisted of sand, a fact which caused the fall of the walls very soon after the burial. So almost all graves at these places have been seriously damaged due to natural causes quite soon after the burials. Part of these graves at the moment of excavations were situated practically at the present surface just under the turf. The depths of the pit graves usually are of some 10–30 cm, occasionally reaching one meter or so. A set of poor funeral gifts was also very characteristic. It mainly consisted of a number of ceramic cups with practically no decorations and did not include any cosmetic tools. Burials that contained no funeral offerings were found only among pit graves and they make up 20% of the total number of grave pits. Perhaps future archaeological material will yield more information on «graves of the poor» in the Gonur necropolis.

Only one pit grave contained 7 vessels, bronze mirror, cosmetic stick and a seal (grave 333), while another — miniature model of a silver vessel, earring, pin, mirror, ceramic vessel and bead (grave 601). It should be also noted that the majority of these artifacts were rather personal decorations, rather than funeral gifts.

BURNT PIT GRAVES

The so called burnt graves, i.e. oval or nearly rectangular graves with red burnt walls and black floor, from 35 to 120 cm deep, were found in 135 cases. It makes up 5,8% of all the excavated tombs of the Gonur necropolis, or 29% of the total number of ground pit graves.

Most of these graves were empty, having no osteological remains, while in some of them human bones were found in disorder. The small minority of these tombs contained full skeletons (tab. VI).

Table VI

Differentiation of the burnt pit graves according to excavated human remains

With no anthropological materials	102	75%
With singular human bones	18	14%
With full skeletons	15	11%
Total	135	100%

As the tab. VI shows, some 25% of burnt pits, or a quarter of them, contain osteological materials — either fragments of skeletons, or skeletons with various pathological features, or skeletons in «untraditional» position. The reasons for this would be dealt with below.

In the cases when it was possible to trace the

following characteristics of burnt pit graves, the black burnt floors of the graves were in sharp contrast with the red burnt walls. As a rule, the floors were covered by the layer of sand of some 20–25 cm. The ground above this sand layer and up to the surface includes pieces of red burnt walls. It makes one to believe that the burnt pit graves have been prepared in advance, and after burning the interior, the floor has been covered by sand in order to prevent possible profanation. It looks like an empty grave was covered by some light cover. Indirectly this is proved by the documented fact that we found some burnt pit graves, partly damaged by ordinary burials. This is practically unknown for ordinary burials that most likely were marked on the surface by small mounds.

At the moment of a burial, the «conservational» sand layer was removed and the dead was put inside. It is proved by the fact that bones, if found, were always lying directly on the black burnt floor and never — on the sand layer.

In two of the better preserved burnt pit graves with skeletons, the partly preserved red burnt «arch cover» were traced. Nevertheless it needs future concrete definition and observations on new materials.

Some burnt pit graves draw attention because later they were transformed into shaft graves by digging side chambers (grave 1858) or by widening their butt-end walls. All these facts are additional proofs that burnt pit graves were prepared in advance and at the moment of a burial were partly reconstructed.

At the northern margin of necropolis the 2 m deep pit with widening floor and lower part was found. It was filled with pure ash, containing no other inclusions and closely resembling ash from the floors of the burnt pit graves in its color and consistence. A well grounded opinion was expressed, that ashes, formed in the process of burning such graves and «funeral pits», were put in this large pit.

The more intriguing question is: to whom did the burnt pit tombs belong? Osteological materials from burnt pit graves deserve special attention. According to paleozoologists, when the remains could be identified, they belonged to either to humans or to animals (in one case — to a lamb, in all other cases — to dogs). According to the unanimous conclusion of anthropologists, a considerable part of such graves (no less than five of them) contained individuals with various physical defects, including three dwarfs. The issue is explored in more details in Appendix 2.

First of all one should mention skeleton that belonged to an adult male with very short and dis-

torted extremities (a dwarf) (Pl. 11, №7). Another burnt pit grave also contained a dwarf in the usual crouched position, placed on its right side at the side chamber. In the third burnt grave to the side was a kind of a hollow in which a child was laid on the right side in the usual crouched position. Its skull was practically destroyed. Next to the body, fragments of vessels and a bronze pin were found. Separated bones found on the bottom of this grave belonged to a dog.

And last, another burnt pit grave 1413 contained a male skeleton about 25 years old in a rather unusual position: it was sort of leaned against the tomb wall, bent at the pelvis and the upper part of his body was twisted (Pl. 1, №3). His arms were also placed unnaturally: the left one was slightly bent and stretched to the side while the right arm touched the wall. The lower jaw was resting against the wall and the jaw was awry in relation to the skull. According to physical anthropologists from the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, this unusual position may be explained by the fact that the dead man was found some time after he died and by that time his body had stiffened to such a degree that it was impossible to place him in the usual crouched position (Fig. 4. See p. 20).

There can be another explanation to this: the grave could have been too small for this corpse and they had to «push» it inside, not placing it on the floor but leaning against the wall. Perhaps this could explain the fracture of the elbow bone of the right arm while the radial bone remained intact. Certainly the fracture could take place before the man's death but the bone condition and the character of fracture made it appear doubtful.

At the grave 2171 skeleton was found in «unusual» position as well: it was leaning on the wall with bent legs and arms widely apart, hands on pelvic bones.

A man of very small height was literally pushed into the grave 370 with the area of only 0,5 square meter. He was also positioned on his back, with bent legs apart. His skull has unusually narrow eye-sockets, and it means that when alive he had ugly narrow-eyed face. In one more tomb there were only random bones of an adult at the floor and at the side chamber — full skeleton of a child some 2 years old. The child was disabled: because of pathologically strong development of cerebellum he suffered from batrocephalia. The child had specifically transformed back of the head and was mentally handicapped. This pathology was congenital, and life expectancy for batrocephals is very short, all of them die at the early childhood (Pl. 1, №1; 11, №8).

About one-third of all burnt graves contained only singular ceramic fragments that cannot really be regarded as funeral offerings. In only two graves, 2-3 intact but modest vessels were found. So there are good reasons to consider the vast majority of such burials as having no archaeological inventories. It is hardly accidental and this fact singles out the burnt graves among the rest of those in the Gonur necropolis (tab. VII).

The fact that almost one half of all the burnt pit graves was grouped on the outskirts of the necropolis and included skeletons of people with some clearly apparent physical defects (dwarfs, hydrocephalics, armless and so on) gives us a reason to suggest that perhaps this can be explained as the premeditated burial of these people separate from the other dead. It is quite possible to conclude that this group also included those whose defects were not so evident. These could be mentally ill persons, sterile women or those who gave birth to dead children. If this supposition is true then it explains the burial of such «unclean» people separate from all the others. This also explains the fact that they were buried in graves that were first burnt inside in order to protect the pure nature of the earth from profanation. This supposition was confirmed by physical anthropologists.

The fact that few burnt pit graves contained random bones of dogs, placed on special ash layer, deserves special attention. At the grave 1939 the full skeleton of a dog was lying on the ash layer (Pl. 1, №4; 10, №8), and this is by no means accidental if one takes into account the important role of this animal among ancient Iranians (Fig. 5. See p. 22).

The pit graves represent simple funeral monuments that were widespread in the ancient world and it is almost impossible to define the place of their origin.

In general, the simple construction of burial pits together with an extremely limited set of funeral gifts and personal decorations lead one to conclude that the dead buried in them belonged to the poorest class of the local Margiana society.

CISTS

Unlike shaft and pit graves the cists represented brick burial monuments, and they make up 2,5% of all excavated tombs at the Gonur necropolis. Though a few underground ones were also found, the great majority of cists were ground surface constructions. They had a rectangular shape and were covered with vaults. The vaults were formed by two bricks inclined to each other [44(42)·24(22)·12(10)cm] and a horizontal brick as a sort of «lock» between them (Fig. 6. See p. 23).

Table VII

Characteristics of burials in burnt pit graves							
№	Grave	Description of osteological materials	Area (m ²)	Depth from the surface (cm)	Sex and age (years)	Funeral inventory	Evidence of burning the grave's floor
1	189	Fragments of human skull and lower jaw	0,48	93	?	Fragments of 4 ceramic vessels	
2	250	4 fragments of human teeth	0,63	42	?	no	
3	258	A lamb (?) skeleton, lying on its left side, head to the N-NE	0,48	36		Fragments of 1 ceramic vessel	
4	275	2 small fragments of human bones	0,51	45		Fragments of 2 ceramic vessels	
5	370	Human skeleton in a crouched unusual position on the back, head to the E-SE	0,42	28	M., 35-40	Fragments of 1 ceramic vessel	
6	376	Human bone crumbles	0,45	23	?	no	
7	447	Human skeleton in a crouched position on the right side, head to the N-NW	0,64	40	Child., 10-12	2 ceramic vessels at the back of the dead's head	
8	471	Random bones of a human skeleton	0,39	40	Adult	no	
9	767	Human skeleton in a crouched position on the right side, head to the E	0,30	23	Child., 5-6	no	
10	861	3 small fragments of bones of a human skeleton	0,61	50	Adult	Fragments of 3 ceramic vessels	
11	901	1 human tooth	0,30	45	Child., 7-8	no	+
12	905	Random fragments of bones of a human skeleton	0,37	46	F., 20-25	Фрагменты 1-го керамического сосуда	
13	907	Human skeleton in a crouched position on the left side, head to the E-SE. Upper limb bones are absent	0,91	38	F., 15-16	no	
14	913	Several fragments of bones of a human skeleton on the floor	0,45	70	Adult	Fragments of 1 ceramic vessel	+
15	1017	Human skull and lower limb bones (anatomical order disrupted)	0,52	70	F., 30-35	Fragment of a stone artifact (glosser)	+
16	1075	2 human skulls	0,28	57	F., 25-30; F., 30-35	Fragments of 1 ceramic vessel	
17	1141	Skeleton of a dwarf in a crouched position on the right side, head to the W-NW	0,48	34	M., 30-35	no	-
18	1172	Occasional bones of a human and a dog	0,97	120	Child., 8-9	Fragments of 1 ceramic vessel and bronze pin at the head	
19	1176	1 human tooth	0,37	65	?	Fragments of 3 ceramic vessels	
20	1192	Skull and random bones of a human skeleton	0,44	65	Adult	no	
21	1413	Human skeleton in unusual position	1,01	60	M., 20-25	Fragments of 3 ceramic vessels	

As a rule cists had no entrances and were used only once — not successively — for a burial of one corpse. Only in one cist (grave 485) a paired burial of a man 35-40 years old together with a child was found.

All male and female skeletons were found in the usual crouched position and no earth touched them. It is perhaps not accidental that the majority of cists were excavated in the southeastern part of the necropolis. To a certain extent this recalls a similar situation at the Togolok-24 necropolis where all cists were gathered into one comparatively compact group (Sarianidi, 1998, fig. 31).

Only one cist (grave 560) was not plundered and preserved rather rich funeral gifts containing personal decorations that included some gold items. It thus appears that the people buried in cists belonged to a rather high class of local society though not as high as those «aristocrats» that were buried in chamber graves (this will be discussed below).

The earliest of the known cists from the III millennium B.C. which were made of stone plates and used for one corpse, including those of children, were found along the middle part of the Euphrates (Tilmen, Karkhemish, Barsip, Lidar) in the same zone where shaft graves and probably chamber graves were excavated. It is quite possible that from here the migrating tribes spread these types of graves in the general eastern direction up to Central Asia and Margiana in particular.

CHAMBER GRAVES

While shaft and especially pit graves were rather popular in the largest territory of Central Asia, the chamber tomb, on the other hand, was a rather unique phenomenon. In the whole Near East they were most clearly represented in the Gonur necropolis. Several types of these tombs can be identified, but their main and differentiating features are the passages, unquestionably showing consecutive funeral rites.

Like cists, the chamber tombs made up 2,5% of the total number of excavated graves. They are rectangular half-underground constructions that occupy an area of 5-5.5 square meters, being dug in the soil. Their inside walls were lined with adobes [unbaked bricks] [42(45)·20(24)·10(12)cm] or simply covered with a thick layer of clay. Alongside one-chambered tombs (Fig. 7. See p. 24-26. Pl. 13, №1-4) there were found more complex ones that consisted of two chambers with one common passage between them (Fig. 8. See p. 27-29. Pl. 1, №1).

Tombs with two chambers are of 2 types — the chambers are positioned either along the long

axis, or along the short one. Some indirect findings suggest that the latter are the oldest. Their construction was determined by the necessity to create the arch, based on the common wall of the chambers. Experiment on building the arch standing on the wall, common to both chambers, was conducted at the site of excavations, and it proved this construction of the cover for chambers to be effective (Fig. 9. See p. 31).

Main passage was always situated at the southern side in the short butt-end wall. When it was possible to find out, the passage was always blocked by bricks with no clay cover (Pl. 12, №3) to make it possible to enter the tomb when necessary. Both chambers, in their turn, had common passage, so it was possible to enter the chamber, situated further away from the entrance. So we have all reasons to think that chamber tombs were used for collective burials with consecutive burial rituals.

Foundation pits of practically all such tombs were deliberately prepared larger than the brick constructions, lying inside them. Thus a depression was formed before the main entrance — a pit (sometimes with footsteps), where the relatives with the deceased were descending. The dead body and funeral gifts were taken into the chamber through the main entrance and were probably placed in the first chamber, while the bones of the previously buried corpse were pushed to the second chamber.

Tombs of this type are found only in the North-Western part of the necropolis that is considered to be the oldest one. Tombs of the second type are situated predominantly in the South-Eastern part that had been formed later. It looks like by that time local builders developed knowledge of constructing arches over the larger bay and so they were needing no more to erect an intermediate wall. It gave them the opportunity to start constructing tombs with chambers, positioned along the larger axis,

All the chamber tombs with no exceptions have a passage at the short wall, usually the Southern one, with the average size of 55-60 cm wide and 45-50 cm deep. The passages, when it was possible to find out, have footsteps, leading down to the chamber. In the un plundered chamber tombs the entrances were capped with bricks but always «dry» without any clay layer between them. Apparently this was done for easy access into the tomb in case of necessity.

Approximately 25% of the tombs had a low brick platform one brick high that looked like a kind of a «bed» on the short wall against the entrance. Another 18% of the tombs also had a rectangular low platform in the center (or along the long wall)

on the floor that may be treated as a «table».

In the majority of tombs (but not in all of them) along one wall a brick fire place with a vaulted cover was built. These fireplaces were identical to those with chimneys that were used in everyday life. Besides these, on the floor level along the long wall of a chamber tomb there were found more simple fireplaces made in the form of a half-vaulted wall niche. Sometimes instead of a regular brick fire place in a wall there was just a niche with a half circular entrance that imitated a real fireplace.

The best preserved tombs had a deep niche filled with piles of intact vessels in the upper part of a wall, giving one the impression of a regular «cup-board».

In every chamber tomb in the middle of a long and usually the Eastern wall (and always to the right from the entrance irrespective of the general orientation of the tomb) was a small but rather deep niche divided by a low partition into two unequal parts. The smaller section always bore traces of a light fire that were also seen in the adjoining large section as well. In rare cases the partition was replaced by a stepped low projection, giving the whole construction a double-chamber configuration, and traces of a light fire, if evident, were also always present in the small chamber («furnace») and in the adjoining part of a large chamber («oven») too. It is important to stress that, apart from rare exceptions, all of them have signs of a light fire, though thin layer of ashes was found only in some. Other chambers sometimes do not show signs of fire, or their «furnaces» may be burnt red but no ashes are left inside.

Generally speaking, such double-chambered niches looked like miniature models of cult double-chambered hearths found in temples and sacred places of Gonur (Sarianidi, 1998. Fig. 63 and 38) where they were used for cooking sacrificial food. The chief determinative characteristic of the double-chambered hearths was that they should consist of two sections so that the fire from the furnace would reach the cooking food. It is very interesting that one chamber tomb (burial 1300) instead of a symbolic miniature model contained a real hearth, so it was possible to cook the sacrificial food not symbolically but actually. One can not exclude that in some models of the double-chambered fireplaces, intact vessels could be used for cult libations connected with funeral.

No chamber tomb had a preserved cover and since the depth of the best-preserved chamber tombs reached 1.5 m one can conclude that the height from the bottom up to the very top was about

2 m. Some indirect clues such as the entrance steps located on the modern day surface lead to the supposition that one-third of all chamber tombs protruded over the ancient surface and had half-vaulted covers.

The principal difference between chamber tombs and cists is that cists were made only for one-time use while chamber tombs were designed for successive burials. In the latter case the brick partition was disassembled for the dead to be brought in. The previous skeleton, which lay in the center with the funeral gifts and personal decorations, was removed to the opposite wall of the chamber in order to make room for the new skeleton.

In a double-chambered tomb the first and smaller chamber was used for the new skeleton while the previous skeleton was removed to the second bigger chamber.

Almost all chamber tombs were plundered in antiquity. Sometimes they were robbed more than once which is demonstrated by the existence of two or three passages used by robbers. Little was left after these raids. There remained some fragments of gold foil, silver and gold vessels, some fine articles, cosmetic items made of ivory and so on. But even these few things leave no doubt that chamber graves were used by Margiana aristocrats, by those who belonged to upper classes of ancient society.

Sets of funeral gifts in chamber tombs were very similar to those found in shaft pits and cists, but in chamber tombs they were found more often than in ordinary burials. Thus, silver items were found in thirty percent of graves, seals — in twenty-five percent, and gold pieces (mainly fragments of gold foil) in thirty-three percent of the chamber tombs. These findings and cosmetic ivory items undoubtedly proved that the chamber tombs were used by the local Margiana elite. If one takes into account that the figures above characterize robbed graves, and sometimes these burials were robbed several times, it is logical to enlarge such figures by two or three times in order to get the true idea of how rich the people buried in these tombs were. The skeletons of old persons and children lead one to suggest that these were family or clan burials of those who belonged to a high rank of the local society.

Intact grave (burial 194. Fig. 7e. See p.25) gives a complete picture of one of such burials. Mixed bones of two women and a child were found opposite the entrance to the tomb and it is clear that they were removed together with their funeral offerings and personal decorations from their original place. At the entrance, lying on a special ash layer was the last burial, whose skeleton, in a crouched position, was found intact, except that his

skull was found under his right hand.

It is characteristic of all plundered tombs, that instead of intact skeletons, they have preserved bone crumbles on the floor and singular separate bones, mainly small ones. It would appear the result of robbery when the skeleton bones were thrown out on the ancient surface. But in the double-chambered grave (burial 555. Fig. 86. See p.27), the first chamber has preserved some separate skeletal remains while the second chamber yielded intact funeral offerings including a copper and bronze top of a scepter or rod, delicately ornamented, miniature silver vessels and other items that could have belonged to representatives of local elite. This burial suggests that the presence of bone crumbles and small separate bones cannot be explained simply by robbers' activities. It is clear that robbers would have never left behind the funeral gifts. In this case one may draw a conclusion that skeletons were removed from their original place in order to be reburied somewhere else.

There is archaeological evidence that in almost all chamber tombs (most of which were made in sandy and friable soil) the floor was 20-25cm below the level of the brick walls. This could happen as a result of numerous and careful sweepings of the floor when they removed bones of a completely decomposed skeleton. Burial 555 is a good demonstration of this. There a floor with remains of bone crumbles and several vertebra and a tooth in the smaller chamber was lower than the wall base of the tomb.

The chamber tomb (340 by 160cm) with only two remaining brick walls was found by Italian archaeologists in the beginning of their excavations at the Gonur necropolis (Salvatori, 1994, Anno. XVIII).

Chamber tombs represent house models and are related to the Hypogeum type graves that were used only by Indo-Europeans, including the Indo-Iranian tribes.

Up to that point in Central Asia no chamber tombs of this period had been found and thus the Gonur necropolis demonstrates the first (but certainly not the last) example of such burial constructions at the end of the 3rd millennium B.C.

Lately in the Euphrates basin graves that to a certain extent resembled the ones under discussion were excavated. These were rectangular rooms, 5 by 3m, with stepped entrances, niches, «beds,» «windows,» and «pillows» that gave an impression of a real bedroom (Halawa, Lidar, Gediki, Hadidi). Here too these tombs were believed to belong to local elite and represented collective family graves used for successive burials. Especially

representative were tombs from Till Barsip of 2600-2000 B.C. that were presumably used by local «aristocracy.» There is an idea that the Hypogeum type of tombs reflects not only the commercial but cultural expansion of the Early Dynastic III Akkadian (EDIII/Akkadian) period. At the same time it might have a local North-Syrian origin (Carter and Parker, 1994, pp. 113-115).

The Tall Tuttul graveyard from Syria of 2600-2100 B.C. yielded more impressive parallels wherein shaft tombs as well as Hypogeum type burials were excavated (Strommenger and Kohlmeyer, 1998, p. 51). Like the Margiana tombs they were also built as house models and though all of them were plundered in antiquity, the remains of the «furniture» left no doubt of their belonging to the Hypogeum type of graves. Such graves in north Mesopotamia seemed to have centuries-old traditions which was shown by the Urtu graves of the Altyn type with various pieces of furniture and even thrones (Ozguch, 1969, p. 114, fig. 4). They probably originated within the funeral traditions of such graveyards as Tuttul and Barsip that were famous for their rich gifts of gold, silver and ivory items. The Urtu rock graves consisted of several rectangular chambers with wall niches and one common entrance. Inside remains of wooden furniture (tables, coaches, thrones, chairs and so on) reflected the local Anatolian and Syrian traditions. Very specific were the thrones decorated with typical Urtu carving as well as sarcophagi (Ozguch, 1969, pp. 66-70), clear evidence that the dead belonged to the ruling class of society. To a certain extent graves from Mycenae and Cyprus also belonged to this type. All this leads one to believe that they had one common place of their origin in the middle of the 3rd millennium B.C., if not earlier. In Cyprus (Kition) double-chambered graves with a common passage between them were excavated (Karageorghis, 1976, fig. 20).

The chronological priority of North Mesopotamian tombs compared to the Margiana tombs (the latter being unknown in Central Asia in the previous period) leads one to suggest that this grave type and funeral rites were introduced to Central Asia by the tribes that migrated from the far West at the end of the 3rd millennium B.C.

So far in the intermediate territory of Iran, chambered tombs were not found and thus the western parallels to the Gonur necropolis look somewhat isolated. Still there is a strong belief that future archaeological excavations will fill up this gap in our knowledge as it often happened in the history of the scientific research.

CENOTAPHS

Cenotaphs make up 6,5% of the excavated burials at the Gonur necropolis, and 26,7% of investigated cenotaphs have been in situ burials (Fig. 10. See p.34). One should understand that cenotaph is a grave without any human bone. Some 85% of cenotaphs are shaft graves, and only 15% of cenotaphs are represented by pit graves with orientation of the pits, traditional for the Gonur necropolis: North-West — North (63%), West — North-West (18%), and North — North-East (18,5%). Location of funeral inventory mainly «at the head» and presence of sacrificial food (ribs of a ram) in the grave are traditional too.

Funeral inventory is represented in the following way: ceramic vessels (from 2 to 9) — in 100% of cases; stone beads (1-2 pieces) — in 41% of cases; pieces of kaolin (from 1-3) — in 15%; copper-bronze mirrors, flint arrow heads, pins and miniature so-called columns — in 11% of cases; gold single beads, bronze and glazed potter stamps, cosmetic bottles, lead «rings» and knives — in 7,5% of cases.

At last one should mention that entrances into the side chambers of the shaft cenotaphs (like of the ordinary ones) were tightly blocked by bricks. According to funeral gifts, cenotaphs belonged both to men and, presumably, women («female set»), while the miniature column indicates that some cenotaphs belonged to various ministers of religion.

PARTIAL (FRACTIONAL) BURIALS

Partial, or in other words, fractional burials were found at the Gonur necropolis in isolated cases. Usually these were small pits that contained carefully piled bones and always a skull topped them (Pl. 13, №6).

Partial or fractional burials undoubtedly indicate that the dead were first placed in a special place where the flesh was cleaned from the bones. Less likely is the «boiling» of a skeleton, though theoretically this way was also possible. The fact that there were only 2-3 such burials, found at the Gonur necropolis, indirectly suggested that such funeral rites were not common among local tribes.

Besides the Gonur necropolis, single burial of this type was previously excavated in the ruins of the temple Togolok-1, where in the grave only a very small «spot» of bone crumble that included finger and foot phalanxes (definition of G. Lebedinskaya and T. Balueva) was found. This burial was probably not robbed since an intact lazurite amulet was found in it.

In the ruins of the Togolok-21 temple, in its altar square under large fragments of pythos there were found long bones topped with two skulls (Sarianidi,

1990, p. 128). Separate bones topped with skulls were found in North Gonur (Sarianidi, 1990, p. 156, N 2).

Similar funeral rites had not been found anywhere else except for the Baluchistan regions where they were excavated by A. Stein (A. Stein, 1931, pp. 77-78; A. Stein, 1937, p. 120).

* * *

Finally, ending description of the Gonur necropolis, one should add that over 200 burials were made in the ruins of the North Gonur palace at the second half of the II millennium B.C., and of those more than eighty percent contained children's corpses (babies and young children). The rest were usual pit burials with North-oriented corpses placed in a crouched position. Also three rectangular brick cists were found on the ground level in the ruins of the former palace that was turned into a graveyard. Like the cists on the Gonur necropolis these also belonged to the people who during their lifetime belonged to a high level of Margiana society. This is evidenced by a bronze plug found in the cist (Sarianidi, 1998, Fig. 24, N 13).

The Margiana tribes seemed to have a special place for burying babies and children. They were buried either in simple pits or often inside large vessels. The Gonur necropolis with its isolated rare children's burials is one more proof for this observation. Contrary to the Gonur necropolis here, at the palace, the grown-ups were covered with the earth (traditional way of burial among tribes of Southern Turkmenistan), and these tombs might have belonged to the tribes that migrated from the mountainous areas of the Kopet Dag. Unlike the Gonur necropolis this graveyard showed no traces of plunder, which can be a sign of its later origin.

This short review of the archaeological material obtained at the Gonur necropolis clearly shows that, from archaeological point of view, one general idea prevailed at that time — above all they tried to avoid the direct contact of a decomposed corpse with the pure nature of the earth. It has already been mentioned that corpses in the shaft graves, chamber tombs, in the burnt pit graves and cists were placed in a vacuum, without the earth touching them. The only exceptions were fractional burials but in this case only «clean» skeletons (that is, the ones that were cleaned of flesh) were buried. This general idea to minimize contacts between the dead and the earth, so obvious in the period of Iranian paganism (as it is possible to conclude after studying materials from the Gonur necropolis), probably not accidentally

finds its confirmation and continuation in the

funeral rites of Zoroastrians.

1.5. Social order of the ancient Margush country people

The second fundamentally important conclusion is that one can speak about no less than three social groups that existed within the Margiana society. The conclusion is based on fixation of three different types of burials, combined with varying funeral gifts. Among the funeral constructions three types of graves can be pointed out: 1) chamber tombs and cists (5%); 2) shaft graves (75%); 3) pit burials (20%) (tab. III).

Three categories of funeral offerings and personal decorations clearly correspond to the three types of funeral constructions. The funeral gifts in chamber tombs and cists are the richest ones and as a rule they include different luxury items made of gold, silver and ivory as well as items of prestige (tops of scepters or rods, seals and so on). This undoubtedly meant that the owners of these gifts belonged to the elite of the Margiana society.

Sometimes shaft graves contained such pieces of jewelry as gold and silver earrings and rings, but in general these funeral gifts cannot be compared with those from chamber tombs and cists. Generally speaking one may say that shaft graves, chamber tombs and cists contained more or less identical sets of funeral gifts. But they were found far more frequently in tombs and cists (tab. VIII). One could even assume that purposes and uses of the same types of items might have been different, indicating the various positions held during the lifetime of the buried persons. Thus, for example, the subjects depicted on seals in shaft graves, as well as the material they were made of, were different from those found in tombs. Thus, the seals in chambered tombs were mainly covered with silver and all the images on them reflected the idea of power (a winged Goddess seated on a panther) and strength (a falcon torturing two snakes), which symbolized the power of the Margiana aristocracy.

Table VIII

Frequency of finding different types of funeral gifts (conditional units)

	Pit graves	Shaft graves	Chamber tombs
--	------------	--------------	---------------

Golden artifacts	1	20	100
Seals	1	2	5
Ceramic vessels	1	1,2	3

At the same time in shaft graves the seals were mainly made of copper and bronze and their images mostly bore magical characters (different geometrical designs, phytomorphic and zoomorphic subjects), but not symbols of personal ownership or authority.

The same statement is true for the tops of scepters that were found in both types of graves. Here too we can see a certain difference between them. In chamber tombs they were mainly made of copper and bronze and more artistically produced (burial 555) while in shaft graves the majority of them were simple stone ones with an unworked surfaces.

Based on this finding, it may be concluded that those who were buried in shaft graves belonged to the middle class of the Margiana society. Being quite affluent, they could not be compared in richness and social importance with the ruling «aristocratic» groups.

Though it is not yet proved, one may suspect that in Margiana society the secular power was separated from the religious one. The priests, in spite of all their importance, could not be compared with the local aristocracy in power and richness, and when the priests died they were buried in common shaft graves instead of in chambers or cists. Their funeral gifts included neither luxury items nor jewelry, but contained symbols of a religious meaning.

Finally, in the simplest pit graves the dead had a minimum set of funeral gifts (just a few ceramic vessels), thus testifying to their status in the third and poorest class of Margiana society.

As we can see, each of the three types of burials corresponds with a certain set of funeral gifts, differentiated according to its «richness». It became obvious in spite of the fact that practically all chamber tombs were plundered, so that the remnants of funeral gifts give only very general idea of how rich were those buried.

One may say that the Margiana society consisted of three main social groups: (1) the rich who were buried in cists and chambered tombs and made up five percent of the population; (2) the middle class — seventy-five percent; and (3) the poor — twenty percent. The rich children's tombs can be used as additional proof of inherited social division in the Margiana society, independent of sex and age. The cost of funeral construction also reflects great social and economic differentiation

Chapter II

THE BURIAL OF A HORSE

2.1. The horse and Indo-Aryans

The burial of a horse is very significant in solving the Indo-European problem. This particular burial was found among human burials in the southern outskirts of the Gonur necropolis. The horse (no more than one year old) was possibly not accidentally placed in accordance with the local funeral rites on its right side and buried at the depth of 65cm under the present day turf. Its body was North-oriented; the anatomic order of its bones was correct but lacked the head. The absence of the head might have had a ritual meaning (Pl. 12, №7). The identical situation was marked in the so-called «burial of a lamb» from North Gonur (Sarianidi, 1998, p.33-47). There a lamb was found on its right side, North-oriented, in correct anatomic order though without a head.

In connection with these burial practices one should recall the *asvamedha* ritual that «was perhaps the most effective among the ancient Indian ceremonies» (Mallory, 1991, p.135). After the animal was killed its body was separated into three parts and each of them was dedicated to three different deities (Mallory, 1991, p.137). Perhaps the ritual which was observed among the nomadic tribes, such as the Sarmats, for example, was an echo of this tradition and survived until late Antiquity. The Sarmats put a head on top of a noble nomad's grave.

According to paleozoologists the remains of young animals indicate that animals in their first year of age were kept in an enclosure «at home.» This leaves little doubt that at the Gonur necropolis a domestic horse was buried. Additionally it should be noted that an American paleozoologist, R. Meadow, came to Margiana and found the bones of an ass (*Equus asinus*) of «one immature animal» on site among the bone remains at the Gonur temenos (Meadow, 1994, p. 90, foot-note 2). These

bones are attributed to a date not earlier than the middle of the 2nd millennium B.C.

Perhaps, the generally accepted Indo-European ritual of dividing a horse into three parts was practiced in Margiana in an Indo-Iranian variant wherein they cut the heads off (lamb, foal) and sacrificed them to the God.

This horse burial incontrovertibly proves that on the eve of the 3rd-2nd millennium B.C. the ancient farmers of Central Asia knew the horse. It does not look like an exceptional or very specific case. Over a quarter of a century two burials of horses were excavated in the Katelai graveyard in Swat (Northern Pakistan) where they were made next to graves of common people (Antonini and Stacul, 1972, pp. 228, 291), similar to the burial of a foal at Gonur. Until recently horse burials in Swat looked rather extraordinary, but now, together with typically the same burial at the Gonur necropolis, these two burials are acquiring a significant role in solving the extremely important Indo-Iranian problem. The fact of the matter is that the appearance of the horse on the Indian subcontinent is closely connected with the Indo-Aryan problem and thus one can understand the special attention that specialists pay to this phenomenon.

To solve the Indo-Aryan problem it is necessary to discover the territory where the domesticated horse and a chariot first appeared and thus technics of horse riding developed. A large amount of literature addresses this issue. The Harappan civilization was believed to be laid waste as a result of the invasion of Indo-Aryans who came in military chariots and on horseback. One opinion suggests that the most ancient chariots with a pair of horses and bone bridles were uncovered in the graves of the Volga-Don, the Urals and Western Kazakhstan areas. They were dated to possibly the 4th millennium B.C. (Eneolith) or definitely to the 3rd millennium B.C.

Main arguments in favor of this point of view are based on the presence of bone artifacts, defined as horse bits, and bones of domestic horse, found in Dereivka. This hypothesis of a very early domestication of a horse became widespread both in Russian and especially in West European literature. But by now it has been determined that the stallion from Dereivka dates back not to Eneolithic, but to a much later «Scythian» time. This was confirmed by one of the main proponents of this hypothesis in her publication (Kuzmina, 2000, p. 4).

Nevertheless, up till now the motherland of the Indo-Aryans is usually placed in this territory and it is postulated that from there the Indo-Aryans moved to the Indus Valley and Iran on chariots and on horsebacks (Kuzmina, 1999). Strong arguments and discussions are aroused around the problem of when and where domestication of the horse took place. It is believed that the tribes engaged the longest in domestication of the horse were the first to ride horses and to use chariots and thus they could be considered the Indo-Aryan tribes. But one would think that whether a certain tribe belonged to the Indo-Aryans or not depended not so much on how long it used the domestic horse but rather on a definite historical situation which was created in the middle of the 2nd millennium B.C. in Central Asia, which was the only place from where the Indo-Aryans could penetrate the Indus Valley.

Indeed, the Rigveda mentions horsemen and chariots but it seems that the supporters of the idea of the origin of the Indo-Aryans in the Andronovo pastoral culture somehow exaggerate the real role of the horse in a supposed invasion. Thus, K. Renfrew says that the Vedic hymns speak of chariots and horses rather than about horsemen, which is not the same. The world history of this period did not record incidents wherein invaders were exclusively horsemen or chariot drivers since «A horseman in a cavalry is a later phenomenon first registered in Egypt and the Near East after the battle of Kadesh» (Renfrew, 1998, p. 120).

There is almost no archaeological material (in fact, such materials do not exist) which could show the presence of pastoral Andronovo tribes in the Indus Valley, but on the other hand one meets direct factual data of the penetration of the BMAC tribes. D. Mallory clearly states this fact, and based on the absence of any traces of the Andronovo culture on the Indian subcontinent, has forwarded one very clever theory which is not supported by archaeological evidence. But one should note that this author has recently changed his point of view and now he has been accepting the

idea that Indo-Aryans might have been the BMAC tribes. This would be discussed below.

Now it is worth dwelling upon one very important popular delusion (Sarianidi, 1998) that travels from one book to another. According to this idea, Margiana and Bactria were inhabited by tribes with steppe ceramics, people who had reached these areas from the Poltavkin culture of the Volga region (Parpola, 1998, p. 123). But the promoters of this origin for Indo-Aryans offer no archaeological proof. It is especially popular among foreign specialists though it was originated by Russian authors; it is the opinion that the Indo-Aryans have their origin in the steppe Andronovo culture.

True, in Margiana isolated settlements of the steppe Andronovo tribes were excavated and stray fragments were found on some of the settled farming sites. But this can be easily explained by the usual contacts between the tribes of the farming oases and the adjoining steppe areas. This hypothesis requires special discussion since many specialists including linguists persist in the deluded idea according to which Margiana was the intermediate region on the way of the Indo-Aryan tribes' migration to India.

If in earlier times only the materials of Late Harappa, Djukar and Chanhudaro testified to the penetration of the BMAC tribes into India, now one can add to this list the finds from Swat in Northern Pakistan. Having these new proofs of migration of the BMAC tribes to India, the persistence in holding to this delusion seems especially strange. An opinion has developed that «The new material contradicts the traditional point of view according to which the late horizon of Harappa-Djukar has parallels with the BMAC. A new theory to the contrary has appeared, which postulates that the people who lived in the Indus Valley had direct contacts with the semi-nomadic tribes with different craft traditions and who acted and moved between Central Asia and the Indian plain, Iranian plateau, Suziana and Mesopotamia during the Dynasty III of Ura and the Isin-Larsi period» (Jaridge and Quivron, 1999). Unfortunately, the authors do not specify what kind of culture they mean under the term «semi-nomadic» tribes that traveled between Mesopotamia and India and Central Asia, and what particular contacts took place between them and the Indus Valley inhabitants.

The horse was mentioned in early Vedic literature and it is considered to be a domestic animal of Aryans whose appearance in the Indo-Pakistan region was closely connected with the arrival of Indo-Aryans (Stacul, 1987, p. 123). In Swat IV an image of a horse on a cup was found (Stacul,

1987, fig. 46, h) and the Rigveda tells of the sacrifice of a horse as well as about the burial ritual of a horse (Elizarenkova, 1972, pp. 204-205).

So far no proof has been found that the local population of the Indian subcontinent was familiar with the horse before the 2nd millennium B.C. and the first indisputable evidence of this were the sculptured figurines from Pirak (Jarrige, Santoni, Enault, 1979, pp. 174-177, fig. 92). It is believed that irrespective of the Indo-Aryans' origin, they came to the Indus Valley as horsemen and chariot drivers in the middle of the 2nd millennium B.C. This is the reason for the great interest in the appearance of the horse in the Indian subcontinent for specialists who study the Aryan problem.

In this regard the horse burial in the Gonur necropolis acquired great significance. The fact that the Margush tribes were familiar with the horse long before the first contacts with the people of the Indus Valley, as well as some other materials, makes them real candidates to be identified as those Indo-Aryans whose origins is still the subject of thorough scientific study, unsuccessfully conducted by specialists in different academic fields all over huge territory of Eurasia during more than two centuries.

The horse burials in Swat show that the local population worshipped this animal and that is why the burials are considered ritual burials (Antonini, 1973, p. 241). The same statement can be applied to the horse burial from the Gonur necropolis. For a long time the two horse burials in Swat were treated as something rare that «has no basis in cultures of India, South Central Asia or Iran, but was well known from the Eneolithic epoch in the Euro-Asian steppes» (Kuzmina, 1994, p. 170). Now after the excavation of a horse burial in the Gonur necropolis this opinion has to be revised.

2.2. Indo-Aryan motherland in light of the newest materials

The decisive majority of modern specialists support this old theory according to which the Indo-Aryans were the nomadic tribes of the Andronovo type who in the middle of the 2nd millennium B.C. came on horseback and in chariots from the endless steppes of Central Asia and put an end to the Harappan civilization in the Indus Valley. Until the discovery of the BMAC this theory was the most acceptable and was almost exclusively the one that was supported by all the authors who admitted the existence of close parallels between the ancient burials at the farming sites of Swat

and the nomadic population of the Bishkent culture of Southern Tadjikistan (chiefly the Tulhar necropolis).

B. Litvinsky has already proved that the Bishkent culture graveyards belonged to the settled farming tribes of the BMAC type. In search for new lands they started to migrate from their settlements in the direction of the South Tadjikistan steppes where they settled down and were assimilated with the pastoral Andronovo tribes. We may add that in Northern Pakistan the Swat graveyards also belonged to these BMAC tribes who moved not only in the Northern but in the Eastern direction as well. On reaching the fertile river plains of Swat they settled down and, as D. Tucci correctly said, gradually mixed with the aboriginals (Tucci, 1977, p. 35). In other words, both the Bishkent and Swat cultures represent a kind of BMAC diaspora that moved in two different geographical directions. According to one theory these were not peaceful farmers but conquerors — pastoralists who won this territory by force (Stacul, 1970, pp. 99-100). But undoubtedly more correct is K. Fritch who — based on direct archaeological facts — demonstrated that the newly arrived tribes peacefully assimilated with the local population (Fritch, 1977, p. 63).

After the discovery of the BMAC, the parallels between Swat and this vast area seem to be more impressive and definite than the similarity to the Bishkent culture. Thus, in both areas, there existed many variations of funeral rituals, including inhumation, successive burials (temporary tombs) and fractional burials.

Still more impressive were parallels between funeral gifts and personal decorations. S. Antonini has already noted that the most popular and characteristic Swat pins with tops in the form of a disk with a small ball underneath were not found in the Tulkhar graveyard (Antonini, 1973, p. 242). Instead a copy of this kind of pin in silver was found in the Gonur necropolis (Sarianidi, 1998, fig. 25, N. 8). In addition, pins decorated with small rings that were found in Swat (Antonini and Stacul, 1972, fig. 24, c) strongly resemble one such pin from Margiana (Sarianidi, 1998, fig. 34, N. 1) and they had a common origin in North Mesopotamia (Mallowan, 1937, Pl. XVI).

Generally speaking the main pin types of the Swat graveyard (Stacul, 1987, Fig. 24) were known not only in Margiana but also in the whole territory of the BMAC. Moreover, the so called «cosmetic sticks» (Stacul, 1987, fig. 42), small bone, stone and faience articles (Stacul, 1987, fig. 43)

that were earlier found in Swat have now been excavated in the Gonur necropolis as well.

Among the small terracotta plastics of Swat the heads of statuettes attract our attention. They had «crowns» that widen upwards (Antonini and Stacul, 1972, Pl. XLVIII, XLIX) that closely resemble identical ones from Turkmenistan and Margiana (Sarianidi, 1998, fig. 16, N. 2). The terracotta statuettes from Margiana and Swat had one common iconographical type; they were all shown standing. At the same time the identical type of statuettes from South Turkmenistan were always shown seated, a fact that explains their different use in ritual ceremonies.

In Gonur an unusual female statuette with a cup-like hollow on the head was found (Sarianidi, 1998, fig. 11, N. 1). It is clearly analogous to figurines from the Swat necropolis. And according to G. Stacul a ceremonial bone ax from Gonur is identical to one from Loebnor 3 (Stacul, 1987, fig. 40, e). The Swat ceramics are mainly black and burnished grey. In both regions, cups on legs as well as other ceramic forms were common but not identical. Their prevailing parallels were found in the BMAC ceramics (Fig. 11. See p.40).

Finally, at the Gonur necropolis singular jars with the imprints of reed baskets that were identical to the Swat pottery were found (Stacul, 1987, Pl. XVII). The pipal designs on seals and small terracotta of the BMAC leave no doubt about their relation to the analogous designs found on the Indian subcontinent.

However, the clear similarity to ceramics from graveyard H in Harappa was also noted. Very representative is a metal «two-tooth fork» from Swat (Antonini, Stacul, 1972, Pl. LVI, d) that is analogous to forks from Hissar III (Schmidt, 1937, Pl. IV) and Yaz-Depe in Margiana.

These and some other parallels obviously proved that the Swat graveyards were left by the tribes, coming from the area of the BMAC. G. Stacul, the main specialist on Swat, has independently stated that the Swat graveyard belonged to the tribes who came from the BMAC area. He came to the conclusion that «the origin of the Swat culture of the IV period (1700-1400 B.C.) is more directly linked with the arrival of the tribes from Afghanistan than with the indirect influence of the Vakhsh or Bishkent culture» (from the personal letter of G. Stacul of 17.12.1999). One of the leading experts in Indo-European studies, D. Mallory, has been moving to this point of view recently. He stressed that the Merghar VIII and Sibri burials in Baluchistan with funeral gifts, typical to the BMAC, might be considered as that of Indo-Aryans (EIEC. P. 311).

2.3. Ancient BMAC farmers and a horse

Now let us return to the horse burial in the Gonur necropolis. Though specialists long ago knew that the ancient farming tribes of Central Asia were familiar with the horse still somehow they did not pay much attention to this fact.

In the Kelleli and Taip-I settlements of Margiana, bones of a domestic horse have been found in the layers, dating back to the beginning of the II millennium B.C., i.e. a long time before penetration of the Andronovo tribes into these territories. These and other facts gave an opportunity for a paleozoologist N. Ermolova to come to a clear conclusion: «... appearance of a horse in Central Asia should be linked with the advanced Bronze Period» (Ermolova, 1986, pp. 116-117, fig. 3). There is no doubt that bones of a domestic horse are found at the Tekkem Depe, dating back to the late Bronze Period (Ermolova, 1986, pp. 117).

Horse images are known at the neighboring territory of Horasan in Iran. First of all one should mention a well known cylinder seal from the Tepe Hissar III layer that depicted a one-axle chariot with a horse (Schmidt, 1937, fig. 118) that indisputably belonged to the BMAC layers. Equally representative was a beautiful terracotta horse head with a carefully cut crest. It was found in the upper layers of Altyn Depe that are also considered to be BMAC (Sarianidi, 1973). Over fifty years ago in the earth thrown out of modern graves in Namazga Depe as well as on the surface of the site, terracotta models of one-axle chariots and horse statuettes were found. Bactrian seals and amulets were also decorated with horse images (Sarianidi, 1998, a, No. 1440-1442, 1444-1446). Additionally, bronze tops of «rods» or scepters cast in the form of a horse head with carefully plaited crest were found (Sarianidi, 1982, Fig. 2, N 3). Finally, by now a head of a scepter with a horse image has been found at the Gonur necropolis. Thus, one may conclude that at least on the eve of the 2nd millennium B.C., the ancient farmers of the BMAC were familiar with the domestic horse.

At that time the horse apparently was not used for work and was most likely looked upon as some exotic animal which Margiana rulers could use during official and ceremonial processions. Only much later population of Margiana started to use horses first in chariots and, still later, as draught animals for ploughing.

The funeral gifts from the half destroyed burial of Zardcha-Halif (South Uzbekistan) gave new and indisputable evidence to our statement. They included a pin with a top in the form of a horse as well

as a bridle and bone horse bits in combination with typical BMAC ceramics and other funeral gifts. Based on this find it seems rather logical to include the area of the Zeravshan Valley in the territory of the BMAC (Bobomulloev, 1999, p.312-313).

Indeed, the whole funeral set of Zardcha-Halif, including a pin with a top in a form of a horse and, probably, horse bits, is typical for the BMAC. Now, after finding a foal burial in Margiana, it is no more necessary to link horse image on a pin with steppe cultures of the Andronovo type, defined as «... the first wave of Indo-Iranians, migrating to the South». It seems to be methodologically incorrect to take 1-2 artifacts (a pin, horse bits) out of the funeral gifts' context and to oppose these few artifacts to the main funeral inventory, including the typically BMAC funeral rites. It looks like the Zardcha-Halif burials are typically BMAC, as it has been already acknowledged by S. Bobomulloev. These burials provided evidence that the BMAC tribes were moving in search for new lands, suitable for farming, and settling down in the Zeravshan Valley already at the middle of the II millennium B.C. All these facts not only exclude, but presuppose their contacts with the steppe tribes, as it has been documented in the zone, inhabited by the BMAC tribes.

The find of the horse burial in the Gonur necropolis leaves no doubt that the BMAC population became acquainted with a horse at their motherland in Near Asia and brought it to Central Asia during the last centuries of the III millennium B.C. Finding of a head of scepter with a horse image in the burial 2380 of the Gonur necropolis was an additional proof that horse-breeding existed there at those times. The facts, presented above, give a strong stimulus to revise the old theory, according to which the Indo-Aryans were exclusively Andronovo tribes. It should be noted that the first scientist who doubted the old theory was S. Antonini who, based on the finds from Swat graveyard, pointed out that the assumed links between the graveyards of Tulkhara and Swat were not confirmed either by ceramics or by metal items (Antonini, 1973, p. 241).

According to S. Antonini the Swat materials found more representative parallels in the ancient farming cultures of South Turkmenistan (Ulug Depe), Uzbekistan (Sapalli) and especially of South Bactria (Dashly). The first proofs of this statement were made even earlier (Sarianidi, 1971; Sarianidi, 1972, p. 16-22), so the suggested parallels between Swat and Bactria and Margiana and in general with the BMAC were not something new. They can justly be looked upon as additional confirmation of the hypothesis made almost thirty years ago (S. Anto-

nini and V. Sarianidi). In other words, the hypothesis was put forwarded independently by to authors over a quarter of a century ago about the possible connections of the Swat graveyard with the ancient farming tribes of the BMAC type rather than with the steppe Andronovo tribes. And now, in the light of the newly acquired materials, including that of the Gonur necropolis, it has become a new theory that is supported not simply by similarity of cultures but by a genetic relationships between them.

All specialists are unanimous in saying that Swat Valley «... is the best candidate for the penetration of the Indo-Aryans into the Indus valley» (Mallory, 1991, p. 47). At the same time D. Mallory fairly notes that: «We should never forget that the grey ceramics only outlines the way of movement but should not be associated with the Iranian ethnos» (Mallory, 1991, p. 47). Now, based on the new material from Margiana and especially from the Gonur necropolis that presents ceramics, statuettes, metal items, «temporary tombs» and ritual burial of a horse, we have a whole complex of identical signs that leave no doubt in the genetic links between Swat and the BMAC. It is clear that the old theory of South Tadjikistan (and mainly of the Tulkhar graveyard) as the origin of the Swat graveyard should be revised. Taking into consideration the chronology of the BMAC compared to the graveyard of the Swat of the fourth period, one may say that there are sound reasons to believe that the Swat tribes were the ones that arrived there as a result of the migration of the BMAC tribes in a general Eastern direction. As a result of their gradual assimilation with the aboriginals the Swat IV culture appeared.

According to A. Parpola, Swat was the area where the Dard languages were spread. These were the only languages that preserved the clear dialectic forms of the Rigveda and represented «...the early Vedic culture» (Parpola, 1994, p. 58). Also very interesting is the opinion of D. Mallory who thinks that Swat «is the region that best of all corresponds to geography described in the Rigveda hymns» (Mallory, 1989, p.47).

These linguistic data together with the above-mentioned archaeological material testify to the direct genetic link between the BMAC and Swat graveyard, a fact that leads to the conclusion that the Indo-Aryans were represented by the farming and herding tribes of Central Asia. One should always bear in mind the existence of the southern direction of the migration of the Indo-Iranians who reached the Indian continent (Kulli-Mekhi) through Southwestern Iran and Baluchistan. Every year field

excavations bring new evidence to support this statement.

Admittedly, the arrival of Indo-Aryans on the Indian subcontinent was not a simple and straight story. Thus, B. Hamphill from the University of Nashville who made field studies in South Uzbekistan, Indus valley and Margiana says that at present the Harappan culture yields no «evidence that would prove that the local population was replaced by migrated tribes» (Kenoyer, 1998, p. 61). During the field studies in Margiana more than once he said that the craneological data of Gonur differs from those of the Harappan civilization. On the other hand, Russian physical anthropologists are unanimous in finding certain similarities between skulls from the Gonur necropolis and population of the Northern part of the Indian subcontinent, the latter having physical-anthropological type of Southern Caucasoids with evident Veddoid admixture. This issue is explored in details in Appendix 2.

Obviously, at present we are standing at the threshold of resolving this important problem, but it would require efforts of many generations of specialists in different sciences, and first of all in physical anthropology.

We can only stress that, according to linguistics, in the III-IV millennia B.C. the tribes, related to Elamites and Dravidians, have been inhabiting territories of «at least Southern Iran» (Diakonov, 1986, p. 86). This should be compared with the data of physical anthropologists (T. Trofimova, V. Ginzburg) about the Equatorial admixture on the skulls from Turkmenistan, dating back to the IV millennium B.C. Besides, in the middle of the IV millennium B.C. the so called Geoksyur tribes spread over Eastern Turkmenistan, and their origins were linked to Phars (Tali Bakun) and, partly, to the neighboring Elam. By no means it is accidental that the similarities are present not only in painted ceramics, but also in the spread of a new

type of statuettes and, what is most important, of the new burial constructions («toloses»). All these facts leave no doubts that tribes from Southern Iran have been settling over vast territories in Eastern Turkmenistan (Sarianidi, 1965), including the Zeravshan Valley (Sarazm).

On the one hand, it is quite possible (though not yet proved) that the population, coming to Turkmenistan, has been speaking in a language, closely related to Proto-Elamite. This conclusion is indirectly supported by the Proto-Elamite expansion towards the East, documented by findings of tables with writings in Shakhr-i Sohhta, Shakhdad and, first of all, in Tepe Yakhya, i.e. up to Baluchistan.

On the other hand, we have serious grounds to suggest that there have been mutual relations between Central Asia and Indian subcontinent, sometimes transforming into tribal migrations. This has been proved by the spread of Baluchistan ceramics and bangles, made of sea shells, in the Zeravshan Valley (Sarazm), showing arrival of some North Baluchistan tribes to this territory.

One can evaluate complex character of migrations, judging from presence of «Quetta style» ceramics and «Geoksyur type» female terracotta statuettes in the Gumla Valley of Baluchistan. Some archaeologists justly believe this is an evidence of influences, originating in Eastern Turkmenistan and reaching Baluchistan (Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973).

It is very telling that these links go far beyond the framework of ordinary exchange, trade and cultural contacts, and turn into direct tribal migrations and settling on new lands (Masson, 1989, p. 186).

Even this extremely brief review of inter-tribal relationships in Indo-Iranian and Central Asian regions gives us the right to suppose that southern areas of Ancient Turkmenistan, as well as neighboring Iran, were part of the zone of Elamite-Dravidian languages.

Chapter III

FUNERAL GIFTS AND PERSONAL DECORATIONS

3.1. General characteristics. «Female» and «male» funeral sets

The term «funeral inventory» is a widespread one in archaeological literature, and its use prevents from differentiating between funeral gifts and personal decorations.

Indeed, there is only relative difference between the former and the latter. For instance, we can define ear-rings, rings, bangles, beads, diadems, ear-pins and pins for clothes, cosmetic utensils (bottles, sticks, so called spades) and other less important artifacts as personal decorations. One can definitely describe ceramic, stone and metal vessels, prestigious items (so called miniature columns, «crooks», «weights», stone disks, ceremonial axes, stone and metal heads of scepters) as funeral gifts. In isolated cases there were found professional gifts like instruments of master in stone cutting (burial 1200). Taking this into account, let us turn to review of various artifacts, excavated from the Gonur necropolis' graves.

It has been mentioned above that more than 80% of the Gonur necropolis graves were plundered in antiquity and as a result we cannot get a complete and realistic idea of how rich the funeral gifts were. But based even on the limited quantity of gifts we may reconstruct the social life of ancient Margush.

Statistics show that 29% (almost one-third) of finds from intact graves were identical in male and female burials. They included ceramic and bronze vessels, stone, faience and metal beads, spin-dles, «cosmetic sticks», bone pins, mirrors, cosmetic «spades» and bottles. Though the set of gifts was almost the same in both types of graves they differ in quantity - their amount in female graves is 2-3 times larger (sometimes dozens of times greater!) than in male burials. In other words based on this we may speak of «female» and «male» sets

of funeral gifts, the former being much more rich if compared to the male burials.

The «female set» was far more diverse, included 18 types of items that made up 44% of all registered articles and consisted of silver models of small vessels, gold and silver beads, cosmetic sticks and bottles, mirrors, cosmetic «spades», bronze and faience seals, ear-rings and bracelets, shells or beads made of shells, sewn buttons, pins (including bone pins) and diadems, golden pendants. In female burials there were found twice as many ceramic vessels as in male burials. On the whole, the female graves were characterized by having mostly cosmetic and jewelry items.

The «male set» consisted of 11 types of items that make up 27% of all the registered articles and include stone vessels, bronze ceremonial axes (and a bone one), stone rods or crooks, bronze tops of scepters, «miniature columns», lead rings, metal knives and swords and flint arrow heads. As one can see, these were articles that mainly reflected the power and strength of the male population of the ancient land of Margush. It is remarkable that practically all social symbols of power were found in the male graves which may be interpreted as an indication of the indisputably high status that men experienced in the social life of Margiana.

Perhaps it is not accidental that the same situation was recorded in North Bactria (Sapalli, Djarkutan), where the female gifts were «richer» than the male gifts (Alekshin, 1986, p. 28). After these preliminary remarks, let us now discuss the available archaeological material from the Gonur necropolis.

3.2. Funeral ceramics

Ceramic vessels make up the most popular type of funeral offerings at the Gonur necropolis (Pl. 2, №1-6; 14-18: 19, №1-7). It should be noted that funer-

al ceramics usually bore traces of effaced bottoms on the vessels, an indication that before being placed in tombs they were used for every day needs. In some cases clearly spoiled over-fired (sometimes cracked) vessels were put into graves, which can be interpreted as a sign of a certain disrespect of ancient Margush people for funeral rituals.

The archaeologist B. Udeumuradov has analyzed all the pottery found in the Gonur necropolis. His groupings and preliminary conclusions, taken from the scientific report on archaeological excavations during 1998-2000, were as follows.

«While studying the funeral ceramics the following characteristics were taken into consideration: the form of an article, its morphology, textural (color, clay composition) and technological signs. According to these criteria the ceramics of the Gonur necropolis were distributed into seven main groups.

Group 1 — light colored ceramics with red, pink and brown colored section cut

Group 2 — the so-called «Namazga» type ceramics of light greenish color

Group 3 — ceramics with the surface and section cut of the same red, pink or brown color

Group 4 — kitchenware made of clay with large amounts of admixtures of quartz, sand or chamotte

Group 5 — grey or black-clay ceramics

Group 6 — ceramics with red glaze

Group 7 — ceramics spoiled during firing.

The statistics embraced 1,820 intact or archaeologically intact vessels from the necropolis excavation of the years 1999-2000. The bulk of the ceramics was represented by vessels produced by wheel (98.3%). Handmade pottery makes up only 1.7% and includes kitchen cups as well as dining cups.

The wheeled pottery and the handmade pottery produced were of high quality and well levigated clay. The pottery described above is distributed in the following way: Group 1 — 85%, Group 2 — 3.3%, Group 3 — 7.8%, Group 4 — 0.4%, Group 5 — 2.4%, Group 6 — 0.7%, Group 7 — 0.4%. This distribution shows that the light colored ceramics formed the dominant group whilst the red ceramics were less common. On the other hand the grey and black pottery pieces are six times as numerous as the kitchen pottery, an uncharacteristic situation in the excavated sites of Bronze Age South Turkmenistan.

Ornamented ceramics (20 items) make up less than 1% of the total. Fourteen of these pieces were vessels - all of them tall cups with primitive decoration in the form of horizontal and vertical red lines against a light background. The fact that 95%

of these painted cups were found in chamber tombs and cenotaphs may indicate that they were used as ritual pottery for funeral rites. The other type of ornamentation was represented by images of trees and different signs and symbols that were incised on the pottery surface prior to the firing process.

There were 150 forms of pottery found on the Gonur necropolis (Fig. 12. See p.46), very unevenly distributed. The rare forms (from 1 to 3 items) make up 36.3% of the total amount of vessels and were represented by 48 types (forms 1, 7, 12, 22, 27, 32, 35, 36, 39, 40, 67, 73, 74, 82, 86, 88, 99, 100, 104, 109, 111, 115, 116, 120, 122, 126-132, 135-140).

Seventy-two relatively rare form types (from 4 to 28 items in each type) make up 54.5% of the entire bulk of the pottery. Finally, the most frequent forms consist of 12 types (28, 29, 49, 50, 51, 53, 54, 59, 70, 92, 96, 97). They include pots, conical cup and cylinder vessels with outward-curving rims. According to the statistical data these forms were most common among the funeral gifts at the Gonur necropolis.

The ceramic complex of the Gonur necropolis was well synchronized with the materials from South Turkmenistan as well as from Bactria (Sapalli, Jarkutan, Dashly), Baluchistan (Merghar VIII) and Eastern Iran (Hissar III, Shahdad, Sohri-Sohte IV).

The Gonur ceramic complex consisted of two groups that simultaneously had both some common as well as different features. Their chronology is easily dated on the basis of the radiocarbon tests of the similar complexes of Central Asia (Askarov, 1977; Dayson and Hovard 1983; Jarrige, 1982; Agraval, 1971; Salvatori, 1985, 1994).

The first and most ancient *group* was dated to the end of the 3rd millennium B. C. through the first third of the 2nd millennium B.C. It consisted of vase-like vessels with a hardly noticeable rim (forms 43, 44, 47), of pots with narrow necks and a wide body (forms 71 and 72), of glasses on low pedestals (form 112), of specific pots of the Altyn type (form 124), of cylinder vessels with holes (form 73) and of cylinder vessels that slightly narrow at the top and with rims that curved outwards (form 70). It may not be accidental that anthropomorphic statuettes were met only in combination with this particular pottery form.

The second group, that dated back to the second quarter of the 2nd millennium B.C. corresponded to the materials of the transition period from the Developed to Late Bronze or to complexes of Namazga V and VI types. The most characteristic vessels were vases on pedestals with inward-curving rims (forms 66, 104), different types of glasses (forms 8-11, 14), hemispheric bowls with

grooved bottoms (form 85), large cups of a «tagora» type (forms 105, 120), large pots that sometimes were painted with two or three red horizontal bands (form 136) and conical cups with inward-curving rims (forms 114, 135). Only this group included vessels with characteristic red glaze.

At the same time the ceramic complex of the Gonur necropolis lacked material of late Namazga VI type. Also none of the tombs contained ceramics of a steppe type or any vases or glasses on baluster-type pedestals that were so common in the late pottery of Northern Bactria.

Unfortunately at present it is impossible to give a more precise chronology of this material and yet it is absolutely clear that both ceramic complexes tended to the BMAC ceramics».

This set of typical funeral ceramics of the Gonur necropolis might be enriched by a few particular forms that reveal more distant parallels (Pl. 2, №1-6).

In a grave that was destroyed during the construction of a canal there was found a fragment of a cup with a painted design typical of the Late Namazga IV period (Sarianidi, 1998, Fig. 11, N 6). From another grave that was discovered in the same way came an average-sized vessel with four spouts decorated with bull's heads (Sarianidi, 1998, Fig. 10, №7).

In the grave 717 an intact vessel of grey clay with an incised design of the Namazga VI or Hissar III period type was found (Fig. 13. p. 47, Pl. 18, №4). Equally unusual was a grey burnished clay vessel (Pl. 18, №6) with not a flat but a rounded bottom found in a grave with a skeleton which anthropologists defined as having some Equatorial features (see Appendix 2). There were also found grey clay carafes, vessels with long spouts (Pl. 2, №5, 6; 18, №9) and vessels in form of anthropomorphic figurines that have direct parallels in Iranian Horasan ceramics (Hissar, Tyureng-Tepe, Shah-Tepe). This grey clay ceramics are few in numbers and most probably it is imitation of the Horasan ceramics, though certain vessels (those with long spouts) were perhaps imported from North-Eastern Iran.

The funeral ceramics contained some vessels, showing svat and influence of a clearly different culture possibly that of the Indus Valley, or Harappa civilization. The Swat and Shortugai ceramics occupy intermediate position. These were two vases on high pedestals that generally repeat the ceramic vases popular in Margiana with the difference that the soft profile of their lines was replaced by a severe profile and the opening of the hollow pedestal was very wide (Fig. 14a. P. 48) . On the

bottom of one were bracket-like impressions (characteristic of the Harappa pottery) and the surfaces of both vessels were painted bright red (Fig. 14b. p. 48). As pottery forms reminiscent of Harappan ceramics, cylinder vessels with wide openings on the bottoms and a number of small holes on their bodies were found (perforated iug. Pl. 18, №7).

Attention was also attracted by four locally made vessels (three goblets and a jug) with rims in the shape of trefoils. In addition, two glasses on pedestals with four «small corners» turned outward were found (Pl. 2, №2). Similar ones (with handles) came from Anatolia, for example from Kanish (Ozguch, 1953, Pl. XXI, XXXI), Alishar, where they «are rather often found in graves» (Schmidt, 1932, p. III, Pl. XI), Inandik Tepe (Ozguch, 1998, Fig. 31) and many other Bronze Age sites of Asia Minor.

There is one single case of a vessel from the Gonur necropolis in the form of a circle with a mastered neck (its bottom part was not preserved) that to that point had never been excavated - neither in Margiana nor in the whole of Central Asia (Pl. 18, №8). Similar vessels, though with handles, are found in Anatolia beginning with the period of Troy II (2500-2000 B.C.). They became especially common beginning with the early Hittian kingdom (Bittel et al., 1984, Abb. 14; Blegen et al., 1963, Fig. 406). One such vessel from Syria dated to 3500-3000 B.C., which according to E. Strommenger was unique and was used for religious libations. The accuracy of this opinion was supported (apart from the un-usual form of the vessel) by the fact that it was found in both religious and administrative center. The Margiana item looked like a simplified variant of the Syrian vessel with one important thing in common: both of them were so carefully polished that their surfaces shone almost as brightly as a mirror (Strommenger, 1985, p. 114, Fig. 33). Similar round vessels with a neck on the side instead of on the top were found in Egypt and Cyclades, which may not be accidental.

Isolated position is taken by a cylinder vessel with two pairs of protruding tenons near its bottom and with the scratched image of a tree. Two figurines of goats, standing at both sides of this tree, were stuck on the vessel (Fig. 15, p. 49).

3.3. Anthropomorphic plastics

Terracotta figurines

Flat female terracotta figurines of local Turkmenistan deities were found in singular graves; in some cases, as for example, in the burial 359, two statuettes were found. There were two types

of figurines. Most of them represent a standing female figurine with rhombic sculptured eyes (very often their chinks are painted black) and a head with a crown that was quite often decorated with scratched bands or ribbons and that spread upwards. In each corner of the crown was a hole. A crown from the burial 806 (Pl. 3, №7) had two copper rings in these holes that to a certain extent recalled similar decorations on the Hissar III stone statuettes (Schmidt, 1937, fig. 114) and on terracotta figurines from Syria and Pal-estine. The arms were always stretched wide and in some cases the shoulders were decorated with scratched signs that probably revealed the personification of a certain deity, such as, for example, the «Deity of Vegetation», the «Deity of Water» and so on. The legs were always concealed and beneath the belly was a large triangle filled with small slanting scratched lines. The bust was represented by small sculptured cones (Pl. 3, №7, 8; Fig. 16, p.49).

Also there were found rather schematic figurines (without sex signs) of the second type that looked like flat armless triangles without «a crown» (often on the back of the head was a hole), but with a scratched necklace on the neck and signs and/or symbols on the shoulders (Pl. 3 №9; 19, №8, 9).

All these figurines undoubtedly belonged to the Middle Bronze Age in South Turkmenistan (Namazga V period), with only one very characteristic differing detail. Contrary to the South Turkmenistan ones that were always shown seated, the ones under discussion were standing. This difference was very significant because different poses of female deities corresponded to their definite purposes. The seated ones seemed to be placed in special niches in houses whilst the standing ones of the later period were used as grave offerings.

Composite statuettes

About a quarter of a century ago the antique shops of Kabul (and later those of Europe and America) offered so-called composite statuettes from plundered tombs of Bactria. Probably the terra-cotta statuettes of the South Turkmenistan type described above and found in graves were substitutes for the stone composite ones.

A terracotta figurine that copies a stone composite statuette was found in a cist at the Gonur necropolis alongside some gold ornaments (burial 560). This was probably a seated female without distinct sex signs with arms crossed on the bosom and legs stretched forward. Her face had a large beak-like nose, almond-like eyes, curved eyebrows and a cap which was painted black. Small and well-modeled ears testified to high professionalism of

the craftsman. A dress with a low-cut neckline that continued on the back was painted black (Pl. 3, №1).

A second terracotta statuette together with gold beads and a necklace of semi-precious (Pl. 3, №2, 3) stones was found in the pythos where a young boy 13-15 years old was buried. It should be noted that it was found in the ruins of the North Gonur palace instead of in the necropolis. This seated figure with large eyes and clearly defined pupils had semi circular eyebrows, a big nose and thin lips. The top of her head was painted black and this may be interpreted as a hat. The arms were crossed on the bosom and the legs were concealed under a long, fluffy black-painted dress. It was in the style of a robe with open sleeves and neck.

It is only logical to suggest that in a country poor in stone these two statuettes most probably were modeled on the stone composite figurines and then were placed in graves as funeral offerings.

During the excavations of the Gonur palace and temenos, steatite figures decorated with «small tongues» were found, as well as marble hands and heads from original composite statuettes. These finds document that the statuettes belonged to the Bronze Age.

Finally, in one plundered chamber tomb, a black steatite composite statuette was found (Pl. 3, №6; Pl. 19, №10). It was dressed in a typical Sumerian dress of a «kaunakes» type and decorated with scratches of «small tongues.» The statuette was analogous to typical Bactrian ones.

Another tomb yielded a gypsum casting of a headless composite statuette with marble arms crossed on its knees (Fig. 17a. p. 50; Pl. 3, №4). Its fluffy dress of a «kaunakes» type was decorated with scratches of «small tongues». Though both statuettes did not preserve their heads, deepening on tops of the bodies, filled with remnants of a red sticky substance, left no doubts that the statuettes once had marble heads like the one, found during excavations in temenos. This can be proved by the finding of an intact composite statuette (Pl. 3, №5) at the head of female burial 1799 (Fig. 17b. p. 50). It was made of two parts of black steatite, and the statuette represented luxury Sumerian dress of a «kaunakes» type, decorated with scratches of «small tongues». Separately produced head and arms of white marble, assembled with the body, made this composite statuette an exact copy of the known Bactrian ones, coming from plundered burials.

After the first composite statuettes appeared in the antique shops of Europe and America, they attracted the serious interest of specialists. Such stone composite statuettes were placed sometimes in ancient tombs of Bactria and Margiana and

probably in the whole territory of the BMAC and farther up to Baluchistan, as one may judge by the «Quetta treasury» (Jarrige, Hasan, 1989).

Though the information on statuettes is not something new, we are still ignorant of which image (male or female) they reflect. There was a supposition that they reflected the dead person (which seems most inconceivable), or personified local deities and could be images of a fertility deity, such as for example the Sumerian Inanna or the Semite Istar (Carter, 1997, p. 326).

In the Metropolitan Museum (New York) there is a statuette with some reddish spots on the back. According to laboratory research these are pigments of a paint that probably occurred because the statuette was wrapped in some red cloth. One should note here that the red paint on some items from the «stone carver's tomb» (burial 1200) in Gonur necropolis were most probably traces of some kind of glue.

The present complete publication of all composite statuettes of the Near East (Winkelman, 1999) leaves no doubt as to their western origin. They were very characteristic of the cultural zone of the BMAC and their Akkadian and Elam origin seems most probable. The tradition of placing composite statuettes in tombs was probably used by the western tribes that in their new lands continued to follow their funeral rites. But in Bactria and Margiana there were no stone deposits and gradually the stone composite statuettes were replaced first with clay (and even gypsum castings) and later with terracotta ones of the South Turkmenistan type.

It seems that the overwhelming majority of these statuettes show one general physical-anthropological type of people with long, slightly curved noses, small, plump lips, almond-like eyes and a gentle face outline (with a few wide faces).

3.4. Zoomorphic plastics

Zoomorphic plastics are represented by unique terracotta or clay animal figurines that were sculpted roughly and without details. Humped bulls and supposed goats or rams prevailed. In the ancient hills formed by the earth thrown out of graves a terracotta figurine of a frog and of some other animals, once stuck on the unpreserved cult vessels, were found. Such vessels were abundant in excavations of the Margiana temples of the Togolok-1 and Togolok-21 types (Sarianidi, 1998, fig. 10, № 1-3).

3.5. Metal items

Though the Gonur graveyard yielded quite a number of metal objects they were not analyzed

in any laboratory and were conventionally thought of as copper and bronze. Some lead, gold and silver items were found but no iron.

Previous research has reported that contrary to Bactria, with its tin-rich and lead-rich bronze, in Margiana mainly arsenic-rich bronze was found (Avilova, Terekhova, 1989, pp. 290-296). The latter had close analogies with the copper-arsenic alloys of the Iranian plateau (Yahya IV A, Hineman, Shahdad).

The lack of natural metal resources in Margiana, situated in the valley of Murgab river, seemed to determine the poor set of metal objects. On the other side, the Anatolian and Iranian plateaus marked two centers in the Near East where the earliest metal items appeared, a fact that in its turn can be explained by rich natural resources. Besides, in Badakhshan there were resources of both lead and gold that were considered quite rare metals. The opinion exists that perhaps already in the most ancient times Afghanistan served as the main source of metal for such areas as Mesopotamia, Iran and India. It looks like the Iranian-Afghanistanian center of metal production was the basis for the ancient metal works, so widely presented in the findings from the Gonur necropolis.

Before turning to copper and bronze artifacts, let us make some preliminary remarks.

A portion of the metal funeral gifts such as daggers, knives, spearheads, mirrors, pins and others showed signs of being shaped for a purpose. As in other ancient cultures this shaping, or in other words bending, of the metal could have been done for magic purposes.

The majority of silver objects were manufactured of low quality silver which explains the green patina on them, a characteristic sign of copper and bronze items.

At the same time some copper and bronze seals, cosmetic bottles and pins were covered with silver film, which suggests a special and rather complicated method of manufacture. As was stated, in Near Asia the artisans used arsenic with bronze, which with their special technology accelerated the diffusion process and pushed arsenic to the outside of the cast. This gave the impression that the item was made of solid silver (Ryndina, Konkov, 1982, p. 30). This specific and complex technology was believed to have originated in the Crete-Minoan culture and had been known only in Anatolia. Now it has been found in Margiana as well where it was probably brought by the new migrating tribes.

After these preliminary notes let us move to review of different types of metal artifacts.

Ceremonial axes

This is a very rare type of object with a deliberately blunted blade and a characteristic «cock's tail» butt (Pl. 4, №5-8). So far they have been found only in few tombs of the Gonur necropolis and deserve special description.

From burial 517 came a massive axe with a beak-like blade and a «double» butt bent in the form of a «cock's tail» (Fig. 18, p. 52). The socket with a hole for a partially preserved wooden handle was not perpendicular but slanted in relation to the axe itself, this being characteristic for all the ceremonial axes. A «cock's tail» shaped «double» butt is rare. To my knowledge another such example exists only in Anahita Gallery (USA) among the unpublished material of Bactria. I was able to see this artifact due to the courtesy of Andy Hale. On the whole, to a certain extent this axe resembles the profile of a bird's head with a long beak, a round eye and a «double» cock's tail.

The axe from burial 149 was much simpler. It had a blunt blade and its socket bore a hole for fixing the handle (Pl. 4, №8).

The next axe, from the «priest's burial» 1500, was a unique example heretofore unknown in the territory of the BMAC. It had a flaring blade and a butt in the shape of a cock's head with a big crest and a long and slightly curved beak; the socket had a hole for a wooden handle (Pl. 4, №6; Fig. 19, p. 53).

And finally in the burial 963 another small ceremonial axe with a slightly flaring blade and a shaped socket was (9 cm length) found. The top of the blade with a hole for the butt was decorated with two slightly curved protrusions that vaguely resembled birds' heads.

Earlier the ceremonial axes were found on other Margiana sites; it was not accidental that all of them were excavated in the ritual buildings (Sarianidi, 1998, fig. 25). An axe from the Gonur temenos had a preserved wooden handle 0.5 m long.

The ceremonial axes from Bactria have already been partially published (P. Amiet, M. Potier, G. Ligabue, V. Sarianidi). In addition to Bactria and Margiana, ceremonial axes were also excavated in Eastern Iran. Two ceremonial axes (but more official and artistic) from the Shahdad graveyard (Hakemi, 1997, pp. 207, 208) closely resemble the axe from the Gonur temenos.

It was already proved that axes with purposefully blunted blades and a butt in the shape of a cock's tail were official and that they were probably used for ritual occasions. The latter statement is supported by the fact that this type of an axe was found among other ritual funeral gifts (miniature column, «crook») in the burial 1500 of the Gonur necropolis. P. Amiet

was the first to show the link between such ceremonial axes from Bactria and Elam. The axes from Margiana can also be added to this list now. Identical ceremonial axes were found in Luristan as well where they could have been either imported from Bactria (P. Amiet) or locally made and from there brought to Bactria (E. Hertzfeld, V. Sarianidi).

Attention has already been drawn to an axe-hammer from Elam with an inscription «in the name of divine Shulga» (Mesopotamian ruler Shulga who conquered Elam and who ruled in 2000 B.C.). The type clearly recalls axes from Bactria, which may suggest their common Bactrian origin (Potts, 1994). According to another opinion this type of axe originated in East Iran (Arus, Harper, Tallon, 1992, p. 92), but both of these opinions has not been substantiated.

The axe-hammer (of Shulga) from Elam has two realistic birds' heads. An identical silver object was found in the G. Ortis collection. Among the ceremonial Bactrian axes from plundered tombs one typical axe-hammer with two conical protrusions on the socket stands out. This axe probably imitated the forgotten bird figurines of the Elamite prototype (Sarianidi, 1977, fig. 34, №5). Identical to the Elamite one was the axe from the Gonur necropolis with two slightly shaped protrusions on the socket.

All these facts give us an opportunity to conclude that axes from Gonur are typologically identical to Bactrian ones, both of which probably had one common Elamite prototype. One may suggest that local craftsmen from Bactria and Margiana gradually replaced the original birds' heads that decorated the sockets of Elamite axes with simple protrusions.

In addition to the assumed Elamite-Luristan origin of ceremonial axes of the BMAC, some indirect data suggest a more distant origin. It has already been mentioned that the most artistic ceremonial axes from Bactria and East Iran (Shahdad and especially Hineman) had a crescent-like blade (Curtis, 1989, p. 10) which has been replaced with a wild boar figurine whose back served as a blade. Usually beasts of prey (tigers, lions) and monsters (a man with two eagle heads in the Metropolitan Museum) are shown torturing this wild boar. Especially representative are the gilded silver ceremonial axes in the G. Ortis collection (Ortis, 1996, Fig. 14) and Christie's collections (Christie's, 1994, №68).

An axe probably from Hineman had a butt that can be interpreted as the crest of a galloping horse (Zimmerman, 1991, p. 50, fig. 13). Another unusual axe is in the British Museum (Curtis, 1989, p. 11). Very representative is a ceremonial axe of unknown origin, but it seems quite possible that it belonged to the BMAC culture. Near Eastern in

type, it reveals stylistic parallels with the artistically produced metal objects of ancient Greece (Dalton, 1964, Pl. XXIV).

Besides Bactria, Elam and Luristan, the axes with crescent-shaped blades were also extremely popular in Anatolia where they were found at the king's gates in Hattusa and on the rock reliefs of Yazilikaya (Bittel et al., 1975, Taf. 58, p. 131). Already more than half a century ago E. Herzfeld pointed out the similarities of the Asia Minor axes to those from Elam and Luristan and from Hineman (Herzfeld, 1988, p. 131). Now the same commonalities can be seen in axes from Bactria and Margiana.

The problem of the origin of ceremonial axes is far from being solved. From Sakiz (modern Kurdistan) came a ceremonial axe with a seated human figurine on a throne, a bird and a beast of prey. It dated to a later period (Huot, 1976, Fig. 86) than the BMAC ceremonial axes, but it is very significant that Kurdistan was one of the most probable places from where the migrating tribes (BMAC) started to move in the direction of Central Asia.

Daggers, knives and spearheads

It is difficult to differentiate and classify these artifacts. Conventionally knives were determined to be objects with one sharpened blade while daggers had two sharpened blades, pointed tips and wooden handles. A sword from the burial 517 had a handle made of pear-wood (Pl. 20, №3), so we may assume that practically all daggers and knives once had wooden handles.

At the same time official objects had figured metal handles, like the one from the burial 1922 with the handle, casted in a form of a pair of interwoven snakes (Pl. 20, №5; Fig. 20, p. 54).

All the knives had sharpened blades and pointed tips. Bigger «kitchen» knives (the burial 1255) with massive and wide blades were also found. When it was possible to determine, the condition of their blades showed that they were well used (Pl. 20, №7, 13). Some, but not all, daggers were seriously bended. Knives and daggers of almost identical type were found in the plundered graves of Bactria (Pottier, 1984, Pl. II-III).

Razors

Few razors or blades were found and all of them had a slightly curved form with a handle and a wide and sharp blade. To some extent they resemble modern razors.

Lead rings

Lead rings (Fig. 21, p. 54) were found only in a few tombs. In one case such a ring was excavated

in a tomb containing a stone «rod» or «crook» and in another case, the same kind of ring was found in a cenotaph (burial 728). The lead rings look massive and very heavy, with a diameter of 25 cm each and on one of them there were two thin silver bands. A «miniature column» and a «rod» found in the same tombs with the rings may indicate their general religious character. Besides in Margiana such rings were found in Bactria as well (Sarianidi, 1993, Fig. 2).

Heads of scepters

Heads were occasionally found in shaft graves as well as in chamber tombs. All have rounded forms with finely polished surface and through holes for wooden handles (Pl. 21, №7, 8, 9). Absolute majority of such items were made of various types of stone, and very few — of copper-bronze (Pl. 24, №1). One artifact was presumably a model (3 cm in diameter), made of highly glazed pottery with green stains (Pl. 24, №2). All these were clearly prestige objects, identified as heads of rods or scepters with wooden handles. A massive copper and bronze head from the chamber tomb 555 had preserved a design in the form of a sprout with small triangular leaves (possibly of a pipal, a very typical Indian plant) (Pl. 1, №8; Fig. 22, p. 55). In the burial 1445 was found a smaller and simpler copper and bronze head.

Signal horns

Small artifacts with wide bell-shaped end and articulated mouthpiece, made of copper and bronze (in rare cases founded from gold or silver) and being no more than 15 cm long (Pl. 1, №7, 9; 22, №15-18; Fig. 23, p. 55). As a rule, signal horns have smooth surface, and only the special ceremonial ones sometimes are decorated with sculptural human heads. One of these horns (Pl. 1, №7). preserved a human head with a large protruding nose and a hair dress of three plaits (Fig. 24, p. 56). Absolutely the same head is owned by Ron Garner and Anahit Gallery (USA), and all of them come from illegal excavations in Bactria and Astrabad buried treasure (Pottier, 1984, pp. 47-48, Pl. 313-314). The same artifacts, made of gold and silver, are known from Shahdad and Hissar (Schmidt, 1937, p. 210, fig. 121), and now from Margiana.

Late R. Girshman considered that these were precisely signal horns, used by Indo-Aryans when training horses. At the same time M.-E. Pottier suggests they were musical instruments like cornet, the latter was used by Yima, according to Videvdad, «in order to guide people to the sanctuary» (Pottier, 1984, p. 72).

It is difficult to judge with confidence about their true meaning and use. But it is very telling that in both versions they are defined as signal horns. One can add that at the Gonur necropolis only 4 such signal horns have been found — 2 copper-bronze and 2 silver ones. All were excavated from male burials, judging from indirect but substantial observations — presence of flint arrowheads. Probably it was not accidental that one owner of a signal horn was buried in a cist (burial 1922), another — in a huge shaft grave (burial 1758), the third one — in cenotaph, and only the fourth — in ordinary shaft grave (burial 2142).

Copper and silver vessels

Copper and silver vessels in the shape of simple hemispherical cups with roundish bottoms were found in singular cases. Cylinder vessels were even more rare (Pl. 23, №6-10). A set of vessels from the unplundered burial 1999 greatly widened our perceptions about metal vessels. This set contained copper colander that had direct parallel in the similar vessel from a «female priest's burial» in Togolok-1 temple (Sarianidi, 1998, fig. 23, № 5), as well as a vessel with the exceptionally long discharge, the latter being more typical for Bactrian and Iranian ceramics, including that of Shahdad. There was also found a unique double vessel, consisting of two hemispheric cups with flat bottoms, and the latter were fixed together with a special dowel (Pl. 23, №10).

Silver vessels from this set are of special interest. Their walls are no more than 1-1.5mm thick (Pl. 2, №7). The vessels are made as a conic goblet, directly imitating ceramic ones. Similar vessels were found in other graves (burial 2000) too. Exceptionally important was a finding of a rounded corrugated silver vessel with a special flat saucer (Pl. 2, №9). Silver vessels with analogous decorations but with different forms are known in Egypt (Tod Temple). The same vessels from Troy II (2500-2000 B.C.) are more like Margiane ones.

One can also note that models of silver vessels (goblets, cups with flat bottoms) are found in other graves at the Gonur necropolis (Pl. 23, №1,2,3,4,5).

Bangles, earrings and small rings

Bangles, or bracelets, were mostly found on the arms (never on legs), sometimes two at a time. Almost all of them had pointed free ends for easy attachment. All bracelets were round in cross section and only two bracelets from the burial 1057 were hollow and semi-circular in the cross section. They resembled those from the Zeravshan Valley (Muminobad, Dashty Kozy) (Pl. 24, №7).

All known bangles are made of copper and silver, in rare cases they are silver-plated. Bangles of faience were found for the first time in the intact burial 1799 at the wrists of a female, and single fragments of similar bangles from plundered graves are more characteristic for the Harappa population.

In addition to ordinary earrings, sometimes special *copper temple rings* made in one and a half circles were found at the temple area of the head of the corpse, but they had probably been worn on the ears.

Very popular were thin copper-bronze small rings, as a rule round in the cross section (very rarely, flat) that were found usually on fingers and in one case on the finger phalanx.

«Cosmetic spades»

These were flat, 20 cm long objects made of copper and bronze. Their purpose is not very clear but most probably it is cosmetic. To some extent they resemble daggers but with rounded (not sharpened) end and with a pivot that is twisted as a corkscrew (in single cases pivots are straight). Alongside with such «cosmetic spades», there were artifacts with pivots, coiled like snakes and having a bulge at the end. Perhaps the latter were imitating coiling snakes (Pl. 20, №9-12).

Such «small cosmetic spades» were widely represented in tombs of Bactria where their pivots were also twisted like a corkscrew. Similar but gold items with twisted pivots for handles were found in Hissar III where they were determined to be «ear rings» (Schmidt, 1937, Pl. XXXV, LVI, H-3218).

Perhaps it is not accidental that in the Demichi graveyard in Asia Minor a dagger with a rod for fixing a handle in the shape of a corkscrew was found (Seeher, 2000, Abb. 30, G. 213). But its link with the ones described above remains unclear.

Generally speaking, pivots in the form of a «corkscrew» and of a «coiled snakes» were typical for objects, identified as «cosmetic spades».

Metal pins

Metal pins always had pointed working ends (Pl. 26, №4, 9-12) while the ends of «cosmetic sticks» on the contrary were made in a teardrop shape which helped in applying cosmetics to the body. In some cases the pins were bended for a purpose, for magic perhaps. Most pins were made of copper and bronze with only isolated ones of silver or gilded silver. Probably, some of these pins with pointed ends were used as dress buttons (as has been documented in Mari) together with big biconical steatite «beads» decorated with circle-like design.

The most impressive silver pins had figured tops and their number is limited. One of them (burial 560) is decorated with a four-bladed top with a small ball on it and a circular design scratched underneath (Pl. 5, №8). Quite similar four-bladed tops are known, made of white marble and with a lazurite drop-like knob atop (Pl. 26, №3), and even totally lazurite ones (burial 1867). There were also the same objects with bone pivots, as well as those made of bone (burial 1799). Identical objects with similar four-bladed tops were found in Anatolia as well. For example, in Alacha Huyuk, one such gold pin was found in a set of burial offerings (Arik, 1937, Pl. CLXVII). A lot of them were found in Bogaskoy in different chronological layers (Boehmer, 1972, Pl. IX, CLXVII), which speaks of the deep local traditions. Besides Asia Minor this type of pin with a ribbed top was found in Syria (Osten, 1956, Taf. 29, No 188) and neighboring areas.

Burial 392 yielded a high quality silver pin (Fig. 25a, P. 56) with a sculptured top in the form of an artistically made small goat with big ears and slightly curved small horns (Pl. 26, №2). Pins with zoomorphic sculptured tops were very popular in Bactria and in Anatolia as well, though not quite so popular as in Bactria (Stein et al., 1996, Fig. 4, F).

Burial 164 had a pin of low quality silver with the zoomorphic top in a form of a pair of lions (with wings along their sides) and a bird (probably an eagle) with widely spread wings atop of the lions. The bird possibly had a head of a snake (Pl. 5, №1. Fig. 25b, p. 58). Artistic treatment of the top of a pin as a pair of lions with a common head was known in Mesopotamian art as well as in the art of Mycenaean Greece (Lions' gates). The pin in the burial 164 is the first case where lions' heads were replaced with a snake's head, which probably reflects the local Margiana interpretation of a foreign image.

Burial 1999 yielded two silver pins with tops in a form of a resting ram (Pl. 5, №3. Fig. 25b, p. 58) and of a wild ram with bended horns (Pl. 5, №7), both being distinguished by their artistic quality and good knowledge of animal's plastics.

Pins of the same type, i.e. with a miniature top in a form of lions with thick and long manes and tails on their backs, were found in two graves (Pl. 26, №6-7). One of them was fixed on a free moving dowel, that was a unique finding (Pl. 27, №6. Fig. 25r, p. 58).

Besides these artistic silver pins, other burials gave simpler pins with bi-spiral or conical tops, sometimes made of high quality silver.

But copper pins with ordinary tops were the most popular, and this type was found in many graves.

Only one sample represents a pin with a top with eight-ray rosette. Several graves gave pins (including a silver one) with tops in a form of an open hand, the latter being very characteristic for bone pins.

An exceptional example is a silver pin from a tomb destroyed during the construction of a canal. The pin has a pointed end and its top is made in the shape of a disk with a small ball beneath it. The most western point of location of such pins was in Troy, where they were made of silver or gold (Muller, 1971, Fig. 31; Blegen, 1963, Fig. 18). There the gold pins represented two types: simple and complex ones; the latter were very artistic (Blegen et al., 1950, Fig. 356). They seem to have been very popular among the local Western Anatolian tribes.

These pins were also excavated in Asia Minor, in Northern Mesopotamia and in Shakar Bazar in particular, where they were found in graves on the corpse's shoulders and were determined to be «foreign» (Mallowan, 1937, Pl. 16). It looks like Gonur necropolis may be their eastern limit, but absolutely identical pins were found in dozens of graves in Swat (Pakistan).

Pins with heads in the shape of a disk with a small ball are supposed to have a Syro-Anatolian origin whence the migrating tribes brought them to Central Asia. Admittedly it is difficult to explain the existence of these pins in such distant areas as Shakar Bazar and Swat. The history of their distribution must be very complex since in Swat they appeared in dozens of graves and in Margiana only one in 2000 graves. So far the excavations show that such pins were distributed in a latitudinal direction and were not found in Mesopotamia.

In Swat there were found pins, ornamented with a small ring (Antonini, Stacul, 1972, Fig. 24, c), that show direct analogies with the pin from Shakar Bazar (Mallowan, 1937, Pl. XVI). The identity is so striking that it suggests the existence of some intermediate point between North Mesopotamia and North Pakistan where this type of pin was popular. One would have to look for such place in order to determine the rout, used by population that produced or only used these pins. But such a place was apparently North Gonur where in the «Lamb's grave,» a silver pin with a top in the shape of small rings was found (Sarianidi, 1998, Fig. 34). Probably it is not accidental that an identical pin with small rings was found in one of the Hissar III tombs (Schmidt, 1937, Pl. XLVIII, H-1744).

In any case, most pins from the Gonur necropolis were made of copper and bronze with simple top shapes, such as round, conical, biconical and double-spiral.

«Cosmetic sticks»

«Cosmetic sticks» differ from pins by their working ends, which had a form of a drop, i.e. bulged ends compared with the pointed ends of pins (Pl. 25, №5-8). Most of them had simple heads in the shape of a triangle or elongated spear-like widening («small spade»). In three burials (869, 1495, 1157) identical cosmetic sticks with tops in the shape of a goat's head with twisted horns (Pl. 25, №6, 7). Isolated cases of finding similar artifacts with tops, representing figurines of horned goats, were also recorded (Pl. 25, №8). Since many of these «cosmetic sticks» were found inside of cosmetic bottles, this fact suggests that they served for applying the contents of the bottle (paint) on the body and first of all on the face. We still do not know the application of a «knitting needle», 27,5 cm long, with the top curved for some reason (burial 1654) and a copper pivot with biconical «piece of beads» at the center (burial 1999), the latter artifact being known already from Shahdad.

Besides in Margiana and Bactria, cosmetic sticks were found also in the Hissar III tombs, some of them with sculptured tops (Schmidt, 1937, Pl. XLVIII). An identical «cosmetic stick», a direct copy of Margiana ones, was found in Altyn Depe in the BMAC layers.

Cosmetic bottles

Cosmetic bottles were mainly found in female graves (Pl. 5, №4-6; Fig. 26, P. 60). In all cases they are metal (Pl. 25, №1-2), in rare cases they were made of stone, highly glazed potter (Pl. 25, №3) or bone (Pl. 25, №4). Sometimes the copper-bronze vessels (Pl. 25, №1,2) on the outside were turned silver. They all represented one type of miniature vessel, from 6 to 8 centimeters high on the average, with a biconical or conical (more rarely, round) body and a high neck and a rim strongly turned outwards. The most official of them preserved engraved designs around the upper part of the neck. The designs were simple geometrical ones among which stand out some designs in the form of a «twisted rod» that were characteristic of Syro-Hittite art and were more precisely used for seals. One bottle from the Gonur necropolis had preserved a sculptured image of a crawling snake (Salvatori, 1993, Fig. 12).

Though some bottles were assumed to be made of silver (Pottier, 1984, p. 66), it seems more probable that they were only covered with silver. These objects were mentioned above as findings in the Gonur necropolis.

The analysis of organic remains done by French specialists showed traces of powder inside the bottles from plundered Bactrian graves. The bottle from

the Gonur necropolis contained remains of Artemisia (Moscow University Laboratory), which had a wide range of use including medicine. In another bottle from the Gonur necropolis on its bottom there was found a thick black mixture probably paint used for facial make-up.

Cosmetic bottles were found throughout the territory of the BMAC (Sarianidi, 1979, p. 255-261). One example was found in Moghul Gundai where it was probably brought from the BMAC area; other bottles were excavated in Tepe Hissar (Schmidt, 1937, Pl. LVII, №3497, 4014), the most western point of their distribution. Though H. Pittman suggests their Central Asian origin (Pittman, 1984, p. 45), their western origin seems more probable, which was indirectly demonstrated by the cosmetic bottles from the Sumbar graveyard (Khlopin, 1983, Tabl. XVIII, №15; Pl. LXIII, №8), situated far away from Margiana on the south-eastern shores of Caspian sea.

Among Bactrian bottles two unique ones from the Anahita Gallery stand out. One of them has a composition that depicts a party scene where personages look like humanized animals. Generally speaking this is a known method but in the ancient art of Near Asia and Mediterranean very rarely found (Sarianidi, 1992, pp. 81-89). The scene on the second bottle is clearly mythological and depicts snake-dragons torturing hares.

Mirrors

Most of them were from 5-7 to 10-14 cm in diameter, with round, slightly convex surfaces (Pl. 26, №14). Sometimes they had a simple and hard-to-see relief decoration along the edge of the mirror. Only burial 1773 yielded a mirror 17 cm in diameter and with a handle, so that its general length was 24 cm. In rare cases mirrors had a side handle, most often a wooden one (Pl. 26, №13,15). Occasionally in tombs, the same kind of mirror was found, but very small ones, up to five centimeters in diameter (burial 441).

Burial 806 yielded a triangular object, perhaps a mirror, with a rod on top (Pl. 20, №1) that was identical to a silver one from Shahdad. It was made of silver with an engraved image of a horned hero-dragon fighter (Hakemi, 1997, p. 715) and presumably had some special purpose.

Vessels in a form of kidneys

Only two such vessels were found; one was made of stone and another — of copper and bronze (Fig. 27, p. 62). Absolutely the same objects were found in temples of Margiana. It is believed they were used in religious ceremonies. Probably an arti-

fact, made of highly glazed potter in a form of a crescent, belonged to the same type of findings.

Diadems

Diadems are represented by a few examples made of gold, low quality silver and copper and bronze. The most ceremonial were decorated by puanson designs in the shape of a row of triangles and in one case it was a row of eight-ray rosettes (Pl. 25, №10). Burial 549 yielded a diadem in rather good condition that encircled the whole skull. The strongly oxidized diadem was 0.5m long, 2cm wide and several millimeters thick (due to strong oxidizing). Each end had a hole for braids used for fixing the diadem on the head (Fig. 28, p. 62).

Presumably a lead band with a hole on one of its ends, found in the burial 1875 together with a «dowel», could be considered a diadem too, but this should be studied more (Pl. 25, №14).

In south Turkmenistan diadems were found in Yangi Kala and Namazga Depe graves as well as in the Sumbar graveyard (Khlopin, 1983, Tabl. XVI, XXIII). In Eastern Iran gold and silver diadems were yielded by the Hissar graves (Schmidt, 1937, Pl. IE, №4112, 4128) and perhaps also in Bactrian tombs.

Gold and silver diadems often decorated with puanson design were spread in the Mediterranean region, in Mycenae of Greece in particular. The Margiana diadems find analogies with the diadems with the puanson design from the Kanish graves (Anatolia) of the last quarter of the 3rd millennium B.C. It is interesting to notice that all of them have one and very characteristic feature — the absence of any ornaments on the gold diadems, unlike on the silver ones.

Gold and silver decorations

Though the majority of graves of the Gonur necropolis were plundered in ancient times still there is quite a number of gold and silver items found in them (Pl. 25, №10-13). They represent a high level of crafts-manship which testifies to centuries-old jewelry traditions. The local jewelers could produce *gold foil* thin as tissue-paper; they knew how to prepare «liquid gold» that covered gypsum and faience beads with an extremely thin layer and gave the impression of pure gold. Using the thinnest gold and silver plate, the Margiana craftsmen could make ornamentation, mainly earrings, which they covered with exquisite relief designs equal to the jewelry of the most advanced centers in the world.

One cist from intact burial 560 gives a general idea of the high level of jewellery craftsman-ship. Three (two identical designs and one different) *gold earrings* (cast together with hooks), a round

gold medallion decorated with an eight-ray rosette in relief, with a hole in the center, a *cast gold cone* with an inner hole for attachment and finally a *gold bracelet* made of two twisted wires with an intact loop on one end and a broken loop on the other end. Besides these whole pieces, the cist yielded nine round beads made of faience covered with gold foil and eleven gold cylinder beads.

In the chamber tomb 194 a figurine was found, covered by thin gold foil and representing a ram or a goat with only the body preserved but with no head (Pl. 5, №2).

In one burial two hollow gold bracelets (Pl. 6, №9) were found together with a gold diadem. One more twisted gold bracelet was found in a cist (burial 560) (Pl. 6, №1).

In another grave in a sort of a «secret place» two large but hollow *gold bracelets* were found together with a *gold diadem* without any decoration but with two holes for holding braids. These findings were completely identical to similar artifacts from Anatolia.

Only chamber tombs contained *tortoise shells*. There was a tortoise shell, made of gold foil (Pl. 1, №6), in the burial 194, while in the burial 1999 it was made of silver foil (Pl. 1, №5). In two shaft graves *gold chains* with stone pendants at the center (Pl. 6, №4; 7, №1) were found. In a few graves we found *gold rings* on fingers: in one case a ring was decorated with slanted scratches (Pl. 6, №10), in another — with chased ornament and soldered decorations.

Gold necklaces were known in the Margiana society, and this is proved by a finding of one such necklace at the neck of a female skeleton. A necklace was found that consisted of thin *gold wires* in the shape of a spiral with three centrally located snake heads made of thin gold sheet with delicately engraved details that had direct analogies with those from the plundered tombs of Bactria (Galerie Nefer, 1993, Fig. 30, a).

Gold and silver earrings with loops were made entirely of one very thin sheet of gold. They were convex hemispheres with simple rifled geometric ornamentation in the repousse technique and closely resemble Mesopotamian prototypes. Wide convex earrings of Margiana made of sheet gold and silver give an impression of massive and heavy (Pl. 6, №5-8).

One lazurite and one *gold quadruple pendants* were found in the Gonur tombs and represented very typical decorations found as far West as Troy. This type of decoration was known from rulers' tombs of Alacha, Kul-depe, Kanish, Crete, Mycenae, Syria (Mari) and Tell Brak (Alkim, Bilgi, 1988, p. 220, Pl. LVIII). All of them were made of silver and gold

and were believed to have a Syrian origin of the 4th-3rd millennium B.C. (Jebel Arunda). Further to the East they were found in Elam (Mallowan, 1947; Petlenburg, 1997, Fig. 2) and in the BMAC in Central Asia up to Lothal and their distribution from the West to the East seems to be most probable.

At present there are known 23 such pendants (excluding the Margiana ones) which are believed to be used both as cult symbols and decorations for nobles and priests (Maxwell-Hyslop, 1989, pp. 215, 220).

The high craftsmanship of Margiana jewelers was clearly manifested with gold, almost microscopic «glass beads» (up to 2 millimeters long) with holes for threading on thin bronze wire as well as miniature gold beads with a relief design. There were also gold beads made of two hollow cones (burial 860) that made the article look rhombic.

Miniature silver vessels (sizes 3 by 3 cm) directly imitate the usual ceramic ones. In burial 1461 there was found a figured *eight-ray silver star* with a hole in the center.

3.6. Seals

Metal seals

Metal seals were found only in female graves where the age of the dead was between 12 years and very old age. Their localization varies: 33 % of them were found at the waist of the dead, 20 % at the neck, 20 % at the wrist and 20 % at the head. It was noted long ago that from the 3rd to the beginning of the 2nd millennium B.C., seals were not used so much as signs of property but more as magical symbols to save their owners from evil. This probably explains why the seals are found only in female burials. On the other hand the seals from the graves with many obvious symbols of authority and power (burials 555, 570) possibly belonged to men, but this assumption should be thoroughly tested during future studies.

All seals (Pl. 8, 27) were produced in the cell technique and in general were decorated with geometric designs mainly in the way of crosses and their variations. The most artistic of these had on their re-verse side additional engraving that stressed some characteristic details of the main personages. Thus, in plundered chamber tomb (burial 570) between bricks a seal covered with silver and cast in the cut-through technique was found (Fig. 29. p. 64. Pl. 8, №1). It represented a female winged deity dressed in a typical Sumerian dress «kaunakes» with arms crossed at the waist. It was seated on a panther whose neck was decorated with

«brackets», a detail more characteristic of the decoration of dragons. The Goddess's face was turned in profile; her long hair reached the shoulders and one curl fell on her neck. The Goddess had a long, slightly humped nose, her plump lips and large almond-like eyes suggests a certain ethnic type. This image closely resembles the silver seal found in North Gonur in the «lamb's tomb» that had been later transferred onto a pin. The only difference was that the latter seal was wingless and the hair instead of being loose was arranged in a sort of a braid around the head. Apart from the stylistic and iconographic differences they were united by a general «Semite» type of face numerously repeated on the composite statuettes mentioned above.

Female winged deities seated on animals were rather widely represented in the BMAC pantheon. These «mistresses of animals» had a Syro-Anatolian origin and spread as far as Elam and now have been found in Bactria and Margiana (Sarianidi, 1998a). The Elamite origin of the female personage from the «lamb's tomb» has already been shown (Klochkov, 1997; Sarianidi, 1995) and we have every reason to suggest the same origin for the female winged deity under discussion. Both images came from the intermediate point of Elam and reflected the Akkadian culture that was definitely linked with the Western Semite traditions. It is not possible to assume that the seals prove import from Elam, because both seals were made in the cell technique typical of Central Asia and unknown in Elam and even more so in Mesopotamia.

This deity was very popular in the mythology of the ancient Margush people, and finding of the third such seal (burial 1710) testifies to this observation. Though that grave was plundered, robbers missed the seal because it was placed not in the usual position at the head, but at the pelvis of the corpse. The seal was made of low quality silver in the ordinary cell technique with raised details on its reverse side (Pl. 8, №4. Fig. 30. p. 64).

At the center of this narrative composition the same female Goddess of Elamite type is sitting, portrayed in profile with her hair arranged in a sort of a braid. In front of her there are two other and much smaller figures. Presumably a man in long dress (below his knees) is shown at the upper part, holding out a goblet to the Goddess. Below him a figure is sitting, looking like the Goddess but being much smaller. Faces of both women closely resemble the winged Goddess, described above, and especially the Goddess from a «lamb's tomb». Similarity is not only in style and iconography, but in physical-anthropological type of their faces as well. The latter may probably depict common Semitic type.

A second seal, covered with silver, was found in burial 555 (Pl. 8, №2). In its center was a figure in a heraldic position that was torturing a pair of snakes (Fig. 31. p. 65). Its short beak leads one to suggest that it was either a kite or a falcon. Another composition with the identical scene as subject was shown on a cut-through seal from burial 1207 where a falcon was replaced by an eagle in the heraldic pose (Pl. 8, №3).

The motif of an eagle fighting a pair of snakes was rooted in the Mesopotamian myth where a shepherd's ruler Etan ate a snake (Porada, 1965, p. 42, Fig. 16). Strange as it may sound, it is only in the territory of the BMAC where this subject was so widespread in the local art (Sarianidi, 1998a, №127, 172-175). In Mesopotamia itself in identical compositions eagles torture mainly different animals or birds but never snakes. On the other hand, in Elam a unique image of an eagle that was torturing a pair of snakes was found (Ward, 1910, p. 33, №72), a fact which points to the existence of one common place of origin with subjects similar to the BMAC sphragistics.

E. Porada has noted that an eagle was a heavenly creature, while a snake was an evil image and that they reflected the idea of the struggle between good and evil, between light and shadow. We do not meet this subject in Mesopotamia, Syria, or Iran on the cusp of the 3rd-2nd millennium B.C. In contrast, in Bactria and Margiana at the same period it became very popular (Porada, 1989, p. 18).

Two more seals stand apart among those produced in a cell technique. One has an image of a hero-serpentfighter, portrayed in typical «primitive style» (burial 2029. Pl. 28, №11), another depicts a swan (burial 1725. Pl. 28, №16). The Gonur necropolis yielded seals with centrally placed figures of goats (from burial 855 came a figured seal in the shape of a standing goat), birds (including eagles in the heraldic pose), with scorpions, plants (supposedly a poppy bud). Attention should be paid to a three-looped seal (burial 1080) that probably depicted a coiled snake. Direct analogies of this image were found in the Syro-Anatolian sphragistics (Fig. 32, 33. p. 65).

A few small steatite seals with engraved, mostly geometric designs, were found in some tombs.

Stone, gypsum and faience seals

Stone, gypsum and faience seals like the copper and bronze ones on their facial side had engraved, mainly geometric designs (crosses and their variations) and on the reverse side a loop-handle. Faience seals with gently curved designs were found in burials 808, 812, 926 and some others.

In general, gypsum and faience seals closely resemble Harappan ones.

Cylinder seals

Of special significance were two stone cylinder seals: one from a chamber tomb and the other from a shaft grave. A seal of white stone was found over a chamber grave on the ancient surface (burial 23) in the earth thrown out by plunderers (Pl. 28, №12). In the center was a seated female Goddess with legs hidden under a fluffy skirt and plant shoots of probably a poppy coming out of her body. A crawling snake and a horned goat seated on the «base» add to the general picture.

So far, similar compositions with a Goddess of vegetation (not enthroned, but seated on the ground), sometimes in the company of goats are known in Tepe Yahya and Shahdad. Now they have been found in Margiana as well and all together they can be treated as a general image of an Eastern Iranian Goddess of Vegetation, Ningizida, who had an Akkadian prototype and came to these areas through Elam (Amiet, 1997, p. 124). The style and iconography of these Goddesses differ immensely from all other Near Eastern images. This led E. Porada to draw a parallel between these images and an identical one from the seal in the Tod treasure where it went from the East Iranian area, more precisely from the territory of the BMAC (Porada, 1982, p. 291).

One, presumably Elamite cylinder seal (3000-2900 B.C.), may possibly serve as proof of the Western origin of these images. It depicted a similar type of a horned Goddess dressed in a fluffy skirt decorated with chevrons and also seated on the ground (Glock, 1998, №124).

It seems logical that in Shahdad as well as in the Gonur necropolis such cylinder seals would be found in tombs. The Sumerian sacred hymns describe Ningizida (Goddess of Vegetation) as someone connected with the afterworld and her house was represented as «...a dark cella that evokes fear, sacred trembling» such terms referring to her underground house (Leick, 1991, p. 131). The chthonic (afterworld) aspect of Ningizida is stressed by the emblem in the shape of a snake which by the way was depicted on a Margiana cylinder.

A second cylinder seal (Pl. 4, №2. Fig. 34, p. 66) with a hole for hanging comes from one common female burial. It was also made of light colored stone (calcite of Iranian-Afghanistanian origins) and had two rows of engraved images. In the center of this clearly mythological composition there were two horned bird-androcephals (one of which had wings turned upwards) that faced each other with their tails turned in opposite directions. The difference

between the personages was that one of them had a beard turned forwards and that besides a tail it had also braids with curled ends «rising» out of his body. They stand in fighting position and probably the eagle in the heraldic pose placed above them symbolized the idea of victory. Above one of these bird-androcephals a small crawling snake was depicted. Further on one could see an image of a man with two eagle heads placed inside a coiled two-headed snake and behind it stood a bird with the head turned back.

The second row showed two people seated on the ground with crossed legs. One of them had a ball in his hands and the other had a biconical article. Long fluffy hair fell down on their shoulders and they had protruding noses and heavy jaws. Behind them was a seated bull whose head was turned back and whose tufted tail was carried high. Next to the bull was a bird also with its head turned back and the whole composition was finished with what has been called the «architectural facade of a temple».

It is remarkable that all the personages of the lower row were rather realistic whilst those in the upper row such as bird-androcephals, a two-headed man, two-headed snakes and so on, were mainly fantastic ones. These latter details lead to the suggestion a general Near Eastern origin of the seal though its style may be determined to be Eastern Iranian with one or more characteristics of BMAC glyptics. A person with two eagle heads was depicted on the famous Bactrian axe from the Metropolitan Museum (Pittman, 1984, fig. 36). Too, the subject of the «architectural facade of a temple» was well known in the art of many areas of the Near East. On the other hand the iconography and types of people seated on the ground with crossed legs, hair falling on the shoulders and «heavy» jaws were typical of Eastern Iranian art. This can be easily shown by the images of people on the «standard» from Shahdad (Hakemi, 1997, p. 649).

In Mesopotamia bird-people were known already in the 3rd millennium B.C. but Mesopotamian iconography and composition differed decidedly from those on the Margiana cylinder. For this reason the whole composition on the Elamite cylinder mentioned above is determinative. There beside a horned Goddess there was depicted a seated bull with his head turned back and a tail carried high. Next to it was an eagle in the heraldic pose but with the head hanging down which was probably not accidental. Generally speaking these images (Glock, 1988, №124) were identical to those on the cylinders from the BMAC. Another cylinder seal, probably Mitannian (1400-1200 B.C.), iconographically and especially stylistically, strongly resem-

bled the principal images on the Margiana cylinder seal described above (Glock, 1988, №88).

In the second half of the 2nd millennium B.C. the image of bird-androcephals (including some bearded ones) facing each other became more and more popular in the Near East, especially in Luristan (Haerinck, Overlaet, 1999, ill. 151). To a certain extent this explains the connection between this image and the one on the Margiana cylinder seal. On the other hand, the above mentioned comparisons help one to understand the «sudden» appearance in the new Assyrian period in Near East of bird-androcephals. Their numerous images practically always depicted them in a fighting position. Very representative were designs of braids as if «growing out» of animal bodies. The braid ends were curled (Sotheby's Antiquities, 1992, №97) which was a stylistic method for depicting bird-androcephals on the Margiana cylinder seals.

On the whole one may note that in spite of the link between the cylinder seal from the Gonur necropolis and the Elamite-Mesopotamian prototypes, they had a clearly expressed local origin. Once again this fact shows that in the territory of the BMAC, a special trend of ancient glyptics with its own style and compositional concepts existed.

The third stone cylindrical seal comes from the burial 2550. It preserved the typical postakkadian image: a man in a single combat with a standing lion — and a cuneiform inscription. Its Mesopotamian origin is doubtless (Pl. 10, №7).

A fragment of a lazurite seal from eastern Iran also attracts our attention. It depicted people seated on the ground in the company of animals, including a zebu. Though the image of a zebu probably reflected the influence of the Harappan civilization (Collon, 1995, fig. 52) the general style of the seal was identical to the seal compositions mentioned above.

3.7. Stone artifacts

Stone heads of scepters

The few excavated scepter heads were made of various types of stone (Pl. 22, №7-9). They were round and had holes that could be used for fixing on the wood base. The craftsmen used different natural pigments artistically and produced objects evidently valued for their beauty (burial 1063). Almost all of them were well polished; only in some cases their surfaces were ribbed (burial 1443). In singular cases one end was smooth while the other was decorated with a figured ring on the rim of the hole. One scepter head of black stone, polished almost like a mirror, is of special interest. It came from plundered grave.

«Crooks»

«Crooks» were found only in male burials. The limited number of these finds prevent us from making definite conclusions. As a rule the «crooks» were over one meter long and made of black schist. In most cases they are strait, but some have a thickening at the middle (Pl. 24, №15). Some crooks preserved stone (rarely - lead) heads, and they are certainly prestigious and, probably, religious items. This can explain the fact that in some tombs they were found next to obvious cult objects such as «miniature columns», lead rings and so on. Only three «crooks» were intact whilst in several tombs, including unplundered ones, only fragments were found.

In burial 500 a «crook» was found with a lead head in the form of a grooved cone that widened upwards and in burial 510 also a round lead head (Pl. 24, №14, Fig. 35, p.68) that vaguely recalled lead heads from Tell Brak was found (Oates et al., 1997, Fig. 129). The lower ends of the «crooks» were slightly effaced (but not because of walking) and one of them had a severely flattened end (up to 3cm).

Defining these artifacts as «crooks» is very relative. They were most probably used by priests as rods or scepters during various religious ceremonies. In the Kabul antique shops one can find quite a number of them, usually with round stone tops. Occasionally, tops were made in the form of a crescent which recall identical ones from Shahdad (Hakemi, 1997, p. 626). Basalt «rods» with lead tops were also found (Christie's 2000, №4, Fig. 679).

Another «crook» came from burial 1500 (Pl. 6, №10) where it was found in a set of other clearly cultic objects. Unlike the ones described above, this «rod» had a thickening up to 9cm in the middle and showed direct and clear parallels with similar ones from Bactria (Pottier, 1984, Fig. 7, №31-32). Both ends were rather narrow and preserved signs of frequent use. One should also note that «crooks», «miniature columns» and «weights» were often found in the graves in fragments, and most probably they were deliberately smashed before being placed in the burial.

«Miniature columns»

«Miniature columns» were objects of a clearly religious meaning and were evidently used only in the territory of the BMAC. All «columns» of the Gonur necropolis, 25 in number, were found in male burials, some of them in plundered burials and one along the robbers' route (Pl. 24, №11). As a rule they were 30-35cm high (in singular cases about 0.5m high and with diameter from 15 to 20cm). They were made of different stones, including breccias, marble, and marble-like limestone. Their middle part

was usually narrower and rather often the upper part had a smaller diameter than the lower. The edges of round surfaces bore clear signs of being effaced; these signs were less obvious on the top surface than on the lower one. Many of them, though not all, were decorated with hollow grooves that stretched from top to bottom. Some examples had these hollow grooves only in the upper and lower parts; some had none at all. The hollow grooves did not seem to be effaced. The surface of «miniature columns» was mirror polished. Stone model of a «miniature column» (10cm high, diameter 6cm) with preserved vertical grooves was found in the burial 1921.

The «miniature columns» were most probably linked with cult libations since on the floors of the Togolok-21 temple alone there were found 30 of them both intact and in fragments. It is assumed that during ritual ceremonies they could drop hallucinogenic juice of the soma-haoma type on their surface which then flowed down along the above mentioned hollow grooves (E. Antonova). In addition to the common «miniature columns» some singular objects were covered with a mosaic layer as the case was in the «priestess burial» in the Togolok-1 temple. But the mosaic layer did not completely cover the surface of the «column», one side was free of mosaic insertions thus suggesting that it might have leaned against the wall. The presently available review of «miniature columns» evokes certain objections and disputes, as for example the opinion attributing them to the Andronov culture (Boroffka, Sava, 1998).

«Weights»

This is a conventional name for round stone objects that were represented by only few examples. The hollow line along the diameter recalls identical hollow grooves of «miniature columns» and were therefore most probably cult objects. Additional support for this statement is that one «weight» (Pl. 4, №9) was excavated in burial 1500 together with a «miniature column» and a «crook» that most likely belonged to a priest. In this connection we may recall finding of such «weights» with a handle and through image of a cross in the Middle Bronze layer (Namazga IV, ancient farming settlement Ulug Depe near the railroad station Ushak in Southern Turkmenistan) (Fig. 36, p. 69).

Beads

Beads were represented by many dozens and even hundreds of gypsum examples of the most popular and cheap types of decorations at the Gonur. As a rule all the beads were long (on an

average up to 2 cm and a diameter from 2 to 3 mm), cylindrical and very fragile. Very popular were ceramic as well as large biconical black steatite beads (diameter up to 3 cm) with three scratched circles on each surface (Pl. 24, №9). There were also stone barrel-like beads with a flattened cross section, their size 3 cm. Some beads were made of faience and had round or rhombic shapes. Very small round beads are standing apart, and they are fixed together in 3, rarely in 4 pieces.

A biconical carnelian bead with eight facets was found in burial 1357. In a few cases single pieces of carnelian so called etched beads were found that were more typical to Harappan civilization. Rare carnelian beads from 4 to 5 cm long, slightly widened in the middle were distributed in the territory from the Indus valley up to Mesopotamia and Anatolia.

Round, barrel-like and cylinder beads were made of carnelian, lazurite (Pl. 7, №8), rock crystal and some of turquoise. The most impressive beads were made of agate in a cylinder shape (with some thickening in the middle) and on both ends thin gold rings were glued (Pl. 7, №3-4). Identical beads were popular in the Near Asia, including Bactria.

Gold beads were mainly cylindrical and hollow, and as a rule they were smooth and in very rare cases were decorated with circles.

There was a single finding of a pearl shell of a bivalve shellfish, originating outside Turkmenistan.

Stone vessels

Stone vessels were rarely found. In the first place this situation is explained by the lack of natural stone resources in Margiana.

Most of the stone vessels (Pl. 9) were made of light marble-like stone with veins (alabaster) and were cylindrical (burial 1155), small cups with a roundish body (burial 717) and miniature goblets of marble-like stone that always had the rim turned outwards (Pl. 21, №1-6, 10-13). Of some special meaning probably were vases on a tall stem (Pl. 22, №12) with a disproportionately small reservoir (burial 894). Also some cups were found that either had no rim at all (burial 1532) or had rims that were only slightly sculptured (burial 1436) (Pl. 21, №5). A double vessel made of light alabaster with veins was found in a grave destroyed during the construction of the canal.

Black steatite was used to produce cylinder vessel (Pl. 9, №4) with scratched geometrical ornament (burial 1999) and two-part vase (separately cut cup and stem), fully decorated with scratched ornaments (Pl. 9, №7) with «twisted

rope» and, presumably, images of poppy (burial 1750). The latter was used in religious ceremonies (Fig. 37, p. 70).

Small shallow cups of dark steatite and white stone with simple scratched designs were produced (burial 1654) as well as supposed cosmetic bottles quadrangular in the cross section, some decorated with circles and some with geometrical designs (burial 1266).

At the end it is worth mentioning the plundered burial 2168 with small stone items, including a pod of a haricot bean and a model of a fashion shoe. The latter was made with great craftsmanship from black steatite and contained a small marble «dowel» inside. A shoe's surface was decorated with chased «hearts» (as if imitating skin patterns), and an articulated welt was present at the front, as well as three long and widening «bands». No doubt it is a model of the Gonur's aristocracy footwear. When excavating the North Gonur palace, we already found a ceramic model of ordinary shoes, i.e. of a sole with skin ribbons between foot fingers. Generally speaking, the model of this fashion shoe surprisingly resembles styles of modern shoes.

Flint arrowheads

Flint arrowheads were found in male burials. These were examples of traditions in stone industry that were dying out and represented by various forms (laurel leaf, triangular and so on) with articulated cutting and often produced in jet technique (Pl. 24, №10).

Mosaics

The mosaic art was represented by a mosaic found in a chamber tomb in the necropolis (burial 194). It was a fragment of a box that was decorated with an inlaid mosaic made of white, black and red squares that formed a real picture (Pl. 5, №12).

Among bronze and silver vessels, a round case with a copper mirror inside was found (burial 1999). The case was decorated with red, black and white mosaic insertions in a form of squares, almonds and rhombuses, portraying together a large cross at the center.

In burial 1022 was found a box with a mosaic surface that consisted of hundreds of small circles cut of soft white stone. In the center of these circles there were hollows filled with red and black paint. These circular insertions (the average diameter was 1.3 cm and the diameter of the painted center about 0.8 cm) were glued on the gypsum base of the box and gave the impression of a mosaic inlay (Pl. 5, №11).

Most of the mosaic insertions found in the graves of the necropolis were made of gypsum, some

of stone and very few of bone. The insertions were sometimes covered with engraved designs. An especially interesting stone bore insertions with designs that were found in the «complex of funeral rites» of the North Gonur palace mentioned above. Among them was excavated a rather large stone eye with a pupil. The size of the eye leads one to believe that it belonged to a large composition, containing a human figure.

For producing simple mosaic articles instead of stone and bone insertions, the stone-workers used cheaper (though less durable) gypsum in various forms. Most popular were small squares and on their reverse side there were preserved spots of some kind of glue. Such often multicolored mosaic insertions seemed to be glued on thin gypsum plates (up to 2-3 mm thick). After that these plates were fixed on the supposed «boxes» and on the facial side of the insertions, sometimes various rather simple designs were engraved.

The Shahdad graveyard leads one to suggest that similar mosaic «boxes» were found in eastern Iran in the zone of the BMAC (Hakemi, 1997, p. 662-663).

«A burial of a stone-carver» (1200)

When one describes stone artifacts of the necropolis, burial 1200 is of special interest since it was most probably a burial of a stone-carver (Pl. 4, №4). This burial contained at the head of a corpse a «basket» with tools that included a «shoemaker's knife» with a very wide blade, a presumably faience «gauge», flint drill in a form of an arrowhead for making holes (with working end, polished due to heavy use), small lead rods, one of which had a forked end similar to the one from Giyana (Herzfeld, 1988, fig. 276) and finally a bone rod with a slanted end.

There were more than 100 pieces cut from different stones and minerals within this burial — both «wastes» from production and half-finished products, the latter being mostly pieces of beads without through holes for ribbons and insertions for mosaics.

The analysis of stone objects and of half-finished items made by the petrographer A. Bushmanov showed that they were made of chalcedon, rock crystal, Afghan jasper, quartz with insertions of opal, anhydride, schist, flint, magnesite, pyrophyllite, marble, kaolin and granite. Some of these minerals were not found in Turkmenistan but had originated in Iran and Afghanistan.

Among the products of the stone carver a miniature figurine of a resting duck (3,5·2,5·2,2 cm) with its head turned back made of biotite granite — oplites is remarkable (Pl. 9, №6). From the end of the 3rd millennium B.C. up to the Achemenead

times a great number of such figurines were known throughout the Near East. But in the territory of Central Asia they were met for the first time. Some of them preserved cuneiform inscriptions that indicated that they were used as weights.

The same stone was used for the production of a round «mascaron» (~ 2,3 cm. Pl. 9, №5) on whose facial side was a relief image of a human face with rude features (big turned up nose, round «mad» eyes, a bushy mustache). To a certain extent it resembles an anthropomorphic monster of Ajdarho type on the Bactrian amulets and seals (Sarianidi, 1998a, fig. 52-53). On the reverse flat side of the «mascaron» in the center was a hollow for attaching the object, with a depth of 0.5 cm and a width of ~ 0.3 cm. There was also found a half-finished seal (~ 2,4 cm) made of the same stone with a schematically drawn face of the same type as the one on the «mascaron» with a handle on the reverse side.

Three pairs of hands made of white marble, obviously parts of complex statuettes, were found close by. The absence of other details of complex statuettes may indicate that perhaps each stone carver specialized in producing one certain detail according to his abilities - one was preparing the most complex parts, requiring high professionalism, and the others — simpler ones.

A necklace was found near the head of the dead (but not on the neck), and beads were both covered with gold foil and stone ones (made of lazurite, marble-like limestone, porous stone of light color). At the center of the necklace there was a very large agate piece of beads. The necklace' lock was made of gold plate in a form of a conical button, and all beads were on copper wire. Five golden tubes were lying near the necklace, and fragments of gold foil were found at pelvis bones.

Burial of a stone-carver once again prove very high level of stone cutting, combined with relatively simple tools. For example, we can cite findings of flat round beads, having 5 millimeters in diameter and with 1 millimeter holes at the center (burial 1999). We may even assume there was already professional specialization, when the most difficult artifacts were produced by masters of the highest qualification while more simple items were made by less skillful masters.

3.9. Bone artifacts

Bone cosmetic bottles

Only one such bottle was found in the burial 421. It was made of an animal tubular bone, a hole on the bottom was tightly closed with a bone

plate and the neck was decorated with a faience ring with two holes for attachment. In the bottle's neck there was found a «cosmetic stick» with one thickened end and the other in the shape of a slightly curved «small spade». Absolutely similar bone artifact was found in one grave in Bactria (Pl. 25, №4).

Bone pins

Bone pins (Pl. 26, №12) were found both in male and female burials, in the latter ones twice as often (Fig. 38, p. 73).

Most of them were placed by the corpses' heads and were most probably used for hair. The majority of them were made of animal bones and carefully polished. As a rule one end was pointed and the other one was decorated with sculptured heads usually either in the form of a clasped fist or of an open palm with different finger combinations. Beneath the heads there was always a simple scratched design in the shape of crawling and shaded bands or triangles.

Two bone pins were found in the burial 1799 by the face of the female corpse — one had four-ray head, and another — a head in a form of an open palm. Far more simple pins with conical heads and scratched rings below them were also found, and these pins directly resemble pins from Swat (Stacul, 1987, Fig. 41, C).

Ceremonial bone axes

These objects were excavated only in two graves. They were made of bones of big horned animals and had holes for fixing on a wooden handle (Fig. 38a, p. 73). Similar to metal axes the sockets of these were also placed in a slanted position in relation to the butt, a testimony to their ceremonial purpose.

In general, both axes closely imitate the similar ones, found in Margiana previously (Sarianidi, 1998, Fig. 21, №1). Probably a bone axe of the same type was found in a grave in Swat (Stacul, 1987, Fig. 40, C).

Ivory items

Only one chamber grave (burial 575) had a fragment of four-sided ivory «fortune-teller's» stick. Because of poor condition only two sides have engraved pictures of circles, strait and broken lines. Similar ivory «sticks» were found during excavations of the palace at Northern Gonur (Sarianidi, 1998, Fig. 21, №16-17) and in the BMAC layers of Altyn Depe (A. Ganyalin).

An ivory comb with a bent upper side, an exact copy of those found in Mesopotamia, was excavated from the burial 2228 (Pl. 5, №13), and the burial 1898 yielded fragments of ivory «bars».

3.10. Faience objects

Faience objects were found in the Gonur necropolis rather often. The faience was usually white with blue stains and was used for producing seals and amulets (Pl. 22, №1, 3, 4, 6-11, 13, 14) as well as small decorations such as miniature beads, including biconical ones, small beads that were fastened three or four together. Empty cones (diameter up to 2.5cm and 1.5cm high) were found with two opposite holes located on the base as well as toothed «small rings». They could be fixed on dresses and closely resemble the same items of the Harappa civilization (Marchall, 1931, Pl. CXLV), where they were very popular. Small faience items from graves of the Gonur necropolis have close parallels in burials of Swat (Stacul, 1987, Fig. 43, D-H).

Possible use of the small (up to 1.5cm high and 1 centimeter on the base) faience or steatite objects is not clear. They had hemispherical or conical forms with a hole on the reverse side and the latter could be easily used for sewing the object.

Burial 57 yielded a flat figurine of an eagle in a heraldic pose made of faience with blue stains that had holes on its wings for affixing. In general, small faience objects were found quite often in the graves of the necropolis.

3.11. Conclusions

In the end, one general conclusion can be drawn: most of the funeral offerings and personal decorations that were found in the Gonur necropolis had very little in common with the corresponding material of the Early Bronze Age of South Turkmenistan (Namazga IV-V). On the contrary, almost all of them showed different degrees of identity when compared with the corresponding material of East Iran, Elam, North Mesopotamia and Asia Minor. These analogies indicate the origin of the BMAC. The parallels with the Indus valley (Harappan as well as post-Harappan cultures) appeared after the formation of the BMAC in Central Asia. Indirectly this idea is supported by the Harappan-type finds in Margiana as well as by the finds from the settlement of Shortugai, which was undoubtedly an advanced post of the Harappan civilization in Central Asia near Margiana and Bactria.

Finally one may note that at the floor of one shaft grave a heap of poppy seeds was found. Biological definition was done in USA thanks to the courtesy of Prof. K. Lamberg-Karlovsky. It is well known that mint leaves contain volatile oil, still used in medicine as a stimulant or, on the contrary, as a sedative.

Chapter 4

FUNERAL RITES AT THE GONUR NECROPOLIS

4.1. Zoroastrian funeral rites

At present it is quite obvious that the «Iranian paganism» that many specialists have been looking for all over the world was located within the territory of the BMAC (Sarianidi, 1998; Grene, 1987; Gnoli, 1989). The archaeological material gleaned during the excavations of the Gonur ne-cropolis has given additional support to this statement.

According to the unanimous opinion of specialists, including linguists, the funeral rites of Zoroastrians are strictly based on preserving the sacred nature of the earth from profanation by a decomposing corpse, and the Gonur necropolis materials prove this. In cases where evidence was sufficient, it can be clearly seen that the earth did not touch the corpses, that they were buried in a kind of vacuum. There were formal exceptions in isolated fractional burials, but one should remember that they contained bones cleared of flesh and so could not profane the earth. In other words, the desire to minimize contacts between the corpse and the earth is one of the most typical characteristics of the funeral rites at the Gonur necropolis. «Avesta forbids the burying of corpses; Zoroastrians look upon a burial as a major sin, as a profanation of the earth, Videvdāt foresees punishment for burying corpses of dogs or people» (Meitarchiyan, 1999, p. 101). By the way, quite similar funeral rites were found at the Swat burials, where their construction had two levels, or «floors», and where the lower part was empty, being not filled with earth, and the corpse was put in this lower part.

One can presume that to avoid profanation some kind of isolator, including sand, was used. It seems that such a suggestion appears in Videvdāt and in this connection we should remember that the soil at the Gonur necropolis consisted of sand with layers of clay. The dead in cists, chamber tombs, shaft tombs and pits, as well as in «dakhma»,

were buried in such a way as to avoid direct contact with the earth. In fact, in light of all this archaeological material it is hard to re-strain oneself from seeing a link between the rites at the Gonur necropolis and those of the ancient Iranians and, first and foremost, of the Zoroastrian funeral traditions. General idea of the latter was to avoid profanation of «pure elements» — earth, water, air, fire — by decomposing corpses.

No doubt that the rite of the preliminary burning of some shaft and pit graves which were used for burying the «unclean» dead served the same aim of preserving the pure nature of the earth. There is an opinion that since Iranians worshipped fire so much they would not have used it for such a purpose but up until recently the Zoroastrian funeral rites reflected their dual attitude toward the elements of nature (Snesarev, 1960, p. 101). Obviously, the rite of cleaning with the help of fire started in the times of the «Iranian paganism» when fire (judging by the Gonur necropolis) was clearly the main method of cleaning.

This is documented by three graves strongly burnt inside and used for two corpses of dwarfs and one bathrocephalic child (for details see Appendix 2) (Pl. 1, №1; 11, №8).

It is not accidental that in one of them beside the dwarf's corpse on the ash layer there were bone remains and a jaw that paleozoologists identified as that of a large dog like Central Asian sheep-dog, and some other burials of dogs.

Below we shall compare more than once the funeral rites of the Gonur necropolis and the Zoroastrian funeral traditions and therefore it seems useful here to make some preliminary remarks.

Linguists demonstrated that there were a great variety of funeral rites at the moment when basic doctrines of Avesta, sacred book of Zoroastrians, were canonized. In order to codify and systematize these rites it was necessary to edit Avesta,

fixing «right» and condemning «not right» funeral rituals. It is even assumed that compilers might have unified different texts in one written document, Videvdat. So «one can not exclude that the code of ritual purity, existing at present, includes recommendations with opposite meanings» (Krukova, 1997, p. 215). This view is of the most importance to us, since comparing written texts of Avesta and archaeological materials may show they do not fully coincide, or even sometimes contradict one another. Nevertheless the latter does not mean that Avesta and archaeology provide mutually exclusive propositions. In other words, not all funeral rites, formulated in Videvdat, should precisely concur with those funeral rituals that existed during the period of «Iranian paganism», including their forms at the Gonur necropolis.

Let us now turn to comparing the necropolis materials (viewed as graveyard of «Iranian pagans») with data on Zoroastrian funeral rites, as it was fixed in Avesta. In particular, the latter tells us quite a lot about the so called «temporary tombs».

4.2. Temporary graves

The most ancient part of Videvdat already mentioned «temporary grave» — a simple pit where the dead body was placed before reburial. We may also think about the facts, presented above, that in practically all excavated chamber graves and in some shaft and pit graves only «bone crumbles» and single small bones were found, but not full skeletons. This could result from either activities of robbers who, plundering the graves after decomposition of corpses, threw bones out or deliberate removal of skeletons for secondary burials.

«Temporary graves» are not exceptional in archaeology of Central Asia. On the contrary, this practice was identified in some other graveyards of the BMAC zone.

«Temporary graves» were found during excavations of the «Gandhar culture» burials in Swat, where A. Dani describes three main types of burials. For our theme the most important are so called partial, or multiple (according to his terminology) burials. It were the graves with only few bones but not with full skeletons, and the bones were buried after being cleared of flesh. The latter was proved by findings of some graves that were «opened» for burials for the second time (Dani, 1967, p. 25).

The late J. Tucci expressed his opinion about this issue in a more direct way. He mentioned that in Swat there were empty graves with only few small bones: «They are empty except for a few very small fragments. It is probably the evidence of the

fact that the dead body was placed inside only for a certain period of time and that later the corpse was taken out» (Tucci, 1977, p. 26). This fact finds direct parallels at the Gonur necropolis.

Obviously, studies of «secondary burials» need to be continued in order to identify these funeral rituals in details, but the existence of «secondary graves» in the period of Iranian paganism, including the BMAC zone, seems quite possible.

Besides Margiana (Gonur necropolis), North Bactria (Jarkutan) and Pakistan (Swat), such rites were presumed to exist in South Tadjikistan as well. In searching for new lands the BMAC tribes from farming oases of Margiana and Bactria moved in the direction of South Tadjikistan. Such grave-yards as Tandırjul, Kumsai, Kangurtut and others consisted of shaft graves with side chambers. The entrances to them were usually capped with stones. The dead (among the inhumations, «partial» burials were found as well) were lying in a crouched position on the right side and oriented Southeast. Tombs with «partial burials» were looked upon as «secondary» wherein the dead was buried after either having been preliminary exposed on a «dakhma» or having been buried in a temporary tomb (Vinogradova, 1996, p. 176).

Almost surely in South Tadjikistan this type of grave was introduced by the tribes that at the end of the 2nd millennium B.C. left the territory of the BMAC and moved North where they contacted the steppe Andronov tribes. This is illustrated by excavation of the graveyards of the Tandırjul and Kumsai type where the funeral gifts undoubtedly showed a generic link with the cultures both of the BMAC and Andronov (Vinogradova, Piankova, 1990, p. 110; Vinogradova, 1991, p. 77).

Some cases of «temporary» tombs were found in South Bactria (Dashly-1 and Dashly-3), in North Bactria (Djarkutan, burials 34, 42, 51) as well as in Baluchistan (Stein, 1931, pp. 77-82; Stein, 1937, p. 120). These were places that make up the BMAC territory.

Thus, different independent authors based on the archaeological material came to a common conclusion that in the territory of the BMAC — that is, in Margiana, Bactria and Baluchistan — there existed so called «temporary tombs.» In the second half of the 2nd millennium B.C., the BMAC tribes moved to the steppe regions and along with their material culture they brought their tradition of burying in «temporary tombs.»

A supposition has been made that the most ancient «temporary tombs» mentioned in Avesta were made under the floors of houses (Krukova, 1997, p. 214) but this has yet to be proved. At least

for the period of Iranian paganism such practice was unknown. From the archaeological point of view burials beneath house floors (if it really existed) could have been used at a very ancient stage, but the Videvdat is dated later.

4.3. Dakhma

Extremely interesting are those passages from Videvdat where it mentions the reburying of the dead in a dakhma. But before this the corpse had to be brought into the «house for the dead». Up until quite recently dakhma was considered a rather late phenomenon that had not existed in Iranian paganism. But excavations of the North Gonur palace showed that in the royal residence there was a «dakhma.» Next to it was the so-called «complex of funeral rituals» that to a certain extent recalls the «house for the dead» (zad-marg-hana mentioned in Avesta (Fig. 39, p. 78).

The «dakhma» as well as the «complex of funeral rituals» have been excavated in recent years and so far are not fully published. This explains why they are discussed at length in this work.

So, almost in the very center of north Gonur, the political capital of the ancient land of Margush, stood the «kremlin», or fort, with a centrally located palace. In the middle of the palace a royal residence, isolated from the other sections, was excavated. The residence was divided into two parts: one part was filled with dwelling quarters and the other part served as auxiliary rooms. A chain of extremely narrow corridor like rooms divided the residential part into two equal sections: the East section and the West section. Each section consisted of dwellings and one vast inner courtyard. One may suggest that this plan reflected the division of the royal residence into male and female parts as is observed in the present East.

The second, auxiliary half of the royal residence consisted of three vast courtyards with two ceremonial entrances. They were decorated with stepped corners and had low, very wide thresholds with a column in the center. Such ceremonial entrances with columns suggest the existence of double doors and were only found in special official rooms of an audience-hall type such as this palace. They were rather often found in North Mesopotamia (Alallah) but were especially popular in ancient Greek monumental architecture. The stepped corners are believed to be a decorative element of especially important rooms and the royal residence under discussion undoubtedly belonged to that class of architecture. It is not accidental that though the two ceremonial entrances were located next to

each other, their stepped corners had different orientations: one inside the residence (entrance) and the other out-side (exit).

In the southwestern corner between the yards there was «hidden» a small micro-complex that consisted of two square rooms and one very narrow room. They were used for performing the funeral rituals for the dead members of the royal family. The last statement was proved by the find of ten male and female skeletons (grownups as well as children) in one of the square rooms (Pl. 12, №8). They were found in a chaotic order that testified to the fact that they had been removed from their original place. At the entrance inside the room there was a crouched skeleton on its side in correct anatomic order of the bones but there was no skull. All the skeletons were placed on the floor which had first been carefully covered with clay plaster and then topped by a special ash layer 3-5 cm thick. On some spots of the ash layer, especially along the walls there were water stains presumably caused by rain. In addition, on the floor there was found a ritual small hole filled with animal bones that were first burnt somewhere outside the area.

One could suggest that we are dealing with a usual burial chamber with a successional type of burial wherein previous skeletons are removed in order to make room for the fresh corpse. But in such collective burial chambers the removed skeletons were collected at the wall opposite to the entrance and the last corpse was placed in the center. Here we had the opposite picture. The removed skeletons were placed almost in the center while the last corpse was lying at the entrance.

Moreover, even in the poorest Margiana burials (with singular exceptions) there were always funeral gifts that would consist at least of one or two vessels. Here we found nothing but a few animal bones. And we are talking about the dead from the royal family! Certainly one can suggest that they were robbed in ancient times but in this case, some traces of, for example, gold foil pieces, pieces of ivory, etc. would have been found as it was in the cists and chamber tombs of the necropolis. Also the absence of any pins or buttons may indirectly prove that the dead were buried without any clothes, a fact that fully corresponded to the Zoroastrian rules which forbade clothes on the dead (8,24. Translation of V. Krukova). Though the present Zoroastrians bury their dead in clothes it is believed that in the old days there was a tradition of burying people naked, a tradition which is still preserved by the Parsees in India.

The funeral chamber with mixed skeletons was most likely a kind of dakhma where corpses of the

royal family were placed. This supposition is substantiated by the ash layer whose aim was presumably to avoid the direct contact of corpses with the earth. In their turn the rain stains may speak in favor of a partial cover that still allowed the sun rays to reach the inside of the chamber and to dry out corpses.

In Vendidad, the later part of the Avesta, we find two directly opposite descriptions of the dakhma. In one case it is described as a mausoleum, or a tomb that extended above the surface whilst in the other it is described as an open place to put the dead on (Boyce, 1989, p. 326).

Linguists long ago drew our attention to the fact that the Avesta speaks of dakhma as a special construction. The «dakhma» of the Gonur palace most closely corresponded to the definition of a construction that «on all sides is a closed room with a roof» that was equally good for placing the corpses in the open air and for using it as a special mausoleum. There was one unique detail; the roof probably was not very solid and through it not only the sun's rays but birds as well could reach inside. In this case the corpses could rather quickly dry out in the sun and then birds cleaned the flesh from the bones. Presumably in the process birds of prey (like eagles or griffins) as well as specially trained dogs could have participated, a fact that was mentioned in the written sources of the antique Bactrian period (Herodotus, Onesikrit, Pompeus Trog), though not all authors agree with this view (Rapoport, 1971).

Additional evidence of this were the seals and amulets of the BMAC that bore clearly engraved compositions on this subject. Thus, on one such amulet from the Kabul museum a man lying down was being torn at by a bird of prey, presumably a griffin (Sarianidi, 1998a, №914).

A more impressive subject composition was preserved on another copper and bronze Bactrian seal. The seal belongs to Ron Garner, a known collector and connoisseur of Eastern antiquities, who draw my attention to it.

This rather complex composition (Pl. 25, №1) consists of two rows of images, presented in different scales. In the bottom row is depicted a man in a crouched pose with bent legs (a characteristic pose of the Margiana corpses) who is being torn at by a large bird of prey either an eagle or more probably a griffin, and by the man's legs a crouching dog is seen. The same composition is repeated in the upper row with the only difference that in this case the figure of the man is smaller, but he is also with bent legs. It is again portrayal of a dead body being torn at by a large bird (Sarianidi, 1998a,

fig. 3, No. 11). At the upper row, another smaller bird is near his head and most probably it symbolizes either a bird, fly-ing away from a corpse, pecked by it, or a soul, leaving a body like a bird. It seems this unique copper and bronze seal presents a scene of clearing dead bodies from flesh by birds and dogs that could take place in a chamber like the one, found at the palace in Northern Gonur.

It should be noted that Zoroastrians highly valued birds (as well as dogs) since they were considered the creations of Ahura Mazda. In this connection it may not be strange that the image of a bird was counted three times more often than the image of a dog, since birds were more useful for cleaning of corpses than any other animal (Meitarchiyan, 1999, p. 106). On the other hand it is interesting to note that both birds pecked at the heads of the dead.

Here we should step aside to deal with headless skeletons. In addition to the last buried corpse in «dakhma» and to portrayals of griffins, pecking skulls, one can mention the same situation in the unlooted chamber grave (burial 194). It is very telling that in both cases we see intact skeletons whose skulls were previously cut off, and it is not accidental. In one burnt grave at the Gonur necropolis there was no skull and even no room for it. These observations are not accidental, and this is proved by an intact male skeleton from burial 2123, whose skull was cut off before placing the skeleton in the grave. This skull was found above the burial, in the earth that filled this grave, but on the skeleton's chest we found a lower jaw from some other female corpse. At the moment we have no satisfactory explanations to these facts, but the facts are by no means accidental. In this respect one may recall Videvdad that speaks about killing those people who had reached old age and whose heads should be cut off (Rapoport, 1971, p. 28).

One can not exclude that these images reflect the same funeral rites as those, depicted in the scenes of the wall frescoes of Chatal Huyuk (but of a much earlier period) where griffins were shown next to headless people (Mellaart, 1967, p. 169). It is important to note that the head and especially the face of the dead person played a big role in Zoroastrian rituals. The dead person's eyes and nose were not covered by a shroud and the future fate of the dead depended on which eye (right or left) the birds would peck out first (Meitarchiyan, 1999, p. 113).

A copper amulet with an image of a horned monster came from the Togolok-21 temple in Margiana. Ron Garner drew my attention to the monster that was torturing two people lying on the earth with legs bent, the same pose as on the seal

described above. This pose most likely imitated the image of a corpse in a crouched position (Sarianidi, 1998a, №1621. Pl. 25, №2). Such subject compositions with a scene of torture may to a certain extent be compared to an image of the demon of the corpse decomposition depicted in the shape of a repulsive fly Nasy (Videvdat, 7.2), that immediately attacks a man at the moment of death. It is important to note that this monster closely resembles similar monsters from Syro-Hettian glyptics.

As further support for the suggestion that practice of cleaning the bones from the flesh existed in Margiana, we can mention burial 138 found in the ruins of the North Gonur palace. Here a large pythos was excavated with a burial of a 13-year-old boy. His personal decorations and funeral gifts included beads of semi precious stones and gold as well as a very beautiful clay statuette. All the bones were painted black. Most carefully painted was the skull with a distinguished hairline that even showed the outlines of high temples. Obviously the paint could have been made only after the bones were cleaned from flesh either as a result of their placement in the open air or of boiling.

In this connection one can mention that Videvdat contains word «nasyspacya» that can be translated as «cremation» or «boiling corpses»; the latter seems to be more likely though it may not be related to cannibalism.

Also here should be mentioned occasional fractional burials in the Gonur necropolis and especially those found on the altar square of Togolok-21 — bones with a skull atop, put into a small pit (Sarianidi, 1990, p. 128).

The history of the origin of the funeral rites in Iranian paganism is long and complex. The Iranian aristocracy even after the death of their relatives tried to keep them close (Boyce, 1989, p. 114). To a certain degree this can explain the arrangement of «a d a k h m a» within the limits of a royal residence in the Gonur palace though it could be inconvenient for the living. However the arrangement of a mausoleum inside the royal residence looks quite possible and it is not at all accidental that Fir-dowsy in his «Shahname» depicts dakhma as a mausoleum for Iranian emperors.

We shall not discuss this complex problem in details, especially since it has been exhaustively done by B. Litvinsky (Litvinsky, Sedov, 1983, pp. 108-115), but it is worth mentioning here that some time ago the term «dakhma» was presumed to come from the verb «to burn» though now it is proved that it comes from the verb «to bury» (K. Hoffman, M. Boyce). Based on the supposed «dakhma» in the Gonur palace one may get the idea

that in the period of Iranian paganism (at least in Margiana) it looked like a walled room where the dead were placed on an ash layer. The room was partly open at the top, which let the sun's rays and birds of prey (as well as presumably some trained dogs) into it. Even the bad smell of a decomposing body did not keep the royal family from desiring to keep their dead near them.

Tombs for the elite with collective burials constructed inside palaces were known for the same period in other megalopolises of the Near East; the mausoleums (including those in the shape of a house) in the Ugarit palace may serve as examples (Burney, 1977, p. 114, Fig. 91). The tradition of building funeral constructions in or near palaces and living quarters has been preserved until the present. Thus, until quite recently in some densely populated quarters of Karachi and Bombay the Zoroastrians made dakhma, also the Zoroastrians from Bukhara. According to the opinion of M. Boyce, dakhma appeared in Central Asia among the nomadic tribes, a hypothesis that needs additional inquiry.

So far archaeological material has not given an answer to where they placed the bones after they were completely cleared of flesh. M. Boyce has studied the Zoroastrian rites in Iran on site and came to the conclusion that there were two types of dakhma. One of them was divided into two parts and in one they placed the corpses and in the other the cleaned bones. Another type of dakhma looked like a tower. She also studied more ancient dakhma of the period prior to the migration of Zoroastrians to India. Such dakhma had a well into which they threw the cleaned bones. So far this type of dakhma has not been excavated in Margiana. If we assume that the supposed «dakhma» had ten corpses, we have to admit its existence for at least several dozens of years and that one corpse was added every ten years, which even for those days would have been a very high death rate. Thus we may suggest that the bones were preserved there during very long periods of time, but a final fate of these bones remains unclear. B. Litvinsky is right when he supposes that dakhma was used first for placing a corpse and then for keeping bones like mausoleums (Litvinsky, Sedov, 1983, p. 112-115).

It is not quite clear why the last dead buried at the entrance to a dakhma was put in a crouched position. True, archaeology has revealed some cases wherein a stiff corpse was wrapped in order to obtain a crouched position. However, there is reason to believe that in the times of Iranian paganism the dead were placed in a dakhma in a crouched position, which is shown by the last skeleton found in the dakhma and by the chamber

grave (burial 194) as well as by the composition on the above men-tioned seal with images of birds, a dog and dead people.

4.4. «Complex of funeral rituals»

There exists archaeological evidence to support the contention that at the times of Iranian paganism certain funeral rituals took place before placing a corpse on «dakhma». It is proved by a special «complex of funeral rituals» that was built specifically for the Gonur palace and that corresponded with the Iranian «zad marg» or a system of premises where Zoroastrians placed the dead before taking corpses into dakhma. It occupied exactly one half of the western wing of the palace and it deserves more detailed description (Fig. 40, p.82).

The area of this complex was equal to 700 square meters, and it drastically differed from other buildings in the palace compound. All the rooms of the complex that were joined by common passages were covered with white gypsum. Not only the walls and floors of the complex but the facade of the buildings preserved this white paint, a fact that had not been registered in Margiana before. On the outside of the building the brick floor was covered with several layers of clay, forming plain surface. In the middle of the facade was a main entrance and a break near it, and behind a row of rooms of various sizes and configurations. Among them some rooms stood out as clearly intended for a special purpose.

One such small square room was №48 with twelve wall niches («the room with niches»); on the floor was a shallow round hearth (~ 70 centimeters and depth 15 to 20cm) with traces of light fire. Inside of it was a blackened by smoke (but not seriously burnt) raw brick (adobe). One remembers immediately the Iranian tradition of placing a brick on the spot where a dead person was lying. This has been done for driving away evil spirits. In the floor in the direction of the passage a deepening was clearly seen and most probably it appeared as a result of often throwing ashes out of the hearth. In the eastern wall besides the twelve niches there was a common (but definitely not a cooking) fireplace with a chimney. Its floor was burnt to a depth of only 3 centimeters and the walls were slightly blackened by smoke. One can clearly see three layers of burnt plaster that were the result of three consequent repairs. This «room with niches» most likely played the role of a sanctuary where a slow fire was burning and in the fireplace, the coal, burnt somewhere outside, was smoldering (Fig. 41, p. 83).

Special attention should be paid to the wall niches. This was the first case in the history of Central

Asia that in one room so many niches were built. Though the excavations showed that the niches were empty still they recall the niches in some Zoroastrian temples where they were used for keeping the cleaned bones. Whatever their exact purpose, the concentration of so many niches in one room was probably linked with funeral rites of Iranian paganism that are as yet unknown to us. The unusual arrangement of this room was planned. An identical room with 12 wall niches and a fireplace was found in the «palace» on Adji-Kui-3, another metropolitan site of Margiana, that was partially excavated (Sarianidi, 1998, fig. 37).

From this room a passage led into room 54 and then through two passages into the adjoining room 54a where two holes were preserved in the floor and in the western wall was a fireplace with a chimney. A corner passage from room 54 led into the neighboring room 83 where on the floor some above mentioned stone carved pieces were found which were most likely parts of mosaics. At the western wall was a pit (~ 75cm) that widened at the bottom. The pit was completely covered with clay plaster and was filled full of earth. The pit was probably made in the very early pe-riod of the complex and at one stage was filled up level with the floor surface.

In the eastern part of room 83 more than 20 small pits with an average of ~ 10 to 35cm and a depth of 40cm were excavated. Some of these small pits were empty while the rest were filled with strongly burnt animal bones. After the bones were placed in these pits they were covered with a clay layer on the level of a floor surface. The inside of these small pits bore no traces of fire which means that the bones were first burnt somewhere outside and then placed into the pits. The same type of small pits with the same contents were found in special rooms of the fire temple of North Gonur (Sarianidi, 1998, p. 13-125) and also in the round temple of Dashli-3 in Bactria. Their cultic purpose is indisputable and it is clear that the pits were made in preparation for filling with burnt animal bones. In the western wall of the same room a heating fireplace was made with a vault in the shape of an arrow-like arch and a sooty flue.

Next to the «room with niches» there was a very narrow «box-room» (room 55) identical to the one that adjoined the «dakhma» in the royal residence. Obviously these are all reasons to believe that they both had the same purpose. These were the rooms where stretchers with the dead and perhaps the instruments necessary for cult ceremonies were placed.

From the «box-room» the passage led to adjoining room 81 where the walls preserved patches of

three layers of pure white gypsum plaster. On the floor in the center of the room was a shallow small pit (~ 90cm and depth 20 to 25cm). It was strictly round and at the bottom one could see sediments from accumulated water. At floor level of the nearby wall there was a hole and through it three ceramic tubes were placed. Apparently they made up the drainage system for letting out wastewater. The sediments from water at the bottom of the small pit as well as the drainage system lead one to suggest that in ancient times this room was used for ritual ceremonies and washing of the dead was perhaps central part of this funeral rite.

Two passages from room 81 and 83 lead into room 163. There two round pits (with the same diameter: 90cm) were located along one axis and both of them had sediments from standing water at the bottom. Apart from the pits, in the southern wall a double fireplace was made. Its walls, exceptionally strongly burnt from inside, undoubtedly prove that intensive fire was burning at this place for long periods. In the floor there were also several small pits filled with animal bones, burnt outside.

The last room (161) was the largest in this complex. It looked like a hall with three to five layers of gypsum plaster, left from repairs. No traces of columns were preserved and still the gypsum plaster on the floor suggested their existence since they would have been necessary for the roof to rest upon. A rectangular construction was added to the eastern wall but apparently this was done some time after the general building had been finished. This was demonstrated by the presence of bricks with traces of secondary use. This rectangular construction was carefully capped with raw bricks from the very bottom to the top. Usually this was done in the very last stage and only in cult constructions with the sole purpose of avoiding the profanation of the room in the future. It is remarkable that in the whole complex of funeral rites no hearth for cooking food was found. This is additional evidence of its special purpose.

The complex of funeral rites deserves detailed study since so far it is the only construction dedicated to funeral ceremonies in the whole of the Near East. The main ceremony in the funeral traditions of those people was the washing of the dead, a fact suggested by pits with sediments from standing water at the bottom, a special drainage system, and a specialized break at the wall near the entrance.

There are a lot of examples that prove that the washing of dead took place among almost all ancient people. This ritual was widespread in Central Asia and in Khorezm they used a special room for this ceremony. According to these data

in the place where the washing took place they first made a small pit with an isolating layer on the bottom and then over it some slatted wooden boards were placed. There is an opinion that this ritual was adopted by Zoroastrians under the influence of surrounding non-Zoroastrians in the medieval epoch (Krukova, 1997, p. 224) but the archaeological material gives evidence of its existence as early as the period of Iranian paganism (Fig. 42. P. 84).

It is clear that the washing ritual was not the only funeral ceremony that was performed in the «complex of funeral rituals». Unfortunately except for a double chambered furnace for preparing sacrificial meat and a small pit in the floor filled with burnt animal bones, taken from somewhere else, very little has been preserved to the present.

The available archaeological material leads one to the conclusion that in the period of Iranian paganism there existed special buildings for the «complex of funeral rituals». V. Krukova aptly called it «peculiar margs». It was a type that resembled the Zoroastrian «houses of the dead» (zadi marg, according to the Avesta) where the funeral equipment was kept and all the funeral ceremonies including the washing process took place. All specialists agree that before placing the dead in a dakhma it was necessary under all conditions and independently of the season to bring the dead into such a house for the dead (V. Krukova, M. Meitarchiyan). In such «zad i marg» near the room where a dead body was kept for 3 days, a fire should burn continuously. This exactly corresponds to our case where in the «box-room» (room 55) the corpse was lying; and in the adjoining room with niches in the center (room 48) there was a hearth where a slow fire was perhaps burning for 3 days.

4.5. Chamber tombs

For our subject a great interest represent burials in chamber tombs that in the Avesta are mentioned under the word «kata», which means «a room», «a storage place» or in other words «a house», a place where the dead were preliminary placed (Meitarchiyan, 1999, p. 43). These kata were separate chambers used as temporary crypts where the dead were kept without having direct contact with the worshipped nature of the earth (Krukova, 1997, p. 219). The dimensions of these kata, according to Avesta, «should be wide enough and should not touch the head of a standing man, or his stretched legs and arms.» The chamber tombs of the Gonur necropolis correspond to this description and they really look like houses and have the dimensions close to those described in the Avesta.

In the previous chapter we mentioned in the part, devoted to burial constructions, that the majority of the chamber tombs had no preserved skeletons (even disturbed ones) but instead only the bone crumbles that were most likely connected with the ritual of secondary burial. At the same time it was documented that the chamber tombs were used as collective graves with a successive type of burial, when placing of the new corpse was accompanied by pushing previous one aside. Each new burial was accompanied by funeral ceremonies not known to us. But the presence of the models of double-chambered hearths with fire traces and vessels found in them gives one the right to assume that the funeral ceremonies performed therein were chiefly connected with symbolic sacrifices and cult libations. In other words, chamber tombs were in fact some kind of temporary graves, from which totally decomposed corpses were after a certain time removed into another place.

Before leaving this short review of the funeral rites at the Gonur necropolis, we would like to mention one rare but very representative funeral ritual connected with the idea of a death-travel, the tradition of which goes as far back as the Indo-European unity. We mean findings of shoe models in some graves that, according to specialists, may prove that the ancient people were understanding death as a travel. Shoe models that were found sometimes in the tombs in Greece (Hansen, 1980, p. 35) may serve as a material proof of this idea. In one tomb from the northern Afghanistan site of Dashly-3 (Sarianidi, 1986, fig. 32) there were found two sun-dried clay miniature shoe models with upturned toes. Another well modeled and fiercely burnt pair of shoes was found in another destroyed grave at the same site.

Not only in Bactria but in a half destroyed grave dug in the ruins of the neglected Togolok-21 temple, a model of a shoe was also found, which testifies to the identity of burial rites of the BMAC tribes to those described above. The idea of travel to the afterlife world seems to be rather popular in Iranian paganism and later it could have been adopted by the Zoroastrians. It is worth mentioning that late Iranian Zoroastrians used to cross the legs of the dead because they had to make an unusual trip to the afterlife world. Quite possibly this custom originated in the very early period of Iranian paganism and in the course of time it has been transformed from placing the shoe model into the grave, it became the crossing of the corpse's legs.

According to G. Humbach three burial types were mentioned in the Videvdat: burials in the

ground, on the ground and in a dakhma. The excavations at the Gonur necropolis showed that Iranian paganism knew all these types of burials. The excavated materials show that the most popular burial type was the first one — in the ground (shaft and pit graves), and the second type — on the ground (cists) — was used much less. Classical dakhma seemed to be used only by rulers. On the other hand as, mentioned above, almost every grave in which the body was not covered with earth could be considered an individual «dakhma».

Such a situation seemed to be characteristic only in the very early period of Iranian paganism; it had changed by the time the Vendidad was composed. In the period in which the tradition changed, instead of the whole corpse, they buried the bones of the dead after his corpse was exposed on the dakhma. In other words they used ossuaries unknown before that time in Iranian paganism.

One can consider it is proved that the main part of funeral rites, presented at the Gonur necropolis, has generally Western origins. But it does not exclude possibility that some local South Turkmenistan funeral traditions were practiced as well, like in the burials, made in the ruins of a palace, where the corpses in the pit graves were buried under earth.

Strange as it may sound, it was the distant Palestine where the earliest and the most analogous burial traditions of this kind were found. There secondary burials were already known in the Eneolithic period (4th millennium B.C.) when the corpses were preliminary exposed in the open air. In the Bronze Age, shaft graves for collective burials were used in this area. These graves were supposed to be completely covered with earth which was then removed for the burial of the next dead. The graves had up to 20 skeletons and contained some wooden furniture such as beds, tables and chairs. The formal similarity between the funeral rites of Palestine and the BMAC is perhaps in fact supported by real historical events, among them the role played by the first ancient migrations in the Near East.

The Early Bronze Age (3rd millennium B.C.) was characterized by the many variations of funeral rites in Syro-Palestine but among them the practice of exposing the corpse and the secondary burial alongside shaft tombs with three or four catacombs stood out. The chamber tombs were used for singular burials as well as for family, or collective ones (Goner, 1992, p. 139). To a certain extent these rites recalled the funeral traditions of the Gonur necropolis though of a later period.

Chapter V

MARGIANA AND IRANIAN PAGANISM

Extended large-scale archeological excavations of the Margiana temples as well as the present excavations of the Gonur necropolis give one reasons to suggest the ethnic origin of local people. The lack of written sources in Margiana makes us unable to state definitely that it was the BMAC territory from which Iranian paganism was spread and later served as a base for the origin of the first world religion — Zoroastrianism. Usually in a similar situation when no written documents exist, our main source is archaeology, which helps to establish if there was a link between the material, technical culture of a society and religious beliefs that might later be recorded in writing.

If one suggests that Iranian paganism existed in the territory of the BMAC it is logical to expect that the material data of the first world religion that originated on this basis should be found in this area. It is known that Zoroaster did not invent a new religion; he only reformed the then existing ancient Iranian religious philosophy (Sarianidi, 1998).

The present chapter is dedicated to this very complex and disputed subject. The old material from the excavations of the Margiana temples was supported with the new data obtained during the excavations of the Gonur necropolis.

It is a fact that the cults of fire and libations of the soma-haoma type were the main ones in the Zoroastrian religion. In Margiana the tribes in Iranian paganism first of all worshipped the fire and cult libations that in the Avesta are called haoma and in the Rigveda soma. In honor of these cults monumental temples were built where a drink of the soma-haoma type was made and used and where simultaneously the sacred fire was burning in altars.

The earliest fire temple was built by the first colonists of the ancient basin of the Murgab river at North Gonur at the end of the 3rd millennium B.C. Almost at the same time at the eastern wall

of the temple a monumental palace was built. These two impressive buildings were joined by a special passage for the use of the ruler's family in getting to the temple without leaving the palace. The fire temple has already been described in detail (Sarianidi, 1998, pp. 120-130) and here a general review of it will be given.

At the central area of the earliest first temple an inner yard was located. The yard was clearly divided into two main parts: the cult one on the North and the subsidiary one on the South. The altar square was located in the main cult part of the temple behind a high blind wall. It consisted of five rectangular chambers, dug in the soil, that were covered inside by bricks with slight signs of fire. Rectangular brick containers, also dug in the soil and covered from inside by bricks with slight signs of fire, were located next to the altars. The containers were filled with clean white ashes (with no admixtures) that were gradually transferred to these «containers of sacred ashes» from the nearby altars. At the time of excavations these and other «containers of sacred ashes» were tightly blocked by bricks, as it was practiced in Margiana with cult and religious constructions in order to avoid their probable profanation in the future (Sarianidi, 1998, pp. 120-130). The same ritual of separating ashes into several categories according to their presumable importance is still practiced by many Zoroastrians. The cleanest ashes are gathered in one special place, that was represented by the «container of sacred ashes» in ancient times. Everything said above leaves no doubt that the temple is certainly devoted to fire.

The second fire temple, built over the ruins of the first one after the latter came to desolation, also preserved seriously burnt altars of fire, and next to them the same round or rectangular containers of sacred ashes were found, always with signs of light fire. There two altars were built, one on top

of another. When the altar that was built first on virgin soil was destroyed, they carefully sealed it over with bricks and built a second one on top of it. The desire to keep altars in the same special place testified to the important role that fire played in this temple.

Some kind of a «sacred area» was located in the Northern part of the second temple, being isolated from other buildings behind a blind wall. It consisted of a central sanctuary and a few subsidiary constructions, grouped around it. In the interior of this sanctuary five wall niches, or «blind windows» in other words, were preserved. There was no doubt that the niches were used as altar niches. Between two such «blind windows» a double oven was situated, and it was used for preparing sacrificial food. Near to this place but beyond the outer wall of the sanctuary there was either a fire altar or a «container of sacred ashes», placed on special rising ground and preserved in a very poor condition (Sarianidi, 1998, fig. 63).

Finally, when the second temple came to desolation too, the third temple was constructed on its ruins. This one was planned in a different way, compared to the previous ones — its central inner yard was occupied by original «cells» from three sides. But its main cult microcomplex, like in the previous sanctuary, was also represented by premises with «blind windows» and a double oven for preparing sacrificial food, located between the latter (room 70). At the northern part of the third temple there was a large «yard». In one of its corners five «altars» of different configurations (round, square, rectangular) were located on rising ground, all having traces of fire but of varying intensity. At the opposite corner of the «yard» a «container of sacred ashes» was located (Sarianidi, 1998, fig. 65). We can also note that a similar group, consisting of five «altars» with different configurations and varying degrees of inside burning, was found earlier at the altar area of the Gonur temenos.

Only several premises of the fourth temple were preserved. One of them, with a «blind window», was located on the outer wall of a fort, testifying that this temple was built when the fort became much smaller and when its eastern face wall was already ruined.

Also the «blind windows» in the form of blind walled niches decorated with «teeth» on each side played an important role for our subject. These windows were found only in the rooms with a special purpose, mainly cult activities. They decorated the interior of sanctuaries of the fire temple mentioned above (Sarianidi, 1998, Fig. 63, 64, N.1), of ceremonial rooms and sanctuaries of the North Gonur

palace (Sarianidi, 1998, Fig. 38). They were also found in Bactria in the sanctuaries of two Dashli-3 temples. Farther in the western direction they were found in the Mitannian temple in Tell Brak where the altar niche was represented by a typical blind window. The ruling elite of Mitannian society undoubtedly had an Indo-Iranian origin and due to this the existing parallels between its temple architecture and Bactria and Margiana are very impressive. The identical form of altar niches (the most important and representative temple elements) was additionally confirmed by a such architectural detail as blind windows that in addition to Margiana were found in such far away areas as Midia (the indisputable fire temple of Tepe Nushi Djan) and the Urm region (Hasanlu, Baba Djan). The fire temple of Tepe Nushi Djan was of a later period than the temples of Bactria and Margiana and was definitely dedicated to the cult tradition of the Zoroastrian religion. M. Dandamaev even suggests revising the present idea that says that in the Zoroastrian religion there were no temples (Dandamaev and Lukonin, 1980). The blind windows of Tepe Gavv already in the 4th millennium B.C. indicated their North Mesopotamian origin as they continued to be used there up to the middle of the 2nd millennium B.C. (Tell Brak) and the beginning of the 1st millennium B.C. in the Urm region and in Midia. In the BMAC this tradition of blind windows was introduced by the migrating tribes and their genetic link with North Mesopotamia seems absolutely clear.

The principle of planning and the purpose of three other temples, Togolok-1 and Togolok-21 as well as Gonur temenos, differed from the fire temple described above. They all had identical planning and were dedicated not to one but to two cults: those of fire and also to the hallucinogenic cult drink of the soma-haoma type. All of them had special so-called white rooms for the preparation of this drink.

Discovered for the first time in world archaeology at such an early historical period, all temples of Margiana yielded remains of ephedra, hemp and poppy pollen (Sarianidi, 1990). Moreover, all the equipment necessary for the production of the hallucinogenic drink were found in these temples (Sarianidi, in press). Very impressive and significant were the pressing stones with half spherical projections in the center of them, designed to produce juice (in the Avesta «haoma» means «squeezeings»).

The prepared drink was first poured into cult cups with sculptured rims and then into small cups used by priests. Such cult vessels with sculptured friezes were found in all three excavated

Margiana temples (as well as in the plundered tombs of Bactria). Five small cups used by priests for drinking the prepared juice were found in the Togolok-1 temple inside a large cult vessel. It might have been not accidental that vessels decorated with sculptured friezes were characteristically found not only in the BMAC but also in Asia Minor and the Aegean world (Sarianidi, 1998, A, Fig. 1). There (Beichesultan) such cups and the opium poppy were known from very ancient times (Merlin, 1984). Worth mentioning were small bone tubes with facial images from Cyprus (Morris, 1985, Fig. 263-268, Pl. 190). They were almost identical to the ones found in Margiana temples and were probably used for ritual drinking too.

The paleobotanical analysis of alkaloid plants from the Margiana temples were made by Professor N. Meyer-Melikyan in the laboratory of the Moscow State University and the results were published in two special articles (Meyer-Melikyan, 1998, Appendix). These results were disputed by A. Parpola and F. Hiebert but with hardly any basis. The materials taken for the repeat analysis were exposed to the open air for five long years and naturally cannot be considered accurate.

So, one may see that the Margiana temples were the only ones in the whole Near East where all the artifacts necessary for the production of the hallucinogenic juice of the soma-haoma type were found. Also, the Margiana temples were built and devoted to two cults that are the focus of the Avesta and Rigveda and were most beautifully described in them. These were the cults of fire and of the hallucinogenic drink soma-haoma.

There were two different types of altars in these temples that deserve our special attention. One type is represented by typical rectangular chamber altars of the type described above (fire temples of Gonur, Togolok-21 and Gonur temenos). The second type was represented by two round brick altars of Togolok-21 temple, constructed on virgin soil. On the present-day surface these altars had only brick fences about 0.5 m high. The latter were used for cult libations and ritual drinking of soma-haoma drink. This statement is supported by the finding of a small tube used for drinking this juice and by a «pot» of some dried out liquid found right at the entrance to the altar. The laboratory analysis showed that this dried out pot had most probably contained milk and a kind of fat or butter (Prof. N. Meyer-Melikyan, Moscow State University). According to linguists' opinions, these were exactly the ingredients used by the Zoroastrians for cult libations. A special entrance to this altar that allowed priests to approach it and to pour the rit-

ual liquid on its surface serves as additional support for our contention.

According to Indo-Iranian rituals the fat liquid that priests poured into the altar ran down onto the smoldering coal which burst into flames that carried the sacrifice up to heaven. Strabon saw how Persians made sacrifices to the fire and one Italian traveler of the 17th century witnessed how in the Zoroastrian temple of Isfahan the local Zoroastrians threw a fat ram's tail into the fire. These practices seem to be very similar to those mentioned above and especially to those from the Togolok-21 temple. If one compares these written records with the altar construction at the Togolok-21 temple, it is easy to see great similarities.

Indeed, in the temple of Togolok-21 the special construction of the altar in the form of a cup with slanting sides and sings of fire in a tiny oven at the bottom (Sarianidi, 1990) helped the fat to flow easily down to the fire. So it is easy to imagine the whole procedure. Fat, flowing down into this small oven and reaching there smoldering coals, burst into fire, and the high flame rises to heavens, carrying sacrifices to the gods. Thus, it is documented that Iranian paganism used two different types of altars (one kind for fire and another kind for libation), which can be compared with the ones of ancient Zoroastrians.

The altars in Margiana temples were very low and in this respect differed from the classical altars which usually reached upwards. But it has already been stated that altars of the Zoroastrian temples «were built on the eye level of a seated man» (M. Boyce), and this observation fully corresponds with the altars of Iranian paganism.

All the known altars of Margiana temples were situated in the open air instead of in closed premises. This fully corresponds to the cult traditions of the Indo-Iranian tribes that already in antiquity were characterized by extremely simple rituals in the open air. Some scholars think that «the Indo-Iranians worshipped in the open air or at the home hearths and had no temples, statuettes and altars» (Boyce, 1982, p. 21). Based on this statement the opinion was formed that Zoroastrians knew no temples. But it was already stated that this idea about absence or existence of temples should be revised. And this should be done on the basis of the indisputable fire temple from Tepe Hushi Djan that was not mentioned in the Assyrian documents (M. Dandamaev) in spite of its location in Midia. Also the fact that rituals were performed in the open air did not deny the existence of temples. The fact of the matter is that all open altar squares of the Margiana temples were all situated within the temple limits.

It is very impressive that the altars of Margiana temples were always located in different secret places, hidden from the eyes of strangers. Thus, the altar squares of the Togolok-21 temple were built in the corners of this monumental complex behind its outer walls and the altar square of the Gonur temenos was located in a special place with a blind fence somewhere in the «back yard» of the temple, hidden from the eyes of the uninitiated. This situation found its direct parallels with the cult traditions of the Zoroastrian religion.

Next to fire altars of both the Togolok-21 temple and the Gonur temenos, there were two rectangular brick fences which initial height did not exceed one meter. This type of fence, either laid brick or simply drawn on the ground surface, is known among the modern Indian Zoroastrians under the name «pavi». According to the ancient believers these were the places where Gods were seated and in their honor the fire was burning in the altars (Boyce, 1989, p. 166).

In the Togolok-1 and Togolok-21 temples special squares were laid with pottery fragments that formed gutters for carrying out some kind of liquid. In both cases originally both «pottery squares» were located somewhere else (perhaps even outside the temples) and later after falling into ruins they were transferred to a new place inside the temple. Though unfortunately the organic remains were not analyzed there is a supposition that probably in these squares they cut up the sacrificial animals. The Zoroastrian religion is ambivalent on blood sacrifices, but indirect data make it possible to assume that in the times of «Iranian paganism» they were allowed. It was proved by sacrificed animals (camels, bulls), as well as sacrificial squires with special gutters (Sarianidi, 1990).

New material that was gathered during the study of ancient burials — mainly of the Gonur necropolis — should be added to the archaeological data resulting from the excavations of Margiana temples and palaces in the last quarter of the century.

Based on the material from the Gonur necropolis we can decide that fire played an exceptionally important role in the funeral rites of Margiana or in other words in Iranian paganism. The fire traces were seen almost everywhere. It was used for purification of graves and pits where people with different physical and other anomalies were buried. With the same aim, niches with miniature models of ritual hearths with traces of fire (used for ritual sacrifices and cult libations) were found in all the chamber tombs. All the ritual memories were connected in some way with fire and for this rea-

son «small memory pits» filled with charcoal were made in the area between the graves. The double hearths located in the territory of the necropolis served the same purpose.

It is a known fact that according to the Avesta the burial of corpses in the pure earth was strictly prohibited and that the Vendidad foresees punishment for burying corpses of dogs or people since they could cause the profanation of the earth (Meitarchiyan, 1999, p. 101). The archaeological material from the Gonur necropolis documented that this fundamental principle of Zoroastrian funeral rituals was recognized and observed by the Margiana tribes. All the dead were buried without the earth touching the corpses. The only exception was represented by fractional burials, but even in this case the earth covered not the corpse but the bones cleared of flesh. This general motif of minimizing direct contact between the dead and the earth can be traced through all five burial types at the Gonur necropolis (shaft graves, chambered tombs, cists, pit graves, fractional burials and cenotaphs). True, each of these types of burial was common in Eurasia but such a strong similarity in all five types has not been noticed anywhere else so far. It seems that identical funeral rituals of Iranian paganism and the Zoroastrian religion cannot be explained by simple coincidence but rather testifies to their close, even genetic, links. The basic funeral rites of Iranian paganism seemed to be adopted by Zoroastrianism almost without any change, a fact that had significance for our subject.

The many and various funeral rituals of the last centuries of the 3rd millennium B.C. were traced up to the end of the 2nd millennium B.C., as one may see in the burials of North Bactria (Bustan), and later they were absorbed into the early Zoroastrianism. It gives no ground to question their genetic links.

The *temporary graves*, one may say, were rather widely used in the BMAC zone and its diaspora. It is becoming more and more clear, based on the material from the graveyard of South Tadjikistan (Tandyrioul, Kumsai and others) and Northern Pakistan (Swat). Linguists state that this funeral rite was mentioned in the Avesta more than once. It has direct instructions on how to take the dead from the temporary graves and place them in the «dakhma» for the bones to be fully cleared of flesh. In the Vendidad there is a detailed description of how the «temporary grave» should be built: 8.8. «And then let Mazdayans dig a pit here, in this ground, half a leg deep in the hard (soil) and half a man's height in the soft (soil); let them bring here either ashes or (dry) manure and

top them with bricks or stone, or dry clay, or litter.» In other words they should dig a simple pit and line it with «dry material» that would serve as a layer for the «isolation of the ritually pure earth from the unclean corpse. The main sense of the passage describes a temporary grave» (Krukova, 1997, p. 236). It is significant that in the isolation materials they included dry clay, which can imply sand, (M. Meitarchiyan) — a material which made up the soil of the Gonur necropolis.

The Avesta does not condemn — to the contrary it welcomes — the digging up of corpses, and considers it a good action. To the question of «who is the first one to satisfy this land more than anyone else?», Ahura Mazda answers: «Those who dig out more corpses of the dead people and dead dogs.» According to the new Persian rivayats the corpses should not simply be dug up but exposed in the dakhma.

This gives reason to believe that the custom of burying the dead in temporary tombs practiced by the tribes of «Iranian pagans» in the 3rd-2nd millennium B.C. in Margiana (and more widely, in the whole zone of the BMAC) was later accepted by the Avesta Zoroastrians in a somewhat transformed way and continued into recent history.

Chamber tombs have been found only in the Gonur necropolis so far. But one may not doubt that sometimes the same burials would be found by future scholars on other monuments in the zone of the BMAC culture. However, in general, this type of graves in the BMAC zone was defined as a typical funeral construction of Indo-European people, including the Indo-Iranians. The excavation of some 40 chamber tombs (presumably «kata» by the Avesta) left no doubt that the local aristocrats buried their relatives according to the ancient Iranian rites. They were buried in stone graves made in the shape of simply furnished houses and were located next to inhabited houses. This type of burials and funeral rites, typical for «Iranian paganism», seems to develop into and thus to find its certain parallels in the Videvdat: «There the breathless corpse will be left for two nights, for three nights, for a month until birds start to fly again, until plants blossom, the underground waters run and the wind dries the earth. When birds fly again, plants blossom, underground waters run and the wind dries the earth the worshippers of Mazda place the corpse in the sun.» The expression «place the corpse in the sun» clearly indicated the secondary burial wherein the skeleton was removed from its original place and reburied and in the grave only «bone crumbles» were left.

It would be naive to try to find direct analogies between the funeral rituals of the Iranian paganism

and the contents of the Videvdat which are separated by over two thousand years. On the other hand, the archaeological material of the Gonur necropolis yielded secondary burials that were described in the Avesta, the sacred book of Zoroastrians.

M. Gimbutas was the first to put forward the idea that funeral constructions in the shape of a house — or in other words Hypogaeum — were typical for the Indo-European tribes, including Indo-Iranians. Later this theory gained support from other specialists as well (Jones-Bley, 1997). The Indo-European character of this type of burials was demonstrated by Mycenaean tombs that were painted in the shape of houses as well as drawings of burials in the shape of a house shown on Greek pottery. The expression «House of Hades» (Hades was the God of the underground) was used by Greeks when speaking of the world of the after-life. The same is true for the Rigveda where the expression the «House of Yima» (Yima — the ruler of the underground world) was used for the description of a grave. The Rigveda directly said that a grave was a «clay house» (RV VII.89.1). Also it contained a recommendation that the grave should be done in the shape of a house (RV 18.11.12). In the Rigveda we meet such an expression «I would not like, O! Varuna! to leave for the earthen house» (translation by T. Elizarenkova), as well as a hymn where a warrior asked to be buried in the ground «as mother wraps her child in the hem of her skirt» (RV 10.18.11).

The Zoroastrian «dakhma» was a special construction (M. Boyce) that according to the Videvdat was not a way of burying but «...was a universal name for any grave where a dead body was placed» (Krukova, 1997). In this case literally every type of grave in the Gonur necropolis can be looked upon as a «dakhma» because all the dead in them were buried in a kind of emptiness; that is the earth did not touch the corpses.

H. Humbach was first to suggest that there were two types of «dakhma»: open squares for exposing the dead in the open air and closed graves in the way of a burial vault. True, according to H. Humbach the second type was «not Zoroastrian». On the other hand V. Krukova doubts this contention and finds the proof texts in the Avesta where they speak about «dakhma that were constructed» and «let them build a wall on all the sides» (Krukova, 1997, p. 212). From the archaeological point of view the «dakhma» found in the palace of North Gonur seems to belong to dakhma of the second type, to those built of brick.

In this connection one should mention certain elements of ritual cleaning when dakhma with

corpses «were washed with rain water.» Indirectly this can be linked with the traces of rain found inside the «dakhma» of the Gonur palace. Also this may prove the existence of special roofs (covers) that let the rainwater inside the dakhma.

The linguists still dispute whether the corpse exposure was only a Zoroastrian or a general Iranian custom. The last excavations in Margiana support the second assumption. At present it may be shown that such complex and specific funeral constructions as dakhma were known in Margiana in the period of «Iranian paganism». In any case the members of a ruler's family had their dynastic «mausoleums» that simultaneously functioned as «dakhma». In the course of time the forms of dakhma could have changed but at least from the eve of the 3rd millennium B.C. its main idea remained unchanged. This concerned the aspiration to protect the pure nature of the earth from contacts with decomposing corpses.

Later the custom of Iranian paganism to build dakhma was assimilated into Zoroastrian funeral rites and turned into the single manner of burial.

The complex of funeral rituals at Gonur can probably be compared with the «home for the dead» of the Avesta (zad marg or, nasa xana of Avesta) that no dead body nor the members of ruler's family could avoid (Krukova, 1997, p. 219). Irrespective of conditions and seasons of the year, all Zoroastrian dead should be first placed into the «house for the dead» before exposing the corpses in the dakhma. «The funeral complex» of the Gonur palace was supposedly devoted to different rituals but we can believe that among them quite the most important one was the ritual of corpse washing. In order to minimize any contacts of a corpse with the earth the floors of the complex were covered with gypsum layer (often several layers) and the impure water after the corpse washing ran out through the drainage system.

There is an opinion that the ritual of corpse washing did not exist in Zoroastrianism since contact between the dead and the element of water was not permissible and since the Videvdat does not mention it. It appeared though in the Medieval Ages (Krukova, 1997, pp. 224-225). But the archaeological material illustrates that the process of corpse washing was most important in «Iranian paganism» and the large building of the «complex for funeral rites» was erected especially for this purpose.

Zoroastrian ideas about the contact of water with a corpse as well as the burnt walls of graves reflect the dual attitude of the Zoroastrians to «pure nature.» Both could not be taken as absolute arguments against existence of such rites in ancient

times. It is worth mentioning that Indian Parsees were not allowed to use water for corpse washing but instead used «gomez» (bull's urine) for this purpose. According to Zoroastrians death is the «triumph of demons» and the purpose of purification was the exile of the demon. In this regard it would be only logical to suppose that Zoroastrians included the ritual of corpse washing for the purpose of exorcising the demon during their funeral rites.

According to Zoroastrians water was of a divine nature that helped to cure illness, to overcome death, pain and to exile the demon of corpse decomposition. The gypsum floors in the rooms that were probably used for the washing rituals protected the «pure» nature of earth from profanation by water from corpse washing because the latter could not remain «absolutely pure» after the process. And in order to let this water out of the room they built a special drainage system.

Zoroastrians believed that after the death the spirit was floating near the dead body's head for three days and nights and during this time a fire was kept burning in the adjoining room (Krukova, 1997, p. 219). They needed the fire to protect the spirit from the evil forces of the demon, and so the fire should be burning all this time. In this connection one can recall the special «box-room» where judging by its size the dead was kept — as well as the adjoining «room with niches» where a light fire burned day and night. The burning of the fire for three days and nights was a necessary part of the Zoroastrian funeral rites because they believed that it could ease the sufferings and could even «warm up the blood and help to restore the breath to the body» (Maytarchiyan, 1999, p. 32).

It is interesting to note that the soul of the dead needs support «just as a newly born baby needs protection and food», according to the Zoroastrian funeral beliefs («zenderavan»). It is an accepted assumption that this ritual directly relates to the «pre-funeral repast» — an action, taking place before death when the special food, prepared for the dead, is eaten. (For the comprehensive review of the issue see: Litvinsky, 1972, p. 113-115). In this connection one may turn to the room 161 with a double-chamber oven at the «complex of funeral rites» — the only one oven in Margiana, being so seriously burnt inside. May be it was due to repeated preparation of food for the dead during those three days when they were still on Earth?

Just in the same way small pits with burnt animal bones demonstrate other rituals, related to funeral rites of the period of Iranian paganism.

Additional proof that it were funeral rites, taking place in the complex, has been based on one

very important archaeological fact, documented during excavations of the «complex of funeral rites». We remember that in the funeral complex on its facade beside the central entrance there was another one that looked like an opening or a break with some traces of clay plaster. The small size of the break (85 by 65 cm) was surely not wide enough to be used as a passage but it was large enough to bring in a corpse. This is very important for our subject because it fully corresponds to the Videvdāt which says that the corpse should be taken out of house of the dead, or from the «zad i marg» (birth and death in Latin) not through the entrance but through a break made especially for this purpose: «...then let the Mazdayans cut out an opening in this house» (8.10., translation of V. Krukova). The main entrance symbolized birth while the opening (the break) corresponded to the idea of death and hence the name «the house of birth and death.» The ethnologists admit the existence of this custom up till now, though with different variations. This ritual was mentioned by Jackson who wrote: «In the zad-marg-hana building there were two doors and through one of them a corpse was brought in and through the other one sent out, thus symbolizing the ideas of birth and death.»

As probably in the funeral rituals of «Iranian paganism», the Iranian Zoroastrians transferred the corpse from the «house for the dead» into the dakhma. This ritual survived almost until the present day. It is likely that there was a passageway between the suggested «dakhma» and the «complex of funeral rites» which was used for performing different funeral rituals including the corpse washing. It was probably used for the members of the ruling family and at the end of the process the corpse was brought back to the ruler's residence. Then a brick entrance to the dakhma was opened and the dead body in the usual crouched position on the side with the head generally oriented to the North was placed at the entrance.

In the suggested scheme many points should be explained, especially the difference in the location of stepped corners in the main entrances into the ruler's residence. As has already been mentioned above, both entrances had low, wide thresholds with a centrally located column and stepped corners placed opposite each other. There is an opinion that such passages with stepped corners usually lead to the most significant official rooms. The passage under discussion seems to support this opinion since this particular passage leads to the ruler's residence.

The passage that leads into the courtyard (located between the living quarters and the

assumed dakhma of the ruler's residence) has stepped corners on the outside. This seems to support the foregoing opinion because the passage led to the ruler's quarters. More problematic was the second passage with stepped corners leading inside the courtyard, which can be interpreted as a sign that it led out to other palace complexes in the general direction of the complex of funeral rituals. True, no common passage was found between the micro-complex with a dakhma and a courtyard with stepped corners inside. This can be partially explained by the poor state of the walls.

Ending reconstruction of funeral rituals, it is necessary to note probable participation of a dog in those funeral ceremonies. This point of view is indirectly based on burials of dogs at the Gonur necropolis that have been usually made in burnt graves. It is well known that a dog played a crucial role in the ancient Iranian ritual of «sagdid» — «being looked at by a dog», when a dog was repeatedly taken to the deceased so that the dog's intent look can drive away a demon of decomposition from the dead body. This procedure has been directly described in Avesta. On the other hand, contemporary Zoroastrians bury a dead dog like a human being, and this ritual manifests one more time an important role of this animal. (For details see: Litvinsky, Sedov, 1984, pp. 165-166; Rapoport, 1971, pp. 28-29; Maytarchiyan, 1999, pp. 110-112). At a first glance, dog burials at the Gonur necropolis also seem to prove that the animals enjoyed a great role in local society. But it has been shown above that the burnt graves of the necropolis were used for burying only «impure» humans (dwarfs, monstrous persons). Besides, at the burial 1939 a dog was probably «thrown down» into the grave though there was enough room in the pit.

It looks like though a dog and a man were equated («common essence of a dog and a human being»), a dog was viewed ambivalently. On the one hand, it was extremely necessary in funeral rites (purifying corpses, ritual of looking at the deceased), and because of this among the living it was arousing emotions of respect and at the same time of disgust. The dogs were valued, but people were also afraid of them and to some extent they despised dogs, — just the same attitudes as to those persons who were washing and carrying corpses. Probably this can explain the fact that dogs had been buried at the same graveyard with humans (the Gonur necropolis), but in the preliminary burnt graves. As a rule, the latter were used for burials of the most «impure».

The facts mentioned above may lead to the conclusion that the BMAC belonged in Iranian pagan-

ism and that many of its religious and cult traditions in a different form were later included in the first world religion, Zoroastrianism. This is not strange if one agrees that in ancient ideological representations, the funeral rituals were surely the most conservative ones and were the last to be changed.

Summing up archaeological facts and interpretations, presented in this work, we can conclude that, besides the BMAC, at present no other archaeological culture in Eurasia has even a fraction of those features that link it directly to the Indo-Iranian world and Zoroastrianism. In other words, the BMAC culture represents the Iranian paganism which in its turn contains the roots of the later Zoroastrian religion (Fig. 43. p. 96).

Finding and excavating the BMAC culture means finding the new Indo-Iranian world, where for the first time the roots of the first world religion can be traced so vividly and clearly. It is also true that, along with the fundamental common features, there are certain partial differences between the BMAC culture and the one, described in Avesta and Rigveda. These dissimilarities require thorough further investigations, first of all by linguists and specialists in cultural history.

Many of these discrepancies can be attributed to the fact that by the time when Avesta was codified some rituals and ceremonies, dating back to the epoch of Iranian paganism, had been already transformed during those two thousands years or had failed to meet the new realities and thus had been changed for those forms that survived till now. Besides, at this time there probably existed sever-

al versions of the same rituals, and Avesta absorbed only those that were the most popular among ancient Zoroastrians.

But it looks like now the most important are terminological misunderstandings and differences in understanding the same parts from Avesta. This leads to situation when scholars do not fully understand each other. For instance, G. Fussman in his extremely important report «Fire in temples, temples of fire, and practice of Aryan cults», delivered at the International conference «Cultural Heritage of Turkmenistan» (Ashkhabad, October of 2000), places the times of Zoroaster at a much earlier period than the time when a proto-Zoroastrian fire temple of Togolok-21 existed. But in this case really important is not the exact chronological sequence, but the fact that this temple once belonged to a period of «Iranian paganism», lasting for many centuries a long time before appearance of the new prophet Zoroaster. The role Zoroaster had actually played, according to G. Fussman's correct opinion, was that of just «ritualizing» the already existing rites and customs.

It is obvious that many more cases of such mutual misunderstandings, often of terminological nature, can be presented. But it is really important that now, after finding «Iranian paganism» in the BMAC culture, we can see new perspectives in the studies of history of Zoroastrianism. It seems that for the first time we have an opportunity to control some disputed issues from Avesta with the archaeological materials, tracing them deep into the ages up to «proto-Zoroastrianism» and «Iranian paganism».

EPILOGUE

My present book sums up the 30-year results of field excavations and studies of Iranian paganism and proto-Zoroastrianism based on the archaeological materials of Margiana and Bactria.

Over a quarter of a century ago I was the only one who said that the culture of Margiana appeared as a result of the arrival of new tribes not from South Turkmenistan but from areas farther West, located in the advanced centers of the Near East and more precisely from the area of modern Kurdistan. It took me almost thirty years to prove this idea, to prove that this hypothesis is an archaeological reality.

The problem of the Indo-Iranian origin of the new tribes seems rather complicated. Nevertheless I put forward and formulated a hypothesis on possible Indo-Aryan genesis of the BMAC tribes almost at the start of my archaeological excavations in Margiana. Later this view has been backed up many times by archaeological facts, originating from Margiana (Sarianidi, 1987, P. 52-65; Sarianidi, 1994, P. 667-680, etc.). Though this new hypothesis gained no support from other specialists till the latest days, it was very important for me that no one could ignore facts about the BMAC when reviewing the Indo-Aryan problem. In this respect it is important to stress that Prof. D. Mallory (ELEC, 1997), the leader of contemporary European studies, is gradually moving to this point of view despite the fact that we share opposite assumptions about «steppe» or «farming» origins of Indo-Iranians.

But the excavations of the Gonur necropolis in the last five years gave new proofs of the fact that the BMAC represented Iranian paganism that could have started the Zoroastrian religion. For the first time the data on temple rituals and funeral rites of the BMAC revealed the Indo-Iranian roots of the future Zoroastrian religion, and no other archaeological culture of Eurasia had so distinct features.

In the present work I have not tried to make someone to believe my theory is right, but I just wanted to present new archaeological facts and conclusions that can be used in a new approach and interpretation of the Indo-Iranian and Zoroastrian problems. It is a fact that the old traditions and ideas do not easily give way to the logic of a new way of thinking. I have almost no doubts that I failed to convince many of my colleagues in the rightness of my theory. But on the other hand it is obvious that one can not ignore the factual material presented in this and other books, written by me on the basis of long term and large scale excavations in Margiana and devoted to the Indo-Iranian problem. None of my present and future critics can ignore the great amount of facts that saw the light in the numerous and wide-scale excavations in Margiana and partly in Bactria. These facts make one to present new evaluation and historical interpretation of these largely new and enormous materials.

There is no doubt that the palaces and temples of Margiana were devoted to the fire cult and the cult of the hallucinogenic ritual drink of the soma-haoma type. Add to that the results of the Gonur necropolis excavations where one can clearly trace the cult of the «pure» earth that should not be polluted by a decomposing corpse. Naturally, I accept and agree that these facts can be interpreted from different than my own historical point of view, but these facts can not be discarded.

None of the future studies on the Iranian paganism and «proto-Zoroastrianism» problem can ignore the materials on the BMAC, and the BMAC phenomena will be studied thoroughly. One does not have to be Clytemnestra to foresee that ideas and concepts of future authors will radically differ from those proposed in this book. But it is also true that the old theory of nomadic origins of Indo-Iranians should be revised in the light of the factual material described above. It should be replaced by a new and radically different one. The main idea of this new theory was given in the present work.

In conclusion I would like to recall the prophetic words of Sir Leonard Woolly who said that «our mistakes manifest the progress of science». These words can be equally applied to this book and to many other future ones dedicated to a still intriguing problem of the Indo-Iranians and proto-Zoroastrianism.

The necropolis of Gonur-depe is found existing in a complex together with the palace, temenos, potters' block and other objects of Gonur. It is of significant interest from the point of view of many questions concerning the formation of the population of Middle Asia, including the question of development of the specific characteristics of its outward appearance. As, according to archaeologists, Gonur was the capital city of Margush, the material obtained here could help in shedding light on the fine questions of the emergence of several anthropological variations on the territory of Middle Asia of the Bronze Age while earlier characteristic of the entire area had been one and the same more or less homogeneous Mediterranean anthropological type. This site's materials with their so well elaborated attribution of the graves, a great number of versatile ceramic items, seals, amulets, glyptics and other rich grave goods make it possible not only to tie it to the cultural complexes of other territories, including outlying ones, but also to suggest that the specific anthropological characteristics of the population of the area were formed either through mixing with alien newcomers or through transformations of some more ancient morphological types, including transformations involving ecology. Moreover, this striking and quite thoroughly studied object of the Bactrian-Margian archaeological complex (BMAC) occupies a special place among the historical sites of the 3rd millennium B.C. along with such cemeteries as Swat in Pakistan, Sapa-Ilitepa in South Uzbekistan, upper levels of Altyn Depe, Anau in Turkmenistan and others.

As is well known, anthropological data allow registering actual resettlements of people from different other regions with different outward appearance of their inhabitants while all the other historical sources cannot differentiate between migrations of tribes and borrowings of cultural traditions and languages as resultant from cultural contacts or influences. It is for this reason that

anthropological studies in such an involved situation as the historical dynamics of the population of the 3rd-2nd millenniums B.C. in Central Asian area have so much importance.

Palaeoanthropological materials of the said period from the territory of Middle and more broadly Fore- and Central Asia are numerous enough. Beginning from 1964 T.P. Kiyatkina has published extensive anthropological material from the Late Bronze cemeteries of South Tajikistan — Tigrovaya Balka (Tiger Gorge) I, II, III, IV, Aruktau, Rannij Tulkhar (Early Tulkhar), Makoni-Mor, Kzil-Rabat, Tupkhona (Kiyatkina, 1964, 1965, 1974, 1976). The book by V.V. Ginzburg and T.A. Trofimova has brought together and analyzed materials from Tajikistan (skulls from the cemeteries Early Tulkhar, Vakhsh, Makoni-Mor) and Turkmenistan (cranio-logical series from Geoksyur, Kara-Depe, Khapuz-Depe) (Ginzburg, Trofimova, 1972. p. 48-88). In 1977 T.K. Khodzhayov studied materials from Sapallitepa — the biggest settlement of the Bronze Age (Khodzhayov, 1977), and in 1978 — T.K. Khodzhayov and Kh.Kh. Khalilov — from cemeteries Jarkutan and Bustan (Khodzhayov, Khalilov, 1978, 1978a). A data summary on palaeoanthropology of the western areas of Central Asia of the Bronze Age, which included all the new craniological series from South-Western (Parkhaj II., Sumbar) and Eastern (Geoksyur, Altyn-Depe) Turkmenistan, from South Tajikistan (Tigrovaya Balka I, II, III, IV) and from West Pamirs (Yuzhbok II) she had studied by that time, was prepared by T.P. Kiyatkina (1987; Masson, Kiyatkina, 1981). Used in the same monograph (Kiyatkina, 1987) for the sake of comparison were data from the territory of Luristan, from Tepe Hissar, Shakh-Tepe, Sialk, Shahr-i Sokhta from Iran, from the Swat valley (Timargarha, Butkara, Saraj Khola) in the north of Pakistan, as well as from the territory of North India (Debetz, 1962; Ehrhardt, 1965; Bernhardt, 1967, 1969, 1991; Rathbun, 1972, 1975; Cappieri, 1973).

The main conclusion of the researchers is that in the era of the developed and late Bronze the agrarian tribes of the vast area under considera-

¹ English translation by V. Paritzky.

tion were from the anthropological point of view part of a powerful south-Europoid stratum. Main distinctive features of their outward appearance were medium high or high faces with very sharply expressed horizontal profiles and strongly projecting big noses. It can be supposed that most likely the hair and eyes of the population were of some dark color shades. From the geographical point of view this stratum constitutes a unity with the territory of Fore-Asia, and is traceable chronologically back to some ancient, probably Mezolithic forms prevalent on the territory. Several cemeteries have yielded some extremely high-faced and hypomorphic skulls (five skulls from Kara-Depe, six from the early levels of Sialk, six male and four female skulls from Geoksyur, two from Altyn-depe, one from Sapallitepa, two male and four female skulls from Tigrovaya Balka and Makoni-Mor, the skull from Zaman-baba, one skull from Timargarha). According to T.P. Kiyatkina, the maturization of structure does not change general configuration of a skull or correlation between its separate parts, while high faces point rather to a great antiquity of this characteristic going back probably to the Mezolithic or even Upper Palaeolithic (Kiyatkina, 1987. p. 51). Among all the mass of the anthropological materials despite the existing territorial differences in facial heights (lower in the southern Tajik groups and higher in Sapallitepa and in South Turkmenistan) the researcher finds in her conclusion no participation of the proto-Europoid «steppe» racial type in the formation of the population (Kiyatkina, 1987. p. 52).

The student of the skulls from Timargarha V. Bernhardt in his noting on the general individual variability of their anthropological traits points among other characteristics to the presence of some Veddoid traits on two female, one male and one child's skull. The skulls thus defined are characterized by general gracile structure, straight forehead, feebly marked glabella and superciliary arcs and acute alveolar prognathism. The researcher thinks it possible that there is some similarity between these remains and the skull with some equatorial traits from Kokcha 3 which was described by T.A. Trofimova (Bernhardt, 1967. p. 374).

Traditionally any paleoanthropological description of materials from the cemeteries of different periods was confined to the characteristics of skulls. But it is for many years by now that craniological studies are being successfully supplemented with those of osteology, paleopathology and odontology. Unfortunately, such information is not present in all the works by far. However, the first of the latter three kinds of studies make possible visual

representation of the overall bodily parameters and, often, proportions of the population which inhabited a given territory in antiquity. The second, which have become recognized and highly popular today, are able by determining diseases widespread at the time to define the degree of adaptation of the then populations to the concrete conditions of their existence, successfulness of their economic activities and the like. Odontological studies in palaeopopulations is a very promising line of research because without any procedures of recalculation or correction they make it possible to compare the very same parameters of ancient and modern populations. It is by teeth that we are able to determine most exactly (by the time of eruption) the age of young individuals at death, and by the extent of wear of teeth crowns it is possible to determine with sufficient reliability the nature of economical activities of a population. The main parameters of the crown and roots of teeth taken in their correlation with the general sizes of facial skeletons permit speaking with greater certainty about the outward appearance (anthropological type) of inhabitants. A special set of descriptive traits characterizing the number and forms of development of cusps and furrows on the crowns of teeth of different classes and the shape of their surfaces makes it possible to estimate on the basis of the typology developed by A. A. Zubov and his colleagues the position a population occupies within in the system of odontological types of the globe and to obtain more specific information on its historical ties and connections. In spite of a great number of publications on some individual characteristics of such kind, any retrospective studies on their complexes embracing vast territories are practically absent.

Anthropological examination of the burials of the Gonur necropolis was conducted by different specialists, including Italian researchers A. Sperduti, L. Bondioli and R. Machiarelli from the Department of Anthropology of the special unit of the L. Pigorini National Museum of prehistoric ethnography (Rome, Italy) (Sperduti, Bondioli, Macchiarelli, 1995) and B. Hemphill (USA). From 1998 to 2001 a research fellow from the Institute of History at the Cabinet of Ministers of Turkmenistan (Ashkhabad city) O. Babakov was engaged in determining sex and age of the buried individuals and conducted examination of the bone material. In autumn 2000, thanks to the kind consent of the head of the archaeological expedition to the Gonur necropolis V.I. Sarianidi and to the financial support from the Russian Humanitarian Scientific Foundation (RHSF, Projects Nos 99-01-00180a

and 00-01-18034e) and Russian Foundation of Fundamental Investigation (RFFI, Project №99-06-80496) as well as to the allotment of special means for field studies from the Russian Academy of Sciences, a group of anthropologists from the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences travelled to the necropolis for field studies.

The main task of the group was to get acquainted with the results of the anthropological examination of the craniological series conducted by O. Babakov and to study long bones and odontological materials from the cemetery. Duties were distributed in the group as follows: T.K. Khodzhayov and S.V. Vassiliev together with O. Babakov were engaged in clearing newly excavated burials, participated in the determination of the sex and ages of the buried individuals, restored as far as it was possible skulls and bones of postcranial skeletons, studied and took measurements of the finds. A.A. Krol, a probationer of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Science and research fellow of the Institute of Oriental Studies of the same Academy, took part in clearing, conserving and measuring the material. N.A. Dubova from the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences was collecting the odontological series, described and measured dental system materials. All the researchers participated in resolving complicated and unique cases. Thanks to that O. Babakov has collected and preserved some of the better survived skulls from the previous (1999 — spring 2000) field seasons, the group was able to measure (wherever it was possible) horizontal profile angles on them. Moreover, it was O. Babakov again who collected and preserved a numerically unique for Bronze Age necropolises series of teeth from a majority of the cleared burials (358 samples) which enabled G.V. Rykushina with the assistance of N.A. Suvorova to study them in detail in laboratory conditions.

The necropolis of Gonur-depe is dated by the late 3rd — mid-2nd millennium (2100-1500) B.C. It is located 200m west of the central (palace) part of the site which is found more than 80km to the north — north-west of Bajramali city of the Mary district of the Republic of Turkmenistan. The predominant landscape of these territories today is semi-desert while in the Bronze Age it was here that the Murgab river's delta was situated and allowed successful agriculture and domestic cattle-breeding.

By the present time over 2000 graves have been excavated in the necropolis. The dead were buried

mostly in shaft-type (75%) and pit graves. Burials in cysts and chamber tombs accounted for 2.5% in each case. Among the pit-type graves stand out conspicuously those with the burnt inside to the bright red color walls (in a few cases only with a burnt floor), these account for nearly 30% of all the pit graves. Burnt in such graves are only the walls while on the floor there is merely a layer of black ash about 10cm thick. Over 80% of the graves were robbed already in the Bronze Age and most probably in the nearest years (or, which is not excluded, months) after the interment, because the robbers' manholes are found exactly in the head's area of the buried where most of the accompanying inventory is concentrated. In many cases this resulted in the complete loss or significant destruction of the bone remains.

In the overwhelming majority of cases the bodies lay contracted (with hands at the face and bent legs), almost all on the right side (in 4.3% of the cases — on the left). Predominant head orientation is north, north-north-west and north-west (75%). Placed in the graves were ceramic vessels, decorations, arrow heads, bronze and sometimes silver seals and some other things, including golden. As is pointed out in the main text of the present book a certain relationship is traceable between the type of a grave hole and richness of its funeral gifts. There are some differences in the funeral inventory (set and number of gifts) between male and female burials.

The present communication is based on all the anthropological materials available to the authors. The craniological series is specific in that the excavated skulls had to be studied in a short period of time because all of them were to be reburied at the end of each field season (in the spring and autumn, respectively). The article falls into several relatively independent parts: the section on paleodemography is prepared by O. Babakov and G.V. Rykushina, that on paleoanthropology — by all the authors together, on osteology — by S.V. Vassiliev, on paleopathology — by S.V. Vassiliev and O. Babakov, and that on paleodontology — by G.V. Rykushina and N.A. Dubova. The main techniques of methodology the authors used are described in the respective sections.

Burials in pit graves with burnt walls

Considering that the burnt pit graves are of special interest it seems worthwhile before starting description of the anthropological material proper to dwell on the specific features of the burials in them, first. Some of the holes are empty and very shallow, another part — up to 1.2-1.5m deep. Out

of the thirty of the burnt pit graves with any interments in them (tab. VII, p. 21) of the present book) three (10%) yielded skeletal remains of animals (in one case it was probably a lamb — grave 258, and in the other two — dogs, graves 1939 and 2087). Unearthed in one grave was the skeleton of an 8-9 years-old child marked with signs of delayed growth process (See: the section of the present article on paleopathology) and some fragments of a dog skeleton (including skull) (grave 1172), and in another (grave 1800) — separate bones of a human skeleton of an unknown age and a dog's fang. In all the other burnt pit graves human bones as well as their fragments and separate human teeth and skulls were found.

Uncovered in six burnt pit graves were children of two to thirteen years old (one of these has been already mentioned, i.e. the one with a dog — grave 1172). Skeleton of a child from grave 1555 was marked with some bathrocephaly (See: the paleopathology section. Pl. 1, № 1; 11, № 8). The child's skeleton from grave 767 had its head oriented to the east.

The youngest (15-16 years old) of the 17 adults buried in the burnt pit graves (26.7%) lay on the left side, the head oriented east-east-south with no upper limb (grave 907). One more adult (grave 2004) lay also on the left side but with the head to the west-west-north. As to the fifteen other adults buried, one had the head of an adult person but extremely short and crooked bones of the extremities (grave 1141). The skeleton was diagnosed by O. Babakov as a dwarf (Pl. 11, № 7). The re-se-archer managed to fix and preserve its bones. The grave had no accompanying items at all. A description of these remains is presented in the section on paleopathology. Three buried persons lay in a non-standard posture: a male person aged 35-40 (grave 370) lay on his back with the head to the east-east-south; another adult's skeleton (whose sex and age could not be determined) (grave 2171) was found sitting on the floor of the grave hole, with the back resting on its wall, legs apart and thrusting with knee joints against the grave's walls, wrists in the area of the hip.

Unearthed in pit grave 1413 was a human skeleton with no accompanying items. Its sex belonging was determined by the hip-bone as male. Judging by the extent of seams obliteration and the state of dental system, the buried was 20-25 years old. The posture of the skeleton was unusual (Pl. 1, № 3): legs were bent at knees but the body was not lying on the hole's bottom but lay leaning against its wall; the position of ribs and spine indicate that the upper part of the body was turned at an angle to the waist section of the spine and

to the hip-bone. The upper limbs were not folded at the face as it is usually done in other cases: the left one was thrown to a side in a slightly bent position and the right one was strongly and almost unnaturally bent, resting against the grave's wall. The skull was at an angle to the mandible which adjoined the wall.

This strange posture of the buried person could probably be explained by that this person was not found soon after death and the body had had the time to stiffen, for which reason the people were unable to bury it in a proper position. Pointing to the difficulties encountered in making the body assume the traditional position is the broken right ulna (the radius was intact). The fracture could have taken place shortly before the death but in that case the fragments' location would have differed more strongly from the anatomic, whereas both fragments were discovered lying next to each other. The unnatural posture of the body could not be caused by the development of a pathological process because no signs of bone pathology (of, e.g., spondylosis, spondylitis, ankylosis spondyloarthritis or the like) are registered; in spite of the poor state of preservation of the bones all the vertebrae are well-formed and are easily separated from each other, with no deformation or accretion between them. At the same time, it is possible that this position of the body can be connected with the temporal nature of the interment of the given person and the misfit between the sizes of the person and those of the hole.

Thirteen of the burnt pit graves yielded separate bones, fragments, «bone medley», separate teeth (graves 250 and 1176), a skull and tube bones of the upper limb (grave 1017). Unearthed from grave 1075 were two female skulls (adultus, 25-30 and matures, 30-35 years old).

Unfortunately the poor state of preservation of the material *in situ* and the specific modern conditions of nature in the area of excavations (extremely low humidity, strong winds, and rather high solarisation) have not allowed as yet to collect a sufficiently representative series of osteological materials and strongly impeded the analysis of paleopathologic traits. At the same time, the absence of complete data on the diseases of the people buried in Gonur does not make it impossible to draw the main conclusion that the data cited above indicate that most likely the pit-graves with burnt walls were used to bury the dead with some physical (and possibly psychic?) faults, and that the burning of the grave walls, as is justly hypothesised by the excavation leaders, was done probably to protect the 'pure' land from its possible 'contamination'.

Paleodemography

Age and sex of the dead

As has been already noted above sex and age belonging of the buried people was determined by different specialists and on the basis of different characteristics, i.e. the extent of knitting of skull bones, the degree of prominence of the relief of long bones and of skull bones, as well as the degree of ossification of teeth, their obliteration and eruption. When only teeth or only skeletal bones were found in a grave the determination of both sex and age belonging could, of course, produce somewhat differing results. We have undertaken an attempt to generalize all the accumulated data pertaining to sex and age determination in order to reconstruct main demographic indices of the population of Gonur-Depe. In this connection the data obtained by O. Babakov and those mentioned by the Italian researchers and B. Hampfll have been supplemented and specified by the data of our analysis of teeth samples. The main differences between the researchers (in the cases when operative diagnosis and teeth samples were available from a given grave) were mostly connected with the ages of children, and in some cases sex belonging was specified.

When paleomaterials are analysed from the point of view of sex and age belonging some of them always fall into the category of «uncertain which are marked in Table 1 (see p.109) with the sign «?». As it can be assumed that the sex and age proportions in the «uncertain» part of the population coincide with those where sex and age belonging is rather clear-cut, these data were recalculated with due allowance for sex and age correlations. The total number of individuals included into the analysis is 1252 which is approximately a bit more than a half of the overall number of those buried in the necropolis. The results thus obtained are shown in Tables 2-4 (see p.111). They differ from those in Table 1 which is quite explainable, as it has been noted just above, in view of the methodological differences between the researchers.

Sex and age determination on the basis of dental system traits

The main object of our study is represented by teeth samples and mandible fragments of 358 persons. Age belonging of persons under 18 years old was determined with the accuracy of up to one year by degrees of their teeth' ossification and time of eruption (Altukhov, 1913; Brothwell, 1963), in the case of subsequent cohorts age was determined in accordance with the scheme of M.M. Gerasimov (1955) on the basis of the degree of their obliteration.

Although the data obtained cannot fully represent the demographic situation as the material is too fragmentary, nevertheless, they are probably the only and sufficiently reliable at that indicator of social and biological processes in the population main correlations within which have been registered with a certain degree of probability.

Table 1

Main sex-age correlations in the population from Gonur-Depe (determined by characteristics of the dental system) See p.109

In accordance with the obtained data the share of the early ages (up to 18 years) in the population was 36.5%, the numbers of children under three years old being extremely small. From the archaeological description it is known that the ruins of Gonur palace have yielded a great number of children's graves not older than seven years (no age determination was carried out then). These, of course, were not children of those who were buried in this necropolis because during its functioning the palace and the surrounding structures were under construction and late were inhabited. But the very fact of finding in one place a cluster of exclusively children's burials makes it admissible to suppose that in the time of functioning of the necropolis too an overwhelming majority of deceased children were buried in a specially allocated area.

According to the data of Achadi and Nemeshkeri (1970), the share of children of the early ages was approximately two thirds of the aggregate number of children, i.e. in this given group their number could be 117 while that there were five (195:39) children per one woman in her reproductive period (from 16 to 34 years). With such a fertility index the population must have been growing rapidly but the mortality rate of children was very high amounting to 147.7% of the deceased adult population of the post-reproductive ages, i.e. only approximately one out of three born children lived up to the age of maturity. According to the data of studies in dental system the average lifespan was 36.6 years that of men — 35.7 and of women 37.1 years. Such high indices are an indication of a rather high life standard of this population. The average life span, including children (i.e. the length of one generation), was 28 years if the data obtained by us are taken into consideration alone. This is also a very high indicator, however, one should not be guided by it because in the materials studied there is no real information concerning children of early ages.

A special mention should be made of the rather essential difference in mortality rates between boys

and girls in the second children's age cohort (infantilis II) and in the youth (juvenis) period. It cannot be excluded that involved were some rituals and, in particular, the ritual of boys' initiation which was accompanied by a heightened risk the subjects of initiation were exposed to at their testing and a poor state of hygiene. Beginning from their reaching the child-bearing age (from 16 years) the rate of mortality among women increases significantly and is at its maximum at the age of maturity (maturus) as also among men. Women lived up to the old ages more often than men. The high mortality rates among women of the child-bearing ages was, probably, caused also by the poor state of obstetrics and hygiene in the ancient society as well as by the high extent spreading of infectious diseases. An indirect indication of the latter is the prevalence of enamel hypoplasia whose frequency has been registered at 53.8% (n=165). Enamel hypoplasia is a consequence of undernourishment which appears as a result of temporal real shortage of food resources but most often it is a consequence of infectious diseases of the childhood period.

The ratio of the numbers of men to the numbers of women (85:133) · 100% = 63.9% testifies to the predominance of the latter in the population. As this situation stands in contradiction to the normal biological distribution of the sexes (1:1) it can be supposed that a portion of the women (about 36%) could be included into the population from outside or else that a group of some newcomers came to the new territory, pressed out some of the local men and incorporated local women into their own composition. From the point of view of archaeology no differences in the funeral ritual or funeral gifts are traceable in this monument, hence, if the second supposition is correct, the population that had founded Gonur-Depe and inhabited it did most likely come to this territory not in one but in several waves.

It is known that the population of Gonur-Depe existed for a rather long period of time, i.e. for about six or seven centuries, during which some 24-28 generation could replace each other (if the standard length of a generation was 25 years). In the 2323 unearthed graves 2383 people were buried because 4% of the graves were double ones (93 persons), 1% — tripple (23 persons) and 3.4% proved to be empty (cenotaphs). Judging by these data the numerical size of the original population which laid the beginning to the existence of the Gonur civilization could be calculated by the arithmetical progression equation $= 1/2 \{x + [x + a(n-1)]\}n$, where $a=0.68$, $n=24$ (or 28) as being 87 (or 72) people, respectively.

Sex and age determination by craniometric and osteological traits

Sex and age determination by skulls and post-cranial skeletons was carried out in accordance with the adopted in our home science method (Alekseev, Debetz, 1964). The data thus obtained (no Table is cited) have been verified by the data on the dental system; presented below are summarised data concerning the determination of sex and age belonging of the population buried in the necropolis of Gonur.

As it can be seen from the summary Table 2 (see p.111) eliminative selection in the population of Gonur was directed at reducing the male part of the population at early ages, mortality rates among boys of the first children's age being extremely high as caused probably by weakened immunity in their early childhood (infantilis II). These rates are somewhat lower in the second period when they remain rather high in the period of the boys' physiological (hormonal) prepuberty reformation and are connected at that time with certain rituals, while in the youth period (juvenis) these mortality rates among boys drop down drastically.

In the case of girls the highest rates of mortality are registered in the second period of childhood when (infantilis II) hormonal reformations begin and their immunal system is somewhat weakened. In the youth (juvenis) period this indicator goes down significantly but remains at a rather high level compared to that of the boys.

Table 2

Main sex-age correlations in the period of childhood and youth (up to 18 years, %) by summarized data (of craniology, osteology and odontology) See p.111

Table 3

Main sex-age correlations among adults (older than 18 years, %) by summarized data (of craniology, osteology and odontology) See p.111

When both sexes reach the age of maturity (matures) and enter the main reproductive stage in their life mortality rates grow up drastically in both cases. In the case of women the explaining factor can be complications in connection with child-bearing while high mortality rates among men in the absence of military conflicts and in the peaceful conditions of life can be caused only by the spreading of infectious diseases, probably, of an epidemic nature.

About 39% of the adult population lived up to the mature and senile ages; their life span seems not to have exceed 70 years and the cases of longevity among men were somewhat more numer-

ous than among women. In the maturus cohort men are positively more numerous than women.

Table 4

Main sex-age correlations in the population of Gonur-Depe (all age cohorts) by the summarized data (of craniology, osteology and odontology) (%) See p.111

A calculation of the duration of life of the adult population by the summarized data has produced the following results: average life-span of men — 35.1 years, of women — 33.5 years, and that of the adult population as a whole — 34.3 years. The indices thus obtained are somewhat lower than those cited earlier and are close to those of the population of Jarkutan and Sapallitepa (Khodzhayov, 1977); such low indices are characteristic on the whole of the entire Middle Asian area (Alekseev, 1972).

Correlation between sexes is close to a unity although women are a bit more numerous than men M:F=0.98.

Proceeding from the above, the following conclusion is possible:

The agrarian population of Gonur which included into its composition off-springs of the most ancient population of both South Turkmenistan and neighboring territories belonged, no doubt, to the range of south-Europoid populations which created a flourishing civilization. The long duration of life and high fertility of the population provided prerequisites for the population's rapid growth in urban conditions which in their turn became later the cause of the spreading of infectious diseases and epidemics. Medical knowledge was not of a sufficiently high level at the time which was, probably, the frequent cause of the loss of children in early ages and of child-bearing women in the main reproductive period.

Craniometry

The craniological series obtained as a result of the archaeological excavations in the necropolis of Gonur consists of 89 male and 66 female skulls found in different states of preservation.

The series as whole (Tables 5, 6; see p.113, 114) is characterized by dolichocrania. The available data describe a majority of the inhabitants of Margiana as having on the average a very long and narrow cranium and a high and not broad face with a strongly prominent nose. At the same time, however, there are three brachicranial skulls in the series, six male mezocranial and ten female mezocranial ones (Table 7, see p.114) which have

been registered in the Bronze Age population of Turkmenistan for the first time. Some brachicranial skulls of the Bronze Age were registered earlier in Sialk and Tepe Hissar II on which basis it is possible to speak about connection between Gonur population and Fore-Asian brachicranial center as one of the most ancient. It is even more characteristic that brachycephalia in Gonur has been registered exactly among men while in the contemporary populations the cephalic index of women is always higher by 1.5 than that of men, i.e. usually women are more brachycephalic than men.

Table 5

Main craniometric parameters of necropolis Gonur (males) See p.113

Measurements and indices („ by R. Martin): Max. cranial length (1.); Max. cranial breadth (8.); Cephalic index (1:8); Height from basion (17.); Height-length index (17:1); Height-breadth index (17:8); Skull basis length (5.); Minimum frontal diameter (9.); Frontal-breadth index(9:8); Max. frontal bone breadth (10.); Frontal bone index (9:10); Skull basis breadth (11.); Bizigomatic diameter (45.); Facial basis length (40.); Upper facial index (48:45); Upper facial height (48.); Full facial height (47.); Facial index (47:45); Upper facial breadth (43.); Middle facial breadth (46.); Alveolar breadth (60.); Alveolar length (61.); Nasal height (55.); Nasal breadth (54.); Nasal index (54:55); Orbital breadth (mf) (51.); Orbital height (52.); Naso-malar angle (77.); Zygo-maxillary angle (Zm); Simotic breadth (SC); Simotic height (SS); Simotic index (SS:SC); Dacryal breadth (DC); Dacryal height (DS); Dacryal index (DS:DC); Frontal bone inclination angle (gl) (32.); Upper facial angle (72.); Nasal projection angle (75(1).); Maximum projective mandibular length (68 (1).); Mandibular length (68.); Height of mandibula (70.); Minimum breadth of mandibula (71a.); Bicondylar breadth (65.); Bigonial breadth (66.).

Table 6

Craniometric parameters of the Gonur necropolis (females) See p.114

In the case of male skulls the outer relief is expressed to a slight or medium extent, the development of glabella, superciliary arcs, mammiform processes and outer occiput tubercle is average or below the average. Inclination of the frontal bone was determined, unfortunately, on eight skulls only: in one half of the cases it runs at a right angle (frontal bone inclination if 84-87 degrees), in one case it is slightly and in three cases strongly inclined. Particularly conspicuous is the skull from grave 517 with its frontal bone inclined to 70 degrees. That individual had a very high face (74 mm), a very low (45 mm) and narrow (22 mm) nose and, accordingly, mesorhinal index, a very long (66 mm) and narrow (57 mm) alveolar arc of the upper jaw, and wide (44 mm) and low (33 mm) orbits.

On the average the frontal bone is medium wide but tends to small values: in 38 out of the 67 cases

when the minimum frontal diameter was measured it fell into the category of very small and small values — very narrow and narrow foreheads. In the majority of the skulls their height of medium size but one of the skulls was measured to be mere 122 mm, another one — 124 mm, two others — 125 mm and one more — 147 mm. This dispersion is responsible for a standard quadratic deviation higher than in homogeneous groups.

The facial portion of a majority of the skulls is narrow (the category of very small and small sizes includes the malar diameter of all the measured skulls — 33 or 75%). In the case of one of the skulls (grave 1445) facial breadth has been registered at mere 110 mm (facial basis breadth 103 mm) in combination with extremely pronounced dolichocrania (max. length — 199 mm, max. breadth — 124 mm produce cephalic index of 62.3) and extremely expressed horizontal profile (naso-malar and zygo-maxillary angles — 116 and 109 degrees, respectively).

An opposite complex of measurements and indices is demonstrated by the skull from grave 1509. Its bizigomatic breadth belonging to the class of big sizes (138 mm) is combined with brachyocrania (length — 180 mm, breadth — 145 mm, cephalic index — 80.6), a medium high on the verge of high face (73 mm), sharply projecting nose (37 degrees) and a great rarely encountered simotic index (SS — 8 mm, SC — 8 mm, SS:SC — 100.0%) but with a medium naso-malar (140 degrees) and a very small zygo-maxillary (124 degrees) angles.

The general facial angle which could be measured only in five cases describes this population on the average as orthognathous. However, one skull out of the five (grave 1071) shows general facial prognathism (80.0 degrees) and two others (graves 464 and 466) have proved to be mesognathous (82.0 degrees).

The averaged for the Gonur necropolis population horizontal profile angles of facial skeleton fall into the category of small and even very small values and thus testify to the absence of facial flatness. At the same time the range of variations of both naso-malar and zygo-maxillary angles, all of the variations from very small to very great — in the first case and from very small to medium — in the second, point to the group's heterogeneity in these characteristics. The skull from grave 1233 with a very great naso-malar angle (150.0 degrees) was, unfortunately, in a very bad state of survival and the zygo-maxillary angle could not be measured therefore. The skull is characterized by mesocranial cephalic index (76.24), medium cranial length (181 mm) and small cranial breadth (138 mm), small facial breadth (126 mm) and small

facial height (67 mm).

The skull from grave 1132 has a rare combination of the two said angles: its zygo-maxillary angle is at its maximum in the series (133.0 degrees) with the naso-malar angle of 124.0 degrees. Basic measurements of this cranium are as follows: it is extremely dolichocephalic (67.01) with a very great cranial length (191 mm) and small cranial breadth (132 mm) and height (128 mm), its upper facial height (65 mm) is small and so is its bizigomatic diameter (128); its alveolar arc is of a very great length (65 mm) and a very small breadth (55 mm).

In the majority of cases in the series facial height, especially the upper one, is small and medium. Only two of the skulls measured 74 mm and one — 75 mm. Small and medium values are characteristic of the nasal height. Only two skulls (3.5%) registered very great height (57 mm) and seven (12.3%) — great (54–56 mm). Nasal breadth is mostly very narrow and narrow (48.1%), broad (14.8%) and very broad noses (3.7%) are significantly rarer. The most narrow nose (20 mm) is registered on skull 1756 with small height (48 mm) and, correspondingly, sharply leptorinn index (41.67). Maximum nasal breadth (31 mm) was registered twice: skulls from graves 374 and 810, in both cases nasal height is small — 49 and 48 mm, respectively, and so is the platirinn index — 63.27 and 64.58.

Absolutely prevalent in the series are anthropina forms of the lower edge of the pearform orifice. On the male skulls *fossa prae-nasalis* has been registered only once (2.9% out of 34 cases analyzed) — grave 1311. Visually registered are deep canine pits. Judging from both the absolute measurements and dacryal and simotic indices, the nasal bridge and bones project rather prominently. On the average the angle of nasal projection to the facial profile is characterized by great values too. At the level of individual cases its great (53.6%) and very great (32.1%) values are prevalent as well. A small nasal projection angle (21 degrees) was registered on the dolichocephalic skull (max. cran. length — 182 mm, breadth — 137 mm, cephalic index 75.27) from grave 1722, with a very low (44 mm) and broad (27 mm) nose.

On the average the males of the Gonur necropolis are characterized by a small height and medium breadth of their orbits. Very high and high orbits (36–40 mm) were registered in 5.6% of the cases, very low (26–31 mm) — in 41.7%, broad and very broad orbits (43–49 mm) — in 28.6% and very narrow (36–39 mm) — in 15.7% of the cases.

In almost all the basic parameters sex dimorphism in the series is expressed as weak. Most prob-

ably the male and female groups from the Gonur necropolis belong to one and the same morphological type. On the whole the series shows vividly expressed Europoid characteristics. A preliminary analysis of craniological parameters points, on the one hand, to a morphological heterogeneity of the series, and to a combination of features belonging to archaic and progressive forms — on the other.

Studies in absolute sizes and form of cranium

Having used the basic idea of V.V. Bunak (1922), one of the present authors has elaborated a scheme of craniological differentiation of the world's population according to which there are today three predominant basic — «global» — craniological types (craniotypes) of human beings (Pestryakov, 1987, 1995) as tied up with three large geographical areas of the Old World, i.e. with the areas where they had been probably formed as a result of certain evolutionary transformations of the cranium. In view of the sufficient size of the analyzed palaeoanthropological series and that the area is situated within the sphere of influence of the ancient centers of civilization it seems paying to consider the place the population of the Gonur necropolis occupies in the given system.

Table 7

Necropolis of Gonur. Forms of cranium See p.114

Form: Brachycephalic (B); Mesocephalic (M); Dolichocephalic (D); Form of cranium (norma verticalis); Ovoid (O); Ellipsoidal (E); Pentagonaloid (P); Rhomboidal (Rh); Birsoidal (Br); Spheroidal (Sphr); Sphenoidal (Sphn)

Initial data for cranium studies were basic measurements of the cranium: maximum length, maximum breadth and height measured from basion. Used for the analysis as is usually done in standard craniological studies were also cephalic index and height-breadth index. In addition some non-standard metric parameters were studied: general growth size of cranium (OPB) which was calculated through adding vectors of the said basic measurements that were assumed to run at right angles to each other, and dolichoidal (YД), brachiod (YB) and hypsoidal (YT) indices which offer quantitative estimations of the relative length, relative breadth and relative height of the cranium, i.e. its form. The method of calculating these indices was described earlier (Pestryakov, 1991. p. 31-32). The analysis includes data on 78 male and 56 female skulls from the Gonur necropolis from the excavations of all seasons, excluding spring 2001.

As such a kind of analysis of craniological

series is not usually done by anthropologists some preliminary explanations are needed. The above-mentioned global craniotypes have been termed: *Tropoids* (the nidus of their emergence and main zone of settlement are the Old World's tropics); *Holarctoids* (emerged and traditionally widespread in the northern half of Eurasia); *Pacifoids* (the probable nidus of their emergence is Eastern Asia, with further spreading to the south and south-east of the initial nidus in Asia and to the other side of the Ocean — to America). A certain correlation between the global craniotypes and the contemporary race division system (meant here are the great races of humanity) does exist but it is not complete which fact should by no means be overlooked in the present study. While the main mass of the Equatorial (Negroid) and Veddo-Australoid races correspond on the whole to the territory of spreading of the craniotype of Tropoids and while the overwhelming portion of Europoids are Holarctoids from the craniological point of view, the great Mongoloid race has proved to be heterogeneous in this respect.

According to N.N. Cheboksarov (Cheboksarov, 1947) it falls into two main branches: Pacific (Chinese, Koreans, Japanese and others) and Continental (Mongolians, Buryats, Yakuts, Evenks and others) Mongoloids, while according to our data the Pacific Mongoloids (together with Americanoids) are Pacifoids and the Continental Mongoloids (together with Europoids) — Holarctoids.

It should always be kept in mind that the craniological classification is based on characteristics other than those of the classification of races and, therefore, that correlation between a race and a craniotype is in principle not obligatory.

We shall give first a brief description of the modern global craniotypes. From the data of this Table it can be very easily seen that Tropoids (averaged by 53 modern series) are usually characterized by a relatively small total size of their cranium (OPB=262.6) which has an elongated, narrow and as a rule a rather high form. It is in the eastern half of the Old World that the high forms of the Tropoids' skulls are decisively prevalent. Holarctoids (averaged by 139 modern series) stand out as antipodes of Tropoids in the sense that the size of their cranium is usually greater (OPB=266.9) and the form is broader and lower. Compared to the other global craniotypes brachycephalic cases are the most frequent among them. Mean value of the cephalic index by 139 series is 80.6. Pacifoids (averaged by 141 series) combine some traits of both Tropoids and Holarctoids: in its absolute size their cranium is almost as big as that of Holarctoids (OPB=265.9).

In the absolute height of their cranium they surpass both Tropoids and Holarctoids although in the relative height (YT) they correspond on the average approximately to Tropoids.

For the essence of this article's analysis it should be stressed that among the three global craniotypes only Tropoids do not register to any significant degree the brachycephalic phenomenon which is typical of the greater portion of human populations of the recent centuries. Mean value of their cephalic index is 72.2 (Table 8, see p.115) which corresponds to the classical dolichocephalic case. This fact seems to us very important. Still more important seem to be the ability of Tropoids to preserve in their mixing with the other craniotypes (e.g., with Holarctoids) the initially small breadth of cranium, which results in the falling of their already low cephalic index down to an ultra-dolichocranic level ($8:1 < 70$) and in high relative height indicators (parameters 17:1 and 8:1) because mixation of different craniotypes often brings about heterosis of the overall size of cranium, i.e. of the OPB (Pestryakov, 1997. p. 262-264).

Table 8

Brief craniological characteristic of the Gonur series against the background of averaged data on the modern global craniotypes (males) See p.115

Parameters (P); Craniotypes (Cr); Holarctoids (H); Pacifoids (P); Tropoids (T)

According to the data of Plate 8 the Gonur series should undoubtedly be classed among Tropoids. But the mean size of their cranium is somewhat higher compared to that of Tropoids. Moreover, in the series there are frequent cases of ultradolichocephalic skulls (32.4%) in the presence of brachycephalic (4.4%) and mesocephalic (8.8%) ones. These facts definitely point to a metisation between two different craniotypes.

Beginning probably from the Upper Palaeolithic — Mesolithic the 30ies — 40ies parallels of northern latitude in the western part of the Old World were a vast mobile band of confrontation and mexation of two global craniotypes, i.e. of Holarctoids and Tropoids (or of Europoids and Veddo-Australoids, respectively, if seen from the point of view of the races). The Gonur population's genesis was probably similar.

Let us consider the data of the Gonur series against the Bronze Age craniological series of the Near and Middle East (north-western India including), on the one hand, and of the Great Eurasian steppe — on the other. The initial individual and averaged-group data have been taken from a number of different publications (Khodzhayov, 1977;

Kiyatkina, 1987; Bagashev, 2000; Dani, 1968; Dutta, 1983; Passarello, Macciarelli, 1987; Bernhardt, 1991).

Table 9

Average group parameters of the Gonur series against the background of craniological series of the Bronze Age (males) See p.116

* › shown in brackets is the number of skulls included into the analysis.

Even a fleeting glance over the data of Plate 9 (see p.114) shows very great proximity of our series to that of Mohenjodaro. The other typologically most similar to the Gonur group series have proved to be those from Harappa and Sapallitepa. All these series are relatively close to each other from the geographical point of view too.

Figure 1

Position of craniological series under comparison within the field of variations of OPB and YB. See p. 117

For all the 22 craniological series represented in Plate 9 diagrammes of inter-group correlation fields have been prepared. Particularly illustrative and demonstrative was the correlation diagramme of the OPB (general growth size of cranium) and YB (brachycephalic index — Fig.1. p.117, where the numbers denoting groups correspond to those in Table 9, p.116). Distinctly seen in the diagramme is the division of all the mass of 22 series into 4 subgroups and 4 series standing relatively alone. First subgroup (I): series of Gonur and Mohenjo-daro; second (II) — Sapallitepa, Harappa, Timar-garha, Katelai, Kish A and Tepe-Hissar; third (III) — Kokcha 3, Catacomba people of Kalmykia and two Andronowo series of Kazakhstan; fourth (IV) — pit-grave and logged-grave populations of Kalmykia, El Ubeid, Andronowo people of the Minusinsk depression, Afanasyevo people of the Gorny Altai and Minusinsk depression. Standing relatively alone are the following series: craniological series Alishar (close to subgroup I), Karasuk series (standing rather close to subgroup III), Okunevo series (the closest to it is subgroup IV) and the series from the Trans-Baikal plate graves (separated from all the subgroups, especially from I and II).

The three last singular series (№ 20, 21, 22) with large heads and brachycephalic, low vaulted and relatively shorted in their form skulls are typical Holarctoids and a Tropoid admixture of any significance in them is excluded.

On the whole, registered in 22 series is significant inter-group correlation between the parameters OPB and YB, $r=0.488+0.180$. In other words, the large-headed series exhibit a bias toward brachy-

cephalic forms (or, else, to a broader overall form). But in the II and IV subgroups the correlation between the very same parameters is a distinctly negative ($r=-0.870\pm0.109$ and $r=-0.953\pm0.041$, respectively), i.e. the larger-headed series (parameter OPB) are narrower in their form (parameter YB). This is a classical picture arising at the mixing of two different global craniotypes — Holarctoids and Tropoids.

Let us consider now the typology of craniological growth processes in the male portion of the Gonur series. Calculated for this purpose has been a correlation matrix between the following four measurements: maximum cranial length, maximum cranial breadth, cranial height from *ba* and general growth value (OPB).

Table 10

Correlation matrix between basic cranial measurements of the Gonur series See p.117

The correlation coefficients between three mutually perpendicular cranial parameters are unusually small. The maximum cranial length stands in a low or even negative dependence from the breadth size. To put it differently an increase in the length is followed by a slight diminution of cranial breadth. This fact is indicative of the heterogeneous origin of the series which is connected most likely with the mentioned earlier aptitude of the cephalic index to fall when Tropoids mix with Holarctoids (See relevant explanations in the text above). Correlational dependence of the cranial length and height is usual ($r=0.309$), but is totally absent in the case of cranial length and height ($r=0.012\pm0.136$). All of this points to an unstable type of growth processes, i.e. to a metis origin of the craniotypes in this population. OPB is linked here to the greatest extent with the length parameter and then with that of height (measured from *ba*). Significantly retarded is the degree of dependence of OPB on the maximum cranial breadth ($r=0.344$) which fact points to the presence of a considerable Tropoid fraction in the craniological series of Gonur.

Judging from the above, the general cranial parameters of the craniological series from the necropolis of Gonur are rather typical of the contemporary (Bronze Age) population of the Middle East from Mesopotamia in the west to north-western India in the east, and stand nearest, according to our data, to the series from Mohenjodaro. In all these groups the basis is composed of the population which had taken shape as a result of a long metisation process between Tropoids (who were most likely Veddo-Australoids — from the racial

point of view) and Holarctoids (ancient Europoids — from the same racial point of view). In the northern direction (in the direction of the Great Eurasian steppe) the Tropoid admixture diminishes and in the case of the farthest craniological series Okunevo, Karasuk and Trans-Baikal plate-grave cultures) it is probably absent altogether.

Comparison of the Gonur craniological series with synchronous data

In the era of the Eneolithic and Bronze Ages the huge territory of Middle Asia was distinctly divided into two historico-cultural areas. The first of these, i.e. the southern one embraced south-western and southern Turkmenistan, southern and to some extent central Uzbekistan and southern Tajikistan, and was an area of formation of proto-urban-type civilizations. The second, i.e. the northern one embraced the northern plain part of Middle Asia — northern Turkmenistan and northern Uzbekistan — was the periphery of the southern civilizations. The permanent contacts between tribes of the south and north could not but affect ethnic history of the two historico-cultural areas of Middle Asia. These complex ethno-cultural contacts between the south and north involved, no doubt, also population residing far beyond their geographical boundaries. According to the data of archaeology in the era of the Eneolithic and Bronze the population of southern Turkmenistan was drawn into the sphere of cultures of Fore-Asia. All of this makes it necessary to analyze available palaeo-anthropological material both from Middle Asia proper and from the adjacent areas.

Rather clear-cut anthropological differences between the southern and northern regions of Middle Asia are observed beginning from the Neolithic and especially from the Bronze Age. The northern steppe zones were inhabited by tribes of proto-European while the southern ones — by those of Mediterranean appearance. The proto-European complex of traits was registered among the Neolithic tribes of the Kelteminar culture in the west of the Khorezm oasis (Tumekkichijik). The southern zones were the home of tribes of Mediterranean appearance — who were carriers of the Neolithic Gissar (Tutkaul) and Jeitun (Ovadan-depe, Chagallydepe, Chopandep and others) cultures. A similar anthropological type had been characteristic of the earlier Mesolithic population of the Surkhandarya river valley (Machaj cave). In the Bronze Age the northern steppe zones of Middle Asia remained inhabited as before by tribes of the proto-European type. This complex of typical of the carriers of the Andronowo, Tazabagyab and logged-grave cul-

tures. The line of demarkation between the proto-European and Mediterranean complexes ran mainly along the lower reaches of Amudarya, middle and lower reaches of Zarafshan and upper reaches of Syrdarya rivers.

For the sake of a comparison by the sum total of craniometric characteristics the authors used all the available to them series represented in Table 11 (p.119). Our inter-group comparison of the series of skulls from Gonur with those from the northern steppe zones has shown that they differ from the latter essentially in their morphological and racial characteristics, which means that if any anthropological ties between representatives of Gonur and the northern steppe tribes did exist they were minimal. Their observable anthropological similarity to some individual synchronous series from the northern zones of Middle Asia, i.e. to the Eneolithic population of northern Tajikistan (Sarazm) and also to the population of the Late Bronze of western Kazakhstan (Tastybutak 1) and the agrarian Chust culture of the Ferghana valley (Chust, Dalverzin) is explained by that the morphological type of the latter was formed as a result of the resettlement of some of the population from the southern regions.

Table 11

Comparison of craniological series of the Bronze Age (male skulls) *See p.119*

Note: Data for the Table have been taken from the following sources: Alciati, 1967; Bernhardt, 1967, 1969, 1991; Ginzburg, Trofimova, 1972; Rathbun, 1972, 1975; Cappieri, 1973; Kiyatkina, 1976, 1987; Khodzhayov, 1976, 1980, 1987; Khodzhayov, Khalilov, 1984; Pardini, Savari-Negahbah, 1976; Dutta, 1983; Passarello, Macchiarelli, 1987.

As regards the southern regions of Middle Asia prevalent among their population, as has been mentioned earlier, were Mediterranean forms. Thus, in the Neolithic in the south of Middle Asia, in Fore- and South Asia a few variations of the Mediterranean race were represented. In the south of Tajikistan, Uzbekistan and Turkmenistan as also in central and north-eastern Iran and north India at least two variations of the Mediterranean race were widespread: comparatively maturized dolichocephalic, narrow- and high-faced, and gracile dolichocephalic, narrow and low-faced. Later, in the Bronze Age, representatives of the Mediterranean complex of traits remained inhabiting as before the southern and central agrarian oasis. This complex characterized carriers of the archaeological Na-mazga, Sapallitepa and Zamanbaba cultures. As an admixture the complex was represented among the cattle-breeding population of South Tajikistan — Vakhsch and Bishkent cultures.

Representatives of the first variety are rather massive, long-headed, narrow- and high-faced people. This variation is characteristic of the Eneolithic population of South Turkmenistan (Karadepe, Geoksyur), North Tajikistan (Sarazm) and Central Iran (Sialk). Representatives of the second variation are also long-headed but differ from the former by significant gracility, a not high vault of the skull, and a comparatively low and very narrow facial skeleton. This variation was characteristic of the population of the Namazga (Altyndepe, Namazgadepe, Parkhaj and others), Sapallitepa (Sapallitepa, Jarkutan, Mollali), Zamanbaba (Zamanbaba) and Chust (Chust, Dalverzin) cultures. Not a single one of these variation is represented in a «pure» form in any separate site of the Bronze Age. The same variations are characteristic of the Bronze population from the cemeteries of Dashti-Kazi and Chak in the middle reaches of the Zarafshan river (unpublished materials of T.Khodzhayov). Geographic distribution of these two variations has proved to be considerably wider. The population of North-eastern Iran and North India are also affected by the morphological and racial features of these variations of the Mediterranean race.

The craniological materials from the Gonur necropolis under study is represented mostly by the gracile and more massive variations of the Mediterranean race. These are characteristic not only of the local population of the southern and to some extent central regions of Middle Asia of the Neolithic and Bronze Ages but also of the synchronous and earlier populations of Fore- and South Asia.

At the same time, as in many of its craniometric and angular characteristics the Gonur series exhibit variations from the smallest to the greatest values, there are sufficient grounds to describe it as heterogeneous both from the point of view of the presence of more archaic (e.g., the encountered extremely low frontal bone inclination angles, the elongated and narrow form of the alveolar arc, relatively broad and low orbits) and more progressive forms, and from the point of view of the presence of a Veddoid admixture (facial and alveolar prognathism in a few skulls, expressed platynirria) which testifies to the participation in the formation of the anthropological type of the Gonur population of a component traceable in its origin back to the most ancient population of Middle East (from Mesopotamia to North India). Some of the series' skulls with rather expressed facial flatness (great values of the naso-malar and zygo-maxillary angles) and the general configuration of their brain and facial skeletons bring the series close to the population buried in North-western Pakistan (cemeteries in the

Swat valley). A number of other characteristics (gracile leptoprosop structure, upper facial height) bring this group close to the population of the southern regions of Uzbekistan. And the mesocranial types among the female skulls of the group and, particularly, brachycephalic and mesocephalic skulls among the male ones serve as a piece of evidence of the groups unquestionable ties with an area of Fore-Asia, its central part.

Osteology

This osteological material was obtained through excavations at the necropolis of Gonur-depe city carried out by the archaeological expedition of autumn 2000. The bone materials were in a very bad state of survival and we were practically unable therefore to study not a single skeleton in full. Measurements were taken of the remains of 37 persons in total: 21 male and 16 female ones. Some of the length parameters of the bones were reconstructed by the formulas of N.N. Mamonova. For the purposes of a comparative analysis shown in the tables with individual data are sizes of the right-side bones only or those recalculated by the formulas of G.F. Debetz from the left- to the right-sided.

Humerus. Among men on the average the bone's length is of small (meant here and below is variation of the characteristic within one and the same sex — in the present case among men) sizes. Breadth of its both epiphyses is also rather small. Judging by the diameters of the middle of the diaphysis and of its minimal circumference, the humerus of men is very gracile. Pointing to the same is also mass index (19). The form of diaphysis by the cross-cut index (87) is close to rounded.

Among women humerus length parameters are of medium values. By the minimal circumference of the diaphysis and diameters of its middle female humerus are massive to a medium extent. Female humerus structure are less rounded than those of men (cross-cut index=81).

Forearm bones. Men had long and massive radii (massiveness index — 17.7). Cross-cut index was about 80 which means slight flatness of radii and weak development of the inter-bone edge. Male ulnas have small length parameters and very small circumferential. Cross-cut and platolenia indices indicate that the form of diaphysis is close to rounded and that the ulna is flattened from its sides at the level of the lower point of the radius incisura.

Female radius unlike that of men is small and rather gracile, the form of diaphysis is more flattened in its front-back diameter. Medium sizes of female radii are combined with the rounded form

of their diaphyses and with lesser lateral flatness of their upper edge.

Clavicula. These bones differ between men and women in length but are practically identical in the index of massiveness.

Femur. These bones of men are characterized by small values of the middle diameters and very great length parameters which is probably why their massiveness index is very low (17.5). Characteristic of the female femur are medium values of length and of the circumference of the middle of diaphysis. Female femur prove to be more massive than male ones. Both sexes are characterized by weak development of the pilaster and flatness at the upper end of the diaphysis.

Tibia. Male tibias are, as a rule, long and gracile with saber-shaped diaphyses. Characteristic of women are medium long and massive tibias. Diaphysis of female tibia is more rounded than in the case of men.

Pelvis. Intact pelvis breadth was measured in two cases only because the on-the-side position of the dead results, as a rule, in the destruction of the lower half of pelvis. Male pelvises were rather narrow while female ones were of medium sizes.

Thus, it is absolutely evident that in the development of their long bones men and women of the population studied do differ between themselves. Lower limb bones of men are longer and more gracile. Their shoulder bones are also more gracile than those of women, although short enough. Only the forearm bones (especially radii) of men are relatively massive. Men are also conspicuous in having saber-shaped diaphyses of their tibias.

Reconstruction of physical type

Proportion indices are presented in Table 12 (p. 121). They show that the population of Gonur-depe was characterized by relatively longer distal segments of the extremities (shin, forearm) and relatively short arms.

Table 12

Proportion indices of the upper and lower extremities of skeletons from the necropolis of Gonur See p.121

Intermembral index (ImI); Tibia-Femur index (TFI); Radius-humerus index (RHI); Humerus-femur index (HFI); Radius-tibia index (RTI)

Indices of scelia calculated by the method of Manouvrier are presented in Table 13 (p.121). Values of the index show that both men and women are characterized rather by mesomorphous proportions for all the practically general gracility of skeletons.

Table 13

Values of the index of scelia by Manouvrier *See* *p. 121*

Index of scelia (Ic)

Body length was determined by three formulas — after Bunak (7 men and 8 women); after Dupertui and Hadden (on the basis of femur measurements — 15 men and 11 women) and after Dupertui and Hadden (on the basis of other long bones — 11 men and 9 women). Individual stature was determined, when it was possible, as a mean between the three calculated values. It was found possible to determine the body length of 20 men and 15 women all in all. Mean stature of women turned out to be 156.2 cm (minimum — 142.3 cm, maximum 165.4 cm and $S=7.18$), and in case of men — 173.0 cm (stature variations being from 165.5 cm to 181.8 cm, and $S=4.96$).

Thus, the undertaken osteological study shows that the population buried in the necropolis of Gonur can be described as follows: 1. Men were gracile and mesomorphous. Their extremities had relatively elongated tibias and forearms bones, the latter having been rather well developed. The upper extremities were somewhat short. Men's stature was somewhat above medium. 2. Women were characterized by more massive skeletons and were mostly mesomorphous. They also had relatively elongated tibias and forearms, somewhat short upper limbs and stature below medium height.

Comparative analysis

For the purposes of the comparative analysis appropriate data were used from the synchronous cemeteries of the neighbouring territories: Sapallitepa, Jarkutan (South Uzbekistan), Harappa, and Katelai (Swat, West Pakistan) (Table 14. *See p. 122*).

Table 14

Mean sizes of the basic osteometric characteristics of the Bronze population of Middle, South and Fore-Asia *See p. 122*

Maximum length of humerus (1) (LH); Massiveness index of humerus (MIH); Maximum length of radius (1) (LR); Massiveness index of radius (MIR); Maximum length of ulna (1) (LU); Massiveness index of ulna (MIU); Length of femur in natural position (LF); Massiveness index of femur (MIF); Full length of tibia (1a) (LT); Massiveness index of tibia (MIT); Stature by Manouvrier (SM); Stature by Dupertui (SDu); Stature by Pirson (SP); Stature by Bunak (SB); Stature by Debetz (SDB); Stature by Trotter and Glezer (STG); Averaged stature (S); Intermembral index (ImI); Radius-humerus index (RHI); humerus-femur index (HFI); Radius-tibia index (RTI); Tibia-femur index (TFI).

Notes: 1 - Khodzhayov, 1987; 2 - Bernhardt, 1967; 3 - Khodzhayov, 1977; 4 - Dutta, 1983; 5 - Passarello, Macchiarelli, 1987.

Figure 2

Multidimensional diagramme of comparisons between male groups by the indices of body proportions and stature. *See p. 121*

Conventional denotations: J - Jarkutan; S - Sapallitepa; H - Harappa; K - Katelai; G - Gonur; St - body length; ImI - Intermembral index; RHI - Radius-humerus index; HFI - Humerus-Femur index; RTI - Radius-tibia index; TFI - Tibia-femur index.

Figure 3

Multidimensional diagramme of comparisons between female groups by the indices of body proportions and stature. *See p. 121*

Conventional denotations: J - Jarkutan; S - Sapallitepa; T - Timargarha; H - Harappa; K - Katelai; G - Gonur. Denotation of the traits is the same as in Fig. 2.

Our comparative analysis of Bronze osteological series from Middle and Fore-Asia has shown that on the whole women in the populations studied are of relatively low stature while men's stature is slightly above medium. In practically all the populations the difference in stature between men and women is about 10 cm. Diagrammatical comparison of the series (Fig. 2, 3. *See p. 121*) shows similarity between the male series from Gonur and Jarkutan in the character of formation of longitudinal proportions and general length of the body. Gonur women exhibit similarity in some parameters to the women of Katelai and Jarkutan.

On the basis of an assumption that the proportions have rather ancient formative history and are more resistant to the factors of surrounding medium, it seems possible to suppose that both male and female portions of the population find similarity in the length and proportions of the body both to the local population and to the inhabitants of regions lying farther to the south-east.

Odontology

Programme of the study included the traditional set of traits supplemented with some other characteristics which indicated ecological specificity of the agrarian population — spreading of caries, parodontitis and tooth enamel hypoplasia as well as general morbidity of dental system (presence of the mentioned diseases in at least one individual). In addition the research programme included some metrical indices of separate teeth. According to the adopted in our domestic odontology practice we are applying the method explicated in the works of A.A. Zubov (1968, 1973).

The main goal of the present communication was to provide a description of the ancient agrarian population of the Gonur necropolis and determine its place among the ancient populations. Basic markers of the dental system are shown in

Table 15 (p. 123). From the odontological point of view the population which left the necropolis in Gonur was characterized by the features of the western odontological stem: rather low frequency of the shovel-shaped upper incisors and of the variant 1pa(3) [10.3% (n=29)], very low frequency of the distal crista of trigonid and deflecting wrinkle of metaconid, additional intermediate cusp (tami), and significant though lower if measured by the Europoid scale frequency of the Carabelli cusp, which is characteristic of southern Europoids. Gonur people exhibit a tendency, though slight, to have the upper lateral incisor (6.1% of point 1) reduced for all that the front teeth remain rather large by absolute sizes. Reduction processes in the upper jaw are expressed but weakly. Thus, general metaconus reduction of a number of molars is 1.836 points which is characteristic to the western stem on the whole and to Europoids in particular. If measured by the modern scale the reduction of hypoconus is insignificant (three-cusped molars' frequency is 33.3%) but at the Scythian-Sarmatian time this value was most usual for Eurasian populations. The frequency of four-cusped variations of M^2 testifies to the presence of an equatorial admixture in the composition of population in question. Pointing to the south-Europoid orientation of the group is such an odontoglyphic indicator as the variant 2med (II) whose frequency reaches up to 27,1%. By the frequency of the epicrista on the upper molars the population seems to be quite Europoid: on M^1 — 77.8%, on M^2 — 50.5%, on M^3 — 16.7%. A very high frequency is characteristic of the splitting of the root of the first upper molar — 61.9% (n=63).

Table 15

Basic odontological characteristics of the ancient agrarian population of Gonur See p.123

Shovel-shaped (Sh) J^1 ; Shovel-shaped (Sh) J^2 ; Reduction (R) of I2 (1 point); Carabelli cusp (Cc); Distal crista (Dc); Epicrista (Ep); Deflecting wrinkle (Dw); Tami; General caries (Car); Parodontitis (Par); Hypoplasia (Hyp); Dental pathology in total (Path)

Table 16

Basic parameters of the crowns of permanent teeth of the population of Gonur See p.123

Reduction in the numbers of cusps on the lower molars is essential: four-cusped forms are registered with high frequency on both the first and the second ones which fact points to the belonging of the population to the range of «gracile odontotypes». Pointing to the south-Europoid origin of the population is the significant frequency of the form X_5 on M_1 (7.3%) and M_2 (9.3%).

In spite of the mentioned traits in the reduc-

tion of some elements of the dental row, their sizes (Table 16. See p. 123) are very great which is characteristic rather of a more ancient population than the one under study. The early Neolithic Europoid population of the Fore-Asian area differed from the population of the territories lying farther north in the significant reduction of the frontal elements of dental system. Moreover, we should point out such specific features of the teeth of the ancient population Gonur as the very great thickness of their enamel which is characteristic of the eastern odontological stem, and the presence of helicoid obliteration of the molars and their rather strong obliteration, which is characteristic mainly of Neolithic populations. It seems not possible to suppose that these characteristics survived as a result of conservation due to limited contacts of the population because the inhabitants of the large center were most likely not isolated from other cities.

Thus, the tendency to the reduction of some individual elements registered in different classes of teeth is accompanied in the group studied by the appearance of reduced forms of the upper lateral incisor, very high frequency of the four-cusped forms of the first lower molars, and by the presence of progressive types of patterns on M_{1-2} . This complex of characteristics as accompanied by significant massiveness of teeth makes it possible to class this population among the range of gracile south-Europoid forms with an equatorial admixture (of the eastern odontological stem). Pointing to the latter circumstance is also massiveness of the crowns of the entire dental row and especially of molars which can probably be explained by inclusion into the composition of the Gonur population of that portion of the population which is genetically linked with the most ancient population of the Asiatic continent — Veddoids.

An important indicator from the point of view of racial diagnosis is the interdental index of upper incisors: relation of mesiodistal diameter of the lateral incisor to the similar parameter of the medial incisor. In the male portion of the population its frequency is 81.49% compared to 80.9% — in the female portion. In Europoid samples this index varies from 75 to 78%, in Mongoloid samples — from 82 to 84%, Equatorials as also the Gonur sample occupy an intermediate position by this index.

Table 17

Moduli of crowns (m cor) and indices of crowns(I cor) of molars of the population of Gonur See p.124

Table 18

Modulie of molar crowns (m cor) of the population of Gonur See p.124

Crown moduli of both separate molars and of molar dentures characterize men as macrodental while in the case of women these indicators are found to be at the verge of meso- and macrodental (Tables 17–18. See p.124), with the exception of the characteristics of the third molars which make men mesodental and women microdental. Representatives of the Equatorials are characterized by the molar denture modulus greater than that of the Europoids (10.75 mm), i.e. it is possible to say that the Gonur males had a significant equatorial admixture in them.

As to the dental pathologies it is significant that the rate of spreading of caries is rather high for that period which is indicative of the population's belonging to the western odontological stem in the case of whose representatives this disease has probably a genetic origin. Frequency of the enamel hypoplasia among adults is high with no significant differences between the sexes. Differences between boys and girls in the 1st and 2nd periods of childhood cause no doubts and testify to the greater resistance of the girls' organism to infectious diseases. Hypoplasia reaches 52.2% among boys and 28.6% among girls. Another frequently encountered disease was parodontosis (parodontitis). In the case of our study its frequency is unquestionably understated because the material was too fragmentary to allow registering the second and third stages of the disease. We should only note on the high frequency of the cases of parodontosis among ancient populations which were due to a higher load on the dental-maxillary apparatus (food cooking technology, use of teeth as a «tool» to process plant and animal fibre, etc.). The summary index of dental diseases is very high and reflects, no doubt, both deficit of some microelements in the food and water and the not quite favourable on the whole ecological situation in the population's habitat, which influenced the genetic pool of the population indirectly. This is probably the explanation why the selection process resulted in the diminution of the male portion of the population.

Table 19

Comparison of the Gonur series by the basic odontological characteristics with ancient series of the Bronze Age and Antiquity See p.125

Chronology (Ch); (1) 3rd > 2nd millennium B.C.; (2) 3rd > 2nd millennium B.C.; (3) 2nd > 1st millennium B.C.; (4) 2nd – 1st millennium B.C.; (5) 2nd century B.C. > 3rd century A.D.; (6) 1st century B.C. > 1st century A.D.; (7) 9th century A.D.; (8) 7th > 2nd centuries B.C.

Researcher (Rs); Rykushina (R); Khodzhayov (Khj); Khaldeeva (Khl).

The place of the Gonur population among the

ancient and contemporary series can be determined by averaged radian characteristics of the eastern odontological stem' features (shovel-shaped forms I¹, distal crest of trigonid, deflecting wrinkle of metaconid, M₁6) and of the western stem — Carabelli's cusp, M₁4, M₂4 (Table 19, Fig. 4. See p. 125). Unfortunately it should be stated that we have no original materials on many of the ancient series and that information on contemporary equatorial groups is also insufficient, although in the analyses of both descriptive and metric markers there are references to the presence of some equatorial admixtures. Nevertheless this type of analysis makes it possible to establish the main direction of ties. In order to determine the character of this admixture included into the summary diagramme have been some groups from the territory of West and South Asia and of the East-African coast.

In the complex of its characteristics the Gonur series differs both from the ancient and contemporary Europoid series in that its traits of the western odontological stem are weakened and those of the eastern are expressed indistinctly. To define the population's odontotype a supposition about classing it within the group of undifferentiated types or about its metis character seems to be in order. In any case, the population buried in the necropolis of Gonur occupies a peripheral position and exhibits similarity to the ancient Europoid series in the level of traits of the eastern complex and comes close to the contemporary population of South and South-East Asia (Oran, Munda and Viets) — in the degree of expression of the western complex. The latter circumstance enables a supposition that the certain specificity of the Gonur population is either conditioned by contacts with representatives of that area or it is a part of that ancient anthropological substratum which had been earlier widespread on the territory of Fore-Asia and North India.

Figure 4

Comparison of contemporary and ancient odontological series by the sum total of characteristics of the western and eastern odontological stems. See p.126

Group denotations: 1. Gonur; 2. Sapallitepa; 3. Jarkutan; 4. Altyndepe; 5. Bronze Age of Tajikistan (sum total); 6. Altynasar 4 (Aral sea area); 7. Andronowo people of North Kazakhstan; 8. Andronowo people of Minusinsk depression; 9. Andronowo people of the Upper Ob river; 10. Afanasjevo people; 11. Okunevo people; 12. Karasuk people; 13. Tagar culture; 14. Mesolithic of the Ukraine; 15. Neolithic of the Ukraine; 16. Log-grave culture people of the Ukraine; 17. Pit-grave culture people of the Ukraine; 18. Scythians of the Ukraine; 19. Bronze Age population of Moldavia; 20. Iron Age population of Moldavia; 21. Cemetery

Samtavro, Georgia (Iron Age); 22. Bronze Age of Tajikistan; 23. Contemporary Tajiks; 24. Cemetery Aimyrlyg; 25. Cemetery Kokel; 27. Contemporary Uzbeks; 28. Contemporary Turkmen; 29. Contemporary Ethiopians; 30. Jats; 31. Akhirs; 32. Gudjars; 33. Chamars; 34. Radjputs; 35. Oraons; 36. Mundar; 37. Maratha; 38. Kayastha; 39. Nava-Budhu; 40. Bhils; 41. Paora; 42. Bengalese (upper castes); 43. Bra-chmans deshastkha rigvedi; 45. Chitpavans; 46. Gipsy (Bulgaria, Sliven, Christians); 47. Gipsy (Bulgaria, Sliven, Moslems); 48. Gipsy (Bulgaria, Sofia).

On paleopathology of the Gonur necropolis

Due to such factors as the poor state of preservation of the bone material and modern natural conditions at the place of the excavations (high solarisation, strong winds, extremely low air humidity) and the fact that permanently working on the site was only one anthropologist O. Babakin while simultaneously excavated were more than ten graves it was not possible to register in sufficient details the frequency of various pathological changes. Some of them with reference to the dental system have been briefly outlined here in the section on odontology. Now we may take up the question of changes in the postcranial skeleton that occurred during the life-time as connected with various diseases, including changes caused by delayed general growth processes in human organisms.

Let us consider, first, the already mentioned burnt hole-graves. In grave 1141 at the depth of 60 cm from the day surface remains of a person of small stature were unearthed. The skeleton lay in a contracted position on its side, face south. Any accompanying inventory was absent. The state of preservation of the skeleton was poor, but some of its bones were registered and studied in detail.

The skull had a few facial bones only. The cranium was represented by the frontal bone and the lower part of squama ossis occipitalis. The general sizes of the skull could be evaluated by the hardened substratum that had filled its cavity and preserved its form. Hence, some measurements could be taken from the facial skeleton only (Table 20. See p. 126).

Table 20

Basic craniological characteristics of the skull from grave 1141 (mm) See p. 126

Depth of canine pit (Cp); Mammiform processes (Mp); Superciliary arcs (Sa); glabella (ge)

As can be seen from this table the person's facial skeleton is characterized by low values of upper facial height and medium values of full height; small middle breadth of the face is accompanied by a big

upper breadth. Nose has a small height and a big breadth, while medium broad orbits are of a small height. Frontal bone is rather broad. It should be noted that the sizes obtained were estimated under the headings for adult males without allowance for growth processes changes. The skull's indices show that the person in question had a low and broad nose, rectangular-shaped (broad and low) orbits and a low and very narrow in its middle part face. In addition to the described characteristics alveolar prognathism of the upper jaw has been registered.

On the basis of measurements and descriptive characteristics the person's sex was determined as male. Indicative in this respect are rather large malar bones and sufficient development of the superciliary relief and mammiform processes. The person's age could be determined only by the extent of the wear and tear of his teeth. Thus attrition rate on the upper incisors is registered at point 3, on the canines — at points 2-3, and on the second molars — at point 3. Such parameters of the attrition of teeth crowns correspond to the age of 35-40 years as determined by the method of M.M. Gerasimov.

Fragments of the following bones of the postcranial skeleton have been found in the grave: right and left humerus, right and left ulnae and radii, right rib, right and left femurs, right and left tibiae, left fibula. We tried to take all possible measurements, some of them not traditional, which can be useful for other studies. The results of measurements of the postcranial skeleton are shown in Table 21 (see p. 127).

Table 21

Measurements of the postcranial skeleton 1141 (mm) See p. 127

Characteristic (Ch); Right (Rt); Left (Lt).

Humerus (H): Upper epiphysial breadth at the level of surgical neck (collum chirurgicum)(UB); Sagittal diameter at the level of surgical neck (collum chirurgicum)(SDH); Maximum diameter of the middle of diaphysis (MDH); Minimal diameter of the middle of diaphysis (MdH); Circumference of the middle of diaphysis (MCH); Breadth of the lower end at the level of the middle of ulna pit (BUp); Breadth of fossa cubitalis (Bfc); Breadth of the hole between fossa cubitalis and fossa radialis (BB); Depth of fossa cubitalis (Dfc); Length of the delta-shaped asperitas (Lda); Height of the delta-shaped asperitas from the level of the middle of diaphysis (Had); Length of the combined humerus from the surgical neck (collum chirurgicum) to the upper edge of fossa cubitalis (LH); Length bd (bd) (by Mamonova).

Radius (R): Physiological length (PhLR); Transverse diameter of diaphysis (TDR); Sagittal diameter of diaphysis (SDR); Minimal circumference of diaphysis (MCR); Breadth of the lower diaphysis (BR); Length of asperitas radialis (Lar); Length bf (bf)(by Mamonova); Length bd (bd)(by Mamonova).

Ulna: Physiological length (PhLU); Front-back diameter (FBU); Transverse diameter (TU); Upper transverse diameter (UTU); Upper dorsovolar diam-

eter (UDU); Minimal circumference of diaphysis (CU); Length of processus styloideus (Lps); Projection of processus coronoideus (Ppc); Breadth of incisura radialis (Bir); Length fg (fg) (by Mamonova); Length bd (bd) (by Mamonova).

Femur (F): Length ch (ch)(by Mamonova); Sagittal diameter of the middle of diaphysis (SF); Transverse diameter of the middle of diaphysis (TF); Upper sagittal diameter (USF); Upper transverse diameter (UTF); Circumference of the middle of diaphysis (CF); Length of collum femoris (Lcf); Lower breadth of condylus lateralis (LBcl); Depth of fossa intercondyloidea (Lfi); Sagittal diameter of condylus lateralis (Scl).

Tibia (T): Length af (af) (by Mamonova); Sagittal diameter of the middle of diaphysis (ST); Transverse diameter of the middle of diaphysis (TT); Sagittal diameter at the level of foramen nutricium (STn); Transverse diameter at the level of foramen nutricium (TTn); Circumference of the middle of diaphysis (CT).

The extent of development of the relief on the bones testifies once again that the skeleton was male. With use of the method of N.N. Mamonova maximum lengths of the bones were determined by their fragments. On the basis of the results obtained the person's stature was determined for which end the formula of S. Dupertui and D. Hadden developed for low stature Europoids with the normal type of build was used (Table 22. See p.127).

Table 22

**Basic osteometric characteristics
of the bones of the postcranial skeleton
(mm) and total stature of the person
from grave 1141 (cm) See p.127**

Fragment (F); Length of Fragment (Lf); Maximum length of bone (by Mamonova) (Lb); Stature (L); Humerus (H); Ulna (U); Radius (R); Femur (F); Tibia (T); Mean stature (ML).

From the data obtained it can be seen that the limb bones of this person are shorter by one half than those of people of normal stature. It is highly probable that this person had an unproportional appearance with a normal trunk and short extremities, i.e. he was a dwarf. His body's length was found to be approximately 128.4cm.

As descriptions of individuals with retarded growth processes are rare in palaeoanthropological literature we offer below a description of the muscular relief and specific features of the person from grave 1141. Our more detailed descriptions of different types of retarded growth processes are presented in the special article (Vassiliev, Babakov, Borutskaya, 2001).

Rib. Excavated from the grave was a fragment of the right middle rib 12.3cm long. Its height (1.82cm) and a slight curve allow a supposition that the person had a significant chest volume comparable with that of a normal human being.

Humerus. On the left humerus a very good development of the asperitas deltoideus was registered. Its length is 3.1cm which is equivalent to

approximately 22.3% of the reconstructed length of the bone. Its projection over the level of the middle of the bone's diaphysis at the place of its best development is 0.9cm. Such a development of the *tuberositas deltoidea* is indicative of strong development of the muscle of the same name which raises the upper extremity up to the horizontal level and turns the shoulder inward and outward. Such a development of the muscle describes it as particularly powerful because the lever for its work functioning is in this case small. On the left humerus *crista tuberculi majoris* and *crista tuberculi minoris* are noticed but their development is closer to normal. Thus, we can say on the whole that the muscles raising and turning his shoulders were highly important for the work activities of this person.

In the case of the right humerus we should point out significant depth of *fossa cubitalis* and even its possible communication with *fossa coronoidea*. This fact indicates that the person was able to unbend strongly or even to overunbend his arm at the elbow joint. Such an ability could be useful for carrying burdens over one's head. But most likely this shoulder anomaly was due to genetic factors rather than formed in the process of work activities of the person.

Radii. The right radius is specific in the good development of its asperitas which corresponds to the massiveness of the two-headed shoulder muscle. In the first place, it is a reflection of the corresponding development of the muscle bending the shoulder and forearm, i.e. of the muscle participating in the process of raising burdens up. Second, it points once again to the small lever of movement. Another specific feature of the right radius is a strong lateral deviation of its *caput* and *collum*. And, at last, an interesting anomaly in this bone is a very strong widening of its distal end: the lower breadth of the radius is not less than 5.6cm, probable length of the bone being 11.5cm. This feature means additional and very significant strengthening of the radiocarpeus joint and confirms the idea that this person was probably often obliged to carry burdens over his head or on his shoulders.

Ulnae. On both bones a strong projection of *margo interosseus* is noticed which means strong development of the long extensor of the thumb and of the long muscle drawing the thumb aside. Besides, both bones are characterized by strong development of the distal *crista lateralis* to which the square pronator is fixed. In the process of his work activities this dwarf had probably to support some burdens lying on his shoulders or raised

over his head with his palms and thumbs while the pronator kept the wrist and palm from turning backward and thus also as if carried the burden by fixing the wrist. Pointing to the powerfullness of the square pronator is also the good development of the *margo lateralis* of the lower end of the radius (both radii) to which this muscle is also fixed. The long *olecranon styloideus* of the right ulna is probably also an indicator of the powerfullness of the ligamentary apparatus of the *articulatio radiocarpeus*.

Femur. The first thing that strikes the eye is that the bones are strongly twisted. The torsion angle of the right bone was about 38 degrees which means that the thigh-bones were displaced somewhat to the back and the body was as if overhanging above the legs. To keep the body in balance the knee joint needed additional strengthening. Noticed in the case of the person under examination are dilatation of the distal parts of the femurs and an increased sagittal diameter of the condyluses of the right femur (or, more exactly, of the *condylus lateralis* because *condylus medialis* has not survived and its parameters can be only presupposed). Breadth of the lower hypothesis is not less than 5.6cm. The strong projection of the epicondylus lateralis can also be seen as a specific feature of the right femur. Its breadth from the level of the side edge of the lower part of the joint's surface is about 1.9cm. Given the probable analogous condition of the *epicondylus medialis* it is possible to assume considerable development of the three-head muscle of the shin — knee flexor and foot extensor.

One of the interesting points in the structure of the dwarf's femurs is the excessive development of the *line intertrochantericus* which has actually the appearance of a ridge, projects strongly over the level of the bone's body and occupies the upper third of the body in length. The *line intertrochantericus* is the place of fastening of the *ligamentum iliofemorale* which retards the unbending of coxa and participates in keeping the trunk in the vertical position. When *coxa* is displaced backwards the role of *ligamentum iliofemorale* increases as we can observe in the case of this dwarf too. We should also suppose a not inconsiderable degree of development of the four-head femoral muscle whose importance increases when legs are in the position they are in this case and also when one has to carry burdens all the time. The dwarf's femurs can be described as having a quite well developed asperous line of the femur especially in its lower part. It cannot be excluded also that *musculus vastus femoris medialis* (head of *musculus*

quadriceps femoris) was fixed to the lower part of the *line intertrochantericus* as well.

A special mention should be made of the poor development of *asperitas gluteus* and consequently of the big buttock muscles of both legs. With a slight displacement of the thigh backwards the load on the big buttock muscle — extensor of the coxofemoral joint — diminishes.

Tibia. The left tibia is marked with a considerable widening of its upper end, including *condylus lateralis*. Because the bone from the medial side is concave it was the inner *condylus* which supported the main load. It is possible that the curved form of the bone was also due to either carrying heavy burdens from the young age or to the O-shaped form of the person's legs. The condyluses are elongated in the sagittal directions too. The projection of the *condylus medialis* back from the level of the bone's body is approximately 1.7cm. This bend of the bone (i.e. of its upper part) is consequent, most likely, on the backward displacement of the coxa and, accordingly, of the center of gravity of the body.

The relief on the reverse surface of both tibias which corresponds to the relevant line of the *musculus soleus* (i.e. of the third head of *musculus triceps surae*) is very well developed. It does not project over the bone body's level strongly but is rather vast so that the *foramen nutricum* is located directly in the *asperitas*. The pronounced character of this relief and of that of the femoral epicondyluses is indicative of the powerfullness of the shin triceps and, consequently, of the great efforts the person applied to bend his foot. And, thus, we suppose once again that the man in question had to walk much and carry heavy loads at that.

Unfortunately, practically no *tuberositas tibiae* has survived on the bones and therefore no more exact conclusion can be drawn as to the extent of development and training of the quadricepses of both legs.

On the left *fibula* good development of *margo interosseus* can be noticed. But, unfortunately, only a fragment of the body was available to us. No right bone has survived in the excavated grave.

To summarize the description of the skull from grave 1141 it can be said that it has medium parameters of facial skeleton typical of adult males. The mentioned wide forehead and great upper breadth of the face produce an impression of some infantility of the appearance of the person buried. In addition he was characterized by a very broad nose and alveolar prognathism. Our study of the postcranial skeleton has shown that it belonged to a male dwarf with shortened extremities and, possibly,

a normal trunk. His stature was approximately 128.4 cm. Some specific features of the skeleton's long bones and the development of the muscular relief allow a supposition that the dwarf could be involved in carrying heavy loads on his shoulders, back or with his arms over his head. These could be, for examples, bags with grain, stones, vessels with water, etc. To sum it all up the human remains found in the burnt grave belonged possibly to a middle aged man suffering from hypochondroplasia. In cases of such kinds of diseases connected with genetic disturbances, mental and sexual development of people remains normal.

One more dwarf was unearthed from a recessed grave (1172) where in the capacity of a dromos a chronologically and stratigraphically earlier burnt pit-grave was used. The recess was arranged in the western wall of the dromos at the depth of 130 cm from the day surface. The skeleton lay contracted on its right side so that its wrists were in front of the chest. The skull's bones were crushed completely. Grave goods in the form of two ceramic vessels and one bronze rod were found at the head. Age of the buried person was determined by the teeth to be 8-9 years. The state of the skeleton's preservation was very bad it was impossible therefore to fix the bones and measure them on an osteological board. However, approximate length parameters we were able to obtain with the help of a measuring tape directly in the grave (Plate 23. See p.129).

Table 23

Basic osteometric characteristics of the skeleton from grave 1172 See p.129

Characteristics (Ch); Size (Sz)

Maximum length of humerus (HL); Maximum length of ulna (UL); Maximum length of femur (FL); Maximum length of tibia (TL); Length of the trunk from the atlas (TrL).

According to the data of A.P. Bondyrev these parameters of the extremities and of the trunk correspond to those of 4-5 years-old boys or 5-6 years-old girls. Considering the real age as determined by teeth and the body's measurements, a conclusion can be drawn about low rates of the individual's growth and development. Index of scelia according to Manouvrier is 64.5 which fact points to a case of extreme brachyscelia. It is evident that the individual had very short extremities even for such a small stature. By the age of 8-9 years a child had to be through the first growth leap and change the proportions to dolichomorphous, but the actually retained proportions like those of a «small child» may be indicative of retardations in the development of this individual. Here we have

probably another example of unproportional growth disruption which is not always expressed in early childhood. Such kinds of dwarfness is connected as a rule with achondroplasia or hypochondroplasia. An exact diagnosis is possible only if the skull is available.

And, at last, the last burial (grave 1555) is a subrectangular (80x65) burnt inside pit up to 50 cm deep. It contained the skeleton of a baby about 2-2.5 years old. It lay contracted on its right side, face south. An unusual feature in this case was the nonstandard form of the baby's skull with its distinctly sagging occipital part (Pl.1, №1; 11, №8). Such a form of cranium is rather rare, being identified as batrocephalic. It may be indicative of inborn forms of oligophrenia with a very low intellect coefficient (mental debility — IQ=51-90). Bathrocephalic individuals can probably live up to an adult state because there are a few examples of this pathology found in the remains of adult people from the Okunevo cemetery.

Adjoining this grave was another one of greater sizes which yielded bone fragments of an adult individual, probably female. It seems possible that we have to do here with a twin burial of a mother with a sick child.

Pathological changes in the osteological system

Degenerative-dystrophic changes and diseases take place in all the joints as a result of decreased elasticity of the arthroidal cartilage in consequence of natural aging, inflammation processes, prolonged microtrauma or overstraining. In some individual cases the skeletons of the Gonur necropolis exhibited such pathological changes as deforming arthrosis, spondyloarthrosis, fixing ligamentosis. In particular, four cases of degenerative-dystrophic disease of the spine — osteochondropatia — were registered. One of these skeletons (grave 410) was affected by a generalized form spondyloosteochondrosis. On the disk edges of the waist spondyles of this skeleton there are strong osteous outgrowths — osteophytes which fringe the spondyles in the form of rose petals. In addition the frontal surface of the 4th and 5th spondyles is affected by strong ossification of the frontal longitudinal ligament which is characteristic of such a disease as fixing ligamentosis.

Traumatic injuries of bones

Traumatic injuries on the skeletal remains of the Gonur necropolis have been registered in two cases only. In one case (grave 1265) it was irregular knitting of the fracture of the left clavicle with strong osteous callosities, and in the other — a knife

injury in the spine with the tip of the blade stuck in the body of the spine. The insignificant number of trauma and pathological changes as registered on the basis of the available osteological material is due, as it has been already noted, to the very bad state of survival of the bone material.

The diseases of people of ancient Magriana were, we should think, more diverse and not that rare. However, the bad state of survival of the osteological materials does not allow us to always draw conclusions with exceptional exactness.

Conclusion

The anthropological description of the cranio-logical series from the necropolis of Gonur-depe allows making the following main conclusions. The agrarian population of Gonur which had absorbed descendants of the most ancient populations of both South-Turkmenistan and neighbouring territories, belonged unquestionably to the range of the South-Europoid populations which created a flourishing civilization. The long duration of life and high fertility of the population created prerequisites for its rapid growth in urban conditions which in their turn caused later the spreading of infectious diseases which were probably a frequent cause of the loss of children of younger ages and of child-bearing women of the main reproductive period. The registered by the results of the palaeodemographic research ratio between men and women show predominance of the latter in this population. As such a ratio does not correspond to the normal biological distribution of the sexes (1:1), it can be supposed that some portion of women (about 36%) could have been either included into the population's composition from outside or that a group of newcomers to the new territory could have elbowed out some portion of the local men and included local women into their own composition. No phasic differences are observed archaeologically either in the burial ritual or in grave goods so that if the second supposition is correct then the population which founded Gonur-depe and inhabited it had most likely arrived to this territory not in one but in several waves.

The general cranial parameters of the skulls from the Gonur necropolis are typical enough of the synchronous (Bronze Age) population of the Middle East from Mesopotamia in the west to North-western India in the east. The earliest foundation here is the population which took shape as a result of a long process of mixing between Tropoids (who were most probably Veddo-Australoids from the racial point of view) and Holarctoids

(i.e. ancient Europoids from the same racial point of view). In the northern direction (i.e. in the direction of the Great Eurasian Steppe) the Tropoid admixture diminishes and in the case of the most remote cranial series (Okunevo-culture, Karasuk-culture, Plate-grave culture of the Trans-Baikal area) it seems to be absent completely.

This conclusion stands in agreement with the changeability of the other craniometric and angular characteristics of the cranial and facial skeleton. In many of them the Gonur series exhibits variations from the smallest to the greatest values of the traits which is an impressive fact in favour of its heterogeneity both from the point of view of the more archaic and more developed forms registered in it, and from the point of view of the presence of a Veddoid admixture which evidences participation of this component in the formation of the anthropological type of the Gonur people.

The odontological parameters of the Gonur series also show that in the complex of its traits it differs both from the ancient and from the modern Europoid series in the weakening in it of the complex of traits of the western odontological stem, while the eastern traits are expressed in it indistinctly either. It is possible to either class the Gonur population as belonging to the group of undifferentiated odontological types or to describe it as having a mixed (between western and eastern odontological stems) character. In both these cases the population of the Gonur necropolis occupies a peripheral position, while exhibiting similarity by the level of its eastern traits complex to a majority of the ancient Europoid series and coming closer to the modern population of South and South-Eastern Asia (Oraons, Munda and Viets) — in the level of expression of its western complex. The latter circumstance allows both linking the certain specificity of the Gonur population with their contacts with representatives of the same area, and including it into that ancient anthropological substratum which had formerly been rather widespread on the territory of Fore-Asia and North India.

The analysis of the osteometrical parameters in spite of all their fragmentary character makes it possible to suggest that both the female and male portions of this population find similarity in the length and proportions of the body both with the local population and with the inhabitants of the areas lying farther to the south-east.

On the whole, considering the mosaic state of knowledge in the complexes of anthropological characteristics of both modern and ancient populations of the Fore-Asian area, it should be pointed out that the population studied here exhibits a

sufficiently unique complex of anthropological characteristics which might either be a consequence of some processes of mixing (which case seems to be less probable to the authors) or represent the most ancient population of the Middle East incomparable by the degree of differentiation of its anthropological characteristics with the modern inhabitants. Having a rather archaic morphology and a number of traits bringing them closer to Vedoids, in the variations of the basic parameters of their skulls the Gonur people find their nearest parallels with the population of the southern regions of Uzbekistan, North Pakistan and North India.

Bibliography

- Acsadi Gy., Nemesceri J.* History of human life span and mortality. Budapest, 1970.
- Alciati G.* I resti ossei umani delle necropoli dello Swat (W. Pakistan). P.1. Butkara II // Istituto di antropologia dell'universita di Roma. Roma, 1967.
- Alekseev V.P.* Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanij. M., 1966.
- Alekseev V.P., Debetz G.F.* Kranimetriya. Metodika antropologicheskikh issledovanij. M., 1964.
- Alekseev V.P., Khodzhayov T.K., Khalilov Kh.Kh.* Naseleniye verkhoviyev Amudaryi po dannym paleoantropologii. Tashkent, 1984.
- Altukhov N.V.* Anatomiya zubov. M., 1913.
- Bagashev A.N.* Paleoantropologiya Zapadnoj Sibiri. Novosibirsk, 2000.
- Bernhard W.* Ethnische Anthropologie von Afganistan, Pakistan und Kashmir. Stuttgart- N.-Y., 1991
- Bernhardt W.* Human Skeletal Remains from the Cemetery of Timargarha // Ancient Pakistan. Bulletin of the Department of archaeology University of Peshawar. Vol. III. 1967. P. 291-407
- Bernhardt W.* Human Skeletal Remains from the Prehistoric Cemetery of Sarai Khola // Pakistan Archaeology. N 6. 1969. P. 100-115.
- Brothwell D.R.* Digging up Bones. L, 1963.
- Bunak V.V.* Osnovniye morfologicheskiye tipy cherepa cheloveka i ikh evolutsiya // Russkij antropologicheskij zhurnal. 1922. T. 12, Kn. 1-2.
- Cappieri M.* The Iranians of the Copper Bronze Ages. Florida, 1973.
- Cheboksarov N.N.* Osnovniye napravleniya rasovoj differentsiatsii v Vostochnoj Azii // TIE. Nov. Seriya. T. 11. M., 1947.
- Dani A.H.* Timargarha and Gandhara grave culture // Ancient Pakistan. Bulletin of the department of archaeology university of Peshawar. Vol. III. 1967.
- Debetz G.* Paleoanthropologie de l'Eurasie septentrionale // Atti del VI Congresso Internazionale delle scienze preistoriche e protostoriche. I. Relazioni generali. Roma, 1962.
- Dutta P.C.* The bronze age Harappans. Calcutta, 1983.
- Ehrhardt S.* Uber protohistorische menschliche Skelettfunde in Vorderindien // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. Bd. 56. Stuttgart, 1965. S. 33-52.
- Gerasimov M.M.* Vosstanovleniye litsa po cherepu cheloveka. M., 1955.
- Ginzburg V.V., Trofimova T.A.* Paleoantropologiya Crednej Azii. M., 1972.
- Khodzhayov T.K.* Antropologicheskij sostav epokhi bronzi Sapallitepa. Tashkent, 1976.
- Khodzhayov T.K.* Etnicheskiye protsessy v Sredney Azii v epokhu srednevekovya. Tashkent, 1987.
- Khodzhayov T.K.* Paleoantropologiya drevnego Uzbekistana. Tashkent, 1980.
- Khodzhayov T.K., Khalilov Kh.Kh.* Cherepa epokhi bronzy iz mogilnikov Jarkutan i Bustan (raskopki 1975 g.) // Istoriya materialnoj kultury Uzbekistana. №14. 1978a. C. 43-50.
- Khodzhayov T.K., Khalilov Kh.Kh.* Noviy material k paleoantropologii drevnej Baktrii // Sovetskaya etnografiya. 1978. №5. S. 130-133.
- Kiyatkina T.P.* Formirovaniye antropologicheskogo tipa tadzhikov po paleoantropologicheskim dannim. Aftoreferat diss... kand. istor. nauk. Dushanbe, 1965.
- Kiyatkina T.P.* Formirovaniye antropologicheskogo oblika naseleniya Tadzhikistana. M., 1964.
- Kiyatkina T.P.* Kranilogicheskiye materialy epokhi pozdney bronzy Yuzhnogo Tadzhikistana // Problemy etnicheskoy antropologii i morfologii cheloveka. L., 1974. C. 22-35.
- Kiyatkina T.P.* Materialy k paleoantropologii Tadzhikistana. Dushanbe, 1976.
- Kiyatkina T.P.* Paleoantropologiya zapadnykh rayonov Tsentralnoj Azii epokhi bronzy. Dushanbe, 1987.
- Mamonova N.N.* Opredeleniye dliny kostey po ikh fragmentam // Voprosy antropologii. Vyp. 29. M., 1968, p. 171-177.
- Masson V.M., Kiyatkina T.P.* Man at the Dawn of Civilization // Bronze age civilization of Central Asia. Armonk, N.-Y. 1981. P. 107-134.
- Pardini E., Savari-Negahbah A.* Craniologia degli Inhumati di Shahr i Sokhta (Sistan, Iran). Estratto anticipato dall'Archivio per l'Anthropologiae la Ethnologia. Vol. CVI, Firenze, 1976. S. 1-49.
- Passarello P., Macchiarelli R.* La necropolis proto-storica di Katelai (Swat, Pakistan) // Estratto della Rivista di Antropologia. Vol. LXV. Roma, 1987. P. 5-104.
- Pestryakov A.P.* Differentsiatsiya bol'shoj mongoloidnoj rasi po dannim generalizovannikh totalnikh razmerov cherepnoj korobki // Istoricheskaya dinamika rasovoj i etnicheskoy differentsiatsii naseleniya Azii. M., 1987.
- Pestryakov A.P.* Geograficheskaya i khronologicheskaya izmenchivost totalnikh razmerov i formi mozgovogo cherepa na territorii SSSR // Edinstvo i mnogoobrazie chelovecheskogo roda. Chast 1. M., 1997.
- Pestryakov A.P.* Khronologicheskaya izmenchivost totalnikh razmerov i formi mozgovogo cherepa kak pokazatel edinstva morfologicheskoy evolyutsii chelovechestva // Rasy i razizm. Istoriya i sovremennost. M., 1991.
- Pestryakov A.P.* Rasi cheloveka v kranilogicheskoy klassifikatsii naseleniya tropicheskogo poyasa // Sovremennaya antropologiya i genetika ras u cheloveka. M., 1995.
- Rathbun T.A.* An analysis of Skeletal material excavated at Hasanlu, Iran. M.A. Thesis. Univ. of Kansas, 1966. Published by Field Research Projects, 1972.
- Rathbun T.A.* The analysis of Physical characteristics and application to protohistorical and historical prob-

Identification of animal bones from the Gonur necropolis

We have been provided with materials for osteological analysis, originating from several graves of the Gonur necropolis. The place is some 80 kilometers to the North from Bairamali, Republic of Turkmenistan (excavations by V.I Sarianidi). Archaeological evaluation of the age of burials — 2100 B.C.

Package №1 Burial 1172

The materials: fragments of tubular bones — two tibiae, two humeri, and one femur. All bones are without epiphyses and in poor condition. Fragments of ribs and clay monolith with fragments of a skull and lower jaw were also found here. Probably all the bones belonged to one animal. Measuring the teeth — P⁴ and M1 and the lower jaw, and comparing the results with data on measurements of dog skulls (different breeds) and Central Asian wolves from collection of Zoological Museum of the Moscow State University gives us an opportunity to conclude that these remains belonged to a large dog. Unfortunately, the collection materials are not complete in terms of culls, representing different breeds of dogs, and the existing materials are not representative for ancient dog breeds. All this makes it impossible to give a more definite interpretation of the remains. However one can note that, judging from the measurements, the remains belonged to a large and powerful dog of a Mastiff type. This type includes both specialized and unspecialized dogs like mastiffs, Central Asian sheep-dog and other breeds, but not hounds like Russian borzoi. Poor condition of tubular bones prevents us from evaluating the dog's constitution.

Package №2. The sign: Spring-2001, Gonur, necropolis. Burial 2087

The materials: several fragments of teeth in a very poor condition, only right and left M₁ and right P4. Measuring one of molars showed that the teeth most probably belonged to a wolf, but not to a large dog like it was in the burial 1172, excavated in the autumn of 2000. Nevertheless, limited amount of collection materials and fragmentary character of findings do not exclude the possibility that the remains belonged to a very large dog.

Package №2 The sign: Margiana-2001, Necropolis of Gonur, burial 1800. 26.04.2001-07-14

The materials: fragment of an upper fang of a predator, representing the dog family (Canidae). Measuring showed that most probably it belonged to a large dog. It is not possible to speak about ritual burial in this case, since no other remains were found with the fang. But the fang could be a decoration, amulet, etc.

Doctor of Biological Sciences,
Head, Research Team in Historical Ecology,
A.N. Severtsov Institute of Ecological and Evolutionary Problems,
Russian Academy of Sciences,

Savinetsky A.B.

БИБЛИОГРАФИЯ BIBLIOGRAPHY

- Аванесова Н.*, 1995 — Новое в погребальном обряде Сапаллинской культуры // Археологические новости. N.4. С.-Пб.
- Авилова Л., Терехова Н.*, 1989 — Древнейшая металлургия Старого Света // СА, N.3.
- Алекишин В.*, 1986 — Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.
- Аскарлов А.*, 1977 — Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
- Аскарлов А., Ширинов Т.*, 1993 — Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Ташкент.
- Бобомуллоев С.*, 1999 — Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зеравшане // Stratum, С.-Пб.
- Виноградова Р.*, 1991 — Могильник Тандырайул в южном Таджикистане // МАИКЦА. Вып. 18
- Виноградова Н., Пьянкова Л.*, 1990 — Могильник Кумсай в южном Таджикистане // МАИКЦА. Вып. 17.
- Дайсон Р., Ховард С.*, 1983 — Повторное изучение памятника Тепе Гиссар // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Ташкент.
- Дьяконов И.* 1967 — Языки древней Передней Азии. М.
- Ермолова Н.* 1886 — Материалы к изучению скотоводства и охоты в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы // Древние цивилизации Востока. Ташкент
- Елизаренкова Т.* 1972 — Ригведа. Избранные гимны. М.
- Жарриж Ж.*, 1982 — Связи Белуджистана и Средней Азии в свете работ в районе Мергара // Древнейшие культуры Бактрии. Душанбе.
- Клименко В., Прусаков Д.*, 1999 — Изменение климата в северном полушарии в конце III — начале II тыс. до н.э. и второй социально-экологический кризис в Древнем Египте // Восток. М.
- Клочков И.*, 1997 — Глиптика Маргианы // ВДИ, № 1.
- Крюкова В.*, 1997 — Смерть и похоронный обряд в зороастризме // Хисматуллин А., Крюкова В. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. С.-Пб.
- Кузьмина Е.*, 1994 — Откуда пришли индоарии? М.
- Кузьмина Е.Е.*, 2000 — Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ, № 4.
- Куфтин Б.*, 1956 — Отчет о работах XIV отряда ЮТАКЭ // Труды Южнотуркменистанской Археологической Экспедиции. Т. VII. Ашхабад.
- Литвинский Б.*, 1972 — Курганы и курумы западной Ферганы. Москва.
- Литвинский Б., Седов А.*, 1983 — Тепаи-Шах. Москва.
- Литвинский Б., Седов А.*, 1984 — Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М.
- Массон В.*, 1989 — Первые цивилизации. Л.- М.
- Медоу Р.*, 1994 — Длительность существования земледелия в большой Индской долине и наступившие в нем перемены // МАИКЦА. Вып. 19.
- Мейтерчиан М.*, 1999 — Погребальный обряд зороастрийцев. М.
- Ньоли Г.*, 1989 — Археология и проблема происхождения зороастризма: новые перспективы // ВДИ, N.2.
- Парпола А.*, 1994 — Маргиана и проблема арьев // МАИКЦА. Вып.19.
- Рапопорт Ю.*, 1971.- Из истории религии Древнего Хорезма, М
- Ренфрю К.*, 1998 — Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индоевропейская проблема // ВДИ, N.3.
- Рындина Н., Коньков Л.*, 1982 — О происхождении больших усатовских кинжалов // СА, N.2.
- Сарианиди В.*, 1972 — Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане // КСИА. Вып.132.
- Сарианиди В.*, 1973 — Статуэтка лошади с Алтын Депе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Сарианиди В.*, 1976 — Исследование памятников дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. М.
- Сарианиди В.*, 1978а — Древние земледельцы Афганистана. М.
- Сарианиди В.*, 1978б — Древнейшие топоры Афганистана // СА. N.2.
- Сарианиди В.*, 1979 — Косметические флаконы Бактрии // СА.N.2.
- Сарианиди В.*, 1982 — Новый центр древневосточного искусства // Археология старого и нового света. М.
- Сарианиди В.*, 1988 — Юго-Западная Азия: миграции, арии и зороастрийцы.// МАИКЦА, вып. 13.
- Сарианиди В.*, 1990 — Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сарианиди В.*, 2000 — Дворец северного Гонура // ВДИ, N.4
- Снесарев Г.*, 1960 — Маздеистская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии // XXV Международный конгресс востоковедов. М.

- Снесарев Г., 1969 — Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.
- Хиберт Ф., 1994 — Хронология Маргианы и радиокарбонные даты // МАЙКЦА. Вып. 19.
- Хлопин И., 1983 — Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.
- Хлопин И., 1997 — Энеолит юго-западного Туркменистана. С-Пб.
- Agrawal D., 1971 — The Copper Age in India. New Delhi.
- Alkim H.B.O., 1988 — Jkkiztepe. Ankara.
- Amiet P., 1986 — L'Age des Echanges Inter-Iraniens. Paris.
- Amiet P., 1997 — La Gliptique Transelamite // De Chypre a la Bactriane. Paris.
- Antonini S., 1973 — More about Swat and Central Asia // East and West. Vol. 23, N.3-4. Rome.
- Antonini S., Stacul G., 1972 — The Proto-Historic Graveyards of Swat (Pakistan). Roma.
- Arik R., 1937 — Les Fouillies D'Alacha Hoyuk. Ankara.
- Aruz J., Harper P., Tallon F.(ed), 1992 — The Royal City of Susa. N.Y.
- Bell B., 1971 — The Dark Ages in Ancient History // American Journal of Archaeology. Vol. 75, N.4.
- Bell B., 1975 — Climate and the History of Egypt // American Journal of Archaeology. Vol.79, N.3
- Bittel, et all, 1975 — Das Hethitische Felscheilington. Berlin.
- Bittel et all, 1984 — Bogazkoy VI. Berlin.
- Blegen C., 1963 — Troy and Troyans. L.
- Boehmer R., 1972 — Die Kleinfunde von Bogazgey. Berlin.
- Boroffka N., Sava E., 1998 — Zu den Steinernen «Zeptern/stossel-Zerpent», «Miniatursaulen» und «Phalli» der Bronzezeit Euvrasien // Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 3. Berlin
- Boyce M., 1982, 1989 — A History of Zoroastrianism, Leiden.
- Burney C., 1977 — From Village to Empire. L.
- Carter E., Parker A., 1995 — Pots, people and the archaeology of death in Northern Syria and Southern Anatolia in the latter half of the Third Millennium B.C. // The Archaeology of death in the ancient Near East. (ed.) S.Campbell and A.Green. Oxford.
- Christie's, 1994, New York.
- Curtis J., 1989 — Ancient Persia. L.
- Collon D., 1995 — Ancient Near Eastern Art. L.
- Dalton D., 1964 — The Treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal work. L.
- Dani A., 1967 — Timargarha and Gandhara grave culture // Ancient Pakistan. Vol. III. Peshaver.
- EIEC, 1997- Indo- Iranian Languages.
- Fischer F., 1963 — Keramik von Bogazgay, Berlin.
- Fritsch C., 1997 — Butkara II revisited // East and West. Vol. 47. N.4. Rome.
- Gallerie Nefer, 1993 — Ancient Jewellery from the Near East and Egypt. Zurich.
- Glock A.(ed), 1988 — Minuscule monuments of ancient art. New Jersey.
- Greene F., 1987 — in Abstract Iranica. N.10
- Haerinck E., Overlaet B., 1999 — Djub-i Gauhar and Gul Khanan Murdah Iran Age III Graveyards in the Aiwan Plain. Luristan Excavations Dokuments. Vol. III Brussel.
- Hakemi A., 1997 — Shahdad, Archaeological excavations of a Bronze age center in Iran. Rome.
- Herzfeld E., 1988 — Iran in the ancient East. L.
- Hansen L., 1980 — Death and the Indo-Europeans: Some Traditions // Journal of Near East Studies. N.8.
- Huot J., 1971 — in Persia. Vol.1. L.
- Jarridge J., et all., 1979 — Fouilles de Pirak. Paris.
- Jarridge J., Hassan M., 1989 — Funerary Complexes in Baluchistan at the end of the Third Millennium in the Light of Recent Discoveries at Merghar and Quetta // SAA 1985.
- Jarridge J., Quivron B, 1999 — The Indus Valley and the Indo-Iranien borderlands at the end of the 3rd and the beginning of the 2th Millennium // SAA 1999. Leiden.
- Jones-Bley K., 1997 — Defining Indo-European burial.Variation the Indo-Europeans past // Journal of Indo-European Studies. N.19. Washington.
- Kenoyer J., 1998 — Birth of a Civilization // Archaeology. Vol. 51. N.1.
- Kuzmina E., 1999 — Chariot warriors on their way from East Europe to India // SAA'99. Leiden.
- Lamberg-Karlovsky C., 1997 — Tepe Yahya // Oxford encyclopedia of Archaeology in the Near East. Vol. V, Oxford.
- Lamberg-Karlovsky C., Tosi M., 1973 — Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Tracts on the early history on the Iranian plateau // East and West. Vol. 23.
- Leik C., 1991 — A dictionary of ancient Near Eastern mythology. L.-N-Y.
- Mallowan M., 1937 — The Excavations at Tall Chagar Bazar and on Archaeology Survey of the Habur Region. // Iraq. Vol.IV. L.
- Mallowan M., 1947 — Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. Vol. IX. L.
- Mallory J., 1989 — In Search of the Indo-Europeans. Language, archaeology and myth. L.
- Mallory J., 1991 — In Search of the Indo-Europeans. L.
- Marchall J., 1931 — Mohenjo -Daro and Indus civilization. L.
- Maxwell-Hyslop R., 1989 — in «Anatolia and the Ancient Near East». (ed) K.Emre, B. Hrouda, M.Melink, N. Ozguch. Ankara.
- Mellaart J., 1967 — Chatal Huyuk. L.

- Merlin M., 1984 — On the Trail of the ancient Opium Poppy. L.
- Muller W., 1971 — Troya. Leipzig.
- Oats D., Oats J., McDonald H., 1997 — Excavations at Tell Brak. L.
- Ortis G., 1996 — Pursuit of the absolute art of the ancient world. L.
- Osten H., 1956 — Svenska Syrien Expeditionen.
- Ozguch T., 1969 — Altin Tepe. Ankara.
- Ozguch T., 1988 — Innandiktepe. Ankara.
- Ozguch T., Ozguch N., 1953 — Kultepe-Kanisi Raporu. Ankara.
- Parpola A., 1998 — Aryan languages, archeological cultures, and Sinkiang: Where did proto-Iranian come into Being, and how did it spread? // Journal of Indo-European Studies Monograph. Vol.26. N. 1. Washington.
- Petlenburg E., 1997 — From Jerablus to Susa: Notes on cylinder seals impressions with quadruple Spirals // De Chypre a la Bactriane, les Sceaux du Proche-Orient Ancien. Paris.
- Pittman H., 1984 — Art of the Bronze Age. N.-Y.
- Potier M-E., 1984 — Materiel funeraire de la Bactriane meridionale de l'age du bronze. Paris.
- Potts T., 1994 — Mesopotamia and the Near East. Oxford.
- Porada E., 1965 — The art of ancient Iran. N.-Y.
- Porada E., 1982 — Remarks on the Tod treasure in Egipt // Societies and languages of the ancient Near East. Studies in Honor of I.M. Diakonoff. (ed) M. Dandamaev.
- Porada E., 1989 — A Footnote Rudi Wittkower's «Eagle and Serpent» // Source Note in the History of Art. Vol. VIII-IX. N.-Y.
- Salvatori S., 1993 — The Discovery of the graveyard of Gonur-Depe I. Preliminary report // Rivista di Archeologia. Anno XVII. Rome.
- Salvatori S., 1994 — Excavations at the Namazga V Late Graveyard of Gonur // Rivista di Archeologia. Anno XVIII. Rome.
- Salvatori S., 1995 — Gonur-Depe: The Middle Bronze Age Graveyard. Preliminary Report // Rivista di Archeologia. Anno XIX. Rome.
- Sarianidi V., 1971 — North Afghanistan in the Bronze period // Afghanistan. Vol. XXIV. N.2-3. Kabul.
- Sarianidi V., 1986 — Die Kunst des alten Afghanistan. Leipzig.
- Sarianidi V., 1994 — Margiana and the Indo-Iranian world. // South Asian Archaeology, 1993.
- Sarianidi V., 1996 — The Biblical lamb and the funeral rites of Margiana and Bactria // Mesopotamia. Vol. XXXI. Turino.
- Sarianidi V., 1998 — Margiana and Protozoroastrism. Athens.
- Sarianidi V., 1998a. — Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. M.
- Schmidt E., 1932 — The Alishar Huyuk. Chicago.
- Schmidt E., 1937 — Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia.
- Seeher J., 2000 — Die Bronzezeitliche Necropolis von Demichihuyuk-Sariket. Tubungin
- Sotheby's Antiquiti, 1992. L.
- Stacul G., 1970 — Tegraï. Pottery in the Swat valley and the Indo-Iranian connections // East and West. Vol.20. Rome.
- Stacul G., 1975 — The fractional burial customs in the Swat valley and some connected problems // East and West. Vol.25. Rome.
- Stacul G., 1987 — Prehistoric and Protohistoric Swat, Pakistan. Rome.
- Stein A., 1931 — An archaeological tour in Gedrosia // Memoires of Archaeological Survey of India. N.43.
- Stein A., 1937 — Archaeological reconnaissances in North Western India and South Eastern Iran. L.
- Sten S., Boden K., Edens K., Keith K., Mc-Machen A., 1996 — Excavations at Hacinebi, Turkey // Anatolice. Vol. XXIII. Leiden.
- Strommenger E., 1985 — // Ebla and Damascus. (ed.) H.Weiss. Washington.
- Strommenger E., Kohlmeyer K., 1998 — Tall Bi'A Tuttul. Die Altorientalischen Bestattungen. Saarbrücken.
- Tucci G., 1997 — On Swat. The Dards and connected problems // East and West. Vol. 27. Rome.
- Zimmerman J-L. — Ancient art from the Barbier // Muller Museum. N.-Y.
- Vinogradova N., 1996 — Kangurtut: The ancient agricultural burial ground in Southern Tadjikistan // МАИКЦА. N 20.
- Winkelman S., 1999 — Elam-Beluchistan-Baktrien: Wo liegen die Verlauffer der Hockerplastiken der Induskultur? // Irannica Antiqua. Vol. XVIII. Leiden.

ABBREVIATURE

- ВДИ — Вестник Древней Истории
- КСИА — Краткие Сообщения Института Археологии
- МАИКЦА — Международная Ассоциация по Изучению Культур Центральной Азии.
- СА — Советская Археология.
- EIEC — Encyclopedia of Indo-European Culture (ed. J.Mallory and D.Adams). Chicago.

Виктор Сарианиди
Некрополь Гонура и иранское язычество

(í à ðóææŒî Ì Ì àí º ÌØæŒî Ì)ÿçßŒà₁

Компьютерная верстка

Шеришорин С.В.

Редактор

Дубова Н.А.

ООО «Мир-медиа» World media
125047, Москва, ул. Чайнова, д. 20.
Лицензия ИД №ПИ №77—1814

Подписано в печать 11.11.01.

Формат А4. Гарнитура «QuantAntigua».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,3.

Тираж 10000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.